

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

**Выпуск № 1
2016**

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2016

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Багдасарян А. О. Историография изучения проблемы защиты населения в России в годы Первой мировой войны.....	7
Беликов А. П. Римляне и греки: причины взаимной неприязни.....	14
Бехтерева Л. Н. Становление и развитие уголовно-исполнительной системы в 1920-е гг. (региональный аспект).....	20
Булыгина Т. А. К вопросу об изучении в 1940-е – 1990-е гг. некоторых проблем интеллектуальной истории советского общества.....	25
Дмитриев В. А. Об актуальности категории «этнографический факт»: Часть 2. Факт и информация.....	31
Дударев Д. С. Некоторые произведения мемуарной литературы о «кавказских пленниках» и проблема российского ориентализма.....	37
Дюльденко А. А. Сведения И. Иерига в зарубежной периодической печати конца XVIII – первой половины XIX вв.....	42
Колосовская Т. А. Из истории военно-разведывательного изучения Северного Кавказа (по материалам эльбрусской экспедиции генерала Г. А. Емануеля 1829 г.).....	47
Ким И. К. Общественно-политический резонанс заключения в Брестской военной тюрьме деятелей польской оппозиции в 1930 г.....	53
Клычников Ю. Ю. Историко-археологическое изучение Северо-Западного Кавказа в первой половине XIX в. (по материалам Государственного архива Краснодарского края).....	59
Крючков И. В. А был ли кризис? Промышленность Венгрии в конце XIX века в донесениях российских дипломатов.....	64
Медвенский Н. И. Боевые действия в горах Абхазии в ходе битвы за Кавказ 1942–1943 гг. Марухское направление. I этап.....	71
Невская Т. А., Кондрашева А. С. Роль Кавказского Наместничества в развитии русско-грузинских отношений (1844–1881 гг.).....	77
Пантюхина Т. В. Клара Бартон – «ангел на полях сражений» Гражданской войны в США.....	85
Печалова Л. В., Судацков Н. Д. Участие кооператоров Ставрополя в обеспечении госпитальной базы Кавказских Минеральных Вод в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).....	90
Польская С. А. Архиепископ Реймский Хинкмар и формирование основ королевского культа французской монархии.....	95
Пономарев Е. Г. Начало истории российского парламентаризма и многопартийности.....	100
Птицын А. Н. Хорватские профессора российских университетов в 70–80-е гг. XIX в....	105
Романова Н. В. Деятельность партийных органов Ставрополя и Кубани в эпоху «оттепели» по осуществлению культурной политики.....	110
Танцеева А. В. «Утро жизни»: образ советской повседневности 1920-х годов в фотоочерках «Огонька».....	116
Тельменко Е. П. Образ «истинной вдовы» в трактате Джироламо Савонаролы «Книга жизни вдов».....	121
Ткаченко Д. С. Военная повседневность в художественных образах (на материалах творчества Брюса Бэрнзфазера).....	126
Хошафян Е. А. Теоретико-методологические аспекты системного исследования локальных этнических сообществ микроисторического региона (на примере Мясниковского района Ростовской области второй половины XX столетия).....	134
Шевцова О. Н. Образы и сюжеты истории казачества в трудах историков первой половины XIX в. (В. Д. Сухоруков, А. М. Туренко).....	138

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Апольский Е. А. Учения о праве и государстве как предмет отечественной дореволюционной диссертационной разработки (XIX в. – 1917 г.).....	143
Ахметова Г. М. О некоторых особенностях формирования политических режимов в современных государствах Балтии.....	150
Джамирзе Б. Ю. Вопросы правового регулирования приостановления действия лицензии, выданной юридическому лицу.....	154
Захарова М. А. Правовая организация территориальных структур центральных органов государственного управления на первоначальном этапе становления советской власти в России.....	160
Марулина А. Х., Петрова Л. В. Свобода труда или право на труд: поиск оптимальной законодательной формулировки в российской конституции.....	165
Смирнов Д. А., Амвросова О. Н. Актуальные проблемы налогообложения земли на современном этапе.....	169
Станкевич Г. В., Касевич Е. В. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля в РФ и странах ЕС.....	175

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Агаджанян А. А. К. И. Чуковский-переводчик: портрет и автопортрет в метатексте.....	181
Бублик Е. В. Роль ритмико-синтаксических вариаций в реализации синергетического потенциала триолета.....	186
Головко В. М. Культуро-историческое наследие Я. В. Абрамова как объект новой локальной истории.....	191
Гладкова А. С. Субъектная рефлексия в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» как средство выражения поэтизации прозы.....	196
Дюмон Н. Н. Структурно-стилистические характеристики детектива Ж. Сименона.....	201
Ломтева Т. Н., Решетова И. С. Национально-культурные ценности в языке публичных выступлений американских президентов: социолингвистический анализ.....	206
Пантюхова П. В., Решетова И. С. Фразеологизмы-этнонимы как элементы языкового кода в лексико-семантическом пространстве английского языка.....	210
Русанов Е. К. Интернет-дискурс в дискурсивной парадигме.....	214
Яковлева Е. В. Десемантизация как базовый принцип вербализации эмотивного начала междометных и релятивных конструкций.....	218

РЕЦЕНЗИИ

Покотилова Т. Е. Колосовская Т. А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв. / под ред. А. А. Кудрявцева. М.: Изд-во Каллиграф, 2015. 240 с.	222
Сведения об авторах.....	224

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

Bagdasaryan A. O. Historiography of the researching the problem of the civil defense in Russia in the First World War.....	7
Belikov A. P. The romans and greeks: the causes of mutual hostility.....	14
Behтерева L. N. Formation and development of the penitentiary system in the 1920s: (regional aspect).....	20
Bulygina T. A. On studying some problems of intellectual history of the Soviet society in the 1940s–1990s.....	25
Dmitriev V. A. The relevance the «ethnographic fact» category: part 2 the fact and information.....	31
Dudarev D. S. Some works of memoir literature of «prisoner of the Caucasus» and the problem of Russian orientalism.....	37
Diuldenko A. A. Data of J. Jährig in foreign periodical press at the end of XVIII – beginning of XIX centuries.....	42
Kolosovskaya T. A. A case for the North Caucasus military survey studying (based on the Elbrus expedition of the general G. A. Emanuel).....	47
Kim I. K. Social and political reaction to polish opposition figures' imprisonment in a military prison in Brest in 1930.....	53
Klychnikov U. U. The historical and archeological exploration of the North-Western Caucasus in the first half of the XIX century (according to the materials of Krasnodar state archives).....	59
Kryuchkov I. V. Hungarian industry at the end of the XIX-th century in reports of russian diplomats: myths and reality.....	64
Medvenskiy N. I. Combat operations in mountainous areas of Abkhazia during the battle for the Caucasus of 1942–1943. Maruch direction. I stage.....	71
Nevskaya T. A., Kondrasheva A. S. The role of the Caucasian governorship in the development of the relations between Russia and Georgia (1844–1881).....	77
Pant'yukhina T. V. Clara Barton – the «angel of the battlefield» in the US Civil War.....	85
Pechalova L. V., Sudavtsov N. D. Participation of Stavropol cooperators in provision of Caucasian mineral waters' hospital base during the Great Patriotic war (1941–1945).....	90
Polskaya S. A. Archbishop of Rheims Hinkmar and the establishment of the framework of royal cult of the French monarchy.....	95
Ponomarev E. G. Beginning of history of the Russian parliamentarism and multi-party system	100
Ptitsyn A. N. Croatian professors in Russian universities in 1870–1880.....	105
Romanova N. V. Implementation of cultural policy by Stavropol and Kuban party authorities in «Khrushchev thaw» age.....	110
Tantsevova A. V. «The morning of the life»: the images of the soviet everyday life in 1920-s in the photo reports in the «Ogonek» magazine.....	116
Telmenko E. P. The image of «the true widow» in Girolamo Savonarola's treatise «The book of widows».....	121
Tkachenko D. S. The images of a war routine (based on Bruce Bairnsfather's paintings).....	126
Hoshafyan E. A. Theoretical and methodological aspects of systematic investigation of the local ethnic communities in microhistorical region (by the example of Myasnikovsky district of Rostov region of the second half of the XX century).....	134
Shevtsova O. N. Images and plots of history of the cossacks in works of historians of the first half of XIX c. (V. D. Sukhorukov, A. M. Turenko).....	138

LEGAL SCIENCES

Apolski E. A. The doctrines of the law and the state as a matter of domestic pre-revolutionary thesis development (XIX c. – 1917).....	143
Akhmetova G. M. Some peculiarities of forming political regimes in modern Baltic states....	150
Dzharmidze B. Y. Some aspects of legal regulation of suspending a license issued to legal entity.....	154
Zaharova M. A. Legal organization of territorial structures of state administration central agencies in initial stage of establishing Soviet power in Russia.....	160
Marulina A. H., Petrova L. V. Freedom to work or the right to work: the search for optimal legal wording in the Russian Constitution.....	165
Smirnov D. A., Amvrosova O. N. Topical problems of land taxation at the present stage....	169
Stankevich G. V., Kasevich E. V. Problems of legal regulation of state financial control in the Russian federation and the EU.....	175

PHILOLOGICAL SCIENCES

Agajanjan A. A. K. I. Chukovsky – translator: a portrait and a self-portrait in the metatext.....	181
Bublik E. V. The role of the rhythmic and syntactical variations in realization of triolet synergetic potential.....	186
Golovko V. M. Cultural and historical heritage of Ya. V. Abramov as an object of new local history.....	191
Gladkova A. S. Subjective reflection in the novel of M. Lermontov «Hero Of Our Time» as a means of expressing the poetisation of prose.....	196
Djumon N. N. Structural and stylistic characteristics of detective stories by G. Simenon.....	201
Lomteva T. N., Reshetova I. S. National-cultural values in language of American Presidents' public speeches.....	206
Pantukhova P. V., Reshetova I. S. Evaluation function of the English-language borrowings in the modern language period.....	210
Rusanov E. K. Internet-discourse in discourse paradigm.....	214
Yakovleva E. V. Desemantization as the basic principle of verbalizing the emotive origin of interjection and relative constructions.....	218

REVIEW

Pokotilova T. E. Kolosovskaya T. A. The Russian military in the socio-cultural environment of the North Caucasus in 18th – 19th centuries / edited by A. A. Kudryavtsev. M.: Kalligraf-print, 2015. 240 p.	222
Information about the authors	227

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(47).083

А. О. Багдасарян

ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ
НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Несмотря на возросший интерес к событиям Первой мировой войны, многие ее аспекты до сих пор остаются недостаточно изученными. Среди них и вопросы защиты населения от воздушного нападения и химического оружия. Статья представляет собой обзор

основных публикаций, в которых освещаются вопросы защиты населения в России в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: защита населения, гражданская оборона, историография, первая мировая война.

А. О. Bagdasaryan

HISTORIOGRAPHY OF THE RESEARCHING THE PROBLEM
OF THE CIVIL DEFENSE IN RUSSIA IN THE FIRST WORLD WAR

Despite the increased interest in the events of the First World War, still many of its aspects are not thoroughly investigated. The issues of population protection from air attack and chemical weapons are among them. The article

presents the review of the main publications about civil defense in Russia in the First World War.

Key words: protection of population, civil defense, historiography, First World War.

Первая половина второго десятилетия XXI века отмечена знаменательными датами в области развития российской системы защиты населения и территорий: 80-летним юбилеем гражданской обороны в России (2012 год) и 25-летием основания главного федерального органа в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и ведения гражданской обороны – Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (27 декабря 2015 года). Обычно такие события дают возможность не только подвести итоги деятельности Министерства, наметить дальнейшие пути и цели ее совершенствования, но и обратиться к истории возникновения и развития системы защиты населения в России.

Считается, что необходимость создания системы, позволявшей проводить мероприятия по подготовке и защите населения от опасностей военного времени, возникла еще

в годы Первой мировой войны. Она была обусловлена стремительным развитием на рубеже XIX–XX веков научно-технического прогресса, способствовавшего созданию и совершенствованию новых средств вооруженной борьбы, в первую очередь авиации, дальноточной артиллерии, химического оружия и т. п. Отличительной стороной войны 1914–1918 годов являлось высокое напряжение экономических, материальных, человеческих и духовных ресурсов воюющих сторон, которое проявлялось не только в активных действиях на фронте, но и в тылу с целью дезорганизовать работу экономики и систему управления противника, а также сломить дух сопротивления его народа.

Начиная с 1914 года мирное население и тыл противоборствующих государств стали объектами, против которых целенаправленно велись боевые действия. Такие задачи решались с помощью воздушных бомбардировок. Также появилась угроза применения химиче-

ского оружия. Поэтому практически во всех странах – участницах Первой мировой войны стали разрабатываться и осуществляться мероприятия по защите населения от воздушных ударов противника и его газовых атак.

Интерес историков и общества к проблемам незаслуженно забытой Первой мировой войны, вызванный 100-летием начала ее, позволил открыть новые факты, свидетельства о событиях тех лет, определить степень влияния на развитие человечества в XX веке, рассмотреть порядок применения новых систем вооружения и совершенствование военного искусства. Но при этом в ряду малоизученных проблем этого периода до сих пор остаются вопросы защиты населения. Не оставляет сомнений тот факт, что если в ходе Первой мировой войны развивались новые способы ведения боевых действий и наступательных вооружений, то, безусловно, должны были проводиться соответствующие меры противодействия им.

Существующую на сегодняшний день историографическую базу, по-священную вопросам защиты населения в России, условно можно разделить на три категории:

- 1) специализированные исследования по истории гражданской обороны в России;
- 2) работы, связанные со строительством Рабоче-крестьянской Красной Армии и защитой Советской республики в годы Гражданской войны;
- 3) исследования в области истории развития различных родов и видов войск.

Среди источников первой категории наиболее полно выделяются исследования К. Г. Котлукова, А. В. Беляева, С. К. Шойгу, В. А. Владимировича и т. д.

Впервые интерес к изучению истории гражданской обороны и, соответственно, защиты населения возник в конце 60-х – начале 70-х годов XX века. Одними из первых, кто начал проводить исследования в данной области, были историки и ветераны Местной противовоздушной обороны (МПВО) К. Г. Котлуков и А. В. Беляев. В 1969 году под редакцией начальника штаба гражданской обороны РСФСР генерал-лейтенанта Г. А. Малинина группой авторов (К. Г. Котлуковым, К. С. Оглоблиным и А. И. Сгилевским) была выпущена книга «От МПВО – к гражданской обороне» [10]. В ней впервые были описаны предпосылки зарождения МПВО, ее развитие

и совершенствование в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны. Из приведенного в работе материала определенную ценность представляет собой рассмотрение вопросов местной противовоздушной обороны в период, предшествующий ее официальному образованию в 1932 году. Так, в ней впервые подробно описаны мероприятия защиты населения Петрограда в ходе отражения германского наступления в феврале – марте 1918 года, показана и проанализирована деятельность государственных, военных и партийных органов, а также добровольческих организаций по совершенствованию военного строительства в СССР и подготовке населения. По утверждению авторов труда, первые мероприятия защиты населения были определены Воззванием Комитета революционной обороны Петрограда к населению столицы и ее окрестностей. Историки дают подробное описание данных мероприятий, оценку их эффективности, условия реализации; указывают органы, ответственные за их проведение. В 1975 году эта книга претерпела второе издание и была опубликована под названием «Гражданская оборона вчера и сегодня». Несмотря на то, что в труде были дополнены некоторые обстоятельства развития МПВО и гражданской обороны, описания событий марта 1918 года остались без изменений и дополнений [11].

Одновременно с К. Г. Котлуковым исследования в области истории МПВО вел ленинградский историк А. В. Беляев. В 1973 году в девятом номере Военно-исторического журнала была опубликована его статья «Развитие МПВО страны в 1918–1941 гг.», в которой так же, как и в работе К. Г. Котлукова, были описаны события марта 1918 года [1]. Однако здесь автор связал выход Воззвания Комитета революционной обороны с фактом воздушной бомбардировки Петрограда немецким аэропланом. Историк ссылался на публикацию в газете «Известия» от 3 марта 1918 года № 39, в которой сообщалось о том, что 2 марта «от разрыва брошенных с аэроплана бомб» в столице были убиты три и ранены пять человек. В этом же номере и было опубликовано Воззвание [7]. Таким образом, автор, используя только один источник, объясняет причину разработки мероприятий по защите населения Петрограда от действий германской авиации как следствие прямой воздушной атаки

на столицу. Это же утверждение он повторил в своем труде «Местная противовоздушная оборона страны в Великой Отечественной войне 1941–1945» [2, с. 4]. В дальнейшем этот факт был использован исследователями в учебной и научной литературе.

Например, в учебном пособии по гражданской обороне, выпущенном под редакцией начальника гражданской обороны СССР генерала армии А. Т. Алтунина, в приведенном историческом обзоре со ссылкой на А. Н. Беляева факт бомбардировки Петрограда связывается с выпуском Воззвания комитета революционной обороны [3, с. 5]. Такая же причинно-следственная связь указана и в учебном пособии, выпущенном в Академии гражданской защиты МЧС России «Россия в период общемирового кризиса (1914–1918 гг.). Установление Советской власти» [9, с. 88]. Это же утверждение приведено в книге Ю. И. Соколова «Оповещение населения при чрезвычайных ситуациях» [26 с. 13]. На официальном сайте МЧС России в разделе, посвященном истории гражданской обороны, при освещении данного периода говорится, что «с 20 февраля по 3 марта 1918 года германская авиация неоднократно пыталась прорваться к Петрограду. 2 марта 1918 года впервые в своей истории город был подвергнут воздушной бомбардировке» [20].

Таким образом, в официальной историографии стало принятым считать, что разработка мероприятий по защите жителей Петрограда и его окрестностей являлись следствием бомбардировки его германской авиацией. Однако во всех этих источниках конкретные обстоятельства принятия Воззвания Комитета революционной обороны от 3 марта 1918 г. остались вне поля зрения авторов в силу узкой направленности рассмотрения этого вопроса. Более того, мимолетное упоминание о произошедших событиях в литературе только усложнило понимание проблемы разработки мероприятий защиты населения в годы Первой мировой войны.

Воззвание было опубликовано не только в «Известиях». 3 марта 1918 года оно также было напечатано в газетах «Правда» [24] и «Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот» [8]. Кроме того, в «Известиях» и «Правде» приведенный факт бомбардировки не только никак не связывался с опубликованным в них Воззванием Комитета, но даже не

указывалась принадлежность самолета, а также расходились данные о количестве пострадавших и погибших.

Уже через несколько дней в газетах «Правда» и «Красная газета» за подписью главного организатора Первого корпуса Рабоче-Крестьянской Красной Армии было опубликовано опровержение факта бомбардировки столицы немецким аэропланом [19, 21]. Об этом же говорится и в специальном труде ленинградского историка А. Л. Фраймана, посвященного революционной защите Петрограда. Ссылаясь на указанные газеты, он пишет, что в результате слабой организации службы наблюдения и оповещения в столице имели место несчастные случаи, когда советские аэропланы, принятые за германские, подвергались обстрелу, и неразорвавшиеся снаряды падали на улицы города [27, с. 207]. Очевидец тех событий русская поэтесса З. Н. Гиппиус в своих воспоминаниях также подвергает сомнению факт бомбардировки города германским самолетом [6]. А в статье М. В. Остапчук «В боях за власть Советов», опубликованной в первом номере журнала «Вестник ПВО» за 1966 год, утверждается, что все попытки немцев совершить налет на Петроград были отбиты. Тем самым подтверждается, что немецкие летательные аппараты не проводили бомбардировку Петрограда [22, с. 94].

Таким образом, можно утверждать, что попытка А. Н. Беляева связать факт бомбардировки с выходом Воззвания комитета революционной обороны не имеет под собой достаточных оснований и требует дополнительного исследования.

Но, несмотря на это, представленный в трудах К. Г. Котлукова и А. Н. Беляева материал до сих пор остается основным источником сведений о мероприятиях, проводимых в России для защиты населения от воздушного нападения и газовых атак в первые годы Советской власти.

Потрясающие страну в 80-х годах XX века крупные техногенные и природные катастрофы (авария на Чернобыльской АЭС в 1986 г. и Спитакское землетрясение в 1988 г.) показали неготовность системы гражданской обороны СССР к оперативным действиям по ликвидации масштабных чрезвычайных ситуаций мирного времени. Эти события потребовали от руководства страны принятия мер, направленных на совершенствование граждан-

данской обороны в плане защиты населения от чрезвычайных ситуаций, вызванных стихийными бедствиями, крупными авариями и катастрофами. В 90-х годах реализация этих задач стала осуществляться вновь образованным ведомством – МЧС России.

Соответственно, эти перемены вызвали новый виток исследований в области защиты населения и гражданской обороны. В 1998 году группой авторов под редакцией министра МЧС России С. К. Шойгу был издан исторический очерк «От МПВО к гражданской защите». В работе прослеживается попытка показать преемственность между местной противовоздушной обороной, гражданской обороной и вновь создаваемой системой гражданской защиты. На основе этой преемственности ими была предложена периодизация развития системы защиты населения:

- зарождение местной противовоздушной обороны (1918–1932 гг.);
- развитие местной противовоздушной обороны (1932–1941 гг.);
- развитие местной противовоздушной обороны в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.);
- развитие местной противовоздушной обороны в послевоенные годы (1945–1961 гг.);
- становление гражданской обороны (1961–1972 гг.);
- развитие и совершенствование гражданской обороны страны (1972–1986 гг.);
- перестройка гражданской обороны (1986–1990 гг.);
- создание, становление и развитие в России единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (1990 г. – настоящее время) [23, с. 3].

Предложенная периодизация была принята и другими исследователями. Так, в вышеуказанном труде Ю. И. Соколова приводятся этапы развития системы оповещения населения, которые совпадают с этапами развития системы МПВО и гражданской обороны [26, с. 13–16].

Таким образом, уже в постсоветской историографии события февраля – марта 1918 г. стали выделяться как точка отсчета в зарождении системной государственной организации защиты населения и дальнейшем развитии системы МПВО – ГО – МЧС.

К примеру, к 78-й годовщине гражданской обороны в журнале «Основы безопасно-

сти жизнедеятельности» (октябрь 2010 года) вышла статья сотрудника структурного подразделения Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Специального центра «Звенигород» Е. Жердева, посвященная истории термина «гражданская оборона». В ней сделана попытка связать современные подходы к защите населения с первыми мероприятиями, проводимыми в период Первой мировой войны [5, с. 3]. Но, несмотря на то, что автор впервые утверждает, что термин «гражданская оборона» зародился в годы Первой мировой войны, он также ограничивается рассмотрением событий только 1918 года.

Таким образом, практически во всех работах, посвященных истории развития системы гражданской обороны в России, вопрос защиты населения в Первую мировую войну проанализирован только в рамках одного ее эпизода – отражения наступления германских войск на Петроград в феврале 1918 года.

Так же частично вопросы защиты населения были освещены в рамках рассмотрения истории зарождения Рабоче-Крестьянской Красной Армии и становления Советской власти и ее защиты в Гражданскую войну. Отдельным вопросом эти мероприятия были отражены в работах таких историков, как А. Л. Фрайман и В. И. Петров, а также видного советского революционера, партийного и военного деятеля К. С. Еремеева.

Уже в первое десятилетие существования СССР начали проводиться фундаментальные исследования, посвященные защите революции и Советской власти в годы Гражданской войны, а также формированию Красной Армии. Одним из исследователей подобных проблем был К. С. Еремеев. В 1928 году в журнале «Пролетарская революция» он опубликовал статью «Начало Красной Армии». В ней через призму показа формирования первых подразделений Рабоче-Крестьянской Красной Армии им был рассмотрен факт разработки Первым корпусом РККА мероприятий защиты населения Петрограда от воздушных ударов германской авиации [4].

Аналогичные данные приведены в составленном в 1939 году ленинградским историком, профессором А. Л. Фрайманом сборнике документов «Крах германской оккупации на Псковщине». Сборник посвящен отражению германской агрессии и защите

Советской власти в 1918 году. В рамках рассмотрения этих вопросов историк также показывает и процесс формирования первого подразделения Красной Армии – Первого корпуса РККА. Представленные материалы позволяют определить, какое подразделение стояло у истоков разработки мероприятий по защите населения Петрограда в 1918 году. В частности, там говорится, что 1 марта 1918 г. командование Первого корпуса сообщало в Смольный, что корпусом «...выработаны меры предупреждения жителей – как спастись от бомб с аэропланов и меры борьбы с удушливыми газами, кроме того, объяснялось значение гудков сирен в случае появления над столицей неприятельских аэропланов» [12].

В 1964 году вышла в свет монография А. Л. Фраймана «Революционная защита Петрограда в феврале – марте 1918 г.». В ней нашла отражение деятельность партийных органов и ее руководителей по организации отпора и борьбе советского народа против немецкой армии, стремившейся весной 1918 г. захватить Петроград. Освещены вопросы организации обороны города, формирования и боевой деятельности первых отрядов Красной Армии. Историк также уделил внимание публикации Воззвания Комитета революционной обороны и дал краткое описание требований, изложенных в нем. В рамках вопроса о революционной защите столицы автором были рассмотрены мероприятия по защите населения, а также дана оценка эффективности их организации. Так, по мнению А. Л. Фраймана, служба наблюдения в Петрограде была организована неудовлетворительно. В результате, как уже говорилось выше, советский аэроплан был принят за германский и подвергся обстрелу из зенитных орудий. Часть снарядов, не разорвавшихся в воздухе, падали на улицы, что привело к жертвам среди горожан [27, с. 207]. Доказательством его утверждения может служить заметка, опубликованная 5 марта 1918 года в «Красной газете», о том, что накануне во многих местах Петрограда советские аэропланы, принятые за германские, были обстреляны из стрелкового оружия [28, с. 4]. Также в монографии указаны действия германской авиации, стремящейся прорваться к городу, и меры, принятые для их пресечения: «... немецкая авиация несколько раз предпринимала попытки бомбардировать Петроград ... ночью 3 марта ...

в городе была объявлена тревога, и электрические станции выключили свет в квартирах» [27, с. 208]. Таким образом, показан порядок осуществления светомаскировки в городе.

В 1980 году была опубликована монография еще одного крупного советского историка В. И. Петрова «Отражение страной Советов германского империализма в 1918 году», посвященная борьбе с интервенцией австро-венгерских и германских армий на территории Советской России в 1918 году. Несмотря на идеологическую направленность исследования, автор, кроме трудов В. И. Ленина, использовал огромный массив архивного материала. Так в главе, раскрывающей вооруженное отражение германского наступления на Петроградском направлении, В. И. Петров, используя документы Центрального государственного архива Советской Армии (в настоящее время Российского государственного военного архива), уделяет внимание принятию органами военного командования мер по защите населения города. Однако они указаны частично в рамках рассмотрения организации противовоздушной обороны и формирования Первого корпуса РККА: «3 марта командование 1-го корпуса РККА докладывало ... выработаны меры предупреждения жителей: как спастись от бомб с аэропланов и меры борьбы с удушливыми газами, кроме того, значение гудков, сирен и поездов мотоциклеток в случае появления над столицей неприятельских аэропланов» [25, с. 116].

Рассмотрение В. И. Петровым вопросов защиты населения в основном в плане описания деятельности партийных органов по формированию первых подразделений Красной Армии и защите революции, не снижает ценности работы по исследованию истории гражданской обороны. Научный труд позволяет раскрыть роль военного командования в разработке и реализации весной 1918 года мер по сохранению жизни мирных граждан.

Ограниченное рассмотрение мероприятий в приведенных источниках объясняется идеологической направленностью исследований, посвященных защите революции в годы Гражданской войны, и не выходят за рамки 1918 года. Хотя известно, что германская авиация осуществляла бомбардировку российских городов уже с первого года войны. Об этом говорят такие военные историки, как: С. Г. Нелипович, А. Ю. Лашков, В. Л. Го-

лотюк и др. Но о последствиях таких бомбардировок, а также о мерах, принятых для защиты мирных граждан от воздушных налетов, в современной научной литературе информация практически отсутствует.

В XXI веке среди историков и общественности растет интерес к событиям Первой мировой войны. Помимо анализа причин войны и ее влияния на дальнейший ход мировой цивилизации, много внимания уделяется и области военного искусства, особенно появлению и развитию новых видов и родов вооруженных сил. Среди таких исследований вопросы защиты населения от воздушных ударов и газовых атак противника освещаются в рамках изучения создания авиации и противовоздушной обороны в годы мировой войны 1914–1918 гг.

Одним из первых исследователей, кто привел факты бомбардировки населения германскими летательными аппаратами, является московский военный историк, член Научного совета Российского государственного военно-исторического архива С. Г. Нелипович. В своих трудах «Бои в пригородах Варшавы», «Варшавское сражение. Октябрь 1914 г.» и «Кровавый октябрь 1914 года» он впервые описывает бомбардировку одного из городов Российской империи – Варшавы в первый год войны [16, с. 62; 17, с. 58; 18]. Автор не только констатирует факт бомбардировки польской столицы немецкими аэропланами и дирижаблями, но и приводит данные о последствиях таких налетов, их подробное описание; жертвах среди населения. Историк детально рассматривает процесс построения противовоздушной обороны Варшавы и организацию противодействия германскому воздушному флоту. Хотя автор и не указывает мероприятия, которые проводились для защиты населения, представленный им материал позволяет понять масштабы воздействия авиации и причиненные ею разрушения в годы Первой мировой войны.

В 2005 году сотрудником Института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, военным историком А. Ю. Лашковым была защищена диссертация «Зарождение, становление и боевая деятельность объектовой противовоздушной обороны России накануне и в годы Первой мировой войны». Исследуя историю зарождения и раз-

вития противовоздушной обороны во время Первой мировой войны, автор уделяет внимание и некоторым вопросам защиты населения. Так, при рассмотрении вопроса оповещения о налете авиации им приводится описание порядка подачи сигнала «Воздух». Также в диссертации представлена классификация сил и средств противовоздушной обороны:

- активные силы и средства;
- пассивные (силы и средства местной обороны, а в последующем – гражданской обороны);
- вспомогательные средства [14, с. 6].

Однако в своей диссертации А. Ю. Лашков не остановился на исследовании противовоздушной обороны в России в годы Первой мировой войны. В 2009 году в «Военно-историческом журнале» вышла его статья «Двинский эксперимент противовоздушной обороны». В ней автор дает описание порядка осуществления светомаскировки в Двинске с целью недопущения налетов германской авиации. Также он утверждает, что в Двинске впервые для защиты населения стали применяться специальные убежища и укрытия [13, с. 21]. В следующей своей статье «Организация Петроградского района противовоздушной обороны» он дает подробное описание мероприятий МПВО, разработанных для защиты населения Петрограда: «оповещение населения... особыми сигналами..., соблюдение светомаскировки..., наличие дежурных частей войск и полиции, готовность пожарных и санитарных команд к ликвидации последствий бомбардировок, оказание медицинской помощи». Там же рассмотрены и организационные меры по их выполнению [15, с. 9].

К юбилейным датам, посвященным столетию образования Военно-воздушных сил России и Войск противовоздушной обороны, Фондом содействия авиации «Русские витязи» были выпущены книги сотрудников Института военной истории А. Ю. Лашкова и В. А. Голотюк «100 лет Военно-воздушным силам России (1912–2012 годы)» и двухтомник «100-летие противовоздушной обороны России 1914–2014». Проследивая историю появления и развития этих родов и видов войск, историки уделили внимание организации МПВО в Петроградском военном округе: «... большое внимание уделялось ... оповещению гражданского населения... и соблюдению мер светомаскировки. Так, тушение ... осве-

шения... осуществлялось централизованно по указанию начальника Петроградского района воздушной обороны. Указание сопровождалось секретным паролем ..., на основании которого все электрические станции прекращали свою работу. ... Уличное освещение выключалось через 15 минут, а внутреннее – через 30–40 минут ... прекращалось трамвайное движение и работа газовых заводов ...» [29, с. 131; 30, с. 151].

Таким образом, несмотря на активный интерес к вопросам Первой мировой войны

в отечественной историографии, изучение мероприятий по обеспечению безопасности населения от возможных ударов германской авиации и газовых атак до сих пор носит односторонний и фрагментарный характер. Актуальность изучения мероприятий по защите мирных граждан и объектов тыла от опасностей, возникающих при ведении военных действий, заключается в расширении границы исторического исследования о развитии гражданской обороны и системы защиты населения в России.

Литература

1. Беляев А. Н. Развитие МПВО страны в 1918–1941 гг. // Военно-исторический журнал. 1973. № 9. С. 90–96.
2. Беляев А. Н. Местная противовоздушная оборона страны в Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Военное издательство, 1985. 232 с.
3. Гражданская оборона: учебное пособие / под ред. А. Т. Алтунина. М.: Воениздат, 1982. 912 с.
4. Еремеев К. С. Начало Красной Армии // Пролетарская революция. 1928. № 4 (75). С. 154–168.
5. Жердев Е. Какая разница? Большая разница (размышления над историческими аспектами термина) // Основы безопасности жизнедеятельности. 2010. № 10. С. 3–10.
6. Зинаида Гиппиус. Дневники, воспоминания. Черные тетради (1917–1919) [Электронный ресурс]. URL: <http://gippius.com/doc/memory/chjornye-tetradi.html> (Дата обращения: 12.08.2015).
7. К населению Петрограда и окрестностей // Известия ЦИК Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. № 39.
8. К населению Петрограда и окрестностей // Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. № 28 (73).
9. Корнеев В. В. Россия в период общемирового кризиса (1914–1918 гг.). Установление Советской власти. Химки: АГЗ МЧС России, 2012. 80 с.
10. Котлуков К. Г., Оглоблин К. С., Сгилевский А. И. Гражданская оборона вчера и сегодня. М.: Атомиздат, 1975. 120 с.
11. Котлуков К. Г., Оглоблин К. С., Сгилевский А. И. От МПВО – к гражданской обороне. М.: Атомиздат, 1969. 120 с.
12. Крах германской оккупации на Псковщине. Сборник документов / сост. А. Л. Фрайман, ред. и вступ. ст. Н. А. Корнатовского. Л.: Лениздат, 1939. 270 с.
13. Лашков А. Ю. Двинский эксперимент противовоздушной обороны // Военно-исторический журнал. 2009. № 7. С. 21–25.
14. Лашков А. Ю. Зарождение, становление и боевая деятельность объектов противовоздушной обороны России накануне и в годы Первой мировой войны: дисс. ... кан. ист. наук. М.: ИВИ МО. 2005. 234 с.
15. Лашков А. Ю. Организация Петроградского района противовоздушной обороны 1914–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2010. № 4. С. 9–14.
16. Нелипович С. Г. Бои в пригородах Варшавы в октябре 1914 года // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 6. Саратов: Научная книга. 2005. С. 62–77.
17. Нелипович С. Г. Варшавское сражение. Октябрь 1914 г. М.: Цейхгауз, 2006. 64 с.
18. Нелипович С. Г. Кровавый октябрь 1914 года. М.: Минувшее, 2013. 808 с.
19. Немецких аэропланов не было // Красная газета от 9 марта 1918 г. № 37.
20. О Гражданской обороне [Электронный ресурс] / Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. URL: http://www.mchs.gov.ru/activities/Grazhdanskaja_oborona/Istorija (Дата обращения: 04.09.2015).
21. Опровержение // Правда. 1918 г. № 44 (270).

22. Остапчук М. В. В боях за власть Советов // Вестник ПВО. 1966. № 1. С. 91–95.
23. От МПВО к гражданской защите. Исторический очерк / под ред. С. К. Шойгу. М.: УРСС, 1998. 336 с.
24. От Революционного Комитета по обороне Петрограда // Правда. 1918. № 40 (266).
25. Петров В. И. Отражение Страной Советов нашествия германского империализма в 1918 году. М.: Наука, 1980. 416 с.
26. Соколов Ю. И. Оповещение населения при чрезвычайных ситуациях / под ред. д-ра тех. наук. В. А. Владимировой. М.: КРУК, 2001. 192 с.
27. Фрайман А. Л. Революционная защита Петрограда в феврале – марте 1918 г. М.; Л.: Наука, 1964. 324 с.
28. Что делается в Петрограде // Красная газета. 1918. № 33.
29. 100 лет Военно-воздушным силам России (1912–2012 гг.) / под общ. ред. В. Н. Бондарева. М.: Фонд «Русские Витязи», 2012. 792 с.
30. 100-летие противовоздушной обороны России (1914–2014 годы): 2 т. Т. 1. / под общ. ред. В. Н. Бондарева. М.: Фонд «Русские Витязи», 2012. 360 с.

УДК 94(37)

А. П. Беликов

РИМЛЯНЕ И ГРЕКИ: ПРИЧИНЫ ВЗАИМНОЙ НЕПРИЯЗНИ

В статье анализируется комплекс проблем, приведших к взаимной неприязни древних римлян и эллинов. Автор полагает, что причиной тому были не только политические аспекты (завоевание Греции римлянами), но и то важное обстоятельство, что между этими народами существовала ментальная несовме-

стимость. Слишком многие различия в морали, этике, стандартах поведения делали неизбежными непонимание друг друга, что в конечном счете и приводило к взаимной неприязни.

Ключевые слова: этноцентризм, филлелинизм, эллинофобия, варвары, этнические стереотипы, ментальность.

A. P. Belikov

THE ROMANS AND GREEKS: THE CAUSES OF MUTUAL HOSTILITY

The article analyzes the complex of problems that led to the mutual dislike of the ancient Romans and Greeks. The author believes that the reason for this was not only the political aspects (the conquest of Greece by the Romans), but the important fact that has existed between the peoples of the mental incompatibility. Too

many differences in morality, ethics, standards of conduct made misunderstanding each other inevitable, and eventually led to mutual hostility.

Key words: ethnocentrism, filellinizm, ellinophobia barbarians, ethnic stereotypes, mentality.

В современном мире достаточно остро стоит проблема межэтнических отношений. И сама по себе она стара, как мир. С древнейших времен народы вступали в конфликты по самым разным причинам. При этом далеко не всегда доминировали именно политические аспекты, немалую роль играли и ментальные, связанные с этническими стереотипами, хотя

и они зачастую были замешаны на чисто военном противостоянии и его последствиях.

Все это хорошо заметно на примерах из взаимоотношений древних римлян и эллинов. Острота их взаимного неприятия усугублялась ментальными отличиями и вытекающим отсюда взаимным непониманием.

Этническое самосознание римлян имело довольно специфический оттенок. Для

них гражданство и «национальность» совпадали. Римлянин – гражданин Римского государства. При этом гражданская принадлежность имела приоритет над этнической. Корни такого восприятия, видимо, лежат в глубокой древности, когда произошло слияние римско-латинской и сабинской общин. Для римлянина государство – превыше всего, оно и являлось определяющим детерминативом.

Легенда об объявлении Рима священным убежищем, очевидно, отражает реальный процесс стекания в город «инонациональных элементов». Чужаки вливались в гражданскую общину и становились своими. Неслучайно даже в нобильских родах есть этрусские, сабинские и прочие «фамилии».

С другой стороны, латины, одной крови и одного языка с римлянами, таковыми никогда не считались. Только получив гражданство, латин легко становился «настоящим римлянином».

Считается, что к одним народам римляне относились лучше, к другим – хуже. Правда здесь лишь в том, что лучше – к отдаленным народам, с которыми почти не контактировали и совсем не воевали (эфиопы, индийцы). Ко всем остальным – примерно одинаково, с некоторым высокомерием. Нет особых оснований утверждать, будто к грекам относились намного лучше, чем к иберам, а к галлам, например, хуже, чем к египтянам. Правда, на бытовом уровне, видимо, можно констатировать негативное восприятие пунийцев (понятно, почему) и евреев (слишком замкнутый и необычный этнос, который римляне, к тому же, довольно плохо знали).

Представляется, что во внешней политике этнический фактор почти не действовал. Определяющим было сочетание гражданского и юридического момента: есть «*nostrī*» и «*alienī*», а по римскому праву имущество *hostes* является бесхозным и принадлежит первому римлянину, который его захватил. Важным показателем было то, сколько римской крови пролил тот или иной этнос (пунийцы, парфяне, германцы) – войны против них были более жестокими. Но любой «лояльный» этнос воспринимался высокомерно-нейтрально. Главное отличие римского «шовинизма» от греческого, отмеченное В. О. Никишиным, заключается в следующем: римляне никогда не проводили между собой и чужими народами той резкой и непреодолимой черты, ко-

торая всегда существовала между греками и варварами [33, с. 1].

На государственном уровне политику определяли нобили. Для них лояльность и «безвредность» этноса также были главным, то есть довели опять-таки именно и только государственные интересы. Так называемый «филэллинизм» существовал лишь на бытовом уровне, никак не влияя на политику. Вспомним резкий ответ Суллы афинянам, говорящим о былом величии их полиса и просивших пощадить их город: «Я пришел сюда покарать изменников, а не брать уроки истории!» (Plut. Sulla. XIII).

На межличностном уровне отношения определялись целым комплексом факторов: степень дружественности к Риму, знатность происхождения, образованность, воспитанность, личные качества. И если для рядового римлянина все не квириды были почти одинаковы, то для нобилей греческий аристократ Полибий был ближе, чем собственный гражданин незнатного происхождения.

«Этническое» в Риме, конечно, было и сильно влияло на все, особенно на бытовом уровне. В отношении к иностранцам сказывалось «величие римского народа». Во внешней – «большой» политике этнические мотивы почти не проявлялись. В Италии квирид был *homo ethnicus*, но за ее пределами он действовал скорее как *homo politicus*.

Вообще на формирование отношения к иностранцам повлияло несколько факторов, создавших специфику именно римского восприятия «чужих».

1. Патриотизм, привитый всей системой воспитания и ставший естественной нормой жизни.

2. Пережитки родового строя.

3. Нобили даже в развитом Риме были приверженцами гентильного образа жизни (подчеркнутое уважение к своему роду, родовым традициям, закрытость рода для «высочек»), узаконивавшего их привилегированное положение; посему в их сознании закрепилось вполне первобытное и отчужденное восприятие «чужаков».

4. Военные и дипломатические победы давали римлянам ощущение превосходства квиридов над всеми народами.

5. Сравнивая свою мораль с нравами соседей, римляне не могли не заметить, что и в этом они выгодно отличаются от многих

народов, либо молодых и слишком «диких», либо «одряхлевших» и слишком испорченных.

По мнению Б. Форте, первые контакты между греками и римлянами относятся к VI–V вв. до н.э. [10, р. 14]. Однако есть все основания считать, что утверждения о ранних и насыщенных контактах римлян с греками – миф, порожденный римской амбициозностью и греческой угодливостью. Здесь мы абсолютно согласны с С. С. Казаровым [25, с. 26–31]. Реально, первые серьезные отношения между ними можно отнести лишь к III в. до н.э. (или самому концу IV в. до н.э.), все, что было раньше – спорадически и несерьезно, и крайне мало давало для взаимного узнавания. Только с момента завоевания южной Италии можно говорить о тесном соприкосновении двух этносов, достигшего своего апогея в первой половине II в. до н.э. В психологии межличностных отношений люди с несхожими характерами, чем лучше друг друга узнают, тем хуже друг к другу относятся. Это вполне применимо и к межэтническим отношениям.

Понимание чужого всегда основывается на своей культуре [39, с. 12]. «Иное» начинается там, где кончается способность понимать [38, с. 259]. Добавим – и *принимать* то, что кажется чуждым для нашей культуры. Древним народам присущ этноцентризм, т. е. ощущение своей культурной исключительности и чувство превосходства по отношению к другим народам и этницизм – форма коллективной активности в защиту собственной этнической общности [26, с. 79]. Именно этницизмом следует объяснять антиэллинизм части римского общества, опасавшегося утраты традиционных римских «доблестей» под разлагающим влиянием греков.

В период становления (авт.) взаимного восприятия (III в. до н. э.) для римлян высшими ценностями были «мужество, служение родному городу, отечеству, преклонение перед традицией, т. е. все то, что было тогда для греков уже вчерашним днем» [31, с. 233]. Такой сторонний наблюдатель, как Иосиф Флавий, которого трудно обвинить в не любви к грекам вообще, тем не менее, констатирует, что они не признают авторитетов, не считают с заветами предков и не уважают традиций (Contra Ar. 3–4). Такие жизненные установки должны были вызвать недоумение и возмущение римлян. Цицерон, выражая традиционно римский взгляд, пишет: «Мудрому свойственно сохра-

нять и соблюдать установления предков и священные обряды» (De div. II. 148). Греческий космополитизм, отразившийся в поговорке «Где хорошо – там и родина», не мог быть понятен квириту, для которого «Что может быть отрадней, чем Рим?» (Prop. II. 32.43). Даже мелкие бытовые различия едва ли способствовали взаимопониманию. Римляне обращались друг к другу по номену, у греков один человек – одно имя, и они выбрали для обращения к римлянам их преномен [3, р. 158]. «Злоязычие» острых на язык греков должно было очень раздражать немногословных римлян (см.: Plut. Sulla. VI; XIII). Важнейший признак эллинистической идеологии – индивидуализм, культ обособленной личности [35, с. 106]. В римлянах же еще долго жил дух общности, принцип подчинения интересов личности интересам государства.

Молодой чисто земледельческий народ соприкоснулся со старым морским, ремесленным и торговым. Поэтому не удивительно, что чем больше становилось контактов, тем хуже стали относиться они друг к другу. Еще Фукидид отмечал: афиняне любят всякие новшества, быстры в замыслах и их осуществлении (70. I). Очевидно, римляне должны были воспринимать это как суетливость и поверхностность, а римская серьезность должна была казаться быстрым эллинам медлительностью и неповоротливостью.

В период эллинизма три обстоятельства автоматически определяли эллина и его отличия от варвара: этническое, этическое (наличие пайдейи) и филологическое (знание греческого языка) [23, с. 197]. Римляне, считавшие всех негреков и неримлян варварами, по двум из этих трех показателей сами являлись варварами для эллинов! *В глазах грека квирит мог быть только варваром (прим. авт.)*. В 207 г. до н. э. родосский посол Фрасикрат, убеждая этолийцев заключить мир с Филиппом, упрекал их в том, что союзом с римлянами они предали эллинов на глумление и обиды варварам (Polyb. XI. 5.7). Накануне 2-й Македонской войны послы Филиппа V объясняли этолийцам, что римляне – «люди, отделенные от нас языком, обычаями, законами более, чем морями и землями...» (Liv. XXXI. 29.12), а «с чужаками, с варварами всякий грек был и будет в вечной войне...» (Liv. XXXI. 29. 15). В 201 г. до н. э. Ликиску, агитирующему Спарту присоединиться к коалиции против Филип-

па, было заявлено: римляне – варвары, они хотят поработить эллинов, вступить с ними в союз неприлично (см.: Polyb. IX. 37–38). Римляне прекрасно знали о таком отношении к себе (см.: Plaut. Miles glor. 211–214). Катон оскорбленно констатирует, что греки, «*pos quoque dictitant “barbaros”*», даже не видят особой разницы между римлянами и осками (Plin. NH. XXIX. 7. 14) – *это свидетельство эпохи (выделено авт.)*, одна эта коротенькая фраза перевешивает многостраничные рассуждения историков о том, почему греки не воспринимали римлян варварами. Поэтому мы решительно не можем принять один тезис из статьи И. Е. Сурикова: «Вплоть до полного подчинения Риму греки спорили и колебались, считать или нет римлян варварами» [34, с.278]. Источники доказывают – и «до», и «во время», и «после» – *считали варварами (выделено авт.)!* Здесь мы абсолютно согласны с Дж. Бэлсоном [3, р.30 – 34]. Даже македонян, родственных им по языку и крови, эллины, вопреки утверждениям Н. Мартиса [28, с. 14–15], никогда не признавали настоящими греками [2, р. 33–51], что уж говорить о римлянах! В. О. Никишин отмечает преимущественно антиримскую направленность греческой историографии III–I вв. до н. э., Тимаген, Помпей Трог однозначно считали римлян варварами [33, с. 78–79] и даже особо не скрывали этого. Нельзя согласиться с утверждением Е. Габба, что идея о варварстве римлян была реанимирована в период Митридатых войн [12, р. 625] – *ее и не нужно было реанимировать, поскольку она просто никогда и не умирала в условиях римского господства (прим. авт.)*.

Только по прошествии значительного времени греки смогли оценить то, что действительно принес с собой Рим: прекращение усобиц, имперский мир, подъем экономики единой державы, демонстративный культурный (не политический!) филэллизм некоторых римских императоров. Все-таки существовал и *особый статус (выделено авт.)*. Балканской Греции и эллинистических центров в культурном и образовательном поле Римской державы. Но произошло это никак не ранее I в. н.э. По мнению Дж. Бэлсона, – *только в конце (авт.)* I в. н.э. [3, р. 53]. До того же присутствовал сильнейший элемент этнополитической и культурной враждебности к римлянам, вершиной которого стало почти массовое участие греков в войнах против Рима на сторо-

не Митридата Евпатора. После его разгрома нет свидетельств вооруженных антиримских выступлений греков. Эллины сначала смирились с римским господством, а потом оценили то, что от него получили. Смысл жизни под римским господством греческие интеллектуалы увидели в сотрудничестве с римской элитой и создании новой билингвистической культуры [18, р. 1]. Этнополитическая враждебность если и не исчезла, то была заметно сглажена. Живя в одном *общем* государстве, во всех восточных провинциях греки наряду с римлянами стали господствующим этносом, разделяя с ними многие привилегии господствующего положения, что особенно заметно в Египте, Киренаике [30, с. 180–192] и Сирии. Но культурная враждебность всего-навсего *эволюционировала (выделено авт.)* в четко оформленную мысль о безусловном культурном превосходстве эллинов над римлянами.

Под римским господством греческий патриотизм выжил, а вместе с ним и ревностное греческое чувство превосходства [10, р. 95]. Греки долго помнили о своем культурном превосходстве [27, с. 4], а римляне гордились своими военными победами над ними. По мнению А. В. Махлаюка, для греков римское превосходство в военном деле было столь же очевидным и неоспоримым, как для римлян греческий приоритет в сфере теоретических дисциплин и изящных искусств [29, с. 260]. Добавим лишь: внутреннее признание греками военного превосходства римлян окончательно могло оформиться только тогда, когда психологически сгладилась горечь поражений. Опять-таки – не раньше I в. н.э. Можно полагать, что именно это время стало во многом рубежом, отметившим некоторое смягчение взаимного восприятия.

В целом же между греками и римлянами всегда существовали очень непростые отношения, отмеченные взаимной неприязнью даже и в последующие эпохи, чему посвящена значительная литература [22; 16; 14; 6; 5; 10; 21; 4; 20; 11; 7; 3; 8; 9; 13; 32; 36; 37]. Не случайно К. Ломас приводит интересные факты: со 147 г. до н.э. вплоть до Августа только 6 человек из Великой Греции смогли стать римскими сенаторами [17, р. 159], но из Балканской Греции не было вообще ни одного человека. Д. О’Флинн настаивает на традиционной враждебности между Востоком и Западом, между грекоговорящими и латино-

говорящими даже в V в. н. э. [19, p. 122], хотя, возможно, он несколько и сгущает краски.

Признав римское господство, греки, тем не менее «даже по истечении столетий про себя считали римлян варварами» [37, с. 12]. Страбон, выражая взгляд образованного грека, очевидно, достаточно общий для его времени, как отмечает Т. А. Лапина, «хотя и мирится с римской властью и даже до известной степени признает ее полезность, никогда не согласится, что римляне превосходят эллинов в государственной мудрости» [27, с. 44]. К владычеству римлян он относится лояльно, но достаточно сдержанно [27, с. 47].

Авл Гелий, римский автор II в. н.э., долго живший в Афинах и, надо полагать, хорошо знавший отношение греков к «повелителям вселенной», повествует об одном знаменательном случае. На дружеской пирушке эллины стали издеваться над присутствующим римлянином и римской культурой, на это квирит сердито ответил, что греки могут считаться корифеями в легкомыслии и коррупции, но недопустимо, чтобы они порочили Лаций (I. 4; XIX. 9).

Это документально-бытовое свидетельство эпохи способно убедить любого: даже во II в. н.э. эллины продолжали считать римлян варварами, а их культуру – варварской! Надо ли говорить, как обижало это гордых квиритов, которые сами не делали различий между евреями, киликийцами и «прочими варварами». Греки считали римлян варварами и относились к ним соответственно [24, с. 207] – у нас нет ни малейших оснований пересматривать этот давний постулат. Греки видели в римлянах жестоких и невежественных варваров, не умеющих по-настоящему жить и мыслить [31, с. 37]. Впрочем, так они рассматривали вообще всех «варваров» [1, p. 136–166].

Э. Грюен, подводя итог в своей работе, сделал вывод, что в Риме, в свою очередь, несомненно, существовало сильное «антигреческое предубеждение» [13, p. 261].

Таким образом, можно констатировать, что в комплексе взаимного восприятия римлян и эллинов далеко не последнюю роль играли именно этнические и ментальные различия этих двух народов.

Литература

1. Avi-Yonah M. Hellenism and the East. Contacts and Interrelations from Alexander to the Roman Conquest. Jerusalem: The Hebrew university, 1978. 297 p.
2. Badian E. Greeks and Macedonians // Macedonia and Greece in Late Classical and Hellenistic Times / Ed. B. Barr-Shar and E.N. Borza. Washington: University Press, 1982. P. 33–51.
3. Balsdon J. P. V. D. Romans and Aliens. London: Duckworth 1979. 310 p.
4. Bengtson H. Das Imperium Romanum in griechischer Sicht // Bengtson H. Kleine Schriften zur alten Geschichte. München, 1974. P. 158–174.
5. Burn A. R., Edwards J.M.B. Greece and Rome 750 B.C. 565 A.D. Glenview: Buttner-Wobst Th. 1970. 697 p.
6. Cary M., Haarhoff T.J. Life and Thought in the Greek and Roman World. – London: The Macmillan Company, 1959. 355 p.
7. Crawford M. H. Greek Intellectuals and the Roman Aristocracy in the First Century B.C. // Imperialism in the Ancient World. Cambridge: University Press, 1978. P. 194–207.
8. Dubuisson M. Some aspects of Graeco-Roman relations. The attitude of Roman administration toward language use. Xenophobia and disparaging words in Greek and Latin // Prudentia. 1983. P. 17–26.
9. Errington R. M. Rom and Greece to 205 B.C. // Cambridge Ancient History 2nd ed. Vol. VIII. Cambridge: University Press, 1989. P. 81–106.
10. Forte B. Rome and the Romans as the Greeks Saw Them. Rome: Sapient, 1972. 734 p.
11. Fuchs H. Der geistige Widerstand gegen Rom. Berlin: Bek, 1938. 147 s.
12. Gabba E. Storiografia greca e imperialismo romano (III–I sec. A. C.) // Rivista Storia Italiana. 1974. №86. P. 619–635.
13. Gruen E. S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. 1. Berkeley: Los Angeles; London, Univ. of California Press, 1984. 359 p.
14. Haarhoff T. J. The Stranger at the Gate. Aspects of exclusiveness and cooperation in ancient Greece and Rome, with some reference to modern times. Oxford: University Press, 1948. 411 p.
15. Hollister C. W. Roots of the Western tradition. New York; London; Sydney; Toronto, John Wiley & Sons, 1972. 236 p.

16. Kroll W. Romer und Griechen // Kroll W. Studien zum Verstandnis der Romischen Literatur. Stuttgart: Naturwissenschaft, 1924. 217 s.
17. Lomas K. Rome and the Western Greeks 350 B.C. A.D. 200. Conquest and acculturatiiov in Southern Italy. London; New York, Routledge, 1993. 244 p.
18. Momigliano A. Alien Wisdom. The Limits of Hellenization. Cambridge: University Press, 1975. 174 p.
19. O'Flynn J. M. A Greek on the Roman Throne: The Fate of Anthemius // Historia. 1991. Bd. XL. Hft. 1. P. 120–129.
20. Petrohilos N. K. Roman Attitudes to the Greeks. Athenes: University Press, 1974. 508 p.
21. Walbank F.W. Nationality as a Factor in Roman History // Harvard Studies in Classical Philology. 1972. № 76. P. 36–48.
22. Westermann W. The Story of the Ancient Nations. New York: D. Appllton and Company, 1912. 554 p.
23. Буданова В. П. Взаимоотношения варварского мира с цивилизациями Запада и Востока // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). М.: ИВИ РАН, 2000. С. 196–216.
24. Ешевский С. В. Центр римского мира и его провинции // Сочинения С. В. Ешевского. Ч. 1. М.: Б. Брок, 1870. С. 58–84.
25. Казаров С. С. Эллинистический мир и Рим: начало контактов // Ученые записки МГПИ. Исторические науки: Сб. научных статей. Вып. 3. Мурманск: МГПИ, 2002. С. 26–31.
26. Коротеева В. В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М.: РГГУ, 1999. 140 с.
27. Лапина Т. А. «География «Страбона и Плиния (некоторые аспекты сравнительной характеристики) // Проблемы античной истории и средних веков / ред. Ю. М. Сапрыкин. М.: ИВИ РАН, 1983. С. 36–47.
28. Мартис Н. К. Фальсификация истории Македонии. Афины: The Palimpsest, 1992. 236 с.
29. Махлаюк А. В. Военная организация Рима в оценке греческих авторов и вопрос о своеобразии римской цивилизации // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). М.: ИВИ РАН, 2000. С. 257–269.
30. Машкин Н. А. Эдикты Августа из Киренаики // Вестник древней истории. 1938. № 3. С. 180–192.
31. Мозеров В. Д., Лунин В. С., Кутергин В. Ф. Античная культура. Саранск: Университет, 2000. 233 с.
32. Нахов И. М. Цицерон и греческая культура // Цицерон. 2000 лет со дня смерти. М.: Наука, 1959. С. 63–81.
33. Никишин В. О. Чужеземцы в произведениях Цицерона, Цезаря и Саллюстия. (К вопросу о сущности римского «шовинизма» в I в. До н.э.): дисс... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1999. 189 с.
34. Суриков И. Е. Камень и глина: к сравнительной характеристике некоторых ментальных парадигм древнегреческой и римской цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). М.: ИВИ РАН, 2000. С. 273–288.
35. Чалоян В. К. Философия александрийской цивилизации и Рим // Историко-философский журнал. Ереван. 1968. № 4. С. 102–115.
36. Штаерман Е. М. Проблема римской цивилизации // Цивилизации. Вып. 1. М.: Наука, 1992. С. 46–59.
37. Штаерман Е. М. Эллинизм в Риме // Вестник древней истории. 1994. № 3. С. 8–16.
38. Шувалов П. В. Немошь Атиллы (властитель гуннов глазами германцев) // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья / ред Р. М. Шукуров. М.: Наука, 1999. С. 259–265.
39. Шукуров Р. М. Введение, или предварительные замечания о Чуждости // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья / ред Р. М. Шукуров. М.: Наука, 1999. С. 9–30.

УДК 94(470.51)“1920”:34

Л. Н. Бехтерева

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В 1920-е гг. (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

В статье на основе опубликованных и вновь введенных в научный оборот источников впервые в отечественной историографии рассмотрена проблема формирования и функционирования пенитенциарной системы одного из регионов России в 1920-е гг. Представлена характеристика и анализ организа-

ционно-правовых аспектов деятельности исправительно-трудовых учреждений, условий содержания заключенных.

Ключевые слова: 1920-е гг., Удмуртия, преступность, исправительно-трудовые дома, дома заключения.

L. N. Behtereva

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE PENITENTIARY SYSTEM IN THE 1920S: (REGIONAL ASPECT)

On the basis of published and newly entered into scientific circulation sources for the first time in the national historiography the problem of formation and functioning of the penitentiary system of one of the regions of Russia in the 1920s is considered. The characteristics

and analysis of organizational and legal aspects of the correctional labor institutions, as well as prison conditions are represented.

Key words: the 1920s, Udmurtia, crime, Forced labor houses, imprisonment houses.

Разруха, голод, спад промышленного производства, массовая безработица после окончания Гражданской войны повсеместно вызвали всплеск уголовной преступности. Число заключенных за совершенные злодеяния неуклонно возрастало. В 1924 г. по 50 губерниям и областям РСФСР насчитывалось 1 884 509 подсудимых, 1 529 710 (81,2 %) из которых были осуждены, что составляло 2,2 % общей численности населения – в два раза больше, чем в предыдущий период [10, с. 55].

Проблеме становления и развития пенитенциарной системы в раннесоветский период уделено достаточно значительное внимание в исследованиях правоведов и историков [1, 2, 3, 7, 8, 9, 14]. Однако многие региональные и локальные аспекты темы нуждаются в дальнейшей разработке.

В Удмуртии (с ноября 1920 г. по январь 1932 г. – Вотская автономная область, ВАО) за 1922 г. было отмечено 5 731 преступление, за девять месяцев 1924 г. – 9 443. Практически половину из них составляли кражи и грабежи [11, с. 387; 12, с. 109]. Увеличивалось и число осужденных: с 4 225 в 1925 г.

до 5 251 в 1926 г. и 5 414 в 1928 г. Число осужденных за имущественные преступления выросло соответственно с 773 в 1925 г. до 1 068 в 1926 г. и 1 109 в 1927 г. [17, с. 73; 16, с. 72; 15, с. 42].

Учреждениями для применения мер исправительного характера в РСФСР в 1920-е гг. являлись: дома заключения – в них содержались состоявшие под следствием, приговоренные к лишению свободы, пока приговор не вступил в силу, лишенные свободы на срок до шести месяцев; исправительно-трудовые дома предназначались для лишения свободы (заключение под стражу) на срок свыше 6 месяцев; трудовые колонии – сельскохозяйственные, ремесленные и фабричные – отбывали срок заключенные, приговоренные к лишению свободы без строгой изоляции на срок не свыше пяти лет; изоляторы специального назначения – содержались заключенные, приговоренные к лишению свободы со строгой изоляцией; переходные исправительно-трудовые дома – должны были содержаться заключенные, которые по отбытии части срока лишения свободы в других местах заключения

признавались распределительной комиссией подлежащими переводу в обстановку полусвободного режима.

С принятием Уголовного кодекса РСФСР 25 июля 1922 г. СНК было принято решение передать все места заключения в ведение НКВД. 12 октября 1922 г. совместным постановлением НКЮ и НКВД было создано Главное управление местами заключения (ГУМЗ) НКВД и местные управления местами заключения при губернских (областных) органах НКВД. Таким образом, была преодолена раздробленность в управлении местами заключения, пенитенциарная система начала действовать как единое целое [3].

В ходе реформы специальных учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, в 1920-е гг. основным видом мест заключения для применения мер пенитенциарного характера стали исправительно-трудовые дома (ИТД). В них содержалось большинство заключенных. Направлению в исправительно-трудовые дома подлежали лица, не представлявшие особой опасности для государства, а также те, для кого не предусматривался режим строгой изоляции. Режим в исправительно-трудовых домах считался общим и основывался на обязательном труде заключенных и культурно-просветительской работе [13]. На практике они часто и повсеместно становились комплексными учреждениями: в них одновременно содержались подследственные, малосрочные (менее шести месяцев) и срочные (более шести месяцев).

На территории ВАО находились два учреждения лишения свободы, имевшие статус исправительно-трудовых домов: в г. Ижевске и г. Глазове. В центре Можгинского уезда – Красном Поселке долгое время исправительных учреждений не было. В 10,5 км от него, в с. Можга располагалась камера привода. Дом заключения (домзак) на 30 человек в городе был открыт только в 1927 г. Ижевский исправдом состоял на госбюджете, Глазовский исправдом и Можгинский домзак – на местном. Территорией временного пребывания заключенных являлись арестные дома. Штат обслуживающего персонала исправительно-трудовых домов в 1924 г. составлял 71 человек [11, с. 379].

Глазовский исправдом занимал помещение бывшей уездной тюрьмы и был рассчитан на 200 мест. По причине длительной

эксплуатации само здание и его внутренние помещения находились в удручающем состоянии, требовали капитального ремонта и замены пришедшего в негодность оборудования. Многие камеры были не только не пригодны, но и опасны для содержания заключенных ввиду угрожающих обвалов потолков и падения стен. На 1 июля 1924 г. в Глазовском исправдоме числилось 235 заключенных: рабочих – 11, крестьян – 200, служащих – 16, торговцев – 1, прочих – 7 [21, л.100–101]. При исправдоме действовали пять мастерских: сапожная, портновская, слесарная, кузнечная и крендельная. Участок земли в 5,5 га использовался под пашню для посадки картофеля и сенокос. В 1924 г. было заготовлено 7,4 т клубней и 5,6 т высушенной травы [11, с. 392].

Ижевский исправдом располагался в 11 км от города в овраге, непосредственно к которому примыкал лес. Изначально он был переоборудован из бывших торговых складов, затем переведен в здание кирпичных сараев и своему назначению не соответствовал. В двух одноэтажных зданиях находились мужское и женское отделения. Несмотря на максимальную вместимость 140 человек, они всегда были переполнены. На 1 июля 1925 г. в Ижевском исправдоме, например, числились 254 человека: осужденных 183 (166 мужчин и 17 женщин), 69 следственных (65 мужчин и 4 женщины), пересыльных 2 (мужчины). По социальному положению: рабочих 80 (71 мужчин и 9 женщин), крестьян 156 (мужчин 144, женщин 12) [21, л.102].

На 16 га земли, арендованной у горместхоза, заключенные Ижевского исправдома сеяли овес, горох, гречиху. Однако их труд использовался нерационально: на 1 июля 1924 г. из почти двухсот камерников только 47 человек находились на полевых работах, 116 – в исправдоме [21, л.102].

Условия содержания заключенных не отличались гуманностью. Бельем и обувью (лаптями) были обеспечены только 10 % из них, средства на приобретение верхней одежды не выделялись вовсе. В день осужденному полагалось 600 гр. хлеба, 136 гр. мяса, 114 гр. крупы, 450 гр. картофеля или корнеплодов [11, с. 392]. Однако на практике эти нормы не соблюдались.

Оба помещения исправдома имели цементные полы, на которых спало большинство заключенных, низкие потолки и слабый

доступ света. Небольшой двор был обнесен ветхим деревянным забором. Кухня располагалась под навесом. Скученность, недостаток света, шели в дощатых перегородках, разъединявших камеры, плохая вентиляция и сырость создавали благоприятные условия для распространения паразитов и болезней среди заключенных. Клопы и вши заполняли все щели и отверстия в камерах, нары, покрывали одежду и тело арестантов. Многие из них расчесывали зудящиеся места до крови, что приводило к появлению кожных заболеваний. Воздух в камерах и коридорах был пропитан зловонием человеческого пота, прокисших остатков пищи и испражнений. Среди осужденных встречались инфекционные больные, в том числе и сифилитики, изолировать которых администрация оказывалась не в состоянии из-за недостатка помещений. Это в свою очередь служило угрозой заражения здоровых. Систематическое проветривание, частое мытье полов и частичная дезинфекция не давали положительных результатов. В период свирепствовавшей в начале 1920-х гг. в ВАО эпидемии тифа здесь ежедневно фиксировались смертельные случаи. Все это делало заключенных раздражительными и способными на крайние меры: регулярно и неоднократно по несколько срочников объявляли голодовку по самым незначительным поводам. Увеличивались случаи обоюдных драк, нанесений телесных повреждений и столкновений с надзором.

Личный состав мест заключения в 1920-е гг. в большинстве своем не соответствовал необходимым для этой службы требованиям. Проблемы недостаточного материально-технического обеспечения и слабой профессиональной подготовки приводили к нарушениям дисциплины и злоупотреблениям: пьянству, грубому обращению с осужденными, хищениям, поборам. Так, караульный начальник арестного дома г. Ижевска Шабалин, систематически бравший взятки от заключенных за ослабление режима содержания под стражей, в январе 1924 г. получил папиросы и табак – от ижевчанина Г. Г. Коневских, почти 2 кг мяса – от жителя Селтинского уезда П. И. Юрлова [20, л. 30, 32]. Имелись случаи вступления в сговор с осужденными, передачи им алкогольных напитков, табака, приобретения и сбыта награбленных предметов.

Отсутствие дисциплины и порядка порождало произвол и невыносимый режим

содержания для заключенных. В 1926 г. в камере Ижевского исправдома орудовала организованная шайка в составе 25 человек и девяти активных членов, составлявших ее ядро. Банда занималась террором, грабежом и преследованием арестантов и держала в страхе даже служащих исправдома. Ее руководителем являлся неоднократно судимый за различные злодеяния некто Константин Огарков. Преступники на глазах осужденных раздевали донага новичков, отбирали у них все вещи, одежду, обувь и продукты, вымогали деньги, избивали и запугивали. Часто в камерах разыгрывались настоящие представления. Так, например, на «похоронах бабушки» кто-нибудь из членов шайки ложился на нары, изображая покойника. Заключенные вставали вокруг и кричали: «Бабушка умерла!». Новичок должен был подойти к «мертвецу» попрощаться. После обязательного поцелуя «бабушка-мертвец» хватала его и начиналась настоящая вакханалия с нанесением побоев. А при обряде «принесения присяги» в одну половину камеры приводили новичков, закрывали отверстие в перегородке половиком и в темноте приказывали целовать сокамернику половые органы и ягодицу. Другим на «принятии присяги» выбивали на голове крест.

Еще одним исправдомовским «развлечением» для новичков и неаккуратных плательщиков тюремного «налога» стала так называемая «погоня за лисой», при котором арестант под окрики и удары заключенных бегал по камере. Затем его загоняли под нары и били до бесчувствия. По приговорам тюремных «судов» новичкам приходилось также пить очень большое количество воды или есть уголь. Многие терпели и еще более унижительные «наказания»: им садили на лицо, силой открывали рот и харкали туда, обливали кипятком с раствором соли и горячим супом, «ставили мушку» – жгли пламенем огня пятки и другие самые чувствительные части тела. Бывали случаи, когда человека накрывали одеялом, обыскивали и били «втемную». Некоторые из членов банды при налетах переодевались и гримировались до неузнаваемости. Нападениям подвергались и лица, приходившие в исправдом на свидания. Сопrotивление и попытки пожаловаться администрации заканчивались очередной порцией издевательств [5]. В камерах пили самогон, постоянно играли в карты на деньги, продукты и

одежду, непрерывно слышались отборный мат и брань. Драки возникали на пустом месте. В ход шли доски, ножи, различные тяжелые предметы. Слабых загоняли под нары, таскали за бороды, кололи булавками. Неоднократно фиксировались попытки изнасилования. В апреле 1927 г. областной суд ВАО, заседания которого длились 10 дней, вынес обвинительный приговор для 18 членов банды. Четверо ее главарей были приговорены к расстрелу, остальным осужденным к еще не отбытому им сроку добавили от года до 6,5 лет [6].

Вследствие недостатка надзирателей и слабого состояния контроля имели место также частые побеги и самовольные отлучки заключенных. Близость леса создавала для этого благоприятные условия. Побег совершался из больниц, из бани путем подкопа, из мастерских, расположенных в обычном здании в городе, в процессе транспортировки воды, за которой приходилось ходить на значительное расстояние за территорию исправдома.

Появление заключенных в населенных пунктах, в пивных, избивание свидетелей и другие подобные факты создавали обстановку резкого возмущения общественности. Достаточно часто в постоянной рубрике «Что случилось» газеты «Ижевская правда» публиковались заметки о различного рода происшествиях. Так, в начале сентября 1925 г. срочно заключенные Ижевского исправдома Трофим Кадырманов, Илья и Николай Вахрушевы, находясь на бывшей Петровской даче на уборке зерновых в ночное время уходили в ближайшие деревни, совершали кражи коров, на которых подделывали документы, и продавали их на городском рынке [4].

На 1 июля 1924 г. в бегах находился 21 человек Ижевского исправдома. С 1 января по 1 октября 1927 г. в самовольных отлучках и побегах числилось 319 человек [21, л. 102; 22, л. 34]. В 1927 г. при побеге двух заключенных из портновской мастерской были украдены материалы на значительную сумму. Причем один из его организаторов выходил днем в город, подыскал и нанял лошадь для транспортировки груза. Некоторые беглецы учиняли в деревнях драки и дебош, терроризировали свои семьи или свидетелей по делу. Часто подобные инциденты заканчивались трагедией. В одной из таких потасовок в сентябре 1927 г. двое заключенных в д. Каменное близ Ижевска были убиты [22, л. 34].

На 1 июля 1922 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы ВАО находились 402 срочных заключенных, 60 – следственных [12, с. 116]. На 1 июля 1927 г. в Ижевском ИТД содержались 218 срочных заключенных и 31 следственных; в Глазовском – 194 и 26; в Можгинском домзаке – 46 и 8, всего – 458 срочных заключенных и 65 следственных; на 1 января 1928 г. соответственно 275 и 62; 162 и 20; 38 и 21, всего 475 и 103 [22, л. 32 об.]. Во втором полугодии 1927 г. по амнистии были освобождены из срочно-заключенных, осужденных до 6 месяцев лишения свободы, 161 человек, до 1 года лишения свободы – 37 и свыше 1 года – 19 человек [22, л. 33].

Лица, представлявшие серьезную опасность для общества, по решению судов оказывались осужденными и высланными в места заключения за границы ВАО. В марте 1926 г. за совершенные преступления за пределы области были отправлены 19 человек, в конце 1927 г. – 12 [25, л. 61–61 об., 67]. Некоторые из них бежали из мест лишения свободы и объявлялись во всесоюзный розыск. В частности, в декабре 1923 г. Иркутским ОГПУ разыскивался покинувший в числе 12 арестантов Н-Удинский домзак двадцатитрехлетний уроженец д. Кутоншур Сосновской волости Ижевского уезда В. Р. Загребин, осужденный за бандитизм. Ориентировки с указанием его особых примет (рост 1 метр 55 см, волосы русые, глаза карие, лицо побито ospой, на правом боку и левой ноге шрам от чирьев) были разосланы во все уголки страны [24, л. 93 об.].

Побеги становились частым явлением и из мест временного пребывания осужденных. Так, в ночь на 8 августа 1925 г. при попытке побега был тяжело ранен и затем скончался находившийся под стражей в Можгинском арестном доме рецидивист со стажем Михаил Белянин, пойманный с поличным на ст. Сюгинск Московско-Казанской железной дороги [23, л. 322]. В результате побегов не достигали мест заключения и депортированные в ВАО преступники. В основном это были уроженцы близлежащих областей и республик. Так, 21 декабря 1925 г. был объявлен во всесоюзный розыск высланный в область Н. Я. Дмитриев по кличке «Ай-Дати», 1883 года рождения, проживавший в г. Казани и осужденный Постановлением особого совещания при коллегии ОГПУ от 12 декабря 1924 г. В июне 1926 г. в г. Сарапуле скрылся уроженец Чистополь-

ского уезда Татреспублики Измаил Ибрагимов, приговоренный к 3 годам высылки [25, л. 3, 43 об.].

Многие бежавшие из мест заключения бандиты становились главарями новых преступных группировок. Так, в начале 1920-х гг. в Ижевске и уезде грабежом, разбоем, убийствами занималась вооруженная револьверами системы «Наган» и «Смит-Вессон» банда из четырех человек, руководство которой осуществлял сбежавший из тюрьмы и скрывавшийся от правоохранительных органов Иван Елосин (он же Сурнин). Награбленное имущество они хранили у знакомых и родственников в деревнях и сбывали с их помощью на рынке. Долгое время бандитам удавалось уходить от преследования благодаря прикрытию, обеспеченному им милиционером 1-го отделения милиции г. Ижевска А. Н. Даниловым. Он предупреждал их о розыске и местах облав, укрывал от поимки [18, л. 265]. На ликви-

дацию банды были брошены силы областной и городской милиции, которые в усиленном режиме патрулировали окрестности города. В результате 2 августа 1924 г. Иван Сурнин и Василий Черепанов были пойманы на месте преступления и убиты конвоирами при попытке бегства. 9 августа 1924 г. их сообщника Г. Карнаухова объявили в розыск [19, л. 53, 109–109 об].

Таким образом, рост преступности после окончания Гражданской войны, при переходе к нэпу объективно привел к созданию уголовно-исполнительной системы, на развитие которой в 1920-е гг. значительное влияние оказывали социально-экономические, политические, социокультурные факторы. Несмотря на существовавшие трудности и низкую эффективность деятельности, исправительно-трудовые дома, дома заключения и др. являлись неотъемлемой частью репрессивной политики государства в рассматриваемый период.

Литература

1. Аладына Л. С., Ковалев О. Г., Шабанов Г. Х. Российская уголовно-исполнительная система: исторические этапы формирования. М.: [б. и.], 2007. 344 с.
2. Брылева Е. А., Гилязов И. Ф. Развитие исправительных учреждений для несовершеннолетних: история и современность // История государства и права. 2015. № 8. С. 17–21.
3. Быков А. В. Становление и развитие пенитенциарной системы Западной Сибири в 1920-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Омск: Омский государственный педагогический институт, 2004. 300 с.
4. Ижевская правда. 1925. 11 ноября.
5. Ижевская правда. 1927. 16 апреля.
6. Ижевская правда. 1927. 27 апреля.
7. Ильягуев Д. М. Условия содержания заключенных в 1923–1930 годах: организационно-правовые аспекты исправительно-трудовой политики Советского государства // История государства и права. 2011. № 10. С. 2–5.
8. Михайлов В. С. Советская исправительно-трудовая политика в 1920-е гг.: возникновение института условно-досрочного освобождения осужденных и применения к ним мер, не связанных с лишением свободы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 12–3 (26). С. 128–131.
9. Никифорова Е. В. История становления и развития уголовно-исполнительной системы в Кузбассе: 1920-е – 1956 г.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2012. 25 с.
10. Никулин В. В. Преступность как социально-правовое явление в 1920-е годы: тенденции и состояние // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 2 (3). С. 55–60.
11. Обзор деятельности областного исполнительного комитета Вотской автономной области. 1923 – 24 хозяйственный год. Ижевск: Издание Вотского областного исполнительного комитета, 1925. 480 с.
12. Областное экономическое совещание Вотской автономной области. Отчет Совету труда и обороны на 1 октября 1922 года. Ижевск: Издание областного экономического совещания Вотской автономной области, 1922. 186 с.
13. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960 гг. М.: Звенья, 1998. 600 с.

14. Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург: [б. и.], 1997. 365 с.
15. Статистический ежегодник за 1928 г. Ижевск: Издание обстатотдела, 1929. 214 с.
16. Статистический ежегодник за 1927 г. Ижевск: Издание обстатотдела, 1928. 228 с.
17. Статистический сборник за 1924–1926 гг. Ижевск: Издание обстатотдела, 1927. 521 с.
18. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф.Р-137. Оп. 1. Д. 76.
19. ЦГА УР. Ф.Р-137. Оп. 1. Д. 78.
20. ЦГА УР. Ф.Р-357. Оп. 1. Д. 16.
21. ЦГА УР. Ф.Р-357. Оп. 1. Д. 50.
22. ЦГА УР. Ф.Р-357. Оп. 1. Д. 100.
23. ЦГА УР. Ф.Р-452. Оп. 1. Д. 151.
24. ЦГА УР. Ф.Р-452. Оп. 2. Д. 21.
25. ЦГА УР. Ф.Р-452. Оп. 2. Д. 22.

УДК 94(47)

Т. А. Булыгина

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ В 1940-е – 1990-е гг. НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

В исследовании раскрыты отдельные противоречивые стороны как советского обществоведения, так и его изучения в советской историографии в послевоенный период. В статье представлено авторское представление о сущности общественных наук и об их функционировании в советском обществе, о динамике и базисных принципах советского обществоведения. Работа отражает новые тенденции в советской гуманитарной науке, к примеру,

внимание к вопросам методологии истории, а также попытки возврата к функциям гуманитаристики как служанке идеологии. Кроме того, освещаются отдельные стороны взаимоотношений ученых-обществоведов и власти.

Ключевые слова: гуманитаристика, общественные науки, интеллектуальная история, историография, методология истории, идеологизация.

T. A. Bulygina

ON STUDYING SOME PROBLEMS OF INTELLECTUAL HISTORY OF THE SOVIET SOCIETY IN THE 1940s – 1990s

The study reveals some controversial aspects of the Soviet social science and its study in Soviet historiography in the postwar period. The article presents the author's view about the nature of social Sciences and on their functioning in the Soviet society, about the dynamics and the basic principles of Soviet science. The work reflects new trends in Soviet humanitarian science, for

example, attention to issues of methodology of history and attempts to return to the functions of the Humanities as the servant of ideology. It also highlights certain aspects of the relationship of social scientists and the authorities.

Key words: humanities, social Sciences, intellectual history, historiography, methodology of history, ideologization.

В историографии интеллектуальной истории СССР можно выделить разные направления – изучение научных школ, отдель-

ных интеллектуалов, состояния различных отраслей науки и культуры. В этом кругу определенное место занимает и проблема

функционирования в советском обществе общественных наук. Советское обществоведение было составляющим элементом политической, духовной, обыденной реальности нашей страны. Поэтому общественные науки как объект научного исследования в советской и постсоветской историографии оценивались принципиально по-разному в соответствии с подходами к изучению истории советского общества.

С одной стороны, мы исходим из того, что общественные науки – это комплекс дисциплин, объект исследования которых – общество и человек как член общества. В современной транскрипции – это социально-гуманитарные дисциплины. Кроме того, общественные науки – это и форма научной деятельности. В годы советской власти в эту деятельность включалась идеологическая работа, воспитательные функции по выработке у членов общества политической и идеологической лояльности к коммунистической власти, особый тип социального поведения, когда люди должны были демонстрировать свою приверженность и любовь к советскому строю.

Природа советского общества, представленная в советской литературе, не отражала всей сложной противоречивой картины советской действительности. Попытка беспристрастного анализа эпизодов советской истории наталкивалась на запретительные препоны в использовании всего комплекса источников, а также на заданные сверху схемы и готовые формулы вроде «диктатуры пролетариата», «обшечародного государства», «победившего социализма», «полной и окончательной победой социализма», «развитого социализма», «новой общности – советский народ» и т. п. В новой политической ситуации 1960-х гг. сообщества в условиях критики культа личности Сталина у профессиональных историков и гуманитариев в целом появилась надежда на более свободные возможности познания общества в СССР. Действительно, в эти годы приоткрылись некоторые страницы партийной истории большевиков, история небольшевиетских партий России до революции, новые данные о самой Российской революции. Позже, в 1970-е гг., как свидетельствуют источники, появились попытки более свободного мышления в философской и политэкономической литературе.

Однако в целом обществоведческие работы продолжали развиваться в тесных

одеждах официальной идеологии. Некоторые изменения партийной линии влияли лишь на частичные переоценки отдельных лидеров страны, но в целом критерии оценки советской истории оставались неизменными. В любом случае и в учебной, и в научной литературе неизменными оставались тезисы о нарастании советской экономической мощи, об улучшении благосостояния народа, о повышении активности масс, о развитии социалистической демократии и возрастании роли коммунистической партии.

Попытка переосмыслить советскую историю в рамках советской политической системы была предпринята в годы Перестройки. Особенностью этого периода стал публицистический стиль высказываний. Ученые-обществоведы те годы часто выступали как публицисты. Несмотря на неразработанность проблем истории и содержания советского общества, откровенную идеологизированность, иллюзии, именно тогда были поставлены новые для советской истории вопросы и стала ясной тупиковость одномерного методологического подхода в изучении советского общества. В конце восьмидесятых годов в полной мере проявился кризис отечественного обществоведения.

Положение российской историографии к концу 1990-х гг. уже отмечалось многообразием подходов к изучению советского периода отечественной истории. Однако в те годы сохранялось значительное влияние политических веяний на взгляды ученых-гуманитариев. В это время окончательно сформировалось либерально-демократическое, консервативно-патриотическое, центристское, социал-демократическое направления современной российской общественной мысли. Следует отметить такое типичное для революционных времен явление, как переход, казалось бы, убежденных советских обществоведов на крайние позиции антикоммунизма. Уместно здесь вспомнить объяснение этому явлению, которое дает Теодор Шанин. Он считал, что такое происходит при методологической близости политически враждебных точек зрения, когда политические противники убеждены в непоколебимости идеи модерна о бесконечном прогрессе, о линейности общественного развития. Тогда авангардом этого процесса является либо коммунизм, либо универсальный «Техас» [16, с. 17]. Историогра-

фия 2000-х гг. – это как раз история преодоления политизации социально-гуманитарной науки и путь к разнообразию методологических подходов и теоретических оснований.

Отечественная историография общественных наук 1950-х – 1980-х гг. очевидно распадается на две части, согласно двум различным базисным принципам ее оценок. Это советская литература и работы, изданные после 1992 года. Вторая группа работ отличается разнообразием подходов, плюрализмом методов и мнений. Однако, как нам представляется, глухой границы между этими периодами историографии нет. Некоторые старые тенденции повторялись и в ряде публикаций 1990-х – начале 2000-х годов. Кроме того, даже в крайне критических исследованиях советского обществоведения господствовала методология прогресса и бинарности.

В 1930-е – 1940-е гг. сложилась стабильная система общественных наук, но изучение их истории относится только к концу 1960-х годов. До этого роль общественных наук свелась к комментированию партийных решений и речей вождя, что в конечном итоге вело к оскудению научного потенциала советского обществоведения. Как свидетельствуют источники, советская история находилась за пределами научных исследований, и ограничивалась данными «Краткого курса» и текущими партийными указаниями. Например, как установила комиссия отдела ЦК КПСС летом 1954 г., в Грузинском отделении Академии наук СССР с 1941 г. не было подготовлено ни одной научной работы по современной тематике [13, с. 51]. На кафедре истории КПСС исторического факультета МГУ из 25 кандидатских диссертаций, защищенных в 1958–1960 гг., только в 2 исследовался советский период [4, с. 129].

В условиях, когда сталинское руководство стремилось к утверждению державного авторитета СССР, такая ситуация вызывала недовольство партийно-государственной власти. Специальное постановление ЦК ВКП (б) 1951 г. содержало призыв к обществоведам покончить с догматизмом и начетничеством в общественной науке [8, с. 245–246]. Более того, призыв к творчеству в обществоведческих науках прозвучал из уст Сталина, как бы цинично это ни выглядело в контексте идеологического диктата и репрессивной политики в отношении обществоведческой элиты: «Об-

щепризнанно, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики» [15, с. 28].

После XX съезда партии расширилась тематика обществоведческих исследований, появились робкие попытки научного изучения отдельных вопросов истории советского общества, в том числе идеологии, образования, науки и культуры. Обществоведами первоначально был принят с доверием тезис XX съезда о творческом развитии марксистско-ленинской теории. В то же время вопросы истории общественных наук в СССР находились в эпицентре идеологических установок. Поэтому обществоведческие исследования продолжали оцениваться властью исключительно под углом зрения партийных установок, и эти оценки не зависели от результатов объективного исторического анализа.

Проблематика истории общественных наук в советское время впервые серьезно начала разрабатываться авторами много томного историографического издания под редакцией М. В. Нечкиной «Очерки истории исторической науки в СССР» [9]. В книге впервые представлен систематизированный фактический материал по советской историографии со строгим соблюдением хронологической последовательности. Здесь освещались государственная политика советских власти в отношении обществоведения, изменения исторических кадров страны с 1917 г., их продукция, а также история исторического образования в СССР. Таким образом, в много томнике были освещены ряд вопросов интеллектуальной истории советского общества. Советская историческая наука была представлена в IV–VII томах издания.

Двойственность позиции авторов данного издания демонстрирует положение советской историографии в целом. Попытка непредвзятого анализа ситуации в советской науке сталкивалась с необходимостью следовать партийным оценкам, для которых был характерен бинарный принцип этих оценок господствующей идеологией: марксистские или немарксистские работы. Рефреном звучит идея борьбы за марксизм в исторической науке. Авторы подробно освещают характер дискуссий и споров, серьезно анализируют содержание учебников, чему была посвящена отдельная глава, историю исторической периодики. В то же время был обойден вопрос о репрессиях гуманитариев в 1920–1930-е гг.

В этом труде отрицался любой научный метод, кроме марксистского. Так, история России Н. А. Рожкова [12] подверглась критике за попытку психологического подхода в историческом исследовании [10, с. 169]. В то же время в издании помещен материал Г. Д. Алексеевой и Л. В. Ивановой о научно-исторических учреждениях и формировании кадров. Авторы, несмотря исключительно хвалебные оценки советской историографии, вроде: «Советская историческая наука в 30-е годы достигла блестящих успехов», нарисовали реальную картину смены активной научной жизни гуманитариев в 1920-е – начале 1930-х гг. мертвящим единообразием 1930–1940-х годов. В это время были ликвидированы профессиональные организации историков, была сломлена глухая оппозиция сотрудников Академии наук, отпала необходимость в альтернативных коммунистических научных структурах, один за другим были закрыты профессиональные периодические издания.

Данный многотомник также демонстрирует жесткую зависимость советской историографии от политики власти. Так, в 5-м томе история исторической науки 1930–1960-х гг. изложена в соответствии с политической конъюнктурой 1970–1980-х гг., а вопрос о вредных последствиях культа личности Сталина для советской науки был обойден. Более того, в книге была дана положительная оценка работ Сталина о языкознании и его книги «Экономические проблемы социализма в СССР» как средство развития исторической науки 1950-х годов [11, с. 21–22].

Обращает на себя внимание умолчание «неудобных» фактов из истории советской науки и даже искажение этих фактов, как, например, описание дискуссии вокруг «Истории Казахской ССР» или критика труда Н. Л. Рубинштейна по историографии [11, с. 19–20]. Разгром журнала «Вопросы истории» сведен к общей фразе об укреплении идейности, дана хвалебная оценка соответствующего партийного постановления. История партийного решения по Саратовскому университету вообще была обойдена. В соответствии с позицией очередного издания учебника по истории КПСС сталинский «Краткий курс» был высоко оценен как вклад в советскую историографию, но, ни слова не было сказано о вреде этой книги для советского обществоведения. Не произошло никакого

переосмысления идеологических решений ЦК ВКП (б) конца 1940-х гг., т. к. давалась положительная оценка партийной борьбы партии с аполитичностью и безыдейностью, а также с буржуазным космополитизмом [11, с. 12]. Очевидно, стремление авторов замолчать многие факты из истории 1950-х годов.

Настрой авторов 4-го тома был совершенно иным. Он был проникнут духом XX съезда. В нем прямо говорилось о том, что в начале 1930-х гг. в научной жизни страны проявились отрицательные черты, связанные с влиянием складывающегося культа личности Сталина [10, с. 208]. В целом авторы этого фундаментального издания искренне стремились к достаточно полному рассказу о советской исторической науке. Было системно представлено развитие высшего исторического образования, история становления и функционирования академической науки, дана обширная историография, включая труды ряда опальных и не вполне благонадежных ученых-историков. К примеру, говоря об истории российского империализма, были включены имена представителей «нового направления», разгромленного партийными чиновниками. Здесь дано системное описание высшего исторического образования, история развития академической науки, связей советских ученых с зарубежной наукой, обширная историография в разных отраслях истории, включая имена впоследствии опальных историков. Например, говоря о работах по истории российского империализма, были названы имена А. Я. Авреха, И. Ф. Гиндина, А. П. Сидорова, К. Н. Тарновского, П. В. Волобуева. Среди тех, кто в 1960-е гг. плодотворно занимался проблемами истории советского общества, были названы В. П. Данилов и С. И. Якубовская, раскритикованные позже за аполитизм [11, с. 30]. В целом можно говорить о том, что «Очерки истории исторической науки в СССР» были не только этапом в советской историографии, но и новым явлением в интеллектуальной жизни общества.

Рассматривая историографию интеллектуальной жизни советского общества в 1960-е гг., обращаешь внимание на рост интереса советского обществознания к вопросам методологии. Об этом же писал А. Я. Гуревич, отмечая методологический бум 1960-х гг., когда были впервые обозначены подступы к свободному анализу историческо-

го процесса [7, с. 70]. Добавим, что не только в исторической, но в целом в социально-гуманитарной науке СССР. В самом деле, в конце 1960-х гг. появилась на свет целая серия работ советских авторов и переводных изданий, в которых предметами исследования стали содержание и функции общественных наук. Эти исследования отличались неординарностью подходов и перспективностью идей. Не случайно многие из этих авторов попали под огонь партийной критики.

Такое внимание к теории и методологии гуманитаристики объяснимо тем ветром свободы, который был спровоцирован переменами во внутренней политике, которые в свою очередь раскололи научное сообщество на «сталинистов» и «антисталинистов». Общественные науки оказались в тупике идеологических ограничений, и наиболее думающие обществоведы неминуемо обратились к истокам любой науки – ее подходов, принципов и методов. Следует также заметить, что изменившаяся политическая ситуация резко повлияла и на нравственную позицию ученых. Критика официозных идеологов существенно затрудняла научные поиски, но в ряде случаев не прерывала их, и в научном сообществе все чаще, несмотря на брежневский неосталинизм, возникали и развивались некоторые свежие концепции.

Перевод и издание книги английского физика и общественного деятеля Дж. Бернала «Наука в истории общества» стали возможны в связи с его социалистическими взглядами [1, с. 528]. Тринадцатая глава этого труда была посвящена истории общественных наук. Несмотря на сочувствие марксизму и Советскому Союзу, автор обращал внимание на слабое освещение теоретических проблем науки в нашей стране. Он отмечал наличие догматизма и замкнутости исследований большинства советских гуманитариев, кроме того ученый критиковал и давление текущей политики на общественное знание, и примитивизацию ряда философских теорий. Вместе с тем, он видел преимущество советского обществоведения в том, что именно они обосновывали смелый социальный эксперимент по строительству социалистического общества, по экономическому планированию. Представляется, что публикация подобных работ в СССР после XX съезда КПСС была также серьезным сдвигом в интеллектуальной жизни советского общества.

Событием, которое стало этапным в интеллектуальной истории Советского Союза, было создание в 1964 г. М. Я. Гефтером в рамках Института истории Академии наук СССР сектора методологии, который вырос из методологического семинара М. Я. Гефтера. Именно силами этого сектора в 1969 г. была создана книга «Историческая наука и некоторые проблемы современности» [6], которая стала исключительным явлением в интеллектуальной жизни гуманитариев. В условиях господства идеологического диктата появление такого неординарного интеллектуального продукта сопровождалось преследованиями и оргвыводами. Так, упомянутый выше сборник стал поводом к закрытию сектора М. Я. Гефтера по указанию ЦК КПСС. Основанием стало «идеологическое несоответствие». При этом взамен открытой научной дискуссии по проблемам этого научного труда власть применила испытанное идеологическое оружие – было проведено закрытое обсуждение на кафедрах Академии общественных наук при ЦК КПСС, при этом без участия авторов издания [14, с. 208]. Именно после этого обсуждения не столько в научной, сколько в партийной среде сектор методологии в структуре Института всеобщей истории не был предусмотрен. В то же время в решении ЦК был любопытный тезис об организации такого подразделения для разработки теоретических проблем истории *на основе марксизма-ленинизма (выделено авт.)* [2, с. 4].

Кроме того, в главном партийном издании, претендующем на разработку теоретических вопросов марксизма-ленинизма, журнале «Коммунист» в 1969 г. вышла статья группы консервативных историков, которая стала откровенным манифестом воинствующего сталинизма; в ней были предъявлены обвинения тем ученым, которые предпринимают «попытки пересмотра проверенных жизнью истин, давно утвердившейся принципиальной партийной оценки важнейших фактов и исторических событий». Авторы, среди которых был помощник Генерального Секретаря ЦК КПСС, назвали 12 имен «заблуждающихся» работников общественной науки и деятелей культуры. Среди них были и некоторые авторы сборника. Упомянулся и А. Х. Бурганов, докторская диссертация которого якобы продемонстрировала «отступление от ленинской концепции Октябрьской революции» [13, с. 76]. Авторы статьи показали

пример живучести сталинского стиля в общении с наукой. Это особенно ярко проявилось в отношении В. П. Данилова, чья монография «Коллективизация сельского хозяйства в СССР 1927–1932» в 1966 г. была возвращена из издательства под предлогом доработки (а на самом деле за попытку сказать правду о коллективизации) [7, с. 162–163]. Официозные историки, упомянувшие его в статье, не могли мириться с тем, что В. П. Данилов «посмел» говорить о жестокости политики коллективизации [13, с. 78–79].

Чтобы понять, что же вызвало возмущение ортодоксов в книге «Историческая наука и некоторые проблемы современности», обратимся к текстам сборника, которые свидетельствовали об остром интересе ученых к проблемам методологии гуманитарной науки, включали и идеи, высказанные учеными на заседании секции общественных наук Академии наук СССР 3–6 января 1964 года.

Даже выступления официозных гуманитариев, подчиняясь духу времени, содержали критику сталинизма. Так, в официальном докладе П. Н. Федосеева и Ю. П. Францева говорилось о том, что в четвертой главе «Краткого курса» давалось одностороннее экономическое понимание исторической науки [6, с. 7, 11]. В своем выступлении осторожный и конформный историк Б. А. Рыбаков говорил о необходимости преодолеть страх и переступить запретную черту в исторических исследованиях [6, с. 23, 62]. М. В. Нечкина, сторонившаяся дискуссионных проблем и пытавшаяся показать лояльность власти, откровенно проговорила, что учебник в сталинскую эпоху рассматривался не просто как учебное пособие, но как свидетельство развития марксистско-ленинской концепции исторического

процесса [6, с. 233]. В качестве подобного примера можно также привести выступление Б. Поршнева о роли социальной психологии в историческом процессе [6, с. 305].

М. Я. Гефтер же не ограничился общими заявлениями о том, что методология истории в нашем обществе только лишь получает права гражданства. Он прямо ставил вопрос об альтернативности истории, возражал против линейного понимания истории, «выпрямления» пути ее развития и против канонизации устоявшихся стереотипов [6, с. 144, 149]. Ученый предложил шире взглянуть на теоретическое наследие К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина [6, с. 631–637] с позиций методологического плюрализма. Он писал в своей статье о необходимости изучения связей марксизма с исторической практикой XX столетия. Рефреном звучала мысль о необходимости права на творческий подход к любой научной проблеме. Без этого права невозможно и дальнейшее развитие исторической науки.

Вместе с тем данная книга, конечно, не выходила за пределы партийности и идеологической обусловленности, в границах, очерченных XX и XXII съездами КПСС.

Таким образом, «Очерки истории исторической науки в СССР» и «Историческая наука и некоторые проблемы современности» демонстрировали, с одной стороны, новые тенденции в советской историографической традиции, а с другой, показали два пути развития этих тенденций. Первый путь шел через конформизм к возможности профессионально работать, а второй – от искренней убежденности в правоте марксизма, который надо только модернизировать, к принятию разнообразия принципов и подходов в исторической науке.

Литература

1. Бернал Дж. Наука в истории общества. М.: Иностранная литература, 1956. 743 с.
2. В ЦК КПСС // История СССР. 1969. № 3. С. 4.
3. Голиков В., Мурашов С., Чхиквишвили И., Штагин Н., Шаумян С. За ленинскую партийность в освещении истории КПСС // Коммунист. 1969. № 3.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф.9606. Оп. 1. Д.1209.
5. Гуревич А. Я. Двоякая ответственность историка // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 74–84.
6. Историческая наука и некоторые проблемы современности Сборник статей / под ред. М. Я. Гефтера. М.: Наука, 1969. 430 с.
7. История советской политической цензуры. Документы и комментарии. Сборник документов / отв. Т. М. Горяева М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. 672 с.

8. О мерах улучшения преподавания общественных наук в высших учебных заведениях. Постановление ЦК ВКП(б) 6 августа 1951 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т8. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1985. С. 245–246.
9. Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 томах / под общ. редакцией М. В. Нечкиной. М.: Наука, 1955–1968.
10. Очерки истории исторической науки в СССР. Том IV / под общ. редакцией М. В. Нечкиной. М.: Наука, 1966. 855 с.
11. Очерки истории исторической науки в СССР. Том V / под общ. редакцией М. В. Нечкиной. М.: Наука, 1986. 605 с.
12. Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики): в 12 томах. П.-Л.-М.: Книга, 1918–1926.
13. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 17. Д. 454.
14. Социологический журнал. 1995. № 3.
15. Сталин И. Относительно марксизма в языкознании. К некоторым вопросам языкознания. М.: Главполиграфиздат, 1950. 40 с.
16. Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. 1917–1922. М.: Весь мир, 1997. 560 с.

УДК 303. 026

В. А. Дмитриев

**ОБ АКТУАЛЬНОСТИ КАТЕГОРИИ «ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТ»:
ЧАСТЬ 2. ФАКТ И ИНФОРМАЦИЯ**

Этнографический факт в статье рассматривается как информация об этносе и его культуре. Содержанием этнографического факта является архаика – сохраненный пережиток. Специфика источника определяется не только его свойствами как носителя информа-

ции, но и разновидностями науки: описательной этнографии, теоретической этнографии, музееведения.

Ключевые слова: факт этнографической науки, информация, источник, архаика, этнография.

V. A. Dmitriev

**THE RELEVANCE THE «ETHNOGRAPHIC FACT» CATEGORY:
PART 2. THE FACT AND INFORMATION**

In the present article an ethnographic fact is viewed as information about an ethnic group and its culture. The content of an ethnographic fact is archaic – preserved relicts. The peculiarities of the source are determined not only by its properties

as a medium of information, but also branches of science: descriptive ethnography, theoretical ethnography and ethnographic museum science.

Key words: the fact of ethnography, information, source, archaic character, ethnography.

Подход, ведущий к разделению наблюдений на факты действительности и факты науки, призван декларировать объективный характер науки, но он соответствует принципам познания, когда сопоставляются факт действительности – явление, попавшее в поле наблюдения, и факт науки, фактофиксирую-

щее предложение [14, с. 46–47; 6, с. 34–41; 22, с. 106–115; 11, с. 129–148]. Для исторического познания разделяют в одном случае, научно-исторический факт [1, с. 152], в другом, восприятие ученым факта и фиксация им его в источнике [5, с. 82–83]. Не подвергается критике положение о том, что объективной

предметности (факту-реальности) путем ее фиксации должен быть придан статус научного факта при помощи введения его в концептуально определенную логико-семантическую схему [2, с. 93]. Так происходит потому, что реальное сначала маркируется как состояние присутствия предмета, а затем как вторичное представление о предмете [20, с. 9], так происходит взаимодействие исследователя с фактом действительности как переход от незнания к знанию [16, с. 44].

Взаимодействие исследователя с действительностью означает переформатирование информации. Еще до образования фактосуждения в мозгу исследователя возникают факты-впечатления и факты-переживания [20, с. 13–15]. Затем информация трансформируется в две разновидности фактофиксирующего суждения, либо как речь, либо как образ. После этого она соединяется с адекватным носителем, в результате чего образуется источник фактов науки. Сведения, прошедшие через фактосуждение, релевантны факту действительности в той же мере, в какой они релевантны тем установкам науки, которым исследователь следует. Для одной категории источников их рождение происходит при соединении информации с новым носителем (этнографические факты, вошедшие в полевые записи), для другой – при отделении от среды бытования (вещи), для третьей сохраняется прежний носитель (факты, зафиксированные другими исследователями).

Особую информацию предоставляют вещи, которые всегда остаются элементом действительности и трактуются как чистая бесконечная информация [3, с. 121]. При этом вещь является фактом и остается носителем информации. Информацию о вещи наблюдатель создает ее описанием, т. е. созданием источника науки, информацию в вещи он получает, используя другие методики. Второй вид информации латентен, но доступен. Информация о вещи и содержащаяся в ней выявляется дважды, в среде первичного бытования (в полевом исследовании) и в среде музейного бытования (в процессе документирования музейного предмета).

Существует еще одна категория информации, близкая к вещи – ментальные конструкции, существующие в изучаемой среде и отмечаемые исследователем. К ним мы отно-

сим фольклорные памятники, высказывания информантов-носителей данной традиции (материалы интервью, рассказы очевидцев и «знающих людей», оценочные высказывания, мнения, аутостереотипы, проявления коллективного самосознания, предания, слухи) и информантов из другой среды (гетеростереотипы), иначе интерпретации культуры, исходящие из среды ее носителей [15, с. 40–47]. Как факт они двойственны: с одной стороны, являясь прозвучавшими высказываниями, они реальны; с другой стороны, они могут быть ложными, вымышленными, сугубо авторскими, вторичными, косвенными и т. д.

Источники, используемые в этнографии, могут быть разделены по общей схеме на остатки и известия [10, с. 146–147]. Относительно собственных этнографических источников полагают, что, имея дело с реально наблюдаемой культурой, исследователи не нуждаются в источниках-остатках, а известие можно заменить на свидетельства других людей.

Зафиксировав первичный факт, эмпирическая наука делает все возможное для его архивации, создавая источники, включающие в себя и факт (факт-фактосуждение) как информацию и носитель данной информации, что приводит к появлению предмета сохранения этнографического факта вне среды, породившей его: вербальное описание (запись в полевом дневнике или любое записанное свидетельство очевидца, зрительное свидетельство (фотография или рисунок, звуковое свидетельство (фонозапись), музейная коллекция.

Движение от факта к источнику давно уже принято в археологии, хотя далеко не всегда исследователи разделяют категории памятника (археологический факт) и источника. В археологии памятник существует независимо от исследователя и, что важно, с исследованием информативность памятника падает вплоть до исчезновения памятника в процессе раскопок, а информативность источника возрастает [9, с. 71–75].

Попробуем еще раз рассмотреть связь понятий «источник» и «факт», двигаясь теперь от источника к факту. При всей значимости факта в признании его реальности в определенном смысле присутствует компонент доверия к сообщаемым фактосуждениям. Достоверность фактосуждения обсуждается реже, чем истинность источника.

этнографа. Только вещи, находящиеся в бытовании, активном или пассивном, являются фактами действительности. Остается вопрос, можно ли применить понятие источника к вещам, находящимся в бытовании. Само бытование, сферу отношений, в которых состоят вещи, можно отнести к фактам действительности, однако уже наблюдение за бытованием вещей имеет признаки научного эксперимента и реализуется в фактосуждениях, запись фактосуждения является фактом науки. Изъятие из бытования вещи подлинности не теряют, меняя типичность с культурно-оригинальной на коллекционную. Пребывание в коллекции не делает вещи фактом науки: факт коллекции – это отдельная категория. Для превращения вещи в факт науки необходимо получение ею статуса документа, т. е., с одной стороны, соединения предмета с культурологической информацией, включая выделенную информацию о самом предмете, с другой стороны, подключения предмета в качестве источника для научных моделей описания культуры. Таким образом, фактом науки вещь становится только в музее, хотя возможным становится их произвольное использование, превращающее документ в пособие.

Если говорить об источниках, привлекаемых в этнографии, то следует подчеркнуть, что таковыми они являются, содержа информацию, необходимую для этнографического исследования и находящуюся не только в специфических фактах науки, что определяется существованием ряда самостоятельных научных дисциплин, но и, как представляется, и в категориях фактов действительности. В археологии существуют факт действительности в виде находящегося в земле артефакта и факт науки в виде отчета о раскопках разведках. Есть также и фольклорный факт действительности в виде интонированного речевого образца, и фольклорный факт науки в виде его записи исследователем. Если этнографическая информация присутствует в источнике мемориального вида, то и изначально она содержалась в факте биографии лица, оставившего мемуары. По-видимому, проблемы, связанные с этнографическим фактом действительности, на самом деле больше, чем в других научных дисциплинах, зависят от доли субъективизма в методах науки. Причем данный субъективизм присутствует в двух измере-

ниях: как в субъективности предмета науки – этничности, так и присутствии наблюдателя. Роль последнего весьма велика, если метод непосредственного наблюдения получил статус научного и основного [4; 8; 12; 13].

Определение категории этничности не помогает определению категории «этнографический факт» потому, что, во-первых, характеристику основного объекта науки нельзя дать, находясь в ее рамках, и этнография в этом плане не является исключением, а, во-вторых, этнография не столько изучает этничность, сколько, как это становится постепенно ясным, существует и действует в рамках этнической парадигмы. К полевой этнографии это относится особо, т. к. исследователь/наблюдатель отправляется в среду общности, уже априори признанной этнической.

Основной метод этнографии – полевое непосредственное наблюдение – придает ей характер дисциплины, синхронизирующейся с предметом изучения, в этом плане этнография всегда была наукой о современности. Однако синхронизм не относится к целеполаганию данной науки, о чем можно судить, наблюдая как предметную область современности все более подчиняет себе относительно новая научная дисциплина – история повседневности [17, с. 3–19].

Из того, что полевая этнография не ориентирована на изучение явлений в их диахронии, не следует, что она ими не занимается, на деле из других областей этнологического знания поступает целеуказание на отбор традиционных явлений в синхронно наблюдаемой культуре. Возможно, категория традиции не вполне адекватна этому целеуказанию, т. к. указывает на наличие устойчивой межпоколенной трансмиссии культурных стереотипов, не предполагая характеристики стереотипов, предшествующих фиксируемому. Более адекватно понятие архаики – актуализированного пережитка, что несколько шире присутствия первобытности в современности [3, с. 42–58]. Надо полагать, что этнографы советской школы не случайно так активно отстаивали приоритет своей науки в изучении первобытности [23], и не зря исследование архаики обозначилось в синтезе археологии и этнографии [19].

Предлагается рассматривать этнографический факт в двух смыслах: узком как выделяемые исследователем при наблюдении

устойчивые компоненты архаики и этнической специфики и в широком как информацию, полученную исследователем. Поиск информации определяет категорию факта, а ее закрепление категорию источника. Все же дискуссии по поводу соотношения этнографического факта и этнографического источника ведутся относительно феноменологического понимания факта [3, с. 116–122].

Если этнографический факт в его общем смысле – сохраняющаяся в источнике информация, не исчезающая при смене наблюдателя, то факт науки есть последующая ему форма. Он существует в трех разновидностях научной среды: описательная этнография, теоретическая этнография и этнографические музеи.

В описательной этнографии не делается различия между фактами науки и фактами действительности. Теоретическая этнография обладает особой спецификой в обращении с фактами. В музейной среде этнографический факт существует в наиболее разнообразных формах:

- в виде сберегаемого объекта культурного наследия, в этом качестве он выступает также доказательством ценности этнографического/этнологического знания;
- в виде документа-музейного предмета: вещь, фотография и другие источники этнографической информации и элементы музейного собрания;

– в виде источника/пособия для изучения культурной среды его происхождения;

– в виде инструмента для построения наглядных реконструкций (экспозиционные, графические, вербально-лекционные, каталоги и т.д.), как в структурных (цель продемонстрировать соотношение элементов предметного набора), так и образных (цель создать нужный комплекс идей и чувств) формах.

Реконструкция в музейной среде, как и вся экспозиционная деятельность, ведут к выработке наглядных образцов идеализированной культуры, предназначенной для создания проектируемых образов культуры, что можно назвать «культурологической моделью», сотканной из фактов науки с добавлением объяснительных технологий и идеологических утверждений. В модели вещам и другим источникам возвращается значение факта действительности, тогда как всем образованным из музейных предметов комплексам приписывается значение фактов науки, наделенных свойством истинного отражения действительности. Этнографический факт занимает место в деятельности музеев по реинтерпретации исторической памяти [18, с. 3], а этнографический музей остается местом проверки этнографического факта науки на его соответствие факту действительности.

Литература

1. Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. 342 с.
2. Батыгин Г. С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М.: Наука, 1986. 270 с.
3. Белков П. Л. Этнос и мифология. СПб.: Наука, 2009. 281 с.
4. Громов Г. Методика этнографических экспедиций. М.: Изд-во МГУ, 1966. 110 с.
5. Гуревич А. Я. Что такое исторический факт // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М.: Наука, 1969. С. 384–426.
6. Дорошенко Н. С. К проблеме факта в историческом познании // Методологические вопросы общественных наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. Вып. 2. С. 34–41.
7. Ерофеев Н. А. Этнические представления как предмет исследования // Расы и народы. М.: Наука, 1983. Вып.13. С. 34–52.
8. Жлоба С. П., Чернякевич И. С. Полевая этнография (Теория и практика полевых этнографических исследований). Пособие для студентов исторических факультетов. Брест: БрГУ им. А. С. Пушкина, 2007. 226 с.
9. Жук А. В. Источники археолого-этнографического комплекса (взгляд археолога) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. 1. Омск – СПб.: Издание Омск. ун-т, 1998. С. 71–75.
10. Данилевский И. Н. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: Российский государственный гуманитарный ун-т, 1998. 702 с.

11. Ковальченко И. Д. Исторический источник в свете теории информации: К постановке проблемы // История СССР. 1982. № 3. С.129–148.
12. Козьмин В. А. Учебник полевой этнографии. Гл. I: Полевая этнография в системе методов этнографической науки // Кунсткамера: Этнографические тетради. 1993. Вып. 2–3. С. 457–470.
13. Козьмин В. А. Учебник полевой этнографии. Гл. II: Организационные основы полевой этнографии // Кунсткамера: Этнографические тетради. 1994. Вып. 4. С. 364–374.
14. Логика научного исследования / сост. П. В. Копнин, М. В. Попович. М.: Наука, 1965. 360 с.
15. Неклюдов С. Ю. «Этнографический факт» и его фольклорные экспликации // Фольклор и этнография. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 40–47.
16. Пименов В. В. Этнографический факт // Этнографическое обозрение. 1990. № 3. С. 42–51.
17. Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.
18. Скрипкина Л. И. Проблемы презентации исторического наследия: культурная и общественная миссия музеев // Музей в региональном пространстве: презентация исторического наследия, культурная и общественная миссия. Саратов: Новый ветер, 2011. С. 3–14.
19. Савинов Д. Г., Подольский М. А. Теория и методология архаики. СПб.: МАЭ РАН, 1998–2013.
20. Чеснов Я. В. Этнологическое мышление и полевая работа // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 3–15.
21. Шер Я. А. К характеристике понятия «археологический факт» // Проблемы реконструкции в археологии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 5–16.
22. Штофф В. А. Введение в методологию научного познания. Л.: ЛГУ, 1972. 191 с.
23. Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М.: Наука, 1979. 168 с.

УДК 94(47).073

Д. С. Дударев

НЕКОТОРЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О «КАВКАЗСКИХ ПЛЕННИКАХ» И ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОГО ОРИЕНТАЛИЗМА

В статье в контексте исследований по проблеме российского ориентализма на материалах мемуаров россиян, находившихся в плену у горцев во время военных действий в первой половине XIX в., рассматриваются некоторые черты этого феномена. Они заключаются в описании отдельными авторами образов горцев, характеризующихся доминированием отрицательных качеств и их гротескной подачей. С другой стороны, в дневниках

ряда «кавказских пленников» при наличии черт ориентализма присутствует динамика в сторону объективных характеристик горцев, которая свидетельствует о попытках более глубокого и объективного проникновения россиян в мир ментальности и культуры жителей гор.

Ключевые слова: российский ориентализм, дискурс, дегуманизм, концепция «благородного дикаря», пленопродавство, хадисы, горские комбатанты, равноценность Другого.

D. S. Dudarev

SOME WORKS OF MEMOIR LITERATURE OF «PRISONER OF THE CAUCASUS» AND THE PROBLEM OF RUSSIAN ORIENTALISM

The article is written in the context of research on the Russian orientalism, based on memoirs of Russians, who were held captive by the mountaineers during the war in the first half of the XIX c. The article studies some features of this phenomenon. They consist in the description of mountaineers' characters by the individual authors, characterized by the dominance of negative qualities and their grotesque presentation. On the other hand, the diaries of

some «prisoners of the Caucasus» besides the features of Orientalism include dynamics towards objective characteristics of the mountaineers, which testifies to the Russians' efforts of deeper and more objective penetration into the mentality and culture of these people.

Key words: Russian Orientalism, discourse, dehumanism, the concept of the «noble savage», slave trading, Hadith, Mountain combatants, the equivalence of the Other one.

В последнее десятилетие все больше историков-кавказоведов обращаются к актуальной проблеме ориентализма на Северном Кавказе. Истоки проблемы, как известно, восходят к работам американского историка палестинского происхождения Э. В. Саида [15]. Главным стержнем исследований в области ориентализма, как считает В. А. Захаров, стало изучение образа Востока в восприятии западных ученых и связей между этнографической наукой и имперской властью [8, с. 6]. Весьма рельефно эта проблема была поднята авторами известного учебного пособия по истории Северного Кавказа [16, с. 307–326]. Анализируя работы Э. Саида, ученые отмечают близость черт образов Востока и Кавказа,

созданных западными ориенталистами и проявляющихся в дегуманизме, пассивности и общей имиджевой негативности [16, с. 319]. По их мнению, и в произведениях русской классики (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов), и в работах ряда дореволюционных историков и этнографов неоднократно встречается искусственный образ горцев как людей, исключительно склонных к грабежу и насилию. В лучшем случае, к некоторым горским деятелям, например, имаму Шамилю, было применимо понятие «благородного дикаря», перекочевавшее из западноевропейской публицистики [16, с. 310]. Влияние ориенталистского дискурса на современное кавказоведение видится авторам пособия в работах М. М. Блиева и

некоторых его последователей. По существу, с точки зрения этих авторов, «ориентализмом» можно считать подачу черт и свойств горцев в отрицательном ракурсе. Со своей стороны, В. А. Захаров обратился к теме ориентализма в связи с анализом произведений М. Ю. Лермонтова. Признавая его представителем русского ориентализма, ученый, тем не менее, отмечает, что к творчеству поэта стали обращаться все последующие писатели и поэты, для которых *Восток и ислам были не враждебными понятиями* (авт.) [8, с. 22–23]. Но если это так, то лермонтовский «ориентализм» далек от саидовского. В. А. Захаров убедительно показал, что не творчески применять оценки, сделанные Э. Саидом, к области отношений между Россией и Северным Кавказом, невозможно. На тех же позициях стоят В. Б. Виноградов и И. Г. Черноусова, которые подвергли критике авторов названного пособия за копирование западных «ориенталистских клише» [4]. Е. А. Казакова, описывая некоторые негативные горские реалии в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, не пользуется вербальным инструментарием описания «ориентализма» (в русле подходов авторов указанного пособия) [12]. Проблема ориентализма является предметом исследований Д. С. Ткаченко, который, обратившись к одному из наиболее знаковых трудов по истории Северного Кавказа начала XIX в., принадлежавших перу Ю. Клапрота, показал (опираясь на работу Ч. Кинга), что творчество именно этого ученого, находившегося одно время на российской службе, во многом лежит в основе европоцентрического представления о горце как «благородном дикаре» [18, с. 235–236]. Как видим, проблема ориентализма и необходимость его изучения еще не вполне осознаны отечественными историками, а подходы исследователей и критиков проявлений этого феномена в российской исторической науке далеки от единства во взглядах на существо данного явления и происхождение его понятийного аппарата.

Важным источником для изучения проблемы ориентализма на Северном Кавказе является мемуарная литература, вышедшая из-под пера россиян, побывавших в плену у горцев в период военных действий на Кавказе в первой половине XIX в. [9]. Их трудные судьбы волновали иностранных путешественников того времени [17]. В последнее время

мемуары «кавказских пленников» находятся в центре внимания отечественных специалистов-кавказоведов – как историков, так и литературоведов [1; 2; 3; 6; и др.]. Нашей задачей является анализ некоторых характерных для раскрытия интересующей нас темы произведений указанного жанра, а также уточнение некоторых важных черт российского ориентализма.

Одним из наиболее выразительных его образцов являются переданные в сильно беллетризованной форме воспоминания капитана Несвицкого, служившего в гарнизоне крепости Анапа и оказавшегося в плену во время вылазки против немирных горцев. Они написаны Е. Новиковой-Зариной [13].

Весьма характерно, что описание персонажей-горцев дается автором ярко, контрастно, без полутонов. Горцы-мужчины рисуются в подавляющем большинстве случаев почти исключительно краской черного цвета: агрессивные, жестокие, жадные, бесчеловечные, уродливые. Показательны, например, те глаголы, а также эпитеты, которыми охарактеризованы действия первого хозяина капитана Несвицкого, старшины аула, нашедшего раненого офицера в лесу: «грубый (голос)», «сорвал», «обшаривал», «бесцеремонно». Когда Несвицкий смог рассмотреть этого человека вблизи, то он (вернее, его устами Новикова-Зарина) выразился так: «Что это за зверское было лицо!». Глаза «большие красные», напоминающие взгляд тигра, глубокий шрам поперек правой щеки и т. п. [13, с. 54]. Другой горец, Амаз-Гирей «дико засмеялся» (горцы у автора смеются так всегда), «все лицо его побагровело», он издал «неудержимый поток брани», к пленному часто обращаются со словами «поганый гяур». Это обращение вполне исторически достоверно (например, в кабардинском фольклоре есть выражение «поганые казаки») [11, с. 631]. Но оно употребляется от имени горцев в произведении Новиковой-Зариной гораздо чаще, чем это фиксируется в воспоминаниях других пленников, самостоятельно написавших свои мемуары [5; 10; 18]. Горцы-мужчины, проявляющие к пленнику сочувствие, единичны. Те из них, с кем возможно нормальное человеческое общение, порой представлены умственно отсталыми «аутсайдерами» (племянник хозяина Ахмет – «робкий, загнанный и забитый парень, которым помыкали все») [13, с. 59]. Не лучше вы-

глядят у Новиковой-Зариной и представители армянского населения, которым вменяется исключительно хитрость и продажность.

Мужчинам-горцам противопоставляются горские девушки, особенно две из них – Алиса и Ася – которые являются воплощением доброты, гуманизма и внешнего совершенства. Одна из них – Алиса (возможно, ее настоящее имя Аиссе), именуется Несвицким весьма характерно – «доброй дикаркой» (это словосочетание побуждает вспомнить вышеупомянутую концепцию, исходящую от Ю. Клапрота). Ее описание строится на контрасте с внешностью старухи-лекарки, ухаживавшей за Несвицким. Алиса высока и стройна, изысканно и чисто одета и обута, ее красота дополняется бусами, монистами, жемчугами и пр. У девушки пышная грудь, что укладывается в тогдашние «европейские» понятия о красоте, но никак не соответствует адыгским: девушки-черкешенки носили тесные корсеты, которые не позволяли груди развиваться; идеалом была как раз небольшая грудь [14, с. 164–165]. Лекарка же, в противоположность девушке, безобразна и крайне неопрятна: костлявые руки, жесткие седые волосы, на голове – грязный лоскут вместо платка, рваный, засаленный бешмет и т. п. Так же отвратительна и старая жена одного из хозяев Несвицкого – «всегда пьяная, ворчливая, злая, безобразная старуха». Она беспрестанно мучила пленника, издеваясь и над его внешностью. Старые женщины все без исключения пьют и курят трубку, жуют табак [13, с. 52]. И то, и другое было запрещено наибо́м Мухаммедом Амином по приказу имама Шамиля. Но далеко не все его постановления выполнялись, вызывая протест у адыгов, которые всячески сопротивлялись политике шариатизации. Можно видеть в таком поведении приверженность доисламским нормам. Но мы не можем исключить и то, что подобное описание бытовых норм адыгских женщин, наряду с тем, что было сказано о мужской части черкесов, есть некое преувеличение автора, желавшего подчеркнуть негатив в характеристике горцев. Отмечается, что за малейший проступок мужья могут убить их («сразу один конец: «секир башка» или мешок да в воду» [13, с. 52]. Положение мусульманских женщин-горянок было действительно нелегким. Тем не менее, оно обусловлено шариатом, по которому женщина имеет определенные

права, а жизнь ее не в такой степени подвержена произволу мужа, как это изображает Е. Новикова-Зарина. Свидетельства российских и зарубежных авторов первой половины XIX в. не фиксируют столь необоснованно сурового обращения с женщиной, которое, между тем, могло вызвать и месть со стороны ее родственников. По словам Несвицкого, «все молодые черкешенки без исключения добры и жалостливы к пленным... бывали... случаи, что с опасностью для жизни они выпускали пленных на свободу» [13, с. 53]. Полагаем, что это отчасти своеобразный миф, идущий от традиции, заложенной в «Кавказском пленнике» А. С. Пушкина. В основу сюжета этой поэмы, как полагают некоторые краеведы, был положен реальный рассказ старого казака [2, с. 91]. Сочувствие некоторых молодых горянок к пленным, действительно, имело место и подтверждено документально в мемуарах, написанных самими пленниками (Н. Волконский, Ф. Ф. Торнау) [5; с. 19]. Нельзя не вспомнить здесь и рассказ Л. Н. Толстого «Кавказский пленник», в котором он описывает проявление «любви-жалости», «любви-сочувствия» девочки-горянки Дины к пленному Жилину [2, с. 101]. Вряд ли все это вымыслы гениев русской и мировой литературы – некие чисто художественные образы. Они имеют глубоко символический, гуманистический характер и демонстрируют общечеловеческий пласт отношений, который неподвластен войнам, этническим, конфессиональным, цивилизационным отличиям и т. п.

Но массовость указанного сочувствия вызывает сомнения. Если так много было горских девушек, сочувствующих пленным, почему потом из них вырастали женщины, воспитавшие своих сыновей в духе негативного отношения к пленным? Ведь за воспитание ребенка в исламских традициях отвечает прежде всего мать [20, с. 42–46]. Недаром в одном из достоверных хадисов пророка ислама Мухаммада говорится: «Рай находится под ногами ваших матерей». А другой гласит: «Аллах запретил вам непослушание, непочтение и черствость по отношению к вашим матерям» (хадис от Аль Муғиры // Сахих аль-Бухари и Муслим) [21]. Новикова-Зарина весьма живописно повествует об издевательствах горских подростков, ничем не ограниченных в своих действиях, над пленными [13, с. 60]. Но если эту малоизвестную писательницу можно за-

подозритель в тенденциозности, то вряд ли в том же самом можно винить замечательного гуманиста А. С. Пушкина, который, говоря об ужасном содержании пленников, пишет, что черкесы приставляют «к ним для стражи мальчишек, которые за одно слово вправе их изрубить своими детскими шашками» [2, с. 91].

В то же время нужно в целом признать, что описание горцев Новиковой-Зариной является яркой иллюстрацией традиции русского «ориентализма», который проявляется, на наш взгляд, именно в том, что в характеристиках горцев *гротескно подчеркиваются и доминируют отрицательные качества, причем для их описания используется определенный набор глаголов и эпитетов, который призван вербально усилить отрицательное впечатление* от поведения представителей немирного северокавказского населения, которое, чаще всего, наделено *негативными чертами*. В работе присутствуют отрицательные этнические стереотипы и по отношению к другим народам Кавказа (армяне). Отсутствие взвешенно-объективного в целом отношения к противоборствующей стороне, особенно к горским комбатантам, которые фактически являются своеобразными олицетворителями «сил зла» – это наиболее сущностная сторона «ориентализма», относящаяся еще к временам возникновения его корней в древности и средние века [7].

Ограниченные рамки статьи не позволяют подробно рассматривать мемуары других «кавказских пленников». Если постараться обобщить итоги нашего анализа наиболее интересных из них (Н. Волконский, Ф. Ф. Торнау княгини Чавчавадзе и Орбелиани) [5; 9; 10], то нужно сказать, что пережитое пленными более или менее длительное погружение в местную обстановку в ряде случаев приводило к все большему и лучшему проникновению ими в черты характера и мировосприятия тех или иных исторических деятелей (имам Шамиль, круг его родственников и сподвижни-

ков) и простых горцев. Их портреты описаны колоритно, порой даже красочно, с подчеркиванием достоинств, но и одновременно с применением всего спектра красок, среди которых находится место и темным. Горское общество и отдельные его члены чаще всего рассматриваются с «общечеловеческих» позиций, а отношения между людьми – в их сложностях и противоречиях, без тени уничижения или иронии со стороны «более цивилизованного» наблюдателя. Характеристики горцев, данные Ф. Ф. Торнау, в основе своей уважительны, несмотря на перенесенные им мучения. Он отдает должное их качествам: храбрости, скромности, воинственности, не скрывая отрицательных свойств отдельных горцев или сложных сторон исторического быта (пленопродавство и т.п.). Вершиной суждений Торнау об адыгах является его известное: «Не оправдывая черкесов ... я не буду и строго судить их» [19, с. 179].

Горский мир в глазах Е. Вердеревского, изложившего воспоминания грузинских княгинь во вполне ориенталистских традициях, наделен враждебными чертами, выливающимися прежде всего в конфессиональное противостояние. Но его представители уже рассматриваются как *Божьи создания* [10, с. 294], что чрезвычайно важно для фиксации определенного, и весьма важного, этапа в процессе постепенного и нелегкого признания *равноценности Другого*, т. е. горцев, постепенного изживания в будущем ориенталистских оценок. Это признание, которое начало свершаться еще в XIX в., достигло своей вершины в XX в., когда Россия (к тому времени уже СССР) сыграла громадную роль в приобщении горских народов к ценностям мировой культуры. Так, постепенно мир России и мир горцев, интегрируя и все больше проникая друг в друга, становились единым целым и шли к главной цели – сотрудничеству и взаимному уважению.

Литература

1. Великая Н. Н. Пленные славяне в горах Северо-Западного Кавказа // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 7. / научный редактор, сост. О. В. Матвеев. Краснодар: Эдви, 2013. С. 84–91.
2. Великая Н. Н., Белешкая Е. М. Казаки Северо-Восточного Кавказа и их соседи в дореволюционном прошлом (по историческим, фольклорным и литературным источникам). Армавир: АГПА, 2014. 232 с.
3. Великая Н. Н. Причины нахождения россиян в среде горцев Северо-Восточного Кавказа (первая половина XIX века) // Кавказский сборник. Т. 9(41). М.: Русская панорама, 2015. С. 90–101.

4. Виноградов В. Б., Черноусова И. Г. М. Ю. Лермонтов: «Как сладкую песню Отчизны моей люблю я Кавказ» (фарс «ориенталистских клише») // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе (Материалы научно-педагогического семинара). М. – Армавир: АГПИ, 2008. С. 33–37.
5. Волконский Н. Семь лет в плену у горцев (1849–1856). Очерки политического и домашнего быта кавказских горцев // В плену у горцев. Вып. 4. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. С. 3–67.
6. Дударев С. Л., Дударев Д. С., Ктиторов О. В., Цыбулькинова А. А. Проблемы интеграции этнических сообществ в состав Российского государства и пути их решения (на примере Северного Кавказа): монография. Армавир: Дизайн-студия Б, 2014. 252 с.
7. «Деяния франков и прочих иерусалимцев». Перевод на русский язык и комментарий: учебно-методическое пособие / Мякин Т. Г., Пиков Г. Г., Портных В. Л. Новосибирск: Новосибирский государственный ун-т, 2010. 251 с.
8. Захаров В. А. Ориентализм Эдварда Саида и восприятие Востока в лермонтовскую эпоху. Пятигорск: Государственный музей-заповедник М. Ю. Лермонтова, 2008. 23 с.
9. Кавказ: В плену у горцев. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2013. Вып. 13. Т. 1. 320 с.
10. Кавказ: В плену у горцев. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2013. Вып. 13. Т. 2. 400 с.
11. Кажаров В. Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. 904 с.
12. Казакова Е. А. Сравнительный анализ русских образов Кавказа и кавказских образов России первой половины XIX века (электронный ресурс) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (51): в 2 ч. Ч. II. С. 80–87.
13. Новикова-Зарина Е. Одиннадцать месяцев в плену у черкесов // В плену у горцев. Вып. 3. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. С. 32–91.
14. Резникова Е. Г. Традиционная женская одежда в свадебной обрядности адыгов // Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа. Материалы XX Всероссийской научно-практической конференции. Армавир: АГПИ, 2014.
15. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 638 с.
16. Северный Кавказ в составе Российской империи / отв. ред. В. О. Бобровников, И. Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 460 с.
17. Тахо-Годи М. А. Кавказ и «кавказские пленники» глазами путешественников начала XIX в. (Ксавье де Местр и Фредерика Фрейганг) [Электронный ресурс]. URL: http://www.darial-online.ru/2001_1/taxogo.shtml (Дата обращения: 10.11.2011).
18. Ткаченко Д. С. Становление российского ориентализма в контексте Кавказской войны // Кавказский сборник. Т.9(41) / под ред. В. В. Дегоева. М.: НП ИД «Русская панорама», 2015. С. 235–236.
19. Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М.: АИРО-XX, 2000. 368 с.
20. Торчинов Е. А. Религии мира. Опыт запредельного. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. С. 42–46.
21. Семья – хадисы – хадисы – библиотека. Персональный сайт. URL: <http://waytoislam.ucoz.ru/load/7-1-0-14> (Дата обращения: 24.01.2016).

УДК 94(47)+930"17/18"

А. А. Дюльденко

СВЕДЕНИЯ И. ИЕРИГА В ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ КОНЦА XVIII в. – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

В настоящей работе представлен анализ зарубежной периодической печати конца XVIII в. – первой половины XIX в., содержащей материалы переводчика Российской академии наук Иоганна Иерига о культуре и религии народов монгольского происхождения. Результаты его научной деятельности внесли существенный вклад в становление и развитие мировой мон-

голистики. В ходе исследования удалось обозначить не только широкий круг немецких и английских источников, но и охарактеризовать причины, способствовавшие распространению сведений Иерига за рубежом.

Ключевые слова: Иоганн Иериг, гернгутер, Сарепта, монголистика, востоковедение, Российская академия наук.

A. A. Diuldenko

DATA OF J. JÄHRIG IN FOREIGN PERIODICAL PRESS AT THE END OF XVIII – BEGINNING OF XIX CENTURIES

The article describes analysis of the foreign periodical press materials at end of XVIII – first half of the XIX century. These materials of the interpreter of the Russian Academy of Sciences Johannes Jähriг contain his reports about culture and religion of the Mongolian nations. The results of Jähriг scientific activities made a fundamental contribution to the national and international

Mongolian studies formation. The study reveals a wide range of German and English periodical press sources and the reasons for Jähriг materials popularization abroad.

Key words: Johannes Jähriг, Herrnhut, Sarepta, Mongolian studies, orientalism, Russian Academy of Sciences.

Развитие науки и культуры в эпоху европейского просвещения оказало большое влияние на формирование научной мысли России XVIII века. Наибольший импульс этому процессу придали реформы Екатерины II. Именно в ее правление российское ученое сообщество вышло на европейский уровень и по праву могло конкурировать во многих отраслях знаний. В этот период значительную часть исследователей и естествоиспытателей Российской академии наук составляли специально приглашенные иностранцы, как правило, выходцы из Германии. Ярким примером такой международной научной кооперации был Петер Симон Паллас, который в 1767 году по приглашению российского правительства переехал из Берлина в Санкт-Петербург. К тому моменту Паллас уже имел статус профессора и доктора медицины, пользовался значительным авторитетом в европейских научных кругах. В 1768 году ему было поручено орга-

низовать и возглавить масштабную шестилетнюю «физическую» экспедицию по России с целью сбора всевозможных естественнонаучных сведений и материалов. Летом 1773 года Петер Паллас со своим отрядом находился в Астраханской губернии. Там он познакомился с Иоганном Иеригом – жителем миссионерской общины Сарепты, образованной в 1765 году недалеко от Царицына (Волгоград) представителями моравской церкви (гернгутерами). Молодой человек удивил профессора великолепными знаниями калмыцкого языка, а также навыками чтения монгольских текстов.

Выяснилось, что И. Иериг родился в 1747 году в немецком городе Гернгаг, с юношества занимался книгопечатанием и печатью по текстилю, а в 1769 году вместе с первыми миссионерами прибыл в Сарепту, где ему было поручено организовать красильню тканей [17]. Несмотря на жесткий религиозный уклад жизни в общине и ограничение внешних

контактов, Иериг активно коммуницировал с проживавшими вокруг колонии кочевниками, за что и был изгнан из Сарепты в 1773 году.

Знакомство с Петером Палласом в этот момент оказалось для него весьма кстати: его собственный интерес к калмыкам, благодаря чему он «на слух» овладел их языком, совпал с большой потребностью российской науки в специалистах-переводчиках европейского происхождения, погруженных в культуру, быт, язык кочевых народов империи.

По предложению профессора Палласа в 1774 году Иериг поступил на службу в Петербургскую академию наук [2, с. 108]. Его задачей стал сбор и конспектирование всевозможных сведений о монгольских народах, их языке, религии, обычаях, образе жизни и т. д. [1, с. 25–30]. На протяжении следующих шести лет Иоганн Иериг оставался в Астраханской губернии, и уже в скором времени его изыскания начали приносить плоды: с 1778 года выдержки из его отчетов публиковались в периодических изданиях академии наук, что подтверждало актуальность трудов ученого и интерес к ним современников [4, с. 91–92].

В 1780 году Иериг был направлен в южную Сибирь – район реки Селенга, на границе с Монголией. Там он продолжил активно исследовать и отправлять в Российскую академию наук многочисленные материалы, носившие в большинстве своем уникальный характер. Результатом его научной деятельности стали не только полученные образцы и отдельные опубликованные в Петербурге сведения, но и ряд лингвистических работ по восточным языкам: монгольский словарь и грамматика, тибетская грамматика и другие произведения, неопубликованные до настоящего момента. Более 20 лет Иоганн Иериг провел среди монгольских народов России, посвятив их языкам и культуре всю свою творческую жизнь. Вернувшись в Санкт-Петербург в 1795 году, он вскоре скончался от болотной лихорадки [3, с. 434].

Интересным является тот факт, что Иоганн Иериг, никогда не покидавший Россию с момента переезда в поволжскую общину Сарепта, получил определенную известность в зарубежной периодической печати конца XVIII – первой половины XIX вв. Такому успеху способствовало стечение нескольких обстоятельств.

Так, несмотря на постоянное пребывание в удаленных районах Российской

Империи, Иеригу удавалось поддерживать научные контакты с известными исследователями европейского уровня. К таковым можно отнести в первую очередь Петра Симона Палласа, ставшего не только академическим куратором Иерига, но и его научным руководителем, консультантом, а на первоначальном этапе даже наставником. Стоит отметить, что отдельные работы своего протезе Паллас использовал в собственных трудах, в особенности это касается «Собрания исторических сведений о монгольских народах» (нем.: «Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften»), вышедшего в двух частях соответственно в 1776 и 1801 годах. Именно благодаря Палласу некоторые материалы И. Иерига получали высокую оценку академии наук и были опубликованы не только в России, но и в Германии и Великобритании.

Огромное значение в распространении трудов Иерига в Европе сыграл барон Егор Федорович Аш (нем.: Thomas Georg von Asch), известный в Германии благодаря масштабному снабжению Геттингенского университета ценными материалами о культуре и религии восточных народов. В основном ценные сведения и артефакты приобретались им в России, где он большую часть жизни занимался вопросами медицины на государственной службе. Значительную помощь барону оказал именно Иериг, предоставляя не только рукописи и книги, но и отдельные предметы религиозной атрибутики монгол [9, с. 87]. Результат их сотрудничества наиболее лаконично характеризует Вальтер Хайсиг: «То, что было собрано бароном фон Ашем при поддержке Иоганна Иерига, было первым свидетельством монгольской письменности, полученным в Германии» [9, с. 88]. Несмотря на посреднический характер взаимоотношений, академия наук Геттингена учла ценный вклад исследователя в формирование собственных коллекций, и в 1790 году заочно включила Иерига в список своих членов-корреспондентов [12, с. 123].

Интерес к трудам Иоганна Иерига в Европе конца XVIII – начала XIX века во многом закономерен и связан прежде всего с «открытием» Востока. Однако нельзя не учитывать, что многие его работы публиковались в академической периодике России, а также в изданиях, выходивших в Санкт-Петербурге

по большей части на иностранных (английский, немецкий, французский) языках. Так, например, статьи Иерига печатались в журналах Императорского Вольного Экономического Общества, членом которого он стал уже на закате своей академической карьеры. Это издание было хорошо известно в Европе и пользовалось там определенным спросом: зарубежная научная и научно-популярная периодика часто заимствовала уже опубликованные в России сведения, снабжая их собственными комментариями.

Точное число перепечатанных и процитированных за рубежом работ Иерига установить достаточно сложно. Отметим лишь, что почти все они вышли, к сожалению, уже после его смерти.

Первые упоминания о научных работах Иоганна Иерига нам удалось обнаружить в немецком журнале «Allgemeine Literatur-Zeitung» («Обзор литературных известий») за 1797 год. Это весьма популярное в свое время издание, выходившее в Лейпциге и Йене, поместило на своих страницах небольшую заметку под заголовком «О монгольских книгах библиотеки Санкт-Петербургской академии наук» [6, с. 797]. В ней идет речь о том, как «господин» Иериг провел 16 лет среди монголов, составил каталог манускриптов и книг на монгольском языке, большую часть из которых он собрал во время пребывания среди кочевого населения, проживающего на приграничной с Монголией территории России. Автор заметки подчеркнул, что «большинство описанных в каталоге писаний относятся к религиозному классу» [6, с. 797]. В данной публикации имеет место ссылка на источник информации, а именно на журнал, издававшийся руководителем библиотеки Российской академии наук Иоганном Буссе под названием «Journal von Russland» («Журнал о России»). Годом ранее, в 1796 году Буссе опубликовал полный текст соответствующей работы Иерига о монгольских книгах академической библиотеки, снабдив его собственными комментариями [8, с. 122–144].

Отельные сведения о Иериге и его работах имеются и в англоязычной печати конца XVIII – первой половины XIX века. Так, журнал «The British Critic» («Британская критика»), выходивший в Лондоне с 1793 по 1853 год, содержит небольшую заметку, датированную 1798 годом. В ней отмечено, что Ио-

ганн Иериг «оставил воспоминания о религии «Bramah» («Брахма»), в настоящий момент распространенную в Тибете» [15, с. 211]. В качестве источника также указан «Journal von und fur Russland», во втором номере которого за 1796 год нам удалось найти указанную статью Иерига под названием «Очерк о брахманской религии, особенно распространенной в Тибете. Наиболее процветающие главные отрасли их современной иерархии. Вместе с медными гравюрами» [11, с. 201–212].

В британском журнале «The Asiatic Journal» («Азиатский журнал»), издававшемся в 1816–1845 годах в Лондоне, в 23-м номере за 1827 год мы также обнаружили упоминания о Иериге: в статье «В эпоху Будды» идет речь о том, что время, в которое жил Будда, остается загадкой как для Тибета, так и для Индии и Европы; указывается, что различные ученые и историки называют противоречивые даты его жизни. В частности, «... Иериг в своей монгольской хронологии, опубликованной Палласом, упоминает дату рождения Будды – 991 год до нашей эры» [14, с. 782]. В журнале «Oriental Magazine» («Журнал Востока»), издававшемся в Калькутте в 1824–1827 годах, в четвертом выпуске за 1825 год содержится статья о языке и литературе Тибета, где встречается упоминание известного востоковеда Юлиуса Клапрота, который ссылается на работу Иерига, также указывающую на годы жизни Будды [16, с. 103]. Аналогичные сведения Иоганна Иерига были опубликованы в приложении к журналу Азиатского общества (ранее он назывался – «Журнал Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии») под названием «Useful Tables» («Полезные таблицы»). В номере за 1834 год в нем помещена статья под заголовком «Эра Будды» и приведен список ученых и их работ, в которых дискутируется вопрос о дате рождения Будды. Помимо сведений по этому поводу Иерига, упоминаются данные Юлиуса Клапрота, Сэра Уильяма Джонса и др. [18, с. 32].

Следует отметить, что наибольший интерес за рубежом, безусловно, вызывали материалы Иоганна Иерига, касающиеся религиозных аспектов культуры народов монгольского происхождения. В то же время и некоторые его изыскания в области естественных наук, представлявшие актуальность в начале XIX века, также были отмечены в печати. В этой связи обратимся к английскому изданию «Repertory

of arts manufacturers and agriculture: consisting of original communications, specifications of Patent inventions, and selections of useful practical papers from the transactions and scientific journals of the philosophical societies of all nations» («Справочник по ремеслам и сельскому хозяйству, состоящий из оригинальных сообщений, спецификаций патентных изобретений и выборки полезных статей из протоколов и научных журналов философских обществ всех стран»). В 1800 году оно включило статью Иериго о способах обработки и употребления молока монголами путем его заморозки и изготовления молочного порошка [10, с. 427–428].

Несколько позже, в 1803 году, и уже на немецком языке эта работа была опубликована в берлинской «Экономической и технологической энциклопедии» (нем. «Oekonomisch-Technologische Encyclopaedie») под редакцией знаменитого врача и ученого Иоганна Крюнитца. Статья снабжена подробным анализом указанных сведений и комментариями автора энциклопедии, где, в частности, отмечалось, что эти наблюдения Иериго сделал «во время своего путешествия по Иркутскому наместничеству вдоль реки Селенга» [13, с. 649–650].

Ни английский, ни немецкий журналы не дают точного указания на первоисточник. Тем не менее, анализ российской периодической печати конца XVIII века показал, что впервые полный текст работы Иериго о молоке был опубликован в 1791 году, то есть еще при жизни ученого, в немецкоязычном издании Императорского Вольного Экономического Общества под названием «Auswahl ökonomischer Abhandlungen, welche die freye ökonomische Gesellschaft in St. Petersburg in teutscher Sprache erhalten hat» («Сборник статей по экономике, которые были получены Вольным Экономическим Обществом на немецком языке») [7, с. 315–316].

Представленный анализ материалов Иоганна Иериго в зарубежной печати показывает, что лишь немногие его труды были освящены и нашли свое место на страницах ведущих изданий Германии и Великобритании. Причин тому несколько: во-первых, определенная часть его работ была включена в произведения других ученых, часто без указания авторства. Во-вторых, сама фигура Иериго и, собственно, его труды, малоизученны и известны лишь узкому кругу специалистов. Достаточно обратиться к общему списку членов Императорской академии наук, в котором Иериго не нашлось места, несмотря на то, что он усердно служил ей на протяжении более чем 17 лет [5].

В завершение отметим, что жизнь «в тени» других видных ученых не помешала, однако, Иериго оказать значительное влияние на становление и развитие не только российской и немецкой монголистики, но и мирового востоковедения в целом. Безусловно, актуальным направлением дальнейших изысканий должен стать комплексный анализ научных трудов востоковедов конца XVIII – первой половины XIX века на предмет степени и форм заимствований сведений Иоганна Иериго, а также путей передачи и местонахождения его трудов, вывезенных из России. Ведь уже сейчас нам известны как минимум три выдающихся личности в науке (П. С. Паллас, Ю. Г. Клапрот, Е. Ф. Аш), использовавшие материалы И. Иериго в своих исследованиях, что говорит о высокой степени актуальности и научной ценности его работ. Резюмируя приведенные в настоящей статье факты, мы можем утверждать, что фигура Иоганна Иериго имеет европейский масштаб, что обуславливает необходимость более детального изучения деятельности этого выдающегося российского исследователя.

Литература

1. Дюльденко А. А. Иоганн Иериго (1747–1795): сотрудничество с Императорской академией наук и европейским научным сообществом // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. С. 25–30.
2. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Том III. 1771–1785. СПб.: Императорский Академии наук, 1900. 894 с.
3. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Том IV. 1786–1803. СПб.: Императорский Академии наук, 1900. 774 с.
4. Разные известия // Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1778. № 8. С. 91–92.

5. Список членов Императорской академии наук, 1725–1907 / Сост. Б. Л. Модзалевский. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1908. 404 с.
6. Allgemeine Literatur-Zeitung. Numero 202. Bd. 2. Jena und Leipzig, 1797. 832 s.
7. Auswahl ökonomischer Abhandlungen, welche die freye ökonomische Gesellschaft in St. Petersburg in teutscher Sprache erhalten hat. Bd. 3. St. Petersburg, 1791. 345 s.
8. Busse J.H. Journal von Russland. Dritter Jahrgang. Bd. 2. Januar bis Junius 1796. St. Petersburg, 1796. 350 s.
9. Heissig W. Die Mongolen. Ein Volk sucht seine Geschichte. Мьнchen, 1978. 308 s.
10. Jährlig J. Account of a natural Flour of Milk. By J. Jaehrig, Translator of the Mongolian Languages to the Imperial Russian Academy of Sciences // Repertory of Arts Manufactures and Agriculture: Consisting of Original Communications, Specifications of Patent Inventions, and Selections of Useful Practical Papers from the Transactions and Scientific Journals of the Philisophical Societies of All Nations. Vol. XIII. London, 1800. P. 421–428.
11. Auswahl ökonomischer Abhandlungen, welche die freye ökonomische Gesellschaft in St. Petersburg in teutscher Sprache erhalten hat. Bd. 3. St. Petersburg, 1791. 345 s.
12. Krahnke H. Die Mitglieder der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen 1751–2001. Göttingen, 2001. 377 s.
13. Krunitz J.G. Okonomisch-Technologische Encyklopadie. T. 90. Berlin, 1803. 764 s.
14. The Asiatic Journal and monthly register for British India and its dependencies. Vol. 23. January – June. London, 1827. 902 p.
15. The British Critic / Printed for F. and C. Rivington, no. 62, St. Paul's Church-Yard. London. T. 12. 1798. 1416 p.
16. The Quarterly Oriental magazine, review and register. Vol. IV. Nos. VII. and VIII. July – December. Calcutta, 1825. 312 p.
17. Unitätsarchiv Moravian Archives. Catalogus vom ledigen Brüder Chor in Sarepta Anno 1770, Auszug (R.27.255.5).
18. Useful Tables, Forming an Appendix to the Journal of the Asiatic Society. Part the First, Coins, Weights, and Measures of British India. Calcutta, 1834. 187 p.

УДК 93/94

Т. А. Колосовская**ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭЛЬБРУССКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
ГЕНЕРАЛА Г. А. ЕМАНУЕЛЯ 1829 г.)¹**

Статья посвящена рассмотрению инициированного военным ведомством в 1829 г. обследования окрестностей горы Эльбрус. Анализ причин Эльбрусской экспедиции, особенностей ее организации и результатов проведен с опорой на архивные источники. Делается вывод о том, что обозрения местности с участием ученых и топографов, под охраной

военного отряда стали одной из форм военно-разведывательного изучения Северного Кавказа периода Кавказской войны.

Ключевые слова: военно-разведывательное изучение, Северный Кавказ, Кавказская война, военное ведомство, Академия наук, Эльбрусская экспедиция 1829 г., Г. А. Емануель.

Т. А. Kolosovskaya**A CASE FOR THE NORTH CAUCASUS MILITARY SURVEY STUDYING
(BASED ON THE ELBRUS EXPEDITION OF THE GENERAL G. A. EMANUEL)**

The article studies the history of a survey carried out at the Elbrus site, initiated by the Russian military department in 1829. The author analyses the reasons for setting the expedition, its essence, conditions and results, based on the official reports and published participants' evidences. The author infers that the site survey taken by some scientists and surveyors accompanied by the military troops

turned into a specific form of a military survey studying the North Caucasus during the Caucasus War epoch.

Key words: military survey studying, North Caucasus, Caucasian war, military department, Academy of sciences, Elbrus expedition 1829, G. A. Emanuel.

В современной отечественной и зарубежной историографии большое внимание уделяется имперскому измерению истории России [17, с. 5–6]. Стремление воссоздать взаимоотношения имперских властей и местных сообществ во всей их полноте приводит к отказу от прямолинейных оценок и показывает, что Россия отнюдь не была той «империей зла», для которой благополучие ее подданных являлось пустым звуком. В фокусе исследования оказывается и то хорошее, что империя дала ее народам [6]. В этой связи значительный интерес представляет история организации военным ведомством как одним из основных имперских институтов изучения новых окраин России, в том числе Северного Кавказа.

Необходимость изучения Северного Кавказа в период его присоединения к Рос-

сийской империи определялась не столько научными, сколько практическими целями. Отсутствие подробной и достоверной информации о крае приводило к неправильным решениям и тяжелым последствиям. «Едва ли когда-либо и где-либо военная история представляла вопрос более сложный и трудный для разрешения, нежели тот, который встретился России в умиротворении Кавказа, – писал один из первых кавказских военных историков полковник Д. И. Романовский. – Недоступная, своеобразная местность этого края, его разноплеменное воинственное народонаселение, особые условия Кавказской войны и ее самобытный характер требовали основательного и глубокого изучения...» [12, с. 197]. Поскольку подробных описаний, включающих достоверную информацию о крае, не было,

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-01-00251.

у военных оставалось одно средство – изучение его на месте.

Ярким примером участия военного ведомства в организации изучения региона может служить первое летнее восхождение на г. Эльбрус, осуществленное в 1829 г. по инициативе командующего на Кавказской линии и начальника Кавказской области генерала Г. А. Емануеля. Организация и проведение этого мероприятия неоднократно привлекали внимание исследователей [4; 10]. При этом в большинстве работ данное событие анализируется преимущественно с точки зрения становления отечественного альпинизма и истории покорения главных вершин Кавказа. Лишь отдельные исследователи связывали восхождение на Эльбрус 1829 г. с российской политикой по изучению вновь присоединяемых территорий [8; 9]. В рамках настоящей статьи будет предпринята попытка показать Эльбрусскую экспедицию в контексте организуемого военным ведомством постепенного изучения Кавказа в период Кавказской войны. Материалом для этого послужат как свидетельства самих участников событий, так и сохранившиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН официальные документы об ее организации, проведении и итогах.

Сбор сведений о вновь присоединяемых территориях Северного Кавказа осуществлялся российскими военными различными способами. Одним из них стали рекогносцировки местности под прикрытием военного отряда. После экспедиции Г. А. Емануеля в земли карачаевцев (1828 г.) и принесения последними присяги на верность России перед командованием остро встала задача взять под контроль горные перевалы Приэльбрусья. Это был стратегически важный район, через который, минуя кордонные линии, настроенные воинственно горцы попадали в пределы Кавказской области. Поэтому Емануель выступил с инициативой организации в следующем году еще одной экспедиции, но на этот раз не для военных действий, а для топографического изучения местности. В ходе новой экспедиции предполагалось собрать сведения о ландшафте, высотах гор, о направлении и глубине долин, о лесах и пастбищах и тем самым найти подходящую дислокацию для устройства новой линии укреплений, способной оградить гражданское население от нападений со стороны «немирных» горцев [3, с. 85].

Особенность топографических исследований Северного Кавказа в то время заключалась в том, что съемки производились лишь небольших пространств и маршрутов, для удовлетворения текущих военных потребностей. Работа топографов была небезопасной. Реляции пестрили многочисленными случаями нападений со стороны «хищнических партий» [7, с. 356]. Не случайно для новой экспедиции Емануель собрал внушительный военный отряд, состоящий из 2-й и 7-й рот 43-го егерского и 9-й мушкетерской роты Крымского полков, двух сотен Моздокского полков и двух горных единорогов [19, с. 167].

Значительный интерес представляет тот факт, что новую экспедицию Г. А. Емануель решил возглавить лично. Значит, помимо топографических исследований, ее организация имела и другие причины. В этом отношении заслуживает внимание мнение исследователей, связывающих их с желанием командования оказать идеологическое воздействие, как на местное население, так и на Европейские страны [18]. Ведь конечной целью экспедиции было объявлено покорение Эльбруса – горной вершины, являющейся высшей точкой Европы и считавшейся горцами неприступной. «Емануель решился предпринять военную экспедицию к Эльбрусу, – писал его биограф и бывший адъютант Н. Б. Голицын, – которая показала бы горским народам, любящим лишь одну войну и уважающим только одно мужество, что их скалы, их узкие ущелья, их потоки и снега не суть непреодолимые препятствия для русских солдат, затвердевших, как и они, во всех трудах и усталостях» [3, с. 85].

Наконец, не стоит забывать, что в это время полным ходом шла русско-турецкая война, активизировавшая деятельность турецких эмиссаров в горской среде. «...Видя, что буря готова разразиться, – отмечал Н. Б. Голицын, – Емануель нашел, наконец, что остается ему одно средство: с решительностью и доверием вступить в недра земель этих народов. Это действительно произвело желаемое действие и наложило молчание на крикунов и злоумышленников, рассеивавших в горах неприятные и ложные вести о судьбе российского оружия в Турции» [3, с. 86].

Что касается привлечения внимания европейской общественности, то для этого военное ведомство решило пригласить к участию в предстоящей экспедиции ученых.

В начале 1829 г. в Российскую Академию наук было направлено отношение начальника Главного штаба генерала от инфантерии графа И. И. Дибича под № 409 с предложением снарядить научную экспедицию на Кавказ [13, л. 1]. В нем сообщалось о запланированном на лето текущего года генералом Г. А. Емануелем военного обозрения окрестностей г. Эльбрус и г. Кинжал на р. Малке и открывающейся в связи с этим возможностью изучения данной местности учеными. И. И. Дибич предлагал академикам «воспользоваться сим случаем для собирания точнейших сведений о стране той, в отношении к естественному положению и произведениям оной» и «командировать от себя несколько ученых мужей для наблюдений и изысканий» [13, л. 2].

Предложение военного ведомства обсуждалось 10 февраля 1829 г. высшим коллегиальным органом Академии, ее Конференцией. Горы Кавказа давно привлекали к себе внимание академиков, но научной экспедиции на Эльбрус никто никогда не предпринимал. Да и сама мысль о подобном предприятии, в период Кавказской войны, когда прогулки вне стен укреплений происходили только на местности, огражденной казачьими пикетами, вряд ли могла прийти ученым в голову [11, с. 370]. Пример печальной участи академика Гмелина, захваченного горцами в Дагестане и умершего в плену, был еще свеж в памяти. Ученые осознавали уникальность возможности, открываемой перед ними российскими военными, и с радостью поспешили ею воспользоваться.

Желание академиков поучаствовать в военном обозрении генерала Г. А. Емануеля довели до сведения императора Николая I и получили на то его согласие. Для командировки на Кавказ были определены: Эмилио Ленц – специалист по физике, Карл Мейер – специалист по ботанике и Эдуард Менетрие – специалист по зоологии, занимавший должность консерватора кабинета зоологии в Академии наук. Возглавил научную экспедицию Адольф Яковлевич Купфер – физик, академик Российской Академии наук по кафедре минералогии.

Сохранившееся в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН «Дело по Кавказской экспедиции» содержит многочисленные документы по подготовке к предстоящей экспедиции. В отношении Министра народного просвещения на имя исполняющего

должность Президента Академии наук от 26 марта 1829 г. сообщалось: «...Ныне управляющий Главным штабом граф Чернышев уведомил меня, что государь император находить изволит, что краткость времени, каковое вероятно будет продолжаться сия экспедиция и гористое местоположение, не представляющее возможности к перевозке больших и весьма тяжелых инструментов, не дозволит сделать надлежащим образом определение тяготения посредством маятника, и потому высочайше утверждая командировку 4-х ученых, полагать изволит, что сделать следует преимущественно изыскания по части зоологической, ботанической и минералогической; физические же измерения ограничить измерением высоты Эльбруса и по возможности магнетическими наблюдениями» [13, л. 20–20 об.].

Для осуществления предстоящей экспедиции Николай I распорядился: «1) отпустить Академии на издержки сего путешествия 15000 руб.; 2) прибавить к оным из академических сумм 10000 руб.; 3) Главному штабу, по востребованию Академии, снабдить сию экспедицию одним карманным хронометром и инструментом для измерения склонения магнитной стрелки Гамбея, каковые инструменты по окончании экспедиции должны быть возвращены; 4) так же и Адмиралтейству снабдить сию же экспедицию одной бусолью и большими и малыми магнитными приборами для определения наклона магнитной стрелки, которые по окончании экспедиции должны быть также возвращены по принадлежности» [13, л. 20 об.–21].

Учитывая нестабильность военно-политической обстановки на Кавказе, Управляющий Главным штабом граф А. И. Чернышев обратился с запросом к Главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом И. Ф. Паскевичу и к генералу Г. А. Емануелю о возможности проведения запланированной экспедиции. Вскоре академикам сообщили, что Емануель не видит никаких затруднений к отправлению экспедиции к Эльбрусу в этом году. По его распоряжению «войскам, назначенным в отряд предписано быть на сборном месте в укреплении Каменного моста на Малке к 23-му числу текущего месяца. А как сие время года есть самое лучшее в горах, то экспедиция может продолжаться с месяц. Относительно же перевозки гг. академиков и находящихся при них инструментов генерал Емануель сде-

лал должные распоряжения, почему и просит, чтобы гг. ученые прибыли к 20-му числу сего июня (по старому стилю. – прим. автора)» [13, л. 31–31об.].

7 июля (25 июня по старому стилю) 1829 г. академики прибыли в Горячеводск, где их уже ждал Г. А. Емануэль и на следующий день, в сопровождении военного отряда, выступили по направлению к Бургустану. В число участников экспедиции входили также горный инженер Вансович и главный архитектор на Кавказских минеральных водах Дж. Бернардаши. Первый – от Горного департамента, для геологических и минералогических исследований, второй – вместе с военными топографами, должен был выполнять работы по съемке местности и делать ее зарисовки. Впоследствии к экспедиции присоединился венгерский путешественник Жан-Шарль де Бесс [11, с. 370].

«Наш караван обычно разделялся на несколько отрядов, – отмечал впоследствии в своем отчетном докладе об экспедиции А. Купфер. – Сотня линейных казаков формировала авангард, но свита генерала, он сам и его сын шли впереди. Процессия представляла собой то запутанный клубок, то тонкую ниточку, в зависимости от ширины тропинки, и состояла из нескольких офицеров и других приближенных генерала, черкесских князей, толмача и нас. Затем на надлежащем расстоянии следовал аррьергард из 250 линейных казаков, который включал пехотный из 600 человек отряд, предназначенный для охраны оружия и багажа. Можно себе представить, что, последовав за таким значительным караваном, мы не преодолевали большого пути за день» [5, с. 71].

Выбранный Г. А. Емануэлем маршрут восхождения на Эльбрус по северному склону горы был самым коротким со стороны Кавказской линии, но в то же время одним из самых трудных. Во время переходов по горным дорогам, принимавшие участие в экспедиции академики не переставали восхищаться мужеством русских солдат. «Нашим пехотинцам приходилось объединять свои усилия, чтобы не дать повозкам сорваться в пропасть, – пишет А. Купфер, – перевозка оружия встречала почти непреодолимые препятствия особенно часто. Нужно было иметь много смелости и несокрушимой стойкости, чтобы все это пре-возмочь» [5, с. 71].

Непродолжительные переходы сменялись лагерными стоянками, во время которых у ученых была возможность отдохнуть и провести исследования. «К полудню, после 20–30 верст пути мы останавливались в какой-нибудь долине, где можно было запастись водой, дровами и травой; генерал выбирал подходящее место, чтобы установить наши калмыцкие кибитки, которых было три: одна для генерала, другая – для его свиты и третья – для нас. Мы разжигали огонь, резали барана, готовили обед, который обычно приходился на 5 часов вечера. В ожидании некоторые отдыхали, другие исполняли поручения в окрестностях... Обед всегда накрывался в кибитке генерала, более просторной и более теплой, чем наши. Мы садились на землю; длинная скатерть, расстеленная на дерне, и тарелки на коленях...» [5, с. 71].

Наблюдая деятельность неутомимых академиков, де Бесс отмечал: «Интересно было видеть одного из наших ученых, вооруженного тысячами булавок, накалывающего на картон мошек и бабочек, чтобы затем упрятать их в приготовленные для этого коробочки. Другой ученый, имея громадную стопу бумаг около себя, укладывал между двумя листами редкие цветы и растения, собранные в пути. Третий приводил в необходимый порядок математические инструменты и телескоп, который он вскоре должен был навести на устрашающий Эльбрус. Что касается господина Купфера, человека весьма образованного, мягкого характера и приятной внешности, то он делал записи и готовил доклады для Санкт-Петербургской Академии наук» [2, с. 39].

Непогода, частые проливные дожди и туманы задерживали продвижение отряда. Лишь 20 июля (8 июля по старому стилю) экспедиция расположилась лагерем на р. Малке у подножия Эльбруса. На следующий день, академики вместе с Дж. Бернардаши, в сопровождении добровольцев из казаков и горцев, отправились к снежному хребту этой горы и 22 июля, в три часа утра, приступили к восхождению. Вершины горы никто из ученых достигнуть так и не смог, и все наблюдения производились с небольшого обледенелого выступа. Выше всех удалось взобраться лишь Эмилю Ленцу. По подсчетам самого ученого до желаемой цели ему оставалось еще 600 футов [3, с. 89].

В тот день генерал Емануэль находился в лагере и следил за восхождением на

Эльбрус в подзорную трубу. Впоследствии, в рапорте на имя командующего Отдельного Кавказского корпуса И. Ф. Паскевича он напишет: «10-го числа (по старому стилю. – Т. К.), в 3 часу пополудни, пользуясь благоприятною погодою, выступили все к исполнению предположенной цели, но после величайших усилий, достигнув выше половины Эльбруса, обратились назад; один только кабардинец, по имени Киллар, успел достигнуть около 11 часов самой вершины сей горы, на которой, водрузив палку, с ним имеющуюся, и обложив ее камнем, спустился обратно, показав первый возможность быть на высочайшей из гор в Европе, почитавшейся донныне вовсе неприступной» [1, с. 941].

23 июля (11 июля по старому стилю) Г. А. Емануэль выступил из лагеря в обратный путь. Конечным пунктом путешествия стала долина р. Хумары, впадающей в Кубань. «Развалины церквей и могил в этой прекрасной долине свидетельствовали о прежней здесь жизни, – отмечал Купфер. – Часто встречались камни, то лежащие, то расположенные вертикально, на которых явно просматривались следы римского креста. На других камнях появлялись более поздние даты и надписи на арабском языке. На другой стороне Кубани, против нашего лагеря, возвышались развалины церкви, построенной на крутой скале» [5, с. 88]. По ранее разработанному плану ее должны были посетить ученые, однако из-за таяния снегов поднявшаяся Кубань лишила их этой возможности, и академикам пришлось ограничиться наблюдением издали при помощи подзорных труб. Лишь в октябре 1829 г. по поручению Емануэля архитектор Дж. Бернардашши с эскортом казаков исследовал раннехристианские памятники, расположенные за Кубанью.

Закончив обозрение верховьев Кубани, отряд повернул по направлению к Кисловодску и проследовал по военной линии, где Емануэль как начальник Кавказской области инспектировал имеющиеся укрепления и планировал постройку новых. 2 августа (21 июля по старому стилю) 1829 г., немногим менее чем через месяц после начала, Эльбрусская экспедиция вернулась в Горячеводск.

Результаты экспедиции были весьма значимы и разнообразны. Академики успели в полной мере воспользоваться открывшейся перед ними возможностью обогатить науку:

«...Что касается до ученой цели сей экспедиции, то Конференция с удовольствием может засвидетельствовать, что сия вполне достигнута, о чем представлены отчеты и публице предварительные доказательства в кратких отчетах господ академиков» [13, л. 212–213]. Произведенными исследованиями были открыты богатые залежи свинца, каменного угля, точильного сланца, алебаstra и мела, а также обширные сосновые леса [1, с. 940]. Помимо геологических исследований, сбора материалов по ботанике и зоологии, ученым удалось измерить многие высоты края. Так были определены высоты восточной вершины Эльбруса и целого ряда населенных пунктов Кавказской области: Кисловодска, Горячеводска, Георгиевска и Ставрополя. И хотя наблюдения, сделанные во время Эльбрусской экспедиции, со временем были откорректированы, в целом собранные учеными материалы в течение нескольких десятилетий служили основой для изучения Кавказа в Академии наук.

Наконец, следует отметить, что в ходе данной экспедиции был продолжен сбор этнографических сведений о народах Кавказа. Свидетельством тому служат сохранившиеся в личном фонде А. Купфера Архива РАН разнообразные отрывки из описаний местных народов [14; 15; 16]. Этнографические исследования Купфер планировал продолжить и в дальнейшем. В январе 1830 г. по его инициативе Конференция Академии наук вновь обратилась к генералу Г. А. Емануэлю с просьбой предоставить возможность принять участие в запланированном на лето этого года новой экспедиции, имеющей целью «исследование внутренности Кавказа и паче обозрение народов, обитающих хребты второстепенных гор» [13, л. 125 об.]. «Сим благоприятным случаем академик Купфер желает воспользоваться для обогащения собранных им в ходе путешествия своего материалов, разными рисунками и видами Кавказских гор, каких ученые путешественники не имели времени снять во время своего путешествия, по причине поспешности оно и потому что главный хребет помянутых гор почти беспрестанно покрыт был туманом...» [13, л. 125].

Таким образом, осуществленное в 1829 г. Г. А. Емануэлем обозрение окрестностей Эльбруса, с участием ученых и топографов, под прикрытием военного отряда, стало проявлением изучения Северного Кавказа,

организуемого военным ведомством в условиях Кавказской войны. Полученные положительные результаты Эльбрусской экспедиции преопределили обращение к этой форме военно-разведывательного изучения региона и в дальнейшем. Одни из таких экспедиций,

в настоящее время уже стали достоянием научной общественности (например, восхождение на г. Арарат в 1850 г. И. И. Ходзько), материалы других пока еще хранятся в архивах и ждут своего исследователя.

Литература

1. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1878. Т.VII. 1011 с.
2. Бесс Ж.-Ш. де. Главы из книги «Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Переднюю Азию и Константинополь в 1829–1830 гг.» // И. А. Гориславский и др. Первовосхождения на Эльбрус: лето 1829 года, зима 1934 года. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. С. 29–52.
3. Голицын Н. Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля. СПб.: В Типография Н. И. Греча, 1851. 199 с.
4. Гориславский И. А., Зюзин С. А., Хаширов А. В. Первовосхождения на Эльбрус: Лето 1829 года, зима 1934 года. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. 172 с.
5. Доклад, сделанный в академии наук о путешествии в окрестности горы Эльбрус на Кавказе, предпринятом по приказу его императорского величества господином Купфером // Гориславский И. А. и др. Первовосхождения на Эльбрус: лето 1829 года, зима 1934 года. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. С.64 – 91.
6. Дударев С. Л. Проблемы интеграции этнических сообществ в состав Российского государства и пути их решения (на примере Северного Кавказа) / Дударев С. Л., Дударев Д. С., Ктиторова О. В., Цыбулькина А. А. Армавир: Дизайн-студия Б, 2014. 252 с.
7. Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов, 1822 – 1872. СПб. [б.и.], 1872. 616 с.
8. Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. 494 с.
9. Колесникова М. Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 496 с.
10. Мизиев И. М. Следы на Эльбрусе (из истории горного туризма и альпинизма). Карачаевск: Изд-во Карачаево-Черкесского гос. пед. ун-та, 2001. 184 с.
11. Потто В. А. Кавказская война. Т. 5. Ставрополь: Кавказский край, 1994. 400 с.
12. Романовский Д. И. Кавказ и Кавказская война. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. 404 с.
13. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – СПФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1. Т. 1. 1829. Д. 4. «Дело по Кавказской экспедиции».
14. СПФ АРАН. Ф. 32. Оп. 1. Д. 64. «Описание земель между рекой Кубанью, Черным морем и хребтом Кавказских гор».
15. СПФ АРАН. Ф. 32. Оп. 1. Д. 65. «Черновые заметки А.Я. Купфера о народах, обитающих на Кавказе».
16. СПФ АРАН. Ф. 32. Оп. 1. Д. 68. «Отрывок дневника А.Я. Купфера, веденного во время Кавказской экспедиции. 1829 г.».
17. Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
18. Ткаченко Д. С. Географические исследования окраин в формировании имперской идеологии XIX в.: попытка сравнительного анализа российского и британского опытов // Научная мысль Кавказа. 2015. № 2. С 88–92.
19. Томкеев В. Кавказская линия под управлением генерала Емануеля // Кавказский сборник. Тифлис, 1898. Т. XIX. С. 120–218.

УДК 94(438).081

И. К. Ким**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЗОНАНС ЗАКЛЮЧЕНИЯ
В БРЕСТСКОЙ ВОЕННОЙ ТЮРЬМЕ ДЕЯТЕЛЕЙ
ПОЛЬСКОЙ ОППОЗИЦИИ В 1930 г.**

Статья посвящена реакции политических сил и общества Польши на арест и заключение в военной тюрьме в Бресте на период предвыборной кампании в парламент 1930 г. видных политиков польской оппозиции, а также на отношение к заключенным в тюрьме.

Источниками исследования стали неопубликованные документы польских архивов и другие материалы.

Ключевые слова: история Польши, парламентские выборы, политическая борьба, политические партии, режим санации.

I. K. Kim**SOCIAL AND POLITICAL REACTION TO POLISH OPPOSITION FIGURES'
IMPRISONMENT IN A MILITARY PRISON IN BREST IN 1930**

The article studies the reaction of Polish political forces and society as regards Polish opposition prominent politicians' imprisonment in a military prison in Brest during the parliamentary election company in 1930, as well as the attitude to the prisoners in prison. Non-published documents

of Polish archives and other materials are referred to as the sources of the study.

Key words: history of Polish parliamentary elections, political struggle, political parties, sanitation regime.

1930 год был решающим в противоборстве в Польше санации, пришедшей к власти в результате майского переворота 1926 г. и оппозиции, основными партиями которой были правонационалистическое Стронництво народов (СН), центристские Польское стронництво христианской демократии (ПСХД) и Национальная рабочая партия (НПР), а также людовский (крестьянский) «Пяст», левые людовские «Вызволене» и Стронництво хлопске (СХ), а также Польская социалистическая партия (ППС). Особой остроты это соперничество должно было достичь во время предвыборной кампании в парламент осенью 1930 г. Однако в самом начале этой кампании был арестован ряд ведущих деятелей оппозиции, преимущественно представлявших предвыборный блок Центролев, объединивший пять левых и центристских партий (кроме ПСХД).

Статья посвящена реакции политических сил и общества Польши на арест и заключение в военной тюрьме в Бресте на период предвыборной кампании в парламент видных политиков польской оппозиции, а также на отношение к заключенным в тюрьме. Источ-

никами исследования стали неопубликованные документы польских архивов (Архив новых актов, Государственный архив Варшавы), а также материалы информационного бюллетеня агентства ВИП, прессы, сборника документов «Брестское дело» и некоторые другие публикации.

11 сентября было опубликовано официальное сообщение, в котором говорилось, что «органы безопасности зарегистрировали ряд преступлений как уголовной природы, так и политического характера, совершенных бывшими депутатами Сейма», из-за иммунитета которых судебные действия в отношении них были «невозможны или же постоянно затруднены». Поэтому после роспуска Сейма 10 сентября был задержан ряд бывших депутатов, совершивших «преступления как уголовной природы (кражи, мошенничество, присвоение и т. п.), так и политической природы (стрельба в полицию, призывы к насилию и неповиновению властям, антигосударственные выступления и т. п.)». 13 сентября в официальном сообщении назывались имена задержанных: К. Попель (НПР), В. Витос, В. Керник («Пяст»),

К. Багинский, Ю.Путек («Вызволене»), А. Савицкий (СХ), Н. Барлицкий, А. Целкош, С. Дюбуа, Х. Либерман, М. Мастек, А. Прагер (ППС), представлявших партии Центролева, а также один представитель санационного Беспартийного блока сотрудничества с правительством (ББВР) и пять украинцев, в отношении которых следственный судья применил арест [6, 11, 13 września]. К ним добавились не связанные с Центролевым А. Дембский и Я. Квятковский (СН), а после роспуска Силезского сейма и его депутат В. Корфанты (ПСХД) [6, 27 września]. Арестованные были переправлены в специальный отдел военной следственной тюрьмы № IX в Брестской крепости.

До освобождения заключенных в конце ноября власти в максимально возможной степени стремились исключить распространение сведений о действительном положении заключенных в тюрьме, отношении к ним тюремного персонала. К ним не допускались ни родственники, ни адвокаты. Проправительственная пресса в успокоительном тоне сообщала о положении брестских узников. Проводивший следствие судья Демант 13 ноября в «Экспрессе поранном» утверждал, что состояние здоровья заключенных удовлетворительное, в частности, у Либермана «вполне хорошее», все пожелания заключенных выполняются и у них все есть. При этом судья знал, например, от Либермана на допросах «об «обысках» в казематах, об избиениях и истязаниях заключенных», о «жестоких и нечеловеческих муках» [7, s. 316–317].

В период пребывания оппозиционеров в тюрьме протесты вызывал сам факт ареста, его незаконность. 10–11 сентября протесты опубликовали печатные органы ППС, СН, ПСХД, которые были конфискованы властями. В связи с задержанием своих членов (Керника, Либермана, Дембского и Прагера) с протестом в адрес министра юстиции С. Цара выступила адвокатская рада Варшавы. Указывалось на нарушение конституционного «принципа гражданских свобод», арест квалифицировался как «акт беззакония и насилия административных властей над гражданами Республики», требовалось освободить задержанных. Вскоре Верховная адвокатская рада в резолюции, перечислив ряд процессуальных нарушений (арест «полициейскими органами без ссылки на постановление суда», помещение арестованных в военную тюрьму), обра-

тилась к министру с предложением перевести адвокатов в соответствующую тюрьму, ускорить следственные действия и выпустить их на свободу [11, nr36/165, s. 333–334]. В негативном контексте «похищение и заключение в крепости б[ывших] депутатов» упомянул маршал (председатель) распушенного Сейма И. Дашиньский (ППС) в обращении к президенту И. Мосьшицкому [2, zesp. 62, sygn. 83, k. 7].

Реакцией оппозиционных партий на аресты были растерянность и опасение новых репрессий. «Политические круги, – говорилось в сентябрьском отчете МВД, – были удивлены арестом и заключением в Бресте» бывших членов парламента [2, zesp. 106, cz. 1, sygn.19, s. 5]. Сообщение комиссара правительства в Варшаве отмечало, что настроение в Сейме и клубах (фракциях) оппозиционных партий 10 сентября было «настолько тревожным и нервным, что непонятно как в тех условиях каждый старался связать опасение о своей собственной судьбе с опасностью, грозящей Республике» [3, k. 318].

В резолюции руководства СН арест его членов назывался «ярким насилием административных властей», который представляет собой «начало предвыборного террора», цель которого – сделать невозможным нации выразить свою волю. Высказывалась уверенность в том, что никаким насилием не удастся сломить воли польского общества [11, nr36/165, s. 343]. Однако в сообщении комиссара правительства в Варшаве говорилось, что аресты вызвали в СН «огромную подавленность» [3, k. 307]. ПСХД приняло резолюцию, осуждающую правительство за арест и выражающую убеждение, что это должно иметь следствием «немедленную реакцию оппозиционных партий акцией, выражающуюся в сближении партий на предвыборной платформе», в частности ПСХД с СН [3, k. 308–309]. «Это действие углубляет у нас всех убеждение о необходимости объединения всех наших сил в защите справедливости и закона. На выборах каждый отдаст голос за Войцеха Корфанты... Сотни тысячи наших голосов пусть будут ответом нашим врагам» [11, nr39/168, k. 365], – призывало силезское ПСХД. Оно выступило с партиями Центролева НПР и ППС с обращением к избирателям, заявив, что «отняли голос у ваших защитников, которые тридцать лет боролись за польскость Силезии и о вашу долю, противостояли немецкому насилию»,

и призыв к забастовке протеста [11, nr39/168, k. 367], что не получило широкого отклика. На рубеже сентября – октября отчет МВД констатировал: в Силезском ПСХД «по-прежнему господствовала растерянность по поводу ареста б[ывшего] депутата Корфанты» [2, zesp.106, cz. 1, sygn. 19, k. 16].

Аресты серьезно повлияли на деятельность Центролева. «Внутри партий Центролева дала себя заметить растерянность и опасение перед последствиями их выступлений, что в значительной степени ослабило пульс подготовки к манифестации, созванной на 14 IX т. г.» [2, zesp. 106, cz. 1, sygn.19, k. 5], – сообщалось в отчете МВД. В инструкции Центролева от 19 сентября рекомендовались меры на случай новых репрессий: окружные избирательные комитеты блока должны были подготовить «заранее согласованных заместителей отдельных делегатов партий», создать сеть «временных предвыборных квартир» [2, zesp. 9, sygn. 878, k. 9–10]. В сообщении комиссара правительства в Варшаве приводились высказывания депутатов: «Центролев встретит несомненные трудности, но это его не сломит и не согнет. Сейчас мы видим, что Центролев был необходимостью, и сегодня консолидация Центролева намного более сильная, чем была еще вчера»; «Правительство уже все сделало за нас» [3, k. 318].

Арест лидера НПР Попеля «вызвал растерянность и ряд протестов, которые, однако, прозвучали без отклика», – сообщалось в отчете МВД. В «Пясте» арест Витоса и Керника «ввел руководящие круги партии в состояние большой дезориентации и волнения», причину которого отчет МВД усматривал, в частности, в том, что «арестованные были в большинстве весьма активными деятелями Центролева и их арест затормозил ход его организационно-предвыборных работ» [2, zesp. 106, cz. 1, sygn. 19, k. 8]. «Пяст» предлагал Центролеву «оказать давление на власти в направлении освобождения б[ывших] депутатов, входящих в состав Центролева», в частности, посредством радикальной резолюции блока, а также воздержании от поставки продовольствия в города в течение трех дней [3, k. 309]. В «Вызволене», по сообщению отчета МВД, арест «вызвал возмущение, но одновременно растерянность партийных деятелей», но предполагалось, что аресты «будут способствовать укреплению связей Центролева». В СХ

аресты «вызвали достаточно серьезную растерянность в партии, особенно среди б[ывших] депутатов и кандидатов в депутатов», сторонники же партии комментировали их даже как «правильное наказание за преступления или же как наказание со стороны Маршала за невыполнение обещаний, сделанных депутатами своим избирателям» [2, zesp. 106, cz. 1, sygn. 19, k. 9–10,18–19].

Арест бывших депутатов вызвал растерянность в ППС. «В первый момент руководство партии не знало, как на это обстоятельство реагировать. В столице ограничились оглашением обращения на страницах «Роботника» и демонстрацией мелкой группы рабочих; в провинции лишь в Тарнуве дошло до серьезной демонстрации, которую, однако, полиция ликвидировала» [2, zesp.106, cz.1, sygn.19, k. 11–12], – сообщалось в отчете МВД. «Аресты деятелей Центролева свалились совершенно внезапно и удивили даже достаточно далеко продвинутых в партийной политике деятелей. В целом рассчитывалось на более мягкий курс в период выборов», – говорилось в сообщении комиссара правительства в Варшаве. В столичной организации ППС аресты вызвали замешательство, а ЦИК заседал тайно на частной квартире [3, k. 309–310]. Итоговый отчет МВД о выборах в Варшаве констатировал, что партия оказалась «в состоянии безвластия», ее члены отстранились от активной деятельности. В результате в столице партия «ограничила свою предвыборную деятельность до минимума» [2, zesp. 9, sygn. 864, k. 34]. Пресса ППС утверждала, что «выборы в Сейм и Сенат в ноябре 1930 г. не будут выборами «нормальными», ...маленькое слово «Брест» нависло сегодня над всей польской жизнью»; «Брест» сковал нас в одну цепь» [11, nr37/166, k. 350–351].

Аресты на некоторое время отвлекли внимание оппозиции от предвыборной кампании. «После последних шагов Правительства интерес к выборам частично уменьшился. С 10 сентября т. г. ни одна оппозиционная партия не занимается вопросами выборов в Сейм. Все были под впечатлением совершенных арестов и думали о дальнейших возможностях» [3, k. 347], – констатировало сообщение комиссара правительства в Варшаве. Большую часть предвыборного периода активность СН по данным МВД была незначительной: в первую половину сентября были проведены лишь

3 митинга, а за неделю до парламентских выборов СН – 161 [2, zesp. 106, cz. 1, sygn. 19, k. 4,44]. Всего с 12 октября по 15 ноября партия организовала 744 митинга при участии 107 тыс. человек, что резко контрастировало с более чем 9 тыс. митингов ББВР и 2 млн участников в них [5, s. 126]. По данным МВД, до начала ноября активность ПСХД по организации митингов проявлялась в Силезском воеводстве, и лишь за неделю до выборов партия проявила себя в общепольском масштабе, организовав 47 митингов (в Силезском воеводстве 23) [2, zesp. 106, cz. 1, sygn. 19, k. 45]. Наибольшей активностью среди оппозиционных сил в период предвыборной кампании отличался Центролев, ведущая роль в котором принадлежала ППС. Центролев в период с 12 октября до 15 ноября провел 965 митингов, в которых приняло участие 107 тыс. человек, что по количеству митингов было на порядок меньше, а по числу участников – почти в двадцать раз меньшим, чем у ББВР [5, s. 126].

Аресты оказали влияние на манифестации Центролева 14 сентября, которые были запланированы еще до объявления выборов и арестов. «Растерянность и опасения, которые господствовали в лагере ППС после арестов, повлияли на достаточно хаотическое ведение кампании съездов (на 14 IX т. г.)» [2, zesp. 106, cz. 1, sygn. 19, k. 11], – утверждалось в отчете МВД. К лозунгам борьбы за демократию и против диктатуры Пилсудского организаторы добавили требование освобождения арестованных. На манифестациях в городах Польши тема ареста лидеров оппозиции стала одной из основных. «Немедленное освобождение арестованных лидеров польской демократии» [3, k. 360–363] стало требованием резолюции, принятой по итогам манифестации в Варшаве. Аресты уменьшили количество участников манифестации 14 сентября: в Варшаве по разным источникам на ней присутствовали от 1,5 до 4 тыс. человек, в Катовице в митинге участвовали 3 тыс. человек, в Тарнуве – 4 тыс. [6, 15 października; 3, k. 359; 4, s. 226; 2, zesp. 106, cz. 1, sygn. 19, k. 8].

Вне блока активность партий Центролева была невысокой. НППР до конца октября организовала всего 1 митинг, а в начале ноября сообщение МВД информировало: «Самостоятельной деятельности Национальная рабочая партия почти совсем не проявила». «Пяст» в первой половине сентября органи-

зовал 5 митингов, на рубеже сентября – октября 2 и еще 31 в начале ноября. «Вызволене» организовало 3 митинга в первой половине сентября и 6 в начале ноября. СХ в первой половине сентября провело 5 митингов, на рубеже сентября – октября 2 и еще 9 в начале ноября [2, zesp. 106, cz. 1, sygn. 19, k. 7–10, 17–19, 27–29, 46–47].

Репрессии и невысокая предвыборная активность оппозиции повлияли на результаты парламентских выборов. На выборах в Сейм проправительственный ББВР набрал 46,7 % голосов и получил абсолютное большинство мест – 247 из 444 (на выборах 1928 года было 125). Центролев имел 17,3 % голосов и 72 мандата (ранее партии Центролева без «Пяста» имели 141), СН соответственно 12,7 % и 62 мандата (ранее 38), а ПСХД – 3,7 % и 15 мандатов (ранее вместе с «Пястом» 34). На выборах в Сенат ББВР получил 54,6 % голосов и также абсолютное большинство мест – 74 из 111 [8, 1930, s. 137; 1931, s. 135–136].

Освобождение заключенных в конце ноября дало импульс к росту протестов против их ареста. Бывшие заключенные сделали достоянием общественности отношение к ним в тюрьме, а внешний вид и состояние здоровья некоторых из них были доказательством их свидетельств. Это вызвало потрясение в польском обществе, и с этого времени акцент в протестах был перенесен с противоправности ареста на отношение к заключенным в тюрьме. Инициировали новую волну протестов оппозиционные партии в новоизбранном Сейме. На первом его заседании в декабре 1930 года при выборе его маршала в 107 бюллетенях, которые были признаны недействительными, было написано слово «Брест» [1, s. 211]. Первый запрос об отношении к узникам 10 декабря внес парламентский клуб СН, другой от 16 декабря – клубы партий Центролева.

В запросе левых и центристских партий арест без решения суда на основании распоряжения министра внутренних дел без даты и без указания оснований ареста назывался «ярким нарушением закона со стороны тогдашнего правительства». Арестованные «были незаконно посажены в военную тюрьму в Бресте над Бугом, подчиняющуюся военным властям ... несмотря на то, что все они были лицами гражданскими и все они были привлечены к ответственности на основании распоряжения гражданских властей». В запросе

впервые представлялся масштаб беззаконий и издевательств над заключенными в Бресте. Их перевозила «полиция и военная жандармерия в закрытом транспорте в неизвестном для них направлении», и вся дорога «проходила среди оскорблений и угроз в адрес арестованных». По пути был жестоко избит конвоирами Либерман. К арестованным был применен «наиболее жесткий военный режим, не применявшийся до сих пор даже для дезертиров», за нарушение которого к узникам применялись «нечеловеческие дисциплинарные наказания». Заключенными проводились так называемые «административно-хозяйственные работы», в частности, бывший премьер Витос, адвокат Либерман, профессор Прагер и другие «использовались для чистки тряпкой или веником, а тем самым почти голыми руками, отхожих мест, для мытья полов и коридоров под надзором солдат до такого уровня, что не привыкшие к таким работам они просто теряли сознание». Либерман во время работ пережил сердечный приступ. Самым тяжелым для арестованных были физические и моральные издеательства, далеко выходящие за пределы регламента. Среди беззаконий, связанных с физическим насилием, в запросе подробно описывалось избиение Попеля, указывалось на подобные действия в отношении Багиньского, Корфанты, Путека и Барлицкого. Среди моральных пыток назывались угрозы смерти арестованных, инсценировки расстрелов. Приводились высказывания коменданта тюрьмы Костек-Бернацкого в адрес заключенных: «Вы оскорбили моего вышестоящего, так будто вы оскорбили меня самого, я мог бы приказать вас тут у стенки расстрелять и никто бы мне слова не сказал»; «...все арестованные зависят от приказа маршала Пилсудского и только приказ маршала Пилсудского решит их судьбу» [9, s. 33–38].

В развернувшейся в Сейме дискуссии над запросами оппозиции клуб ББВР выступил против того, чтобы считать их срочными, а один из ближайших соратников Пилсудского Т. Голувко уверял, что «в Бресте злоупотреблений не было» [5, s. 139]. В результате за срочность запроса СН голосовало 147 депутатов, против 208. Таким же был результат голосования по срочности запроса левых и центристских партий: 146 – за и 211 – против. Примечательно, что часть депутатов ББВР не голосовала против [10, s. 539].

26 января 1931 г. обсуждению брестского дела было посвящено заседание Сейма, продолжавшееся почти 14 часов. На нем с нападками на оппозицию и особенно на Центролев обрушился премьер Славек: «Вы сейчас поднимаете большой шум о Бресте. Почему арестованные ваши люди были посажены, минуя якобы некоторые процедурные правила в Бресте? Для того чтобы у вас не было искушения выслать ваши боевые группы отбить заключенных». Премьер безапелляционно заявил: «Я изучил дело и утверждаю, что садизма и издевательств не было. Но и там, как в любой тюрьме, к послушанию должно быть в случае сопротивления принуждаться силой» [5, s. 153–154]. Имея большинство в Сейме, ББВР провел выгодное для себе решение по вопросу о брестском деле, против чего, кроме оппозиции, выступили четыре представителя его клуба, включая Кжижановского, отказавшиеся от мандатов. Не было принято предложение левых и центристских партий на заседании 29 января о создании комиссии Сейма по расследованию отношения к узникам в Бресте.

Позиция правящего лагеря в отношении Бреста соответствовала директивам Пилсудского. Он на совещании у президента 18 ноября дал указание, что «в случае, если бы речь зашла о предвыборных репрессиях, либо о Бресте, сохранять полное спокойствие». Следуя этим указаниям на совещании ведущих деятелей санации уже без Пилсудского 10 декабря было решено, что «если оппозиция внесла бы предложение о дополнении повестки дня срочным запросом по делу Бреста, то дополнение повестки дня будет отвергнуто большинством ББ[ВР]». Тем не менее, даже в руководстве клуба ББВР ряд его представителей считали, что, голосуя против срочности запроса, «мы подвергаем себя обвинению в опасении выяснения дела» [10, s. 528, 533, 538–539].

18 декабря В. Славек, ставший премьером вместо отправившегося на длительный отдых на Мадейру Пилсудского, на совещании заявил, что брестское дело «волнует сегодня интеллигентские слои, и это проявление не следует считать как очень постоянное. Оно может, однако, принести определенные неблагоприятные побочные следствия, а также некоторое замешательство в Клубе ББ, определенное обращение общественного мнения на офицеров, которые несли службу в

Бресте». Предлагалось пока «сохранить абсолютное молчание со стороны правительства, ... подождать до начала января, как сложится общественное мнение, и лишь после этого решать нужно ли давать ответ на запрос или обойти его молчанием». Пока же рекомендовалось отрядить для публичных выступлений пропагандистов и устроить пресс-конференцию, чтобы «сориентировать прессу в том направлении, что была война, и у войны должны быть свои крайности, и мы не обязаны никому обещать, что в случае дальнейшей войны к таким жестким средствам мы не будем прибегать». Эта позиция была одобрена всеми участниками совещания [5, s. 145–147].

Несмотря на цензуру и пропаганду санации, на рубеже 1930–1931 гг. проблема отношения к брестским узникам приобретала растущее резонансное звучание в польском общественном мнении за пределами Сейма. Первый коллективный протест имел место 10 декабря по инициативе профессора Ягеллонского университета в Кракове С. Кота: 45 профессоров этого университета направили депутату Сейма профессору Кжижановскому открытое письмо, которое было опубликовано в прессе. В нем дело брестских узников было названо «самым опасным явлением» из всех событий последних лет, подрывающим «моральные основы общественной политической жизни Польши и посредством этого угрожают развитию, а в дальнейших последствиях даже существованию польского государства. ... Брест позорит имя Польши в Европе. Брест вводит разложение и гниль в польскую жизнь» [9, s. 39]. Протест профессуры Львовского политехнического института был направлен в адрес их коллеги, президента Мосьщицкого. Протесты шли от профессуры и студентов других университетов, адвокатских рад, объединений врачей, представителей творческой интеллигенции, среди которых были видные литераторы А. Струг, З. Налковская, М. Домбровская, А. Слонимский, Ю. Тувим, Т. Бой-Желенский.

В правящем лагере брестские события не были восприняты однозначно положительно. К президенту Мосьщицкому обращались по этому поводу много людей, из-за чего он «сам оставался под неприятным впечатлением», ему пришлось успокаивать многих, которые, по его признанию, «подавленные произошедшими событиями, искали у меня

поддержки» [1, s. 216]. Министр В. Станевич в частной беседе возмущался заявлением Голувко об отсутствии нарушений закона в Бресте [5, s. 139]. Негативную оценку отношения к брестским заключенным дали отдельные новоизбранные депутаты от ББВР, включая профессора Кжижановского. Критическую позицию заняли некоторые санационные печатные органы, в частности, консервативный «Час» и левый «Пшелом».

«Брест» имел отклики и за рубежом. Либерман писал: после освобождения узнал, что «в Вене, где населению с австрийских времен я был известен, проходили многочисленные митинги протеста, на которых меня называли «второй Маттеоти» [7, s. 297]. Социалистический Интернационал на нескольких языках издал брошюру с текстом депутатского запроса от 16 декабря и вступлением, написанным председателем Социинтерна Э. Вандервельде.

10 бывших брестских узников, представлявших ППС и крестьянские партии (Либерман, Дюбуа, Мастек, Прагер, Целкош, Багиньский, Путек, Савицкий, Витос, Керник), были привлечены к суду. Он приговорил 9 обвиняемых к тюремному заключению на срок от 1,5 до 3 лет, а Савицкого оправдал. 31 октября 1939 г. в эмиграции в Париже новый президент Польши В. Рачкевич и премьер В. Сикорский амнистировали всех осужденных, вернув им гражданские и прочие права [9, s. 399–400].

Против ареста и пребывания в Бресте известных политиков до их освобождения в основном протестовала оппозиция, и предметом протестов была незаконность ареста и заключения в военную тюрьму гражданских лиц. После освобождения арестованных наибольшее возмущение вызывало противозаконное отношение к ним в тюрьме, моральные и физические издевательства над ними. Теперь протестовала не только оппозиция, но и польская общественность, отдельные представители правящего лагеря. Крайне отрицательно общественным мнением воспринималось то, что поляки страдали от действий поляков, и особенно то, что насилие исходило со стороны офицеров, которых окружал ореол благородства. Болезненно прежде всего оппозицией воспринималось нарушения закона в отношении видных политических и государственных деятелей.

Литература

1. Ajnenkiel A. Polska po przewrocie majowym. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1980. 724 s.
2. Archiwum Akt Nowych.
3. Archiwum Państwowe miasta stołecznego Warszawy. Zesp. 72\1\0. Sygn. 349.
4. Czubiński A. Centrolew: kształtowanie się i rozwój demokratycznej antysanacyjnej w Polsce w latach 1926-1930. Warszawa: Wydawnictwo Poznańskie, 1963. 340 s.
5. Garlicki A. Piękne lata trzydzieste. Warszawa: Pruszyński i S-ka, 2008. 285 s.
6. Gazeta Polska. 1930.
7. Lieberman H. Pamiętniki. Warszawa: Wydaw. Sejmowe: Kancelaria Sejmu, 1996. 446 s.
8. Mały Rocznik Statystyczny. Warszawa: Główny Urząd Statystyczny.
9. Sprawa Brzeska. Dokumenty i materiały. Warszawa: Książka i Wiedza, 1987. 409 s.
10. Świtalski K. Diariusz. 1919-1935. Warszawa: Czytelnik, 1992. 836 s.
11. WIP. Wszystkie stronnictwa. 1930.

УДК 94 (470+571) «18»

Ю. Ю. Клычников

 ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
 СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.
 (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

В статье идет речь об особенностях изучения археологических древностей, проводившегося на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX века. Показаны шаги имперской администрации, направленные на поиск, изучение и сохранение артефактов. Раскры-

ваются трудности, с которыми пришлось столкнуться в процессе исследования. Дана оценка полученным в итоге результатам.

Ключевые слова: археология, раскопки, артефакты, античность, курганы, музей, древности.

U. U. Klychnikov

 THE HISTORICAL AND ARCHEOLOGICAL EXPLORATION
 OF THE NORTH-WESTERN CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY
 (ACCORDING TO THE MATERIALS OF KRASNODAR STATE ARCHIVES)

The article studies the features of archeological antiquities exploration carried out in the North-Western Caucasus in the first half of the XIX century. The article shows actions of the imperial administration directed to search, exploration and preservation of artifacts. It

discovers the difficulties which took place in the process of work. The final results have been estimated.

Key words: archeology, excavations, artifacts, antiquity, burial-mounds, museum, antiquities.

Интерес к историческому наследию Северного Кавказа являлся одной из сторон многогранного процесса его вхождения в культурное пространство империи, и даже перипетии вооруженного противостояния не могли помешать этому процессу [15; 20; 21; 14; 16]. Изучение и демонстрация обнаруженных здесь античных древностей должны

были доказать сопричастность Российского государства к истокам европейской культуры, свидетельствовать о нынешней мощи страны, которая таким образом позиционировала себя наследницей славы некогда великих цивилизаций. Многочисленные артефакты, связанные с жизнью существовавших на Черноморском побережье Кавказа и в Приазовье

греческих полисов, принесли в копилку знаний о прошлом региона множество ярких и ценных свидетельств, сбор и анализ которых государство попыталось упорядочить и монополизировать [1; 2].

С целью сохранения и научного изучения обнаруженных античных древностей предполагалось их размещение в музеях, о чем доводилось до сведения местного начальства в соответствующих распоряжениях. Так, осенью 1830 г. комендант Фанагорийской крепости инженер-полковник Мокиевский получил предписание от Общего управления Кавказской области передать в Керченский музей находки, которые хранились в Таманской церкви. Но выполнить это распоряжение комендант не мог, т. к. оказалось, что у них уже имеется хозяин. Артефакты «есть древние остатки от храмов, обитавших на сем острове в прошедшие столетия народов, и по отыскании их здесь, отданы в пользу церкви» [3, л. 1–1 об.]. Даже строгие приказы начальства не позволили Мокиевскому пойти на конфликт с духовенством. А оно не горело желанием отдавать ценный дар, который еще 21 августа 1803 г. получило от жертвователя Льва Никольского. Судя по описи, церкви достались четырнадцать различных находок, среди которых были коринфские колонны, надгробные камни с надписями, мраморные кубки и даже «мраморный лев, снятый с ворот древней Фанагории в 1793 году» [3, л. 2–2 об.].

Для решения возникшего затруднения решено было сделать запрос к вышестоящему начальству. Мокиевский обратился к начальнику Кавказской области генералу от кавалерии Г. А. Емануелю и получил от него новое предписание поторопиться с выполнением его распоряжения с добавлением, что «ежели и за сим будет делать отказы, то виновные подвергнуться строгому взысканию по законам ибо о сем состоялась Высочайшая воля» [3, л. 1 об.].

Развернувшаяся вокруг этого, на первый взгляд, рядового события переписка представляется весьма наглядной. Она демонстрирует то отношение, которое существовало в обществе к памятникам истории и культуры. Обладание ими было как минимум символом престижа, что ценилось как светской, так и духовной властью. Апелляция к мнению и воле государя требовалась далеко не по всякому поводу, но данный случай, видимо, был

из разряда таковых. Даже властного ресурса Г. А. Емануеля оказалось недостаточно, чтобы передать исторические находки во владение музея. Не без раздражения он требовал 10 апреля 1831 г. от исправляющего должность Войска Черноморского наказного атамана генерал-майора Н. С. Завадовского обязать Фанагорийского коменданта выполнить приказ «безотговорочно» [3, л. 7–7 об.].

Но судя по тому, что этот вопрос был вновь поднят Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором графом М. С. Воронцовым, известным своим покровительством науке и искусству [18, с. 62–63], на совещании 6 сентября 1833 г., власти Черномории отнюдь не торопились расстаться с хранящимися у них ценностями и под разными предложениями тормозили выполнение приказа. Тогда же М. С. Воронцов распорядился направить чиновников «для разыскания в пределах войска Черноморского, к открытию древних памятников погребенных в курганах» [3, л. 15 об.]. И в дальнейшем он уделял этому вопросу немало времени, стараясь чтобы ценные свидетельства прошлого стали достоянием науки. С этой целью им выделялись средства, в том числе для выкупа ценных артефактов у частных лиц.

В свою очередь для стимулирования интереса местного начальства оказывать всестороннюю помощь археологам Николай I дал распоряжение «в случае открытия ... каких-либо драгоценных вещей, сделано будет Черноморскому казачьему войску приличное по оценке вознаграждение» [4, л. 2].

В дальнейшем и Одесский музей стал добиваться передачи в свое хранилище античных предметов, находящихся в собственности Таманской церкви. В частности, «Одесское общество истории и древностей» обратилось 21 сентября 1847 г. к наказному атаману Черноморского казачьего войска генерал-майору Г. А. Рашпилю со следующей просьбой: «Состоящее под покровительством Его Императорского высочества Государя наследника Цесаревича Великого Князя Александра Николаевича Одесское общество истории и древностей собирая в свой музей все остатки древностей, попадающиеся в Южной России, находит полезным хранить у себя и те куски мраморных колонн, с крестами и надписями, капителей и карнизов, которые находятся в ограде Таманской церкви». Расходы на

транспортировку этих артефактов Общество готово было взять на себя и рассчитывало на «сочувствие» атамана «ко всему полезному» [7, л. 1–1 об.].

После назначения М. С. Воронцова наместником на Кавказ он получил дополнительную возможность уделять внимание местным древностям. Столкнувшись с фактом разграбления и уничтожения каменных изваяний, он подключил к их охране Министерство внутренних дел, которое в мае 1847 г. распорядилось собрать «сведения, находятся ли еще в земле Черноморского казачьего войска на могилах или курганах каменные изваяния, называемые в простонародии «бабами», с присовокуплением названий этих могил, если существуют, и по именованию урочищ, где они находятся, а также какие князю Михаилу Семеновичу угодно будет принять меры против дальнейшего расхищения этих изваяний» [6, л. 1–1 об.].

Об этом просила и Императорская академия наук, обеспокоенная тем, что эти статуи, «которые в недавнем еще времени стояли на степных могилах или курганах, особенно в полуденной России, ныне время от времени исчезают» [6, л. 2].

Интерес к древностям мы видим и у других российских начальствующих лиц, осознававших всю важность изучения прошлого, которое можно было поставить на благо воспитания юношества. Так, по распоряжению одного из кордонных начальников полковника Калери весной 1847 г. «для осмотра найденного в ведомстве татарской станицы Ады (*северный берег Таманского полуострова*. – Ю. К.) древнего камня с надписью, командирован был ... 5-го конного полка сотник Лебедев. Офицер этот скопировал с того камня надпись в таком виде как она есть...» [5, л. 3]. К сожалению, надпись сохранилась фрагментарно, и ее полная дешифровка невозможна. Видимо, речь должна идти о надгробной стеле с эпитафией по усопшему¹.

Наглядным примером служит и переписка между начальником Георге-Афипского укрепления полковником Касалапом и наказным атаманом Войска Черноморского генерал-лейтенантом Г. А. Рашпилем по поводу

раскопанного вблизи укрепления кургана и найденной «в недрах онаго древней гробницы с разными вешами» [8, л. 4]. Курган располагался на левобережье Афипса и был скрыт воинскою командой, т. к. нередко служил «неприятелю наблюдением за действиями нашими» [8, л. 5].

В результате были обнаружены ценные свидетельства прошлого, перечень которых был представлен вышестоящему командованию: «Опись древним вешам, найденным в кургане, разрытом близ Георгие-Афипского полевого укрепления, возведенного в земле шапсугов, при р. Афипсе, в 15 верстах выше его устьев 5 апреля 1850 года.

1) Остатки железной кольчуги, в четырнадцать различной величины кусках. От сильного окисла металлическая сеть кольчуги слилась в сплошную и твердую кору.

2) Остатки металлического шлема в двух кусках.

3) Стрелы: а) копьевидных десять, б) раздвоенных в виде вил пять, в) долотовидных две.

4) Блях медных круглых, разной величины восемь.

5) Колец медных, разной величины пять.

6) Колец чистого золота разной величины три.

7) Пряжек медных, в обломках две.

8) Пуговиц медных, небольших, круглых две.

9) Шариков хрустальных, по-видимому, имевших значение пуговиц, или привесок, два – из коих один расколот пополам.

10) Сосуд хрустальный, граненый, имеющий длинное узкое горло с шести угольным разводом наверху – один» [8, л. 8–8 об.].

Такой разнообразный и дорогой погребальный инвентарь позволяет сделать вывод о высоком статусе погребенного в кургане человека. К сожалению, непрофессиональный характер произведенных раскопок не позволил реконструировать особенность самой курганной насыпи, да и сообщений о костных останках в материалах дела не было. Тем не менее, вещи были незаурядными, и возник замысел «эту археологическую находку посвятить будущему музею войсковой гимназии», открытие которой планировали в мае 1851 г. Как отмечалось в докладе на имя наказного атамана: «Это будет первое благородное приношение храму науки, а наука есть семя всего благородного и доброго» [8, л. 6–6 об.].

¹ Автор выражает искреннюю признательность доктору исторических наук Саркису Суреновичу Казарову за помощь в переводе текста, скопированного сотником Лебедевым.

В 1852 г. стал вопрос о проведении регулярных археологических раскопок на Таманском полуострове. Этому предшествовала поездка министра Внутренних дел в 1851 г. по землям Черноморского войска, когда по распоряжению наместника были произведены «разрытие нескольких курганов около Тамани». Хотя эти некрополи оказались разграбленными еще в глубокой древности, присутствующие высокие руководители признали, что «Таманский полуостров представляет вообще весьма любопытную для науки местность, и есть надежда, что при дальнейших разысканиях может быть определено настоящее положение древнего города Фанагории» [9, л. 1–1 об.]. Как видно, интерес вызвали не столько отдельные вещи, пусть и имеющие высокую художественную ценность и привлекательные для коллекционеров, сколько решение крупной научной задачи. А она со времен «Греческого проекта» Екатерины Великой вполне соответствовала политическим интересам России [17, с. 62–68; 19, с. 116–117].

Примечательно, что данное предложение нашло поддержку у самого императора. Николай I не только дал разрешение, но еще и пожертвовал тысячу рублей серебром для финансирования предполагаемых работ. Их проведение поручили «возложить... на скульптора и рисовальщика Керченского музеума штабс-капитана Бегичева» [9, л. 1 об.].

Были наняты рабочие с опытом «каменоломни», кроме того штабс-капитан просил о «назначении к нему 5 человек казаков конных и 20 пеших с оружием; первые для посылки и извещения его в случае если бы что ни будь из древностей было отыскано, а последние для караула» [9, л. 5 об.]. Без охраны обойтись было невозможно, т. к. слухи о «несметных сокровищах» магнитом притягивали к раскопкам любопытных, которые не прочь были поживиться найденными артефактами. Черноморское начальство с пониманием отнеслось к просьбе Бегичева и выделило ему необходимую охрану «на время производства работ» [9, л. 31 об.].

Более того, в 1854 г. было разрешено «построить помещение на войсковой земле Черноморского казачьего войска близ станции Сенной для чиновников и рабочих,

производящих археологические раскопки на Таманском полуострове» [13, л. 12]. Предполагалось, что эта постройка будет иметь временный характер, и после завершения работ ее демонтируют. Но судя по тому, что о наличии «помещения в двух зданиях» говорится в переписке, датированной 1865 г., потребность в стационарной археологической базе сохранялась все эти годы [10, л. 18–18 об.].

Преодолеть тягу местного населения к самостоятельным поискам древностей было невозможно. Никакая охрана не могла уберечь памятники старины от разрушения, а находки от разграбления. Тогда возникла идея привлекать частных энтузиастов для археологических изысканий, но уже на службе государству.

Весьма любопытная информация сохранилась о некоем закубанском поселянине Размашкине, который обратился с таким предложением к войсковому начальству: «Личная сказка. 1854 года июня 17 дня закубанский поселянин Николаевской станицы Ефим Петров Размашкин объяснил, что он, находясь на заработках в станице Таманской по письменным видам, получаемым из Анапского правления Закубанских поселян, желает искать собственными способами в юрте сей станицы и таковой Темрюкской древностей, не требуя при этом ни от казны, ни от Войска никаких пособий. Почему о дозволении ему раскапывать курганы беспрепятственно, просит у г. Исправляющего должность наказного атамана Черноморского казачьего войска и кавалера установленного документа. При этом он обязывается из имеющих отыскиваться им древностей ничего не скрывать, а по отыскании в то же время объявлять о том ближайшему присутственному месту» [13, л. 2–2 об.].

С такого рода искренним, зачастую бескорыстным интересом кавказское начальство сталкивалось неоднократно и в дальнейшем [11, л. 1]. Передавая находки, люди хотели узнать, «может быть, можно будет исследовать, какие народы обитали в округе» [12, л. 1] той земли, которая ныне стала их малой Родиной. И это, пожалуй, главная заслуга всех тех, кто тщательно собирал и сохранял «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой».

Литература

1. Гёрс К. К. Археологическая топография Таманского полуострова. СПб.: Тип. Императорской АН, 1898. 163 с.
2. Гёрс К. К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. СПб.; Типография Императорской АН, 1898. 152 с.
3. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф.249. Оп.1. Д.1156.
4. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1554.
5. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1829.
6. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1830.
7. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1836.
8. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1918.
9. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1992.
10. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.2357.
11. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.2518.
12. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.2633.
13. ГАКК. Ф.252. Оп.1. Д.1646.
14. Дударев С. Л., Дударев Д. С. Вклад декабристов в формирование толерантного отношения российского общества к народам Северного Кавказа: книга очерков. Армавир: Графа, 2012. 120 с.
15. Клычникова М. В., Клычников Ю. Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777–1864 гг.). Пятигорск: ИП Филиппов, 2006. 158 с.
16. Колосовская Т. А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв. М.: Изд-во Каллиграф, 2015. 240 с.
17. Коршунова Н. В. Восточный вектор геополитики Екатерины II: «Греческий проект» // Вестник Челябинского университета. 2003. Сер. 10. №1. С. 62–68.
18. Лазарян С. С. Князь М. С. Воронцов и Кавказ: аспекты социально-культурной деятельности и разноречия вокруг кавказского наследия. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. 217 с.
19. Приймак Ю. В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир: Полипринт, 2011. 359 с.
20. Пылков О. С. Российская армия в трансформационных процессах на северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Армавир: ИП Шурыгин В. Е., 2011. 248 с.
21. Ткаченко Д. С., Колосовская Т. А. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...». Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 304 с.

УДК 94(439)

И. В. Крючков

А БЫЛ ЛИ КРИЗИС?: ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЕНГРИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА В ДОНЕСЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ

В статье рассматривается оценка генеральным консулом России в Будапеште князем А. Н. Львовым развития промышленности Венгрии в конце XIX в. В материале отмечается, что не всегда позиция дипломата совпадала реальными фактами, его политические взгляды и отсутствие экономического образования

не давали возможности объективно подойти к анализу ситуации в промышленности Венгрии на рубеже XIX – XX вв.

Ключевые слова: Венгрия, промышленность, иностранный капитал, внешняя торговля, мука, транспорт, кризис.

I. V. Kryuchkov

HUNGARIAN INDUSTRY AT THE END OF THE XIX-TH CENTURY IN REPORTS OF RUSSIAN DIPLOMATS: MYTHS AND REALITY

The assessment of the development in Hungary at the end of the XIX-th century by general consul in Budapest prince A. N. Lvov is considered in the article. It is claimed in the material that the attitude of the diplomat did not always coincide with real facts, his political

view and absence of economic education did not allow him to approach the analysis of situation of Hungarian industry at the turn of the XIX-th – XX-th centuries.

Key words: Hungary, industry, foreign capital, international trade, flour, transport, crisis.

Оценивая перспективы венгерской экономики в 1899 г., генеральный консул России в Будапеште князь А. Львов отмечал ее глубокий кризис с весьма туманными перспективами. Генеральный консул экономическую политику правительства Венгрии оценивал в целом отрицательно. По его мнению, правящие круги Венгрии, погрязнув в политиканстве и в борьбе с Австрией, абсолютно не представляли реальную ситуацию в народном хозяйстве страны, не предпринимая решительных мер по развитию экономике, борьбе с безработицей и нищетой широких слоев населения [1, л. 56–57].

сковать своими деньгами. Неопределенность лихорадила фондовый рынок Венгрии и ее товарные биржи. Стоит отметить значительную зависимость Венгрии от иностранных и австрийских инвестиций, так как отечественный капитал не был в состоянии обеспечить капитальными вложениями народное хозяйство страны в необходимых масштабах [2, л. 62]. Доля иностранных инвестиций, включая австрийские, постепенно сокращалась в пользу внутренних инвестиций с 60 % 1867 г. до 45 % в 1900 г. от общего объема инвестиций [13, с. 2].

Глобальных причин кризиса венгерской экономики, в том числе ее промышленности, на взгляд дипломата, к 1899 г., было три. Первая – это неопределенность экономических связей между Австрией и Венгрией, им все труднее становилось достигать компромисса в вопросах сохранения общего таможенного пространства. Многие потенциальные инвесторы, особенно иностранные, опасаясь чрезмерного обострения отношений между Венной и Будапештом, не хотели ри-

Поэтому положение дел на фондовой бирже Будапешта во многом зависело от поведения иностранных инвесторов. Бегство иностранного капитала вело к падению стоимости ценных бумаг страны. По мнению консула, этот процесс отчасти отмечался в конце 90-х гг. XIX в. В 1897 г. операции с венгерскими ценными бумагами составили 187,4 млн гульденов, а в 1899 г. – чуть более 180 млн гульденов [2, л. 66]. С 1894 по 1898 гг. котировки железнодорожного займа упали с 124 гульденов до 120 гульденов, выкупных

земельных облигаций – с 97,25 гульденов до 96,75 гульденов, обвалились на 4 млн гульденов акции страховых компаний, региональных железных дорог, угольных шахт и кирпичных заводов. Инвесторы выводили свои средства из страны частично, вкладывая их большую часть в более надежные объекты внутри Венгрии. В частности, курс облигаций венгерского внешнего займа с 1894 по 1898 гг. вырос с 156 гульденов до 158 гульденов [2, л. 67].

К началу XX в. 10,43 % промышленных предприятий страны принадлежало иностранным инвесторам. Отсюда все разговоры о массовом оттоке средств из Венгрии в конце XIX в. не выдерживают критики. По данным современного венгерского историка Ф. Саваи, с 1867 по 1914 гг. объем австрийских и иностранных инвестиций, главным образом французских и германских, в экономику Венгрии достиг 6,8 млрд крон [13, с. 2].

Вторая причина, заключалась в распространении среди венгерских аграриев антикапиталистической ментальности. Причем данный процесс затронул не только крестьян страны, многие крупные землевладельцы не скрывали своей неприязни к банкам, биржам, крупному капиталу [2, л. 54]. Технические новшества и современные подходы ведения хозяйства с трудом пробивали себе дорогу в венгерском селе. Однако дипломат в данном случае несколько сгушал краски. С 80-х гг. XIX в. в сельском хозяйстве Венгрии при поддержке государства начался активный процесс модернизации. Это становится мощным стимулом индустриализации страны [5, с. 393]. С одной стороны, аграрный сектор требовал сельскохозяйственную технику, удобрения, новый инвентарь. С другой стороны, в результате интенсификации хозяйства росли доходы венгерского села, и оно выступало в качестве наиболее крупного потребителя промышленных товаров.

Естественный процесс разорения крестьянских хозяйств воспринимался консервативной частью венгерского общества как большая трагедия, подрывающая самобытные устои мадьяр, их образ жизни [9, р. 69]. Пролетаризация села стала острой дискуссионной темой на страницах ведущих газет и на парламентской трибуне. Многие политики и общественные деятели в ней видели угрозу будущему страны, ее национальной самобытности, что особенно болезненно воспринималось в

условиях многонационального состава населения Венгрии на рубеже XIX – начала XX вв. Связанный с разорением крестьян процесс эмиграции населения из Венгрии в США и другие государства добавлял страхов, и венгерское общество боялось потери десятков тысяч соотечественников и прежде всего молодежи [4, с. 292].

Третья причина кризиса мало зависела от самой Венгрии. В последней трети XIX в. Европа переживала мировой аграрный кризис. Дешевая сельскохозяйственная продукция из США, Австралии, Аргентины и Канады хлынула на европейский рынок, обваливая цены на продукцию местных производителей. Сельскохозяйственная продукция из стран «Нового света» проникла в австрийскую половину империи Габсбургов через Германию в Богемию и Триест в югославянские земли [2, л. 53–54]. Состояние дел в экономике Венгрии во многом зависело от экспорта муки, зерновых культур, продукции животноводства и других сельскохозяйственных товаров. При этом не стоит забывать, что именно Австрия являлась основным потребителем венгерского сельскохозяйственного экспорта.

По сведениям российских дипломатов, эта тенденция проявилась в изменении сальдо внешнеторгового оборота Венгрии. В 1893 г. страна вывозила товаров на 524,5 млн гульденов, а ввозила на 513,1 млн гульденов. С 1895 г. импорт превысил экспорт на 39 млн гульденов. В 1897 г. страна несколько сократила отрицательное сальдо, импорт достиг 554,8 млн гульденов, а экспорт – 540,9 млн гульденов [2, л. 69]. Отрицательное внешнеторговое сальдо негативно сказывалось на общем платежном балансе Венгрии. Внешняя торговля перестала быть источником притока средств в страну. Тем не менее, с 1890 г. правительству страны удалось перейти на бездефицитный бюджет.

Министерство торговли Венгрии на рубеже XIX–XX вв. понимало всю сложность ситуации в экономике страны. В отчете министра торговли за 1901 г., где подводились итоги ее развития за прошлые годы, в качестве первоочередной меры выделялась необходимость дальнейшей модернизации венгерской промышленности. Кроме этого, в отчете ставилось под сомнение будущее мелкого ремесленного производства.

К началу XX века в стране насчитывалось всего 29 промышленных предприятий,

где трудились более 500 рабочих, на предприятиях, имевших 20 рабочих и хотя бы один двигатель, были заняты всего 30,1 % всех рабочих Венгрии [2, л. 80]. Министерство признавало наличие на малых предприятиях различных форм кабалы рабочих, в частности, в цехах сохранялся институт ученичества, мелкие предприятия не могли рассчитывать на получение кредита в банке, попадая в зависимость от ростовщиков и т. д. Все это обрекало их на разорение. Спасением для ремесленников и мелких предпринимателей могла стать кооперация, и правительство выражало готовность поддержать такие начинания [2, л. 75]. К 1895 г. при участии правительства мелкие производители создали: 10 обществ взаимного кредита, 6 синдикатов по организации сбыта готовой продукции, 13 синдикатов по закупке сырья, 16 потребительских союзов.

Начало XX в. для промышленности страны министерство торговли оценивало более оптимистично, в отличие от российских дипломатов. В 1900 г. в Венгрии были введены в строй 46 новых промышленных предприятий с капиталом в 31 млн крон, в 1899 г. данный показатель составлял 20 предприятий с капиталом в 23 млн крон [2, л. 72]. Правительству удалось добиться размещения на предприятиях страны крупных военных заказов для армии Австро-Венгрии. В 1895 г. Венгрии обеспечивала примерно 30 % поставок снаряжения и вооружений для армии Австро-Венгрии.

В этой связи следует отметить, что правительство Венгрии в последней трети XIX века разработало масштабную программу по развитию отечественной промышленности. Она включала: 1) выделение ссуд и субсидий; 2) предоставление льготных транспортных тарифов; 3) размещение государственных заказов.

В 1868 г. промышленность страны получила всего 134 франка субсидий, к 1872 г. они достигли 111 тыс. франков, а в 1895 г. 560 тыс. франков. Правда, в 1896 г. субсидии несколько сократились до 520 тыс. франков. В общем с 1868 по 1896 гг. промышленность Венгрии получила от правительства финансовой помощи на 3 млн 411 тыс. франков [2, л. 81]. В 1890 г. правительство учредило специальный фонд для содействия промышленности и торговле, выделив на эти цели 2,5 млн франков.

Ставка делалась на развитие в Венгрии предприятий, выпускавших дефицитные това-

ры для постепенной замены импортных товаров на отечественную продукцию. Закон III 1890 г. вводил: льготы на 15 лет для новых промышленных предприятий, приобретающих современное оборудование для выпуска дефицитных товаров, не производившихся в Венгрии; для предприятий, имевших современное оборудование; предприятий, изготавливавших изделия из золота, серебра, латуни, цинка, олова, стали, проволоку, эмалированную посуду, иголки, кузнечные и слесарные изделия, оружие, научные приборы, промышленное оборудование, электродвигатели, фарфор, канализационные и водосточные трубы, огнеупорную черепицу, стекло. Дополнительно льготы распространялись на все предприятия химической промышленности. Всего под действие закона попали 782 предприятия [2, л. 84]. Особое внимание правительство уделяло развитию нефтеперерабатывающей промышленности страны. С 1883 г. в Венгрии стали строиться крупные нефтеперерабатывающие заводы. Сырую нефть страна в основном получала из Галиции и в небольших объемах из Румынии.

Только в 1895 г. министерство торговли приобрело для нужд правительственных учреждений продукции на 80 млн гульденов у отечественных производителей и всего на 10 млн – у иностранных, в том числе австрийских.

Особые льготы от правительства получали промышленные предприятия, экспортировавшие свою продукцию за пределы страны. Венгрия видела в стимулировании экспорта важную стратегическую задачу, способную в перспективе вывести страну в ранг мировых лидеров в области промышленного производства, обеспечив ее промышленность гарантированными рынками сбыта. В Будапеште понимали, что в ближайшие годы ее индустрия насытит собственный внутренний рынок и стране придется вести борьбу за внешние рынки, а для этого необходима была тщательная подготовительная работа. Для этих целей был создан Венгерский торговый музей, который занимался изучением потребительского спроса на рынках Балкан и Ближнего Востока. Музей через 13 своих отделений собирал заказы от местных торговцев, защищал интересы венгерских экспортеров за рубежом. В год на содержание музея правительство в среднем выделяло около 300 тыс. франков [2, л. 85]. Для сравнения в России

такого рода идея только обсуждалась. Успехи внешней торговли Венгрии подкреплялись существенными инфраструктурными проектами (модернизация порта Фиуме, развитие Дунайской речной флотилии, строительство элеваторов и т. д.).

Объектом пристального внимания венгерского правительства становится развитие транспортной инфраструктуры. Экономический подъем в стране, рост внешне-торгового оборота требовали модернизации транспортной системы. С 1867 г. Венгрия начала развивать речное судоходство. С 1867 по 1875 гг. был реконструирован канал Франца, объем вложений в данный проект составил около 10,5 млн гульденов, начал строиться канал Франца-Иосифа, в 80-90-е гг. были предприняты масштабные работы на Дунае в районе Железных ворот. Всего с 1867 по 1895 гг. Венгрия потратила на строительство каналов 77 млн гульденов, из них 45 млн гульденов было вложено в проведение работ на Дунае [2, л. 156]. В Будапеште вынашивались и амбициозные трансграничные проекты. В частности, в Венгрии активно обсуждали возможность соединения с помощью каналов балтийского порта Штеттин с Будапештом и Фиуме, но для этого требовались колоссальные средства [3, л. 10]. Постройку речных судов обеспечивали два предприятия: завод Шенахена и Гартмана (уставной капитал в 700 тыс. гульденов) и завод АО «Danubuis» (уставной капитал 1 млн гульденов). Венгрии удалось создать эффективную систему речного судоходства.

С 1881 г. Венгрия приступила к реализации масштабного проекта, направленного на создание собственной морской судоходной компании «Адрия». Зависимость от австрийской компании «Ллойд» тяготило правительство страны, тем более не всегда Будапешту удавалось прийти к полному взаимопониманию с «Ллойдом». С 1891 г. Венгрия полностью разорвала связи с «Австрийским Ллойдом». Пароходы «Адрии» совершали рейсы в Марсель, Геную, Лондон, Роттердам, Гамбург, Ливерпуль, Рио де Жанейро и т. д. Правительство оказывало поддержку «Адрии», договариваясь с ней об объемах государственных субсидий, направлении маршрутов, ставках тарифов, заключая по данному поводу специальное соглашение с компанией. «Адрия» ежегодно получало около 570 тыс. гульденов субсидии, а остальные компании более 400 тыс.

гульденов [8, с. 298]. В 1899 г. «Адрия» имела 25 пароходов. Кроме этого, в стране действовали еще две мореходные компании: «Венгеро-хорватское анонимное общество морского пароходства» (20 судов) и «Судоходное общества Л. Шварца», владевшее 2 пароходами. В 1899 г. морской флот Венгрии составлял 157 парусных судов с общим тоннажем 21 тыс. тонн и 68 пароходов с тоннажем 44,7 тыс. тонн [8, с. 297]. Численность парусных судов в Венгрии в последней четверти XIX в. неуклонно снижалась. Большие работы проводились по модернизации единственного морского порта Венгрии Фиуме. С 1871 по 1894 гг. на эти цели было потрачено почти 16 млн гульденов. В результате пропускная способность порта увеличивается с 126 тыс. тонн в 1869 г. до 1 млн тонн в 1894 г. Работы по модернизации порта не прекращались и после 1894 г. Рост товарооборота порта свидетельствовал о грамотной политике правительства.

Первая железная дорога в Венгрии появилась в 1820 г., к 1847 г. железнодорожная сеть составила всего 185 км., а в 1890 г. уже превысила 11 тыс. км. В эпоху дуализма в стране началось бурное строительство железных дорог при самом активном участии государства. Это привело к резкому увеличению количества перевезенных грузов и пассажиров. В 1867 г. в Венгрии по железным дорогам перевозилось 2,9 млн пассажиров и 3,8 млн тонн грузов, а в 1895 г. данные показатели составили 53,2 млн пассажиров и 28,9 млн тонн грузов [2, л. 162].

Локомотивом развития промышленности Венгрии в последней трети XIX в. явился ряд секторов экономики. Ведущее место в структуре индустриального производства Трансильвании занимала пищевая промышленность, на которую в конце XIX в. приходилось около 15 % промышленных рабочих страны и 40 % продукции венгерской промышленности. Исключительное положение как в пищевой промышленности, так в экономике Венгрии в целом занимало мукомольное производство, в меньшей степени – сахарная промышленность. Мельницы страны стали крупнейшими заказчиками для предприятий машиностроения. Ведущие венгерские инженеры, в том числе знаменитого завода Ганца, трудились над улучшением оборудования для мукомолов. Зерно высокого качества, поступавшее из Бачки и Баната, служило основой

для получения высококачественной муки, пользовавшейся большим спросом в империи Габсбургов и за ее пределами. Спад производства в мукомольной промышленности всегда вызывал большую тревогу у правительства. Оно понимало все негативные последствия данного явления для всей экономики Венгрии [7, с. 59].

Особая роль в данном процессе отводилась строительству. В стране после заключения дуалистического соглашения начался строительный бум, особенно он затронул Будапешт. Венгерская элита поставила амбициозную задачу по превращению города во вторую столицу империи во всех отношениях. Будапешт становился крупнейшим экономическим центром Венгрии и одним из локомотивов развития всей экономики Австро-Венгрии. В частности, в 1894 г. в Венгрии действовали 328 акционерных обществ, из них 114 находились в столице, их уставной капитал превысил 220 млн франков, в то время как провинциальные АО имели всего 174 млн франков [2, л. 80]. Закон XIV 1890 г. для развития акционерных обществ на территории Будапешта вводил для них ряд существенных льгот, в том числе и при начислении налоговых ставок и др.

Элита страны была готова тратить колоссальные средства на перестройку Будапешта, чтобы он на равных мог конкурировать с Веней. В 80–90-х гг. в столице Венгрии строилось около 9 тыс. зданий, в том числе более 6 тыс. жилых домов на 360 млн гульденов [2, л. 60]. Новое здание парламента, проспект Андраши, улица Ваши и многие другие грандиозные объекты появились на карте венгерской столицы. Метрополитен в Будапеште стал вторым в Европе после лондонского метро. Строительный бум способствовал развитию производства строительных материалов, металлургии, горнодобывающей и деревообрабатывающей промышленности, транспорта.

В конце XIX в. министерство торговли Венгрии констатировало рост объемов производства в мукомольной *(на муку приходилось до 14 % венгерского экспорта. – И. К.)*, сахарной, винокуренной, горнодобывающей, текстильной промышленности, в пивоварении, в металлургии, машиностроении. В то же время министерство отмечало ряд неудовлетворительных факторов, сложившихся в индустрии. К его великому разочарованию, Венгрия

по-прежнему в больших объемах импортировала пиво, при насыщении внутреннего рынка отечественным текстилем возникли большие проблемы с его качеством, поэтому потребитель зачастую предпочитал покупать импортный текстиль вместо венгерского [2, л. 96].

Следует отметить, что современники много уделяли внимания развитию в Венгрии машиностроения и электротехнической промышленности. С 1870 по 1900 гг. производство машин в стране увеличилось с 7,89 млн крон до 82,88 млн крон [12, с. 299]. Показателем экономического роста Венгрии, по мнению министерства, являлся рост доходов акционерных обществ страны. В 1895 г. они достигли 11,1 млн гульденов, что составило 7,88 % от их основного капитала [2, л. 96]. Это был высокий показатель.

Проявлением экономического роста Венгрии становится увеличение сбережений населения страны. Если в 1886 г. они составляли 50 млн гульденов, то в 1895 г. достигли 795 млн гульденов. Правда, Цислайтания в данном отношении совершила еще более впечатляющий рывок с 70 млн гульденов до 1 млрд 840 млн гульденов [2, л. 61]. Следует подчеркнуть, что с момента заключения соглашения 1867 г. банковская система Венгрии активно развивалась. В 1867 г. в стране действовали 5 банков, 105 сберегательных касс и 1 общество взаимного кредита, их уставной капитал составлял 4,3 млн гульденов, в 1896 г. 920 банков и сберегательных касс имели уставной капитал в 225 млн гульденов [2, л. 226]. В то же время кредиты банками Венгрии выдавались под высокий процент, он значительно превосходил среднеевропейский показатель. Тем не менее, процент по кредитам постепенно снижался, позитивно сказываясь на общем деловом климате страны.

В 1901 г. князь А. Львов, оценивая экономические итоги 1900 г., отмечал: «Никогда еще Венгрия не находилась под давлением такого гнетущего экономического положения, никогда она так глубоко не осознавала свою слабость, никогда настоящее не было более безотраднее, и перспективы ближайшего будущего не отмечались большей мрачностью, как в подведении итогов истекшего года» [6, с. 618]. В донесении в МИД, он уточнял свою позицию. По его глубокому убеждению, положение дел в сельском хозяйстве, внешней торговле и финансах Венгрии выглядели

вполне удовлетворительно, чего нельзя было сказать о промышленности, строительстве и транспорте. Причины экономического застоя Венгрии в 1900 г. в большинстве случаев объяснялись действием объективных факторов. Промышленный рост столкнулся с ограниченным спросом жителей страны. Из-за войны в Трансильвании и в Китае ухудшилось положение на мировых рынках, особенно болезненно на Венгрии сказался рост процентов по кредитам, стачки рабочих парализовали работу многих предприятий и, более того, Венгрия переживала угольный кризис.

Особенно негативно на венгерской промышленности сказывалась конкуренция с австрийской продукцией [2, л. 1]. В частности, внимание князя А. Львова привлек набирающий силу конфликт между австрийскими и венгерскими мукомолами. Ввоз муки из Венгрии в Австрию в больших масштабах вел к большим убыткам в мукомольной промышленности Цислайтании. Только из Будапешта на экспорт, в том числе в Австрию, шло до 60 % всей производимой в городе муки. Австрийские производители потребовали от Вены ограничения ввоза муки из Венгрии [2, л. 134].

Необходимо подчеркнуть отсутствие единой позиции у деловых кругов Венгрии в вопросе о сохранении экономического союза с Австрией. По данным Торгово-промышленной палаты Будапешта, аграрии и торговцы выступали за сохранение союза, а промышленники – против. Аграрии боялись потерять емкий австрийский рынок для сбыта своей продукции, торговцы имели значительные доходы от реализации австрийских товаров. Поэтому аграрии требовали не полного разрыва связей, а устранения льгот на импорт сельскохозяйственной продукции из других государств в Цислайтанию, излишнего контроля ветеринарной службы Австрии, над качеством ввозимой из Венгрии продукции [2, л. 147].

В палате признавали необходимость проведения гибкой протекционистской политики в целях сбалансирования интересов промышленности и сельского хозяйства. Большинство членов палаты не сомневалось в том, что Венгрия легче перенесет разрыв с Австрией, поскольку австрийская половина империи нуждалась в импорте из Венгрии сельскохозяйственной продукции. В целом в Будапеште, да и в других европейских столицах бытовало мнение о меньшей зависимости аграрных

стран от экономических катаклизмов, в отличие от индустриальных держав.

Венгерская национальная оппозиция требовала разрыва таможенного союза с Австрией. По мнению ее представителей, если Германия нанесет удар по сельскохозяйственному экспорту Венгрии, подняв на него ввозные пошлины, Будапешт не сможет ответить адекватно. Как только он повысит ввозные пошлины на германские промышленные товары, от этого выиграет только австрийская индустрия, которая сможет, используя свои конкурентные преимущества нарастить ввоз собственной продукции в Транслайтанию. Поэтому Венгрия в рамках таможенного союза с Австрией была лишена возможностей для маневра [2, л. 144]. По мнению князя А. Львова, в Венгрии количество сторонников разрыва экономического союза с Австрией неуклонно возрастало [2, л. 308]. На его взгляд, любые антивенгерские кампании в Австрии неумолимо вели Венгрию к экономическому разрыву с австрийской половиной империи. Дипломат отмечал рост неприязни к Венгрии среди различных слоев населения Цислайтании, в том числе среди предпринимателей. В Вене никак не могли смириться с тем, что Венгрия больше не является сырьевым придатком Австрии [6, с. 619].

Противники разрыва с Австрией парировали доводами, доказывавшими вред для экономики страны, в том числе промышленность разрыва с австрийской половиной империи. В качестве примера они приводили опыт России, где, на их взгляд, высокие протекционистские пошлины лишили промышленность стимулов для эффективного развития, а гигантские предприятия разорались из-за недостатка квалифицированных рабочих рук (!) [2, л. 154].

Рассуждая о причинах пассивного торгового баланса империи Габсбургов, дипломат выделял общие проблемы развития ее экономики, характерные как для австрийской, так и для венгерской половин империи. С одной стороны, они заключались в низких темпах роста объемов промышленного производства. С другой стороны, инертностью предпринимателей Австро-Венгрии, ослаблявшей их позиции в конкуренции с зарубежными производителями [2, л. 125].

Следовательно, отчеты генерального консула в Будапеште князя А. Львова об

итогах развития промышленности Венгрии в последней трети XIX в. не совсем точны. А. Львов явно сгущал краски при освещении ситуации в индустрии Венгрии. С одной стороны, это объяснялось политическими пристрастиями дипломата, не скрывавшего своего неприятия к экономической и политической системе Венгрии в эпоху дуализма, с другой стороны, его неспособностью собрать в единое целое все «пазлы» многогранной картины развития венгерской промышленности в последней трети XIX в. К тому же А. Львов не был ни профессиональным экономистом, ни выдающимся дипломатом.

К началу XX в. промышленность страны совершила впечатляющий рывок, что во многом было результатом кропотливой и целенаправленной работы предпринимателей и правительства Венгрии. С 1870 по 1890 гг. ВВП на одного трудящегося в стране вырос с 1 890 долларов (по курсу 1990 г.) до 2 373 долларов в 1890 г. [11, с. 40]. Доля промышленности в ВВП Венгрии увеличилась с 7,1 % в 1870 г. до 10,2 % в 1890 г. [11, с. 39].

В 90-е гг. XIX в. объемы промышленного производства демонстрировали в Венгрии уверенный рост. В 1867 г. индекс промышленного производства составлял 22,2 % (показатель 1913 г. – 100 %), в 1890 г. 54,5 %, в 1900 г. 70,6 %, только дважды в данный период он снижался в 1896 г. до 64,3 % с 65,0 % в 1895 г. и в 1900 г., показатель 1899 г. – 72,5 % [10, с. 167]. О том, что промышленность Венгрии в 1900 г. испытывала временные трудности, свидетельствует увеличение индекса в 1901 г. до 72,3 %, а в 1902 г. – до 75,1 %.

Отрицая факт развития в конце XIX в. серьезного кризиса в промышленности Венгрии, предсказанного генеральным консулом в Будапеште князем А. Львовым, необходимо подчеркнуть, что российскому дипломату все же удавалось точно оценить некоторые тенденции развития венгерской индустрии, в том числе негативные, включая ограниченность внутреннего спроса, отрицательные экономические последствия неопределенности таможенного союза Австрии и Венгрии, дорогой кредит для промышленности и т. д.

Литература

1. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 575.
2. АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 576.
3. АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 577.
4. Заметки об эмиграции из Северной Венгрии (Донесение генерального консула в Будапеште А.Львова) // Сборник консульских донесений за 1899 г. Вып. IV. СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1899. С.289–295.
5. Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М.: Весь мир, 2002. 656 с.
6. От российского генерального консула в Будапеште // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1901. № 11. С. 618–623.
7. Петерсон И. Мукомольное дело в Венгрии // Сборник консульских донесений за 1899 г. Вып. I. СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1899. С. 57–60.
8. Судходство в Фиуме (донесение консула в Фиуме И.Петерсона) // Сборник консульских донесений за 1899. Вып. IV. СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1899. С. 296–299.
9. Freifeld A. Marketing Industrialism and Dualism in Liberal Hungary: Exposition, 1842–1896 // Austrian History Yearbook. 1998. Vol. XXIX. P. 63–91.
10. Good D.F. Austria-Hungary // Industrialization. Critical perspectives on the World economy. Ed. P. O'Brien. V. III. London-New-York: Routledge, 1998. 539 p.
11. Schalte M.-S. Origins of Catch – up Failure: Comparative Productivity Growth the Habsburg Empire // Working Papers. 100/07. London School of Economics. P. 189–218.
12. Schulze M.-S. The machine-building industry and Austria's great depression after 1873 // Economic History Review. 1997. L. 2. P. 282–304.
13. Szávai F. The Late industrial Revolution in Hungary (1867–1918) [Electronic resource]. URL: www.corvinuslibrary.com/hungary/43.pdf. (Accessed: 20.01.2016).

УДК 94(470.6).084.8

Н. И. Медвенский
**БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ГОРАХ АБХАЗИИ В ХОДЕ БИТВЫ
 ЗА КАВКАЗ 1942–1943 гг. МАРУХСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ. I ЭТАП**

В статье рассматриваются предпосылки, общий ход и итоги первого этапа боевых действий на Марухском операционном направлении в ходе битвы за Кавказ 1942–1943 гг., состав и численность советских и немецких

войск, а также специфика ведения войны в горных условиях.

Ключевые слова: Абхазия, Битва за Кавказ, Клухор, Марух, Черное море, «Эдельвейс».

N. I. Medvenskiy
**COMBAT OPERATIONS IN MOUNTAINOUS AREAS OF ABKHAZIA DURING
 THE BATTLE FOR THE CAUCASUS OF 1942–1943 MARUCH DIRECTION. I STAGE**

The article touches upon the preconditions, general course and the outcome of the first stage of combat operations in Maruch direction during the battle for the Caucasus of 1942–1943, the composition and the size of Soviet and German

forces as well as the peculiarities of warfare in mountainous terrain.

Key words: Abkhazia, the Battle of the Caucasus, Kluchor, Maruch, the Black Sea, «Edelweiss».

Важнейшей составляющей частью битвы за Кавказ 1942–1943 гг. является оборона советскими войсками западной части Главного Кавказского хребта (далее – ГКХ), входящей в полосу наступления немецкого 49-го горнострелкового корпуса (далее – ГСК). Перед последним была поставлена задача прорваться через перевалы к побережью Черного моря и оказать содействие в продвижении 17-й полевой армии из района города Туапсе на города Кутаиси, Батуми и далее в Закавказье. Личный состав корпуса специализировался на ведении войны в горах, был превосходно экипирован и обеспечен соответствующими техническими средствами, вплоть до оборудования для прокладки канатных дорог.

Одним из ключевых участков высокогорного фронта стало Марухское операционное направление, на котором противник намеревался овладеть пер. Марух (2746 м), Наур (2839 м) и Нарзан (Кызгыч) (2997 м), затем долиной р. Чхалта зайти в тыл Клухорской группе войск, разгромить ее и выйти к г. Сухуми. Данные планы были реализованы лишь частично и потерпели неудачу, а противостоявшей немцам Марухской группе войск удалось не допустить развития противником успеха и отбросить его к перевалам ГКХ.

Впервые боевые действия на Марухском направлении в общих чертах были ос-

вешены в исследовании А. Завьялова и Т. Калядина «Битва за Кавказ», а также в трудах министра обороны СССР, маршала А. Гречко и бывшего командующего Закавказским фронтом, генерала армии И. Тюленева [13, 15, 20, 21]. Представляется, что данная ситуация была обусловлена не столько отсутствием соответствующей источниковой базы, сколько воздействием определенных политико-идеологических факторов, не позволяющих авторам раскрыть причины первоначальных неудач советских войск. Более подробное отражение проблема получила в мемуарах заместителя командира 3-го стрелкового корпуса (далее – СК) 46-й армии Закавказского фронта, полковника В. Абрамова [7], в работах историков И. Бабалашвили, В. Бекишвили, А. Гучмазова, Х.-М. Ибрагимбеги, И. Траскунова, К. Цкитишвили [10, 11, 14, 17, 26], а также в сочинениях советских журналистов и писателей [12, 16].

В современной историографии тематика исследований, посвященных битве за Кавказ, значительно расширилась. Так, в соответствующих разделах трудов С. Януша содержится системное описание сражений за пер. Марух, показана сложность и специфика ведения войны на высокогорной местности, сформулированы общие закономерности обороны перевалов ГКХ [27, 28]. Несомненный

интерес представляет и работа К.-М. Алиева, в которой подверглись критическому анализу планы советского командования по обороне перевалов Марухского направления, охарактеризованы природно-климатические условия театра боевых действий и др. [8]. В трудах абхазских историков Н. Медвенского и В. Пачулия предприняты попытки более детального освещения ряда малоизученных аспектов обороны пер. Марух и Наур, включая уровень подготовки личного состава к боям на высокогорье, вопросы быта, повседневности и морально-психологического состояния советских солдат и офицеров [18, 19].

В работах немецких исследователей А. Бухнера, Р. Кальтенеггера, В. Тике, В. Якоби и др. рассматривается история горнострелковых частей Вермахта и их участие в горной войне на перевалах ГКХ, приводится общее описание хода сражений на пер. Марух, Наур, Нарзан (Кызгыч), однако фигурируют определенные клише, характерные для немецкой историографии Второй мировой войны, а также неточности и разночтения, связанные с интерпретацией тех или иных событий [1, 2, 3, 4, 5, 6]. Это свидетельствует о необходимости продолжения обстоятельного изучения проблемы с привлечением широкого круга источников, прежде всего архивных документов и материалов.

В настоящей статье автор поставил целью более детально осветить первый этап боевых действий на Марухском направлении, используя как уже введенные в научный оборот или опубликованные документы и материалы, так и новые источники, прежде всего извлеченные из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ).

Оборона перевалов Марухского направления возлагалась на 810-й стрелковый полк 394-й стрелковой дивизии (далее – СД) 3-го СК 46-й армии Закавказского фронта. 15 августа 1942 г. командир 394-й СД, подполковник И. Кантария приказал занять пер. Марух и г. Кара-Кая (3893 м) силами 6-й стрелковой роты (далее – СР) 3-го стрелкового батальона (далее – СБ) 810-го сп с пулеметным и минометным взводами, взводом противотанковых ружей (далее – ПТР). На 5-ю СР была возложена задача занять и оборонять район Водопада и Ветеринарного поста, находящегося 15 км севернее перевала. 4-й

СР предписывалось выдвинуться с пер. Химса (2467 м) на г. Барух-Баши (3805 м) и быть готовыми к контратаке по направлению пер. Марух и г. Кара-Кая, 2-й СР – развернуться в районе пер. Марух, 1-й СР – выдвинуться на южные скаты пер. Клухор и войти в подчинение 815-го СП, 7-й СР – выдвинуться на пер. Химса, а также оборонять пер. Наур одним стрелковым взводом.

Утром 17 августа командование 46-й армии получило известие о взятии противником пер. Клухор (2781 м) и Нахар (2885 м). 20 августа генерал-майор В. Сергашков приказал направить к пер. Марух и Наур 808-й СП (командир – майор Ш. Телия) и 810-й СП (командир – майор В. Смирнов) 394-й СД. Однако в связи с критическим положением 815-го СП 394-й СД (командир – майор А. Коробов) на Клухорском направлении, в план были внесены изменения. Согласно новому приказу, упомянутым частям (без 1-го СБ 808-го СП, ранее направленного на пер. Санчаро) предписывалось к 24 августа достичь пер. Марух и занять его, затем по северным склонам ГКХ через Северо-Марухский ледник и хребет, впоследствии названный Оборонным, выйти в долину р. Аксаут, перейти в ущелье р. Гоначхир, нанести удар по частям 1-й горнострелковой дивизии (далее – ГСД) «Edelwiess» на пер. Клухор и вновь овладеть им [7, с. 156]. План был одобрен заместителем командующего войсками Закавказского фронта, начальником Оперативной группы по обороне перевалов ГКХ, генерал-майором войск НКВД А. Петровым. Руководство боевыми действиями на Марухском направлении было вверено заместителю командира 3-го СК, полковнику В. Абрамову. Ответственность за морально-политическое обеспечение операции возлагалась на комиссара 3-го СК, полковника Л. Буинцева.

Утром 21 августа полки двинулись в путь. В то время, как главные силы 808-го и 810-го СП направились на пер. Марух, 3-й СБ 810-го СП (командир – ст. лейтенант Д. Свистильниченко) следовал по маршруту: г. Сухуми – пер. Химса – пер. Наур – пер. Нарзан (Кызгыч), имея целью обезопасить данный участок ГКХ от возможного прорыва противника со стороны Архыза. Скорость движения войск замедлялась ввиду нехватки гужевого транспорта, мобилизуемого у населения уже на марше. Ощущался дефицит средств связи, а из шанцевого инструмента имелись в нали-

чии лишь саперные лопатки при отсутствии топоров, кирко-мотыг и пил. Личный состав 808-го СП был обеспечен двухдневным запасом провианта, а 810-й СП – пятидневным, ввиду чего было принято решение об осуществлении самолетами У-2 сброса мешков с сухарями непосредственно в ходе следования маршевых колонн [7, с. 157].

Квечеру 25 августа два батальона 808-го СП и 810-й СП достигли подножья пер. Марух. В 12.00 26 августа солдаты и офицеры 808-го СП вышли на пер. Марух, приступили к постройке оборонительных укреплений и установили радиосвязь со штабом 46-й армии. Чтобы обезопасить северные подходы к пер. Марух от возможных атак противника, 2-й СБ 810-го СП (командир – майор В. Родионов) был направлен на террасы хребта Ужум, на пер. Бугой-Чат [21, л. 3–5]. В этот же день из г. Сухуми прибыл выучный транспорт, доставивший 500 кг сухарей, а на пер. Марух вышел Микоян-Шахарский партизанский отряд «Мститель», с боями отходивший из Домбая [7, с. 164]. По распоряжению штаба 46-й армии, члены семей партизан (женщины, дети и люди преклонного возраста) после однодневного отдыха были направлены на побережье, а на состоявшемся открытом партийном собрании отряда были отобраны 13 добровольцев для участия в предстоящем прорыве к пер. Клухор в качестве проводников [9, с. 117].

В течение дня 27 августа продолжалась подготовка к наступлению. Согласно принятому плану советская ударная группировка состояла из двух частей. Первый сводный отряд в составе 1-го СБ 810-го СП, роты минометчиков и роты автоматчиков, возглавляемый заместителем командира 810-го СП, майором Кириленко должен был следовать по маршруту: пер. Марух – Северо-Марухский ледник – пер. Северо-Каракайский – долина р. Аксаут – пер. Алибек – Домбай – пер. Чухур и вступить в бой с противником в районе Северного Приюта, на подступах к пер. Клухор. Второй сводный отряд в составе 3-го СБ 808-го СП (командир – ст. лейтенант В. Рухадзе), роты автоматчиков и роты минометчиков, полковой школы, взвода автоматчиков и отделения саперов, возглавляемый командиром 810-го СП, майором В. Смирновым должен был продвигаться по маршруту: пер. Марух – Северо-Марухский ледник – пер. Каракайский – долина р. Аксаут – пер. Бадук-Хутый –

долина р. Гоначхир, выйти в тыл противника и совместно с первым отрядом освободить пер. Клухор. Оборону на пер. Марух должен был занять 2-й СБ 808-го СП (командир – капитан В. Татарашвили), при этом в подчинение командира 808-го СП переходил находящийся на хребте Ужум 2-й СБ 810-го СП.

Еще на этапе планирования операции штабами 46-й армии и 3-го СК были допущены серьезные просчеты. Численность, вооружение и места дислокации немецких частей на всей протяженности маршрута советской ударной группировки оставались неизвестными. Установленные трехдневные сроки выхода отрядов к пер. Клухор свидетельствовали об игнорировании командованием географических и природно-климатических условий театра боевых действий, незнании характера горной войны и переоценке собственных возможностей. Личный состав не был обучен преодолевать изрезанные глубокими трещинами ледниковые поля и не располагал соответствующими техническими средствами, в результате чего еще до первого огневого контакта с противником были понесены безвозвратные потери. Ввиду отсутствия выучных животных транспортировка грузов осуществлялась вручную, что приводило к скорому утомлению людей. Обеспечение бойцов теплой одеждой, боеприпасами, медикаментами и провиантом находилось на крайне неудовлетворительном уровне, а попытки осуществлять реквизиции на территории Карачаевской автономной области не могли заменить собой организованного снабжения и заканчивались, как правило, неудачей. Так, группа солдат 808-го СП, высланная 27 августа на расположенный к северу от пер. Марух сыроваренный завод, обнаружила, что незадолго до их появления немецкие войска вывезли все имевшиеся в наличии запасы сыра. Не оправдались и расчеты полковника В. Абрамова пополнить запасы продовольствия на шеелитовом руднике в долине р. Аксаут. Направленные туда бойцы были встречены огнем противника и отступили. Единственным успехом снабженцев 808-го СП явилась реквизиция пасшегоса на северных подступах к пер. Марух стада из 300 баранов и овец [7, с. 166].

В два часа ночи 28 августа советские войска приступили к выполнению поставленной задачи и к пяти часам утра, построившись в две растянутые колонны, покинули пер. Ма-

рух. Впереди двигался первый сводный отряд под командованием майора Кириленко, вслед за ним – второй сводный отряд под командованием майора В. Смирнова. Выйдя на ледниковые поля, к 8.00 авангард, а затем и главные силы ударной группировки подверглись плотному ружейно-пулеметному и минометному обстрелу со стороны немецких дозоров, находящихся на отрогах Оборонного хребта, на плече вершины г. Кара-Кая и на гребне над Северо-Каракайским ледником [5, с. 116–117]. Не имевшие возможности укрыться от огня противника, наступавшие понесли потери. В сложившейся ситуации командир 3-го СБ 808-го СП, ст. лейтенант В. Рухадзе приказал командирам рот передислоцировать личный состав к осыпям и скалам в северной части ледяного поля, залечь в моренных образованиях и подготовиться к подавлению немецких огневых точек с наступлением темноты [8, с. 271]. После полуночи первый сводный отряд предпринял попытку выбить неприятеля с занимаемых позиций, закрепился на ряде участков, но ввиду отсутствия возможности продвинуться вперед вынужден был провести ночь на леднике. 3-й СБ 808-го СП сосредоточился на склоне г. Кара-Кая, в то время как противник, впоследствии идентифицированный как 2-я горнострелковая рота (далее – ГСР) 2-го высокогорного батальона (далее – ВГБ) 1-й ГСД «Edelweiss», укрепился на леднике, расположенном на противоположном склоне, перекрыв наступающим путь. В ночь на 29 августа 7-я СР 3-го СБ (командир – лейтенант Ш. Марджанишвили) по скальным полкам и травянистым террасам поднялась на хребет, скрытно обошла и на рассвете атаковала немецкие позиции с левого фланга [24, л.89]. Одновременно с этим 8-я СР 3-го СБ (командир – лейтенант Н. Схиртладзе), спустившись в ущелье по отвесным скалам, приблизилась к немецким укреплениям, открыла огонь и забросала находящихся в них солдат противника ручными гранатами. Около 60 немецких горных стрелков, устремившихся на правый фланг, были встречены очередями станковых пулеметов и винтовочными залпами резервного взвода штаба 3-го СБ 808-го СП. После трехчасового боя атакующие опрокинули противника с командной высоты, захватив пулеметы, винтовки, ручные гранаты, патроны, альпинистскую обувь, плащ-палатки, консервы, сухари, витамины в таблетках, коньяк, ликер и другие трофеи [12,

с.108]. Немцы отступили к своим базам у озера, однако большая часть Оборонного хребта по-прежнему оставалась под их контролем.

Наступление советских войск явилось для немецкого командования неожиданно и внесло существенные коррективы в планы противника по захвату пер. Марух. В момент начала операции к перевалу долиной р. Марух продвигался 1-й горнострелковый батальон (далее – ГСБ) 98-го горнострелкового полка (далее – ГСП) 1-й ГСД «Edelweiss» (командир – майор Ф. Бадер), а долиной р. Аксаут наступал 2-й ВГБ 1-й ГСД «Edelweiss» (командир – майор П. Бауэр), готовившийся начать скрытый обход правого крыла советской обороны через пер. Южно-Каракайский и Западный Аксаут со стороны г. Марух-Баши, после чего внезапной атакой овладеть пер. Марух. На г. Кара-Кая были выставлены три офицерских дозора из состава 2-го ВГБ, призванные определить и своевременно занять тропы, ведущие на перевал. 26 августа один из дозоров, приблизившись к гребню г. Кара-Кая, неожиданно наткнулся на отряд советских солдат (очевидно, разведгруппу) и после непродолжительного боя отступил на север, доложив командованию о встрече с противником. Получив это известие, майор П. Бауэр утром 27 августа поднялся из долины р. Аксаут в окрестности г. Марух-Баши для рекогносцировки местности, осмотрел советские позиции на пер. Марух и принял решение ускорить подготовку к запланированной на 28 августа операции по захвату перевала. Однако предпринятое в этот день наступление двух советских сводных отрядов, как отмечал Алекс Бухнер, «одним штрихом перечеркнуло все расчеты. О принятии запланированного прежде боя нечего было и думать, необходимо было сначала уничтожить противника в долине» [1]. Обсудив сложившуюся ситуацию, командир 49-го ГСК, генерал Р. Конрад и командир 1-й гсд «Edelweiss», генерал-майор Х. Ланц признали, что возникшая угроза правому флангу и тылу дивизии должна быть устранена в кратчайшие сроки. Необходимо было воспрепятствовать дальнейшему продвижению советских войск, купировать прорыв, а затем уничтожить или принудить противника к отступлению.

К утру 29 августа боевые действия на Северо-Марухском и Северо-Каракайском ледниках возобновились. 30 августа ударные отряды 2-го ВГБ заняли высоту 3020 м, доми-

нирующую над долиной р. Аксаут, благодаря чему находящиеся в более низменной местности советские войска подверглись воздействию плотного ружейно-пулеметного и минометного огня. Немцы атаковали позиции второго сводного отряда под командованием майора В. Смирнова (первый сводный отряд под командованием майора Кириленко не был выдвинут вперед и продолжал прикрывать левый фланг главных сил). Неоднократным атакам подверглись 7-я и 8-я СР 3-го СБ 808-го СП, а также резервный взвод штаба полка. Положение батальона, равно как и всей советской ударной группировки, стремительно ухудшалось. К вечеру в расположение 3-го СБ 808-го СП прибыл майор В. Смирнов, который осмотрел позиции и направил в штаб 3-го СК донесение с просьбой выслать подкрепления, медикаменты и провиант. 31 августа из с. Чхалта подошла 9-я ср 3-го СБ 808-го СП под командованием лейтенанта А. Вартапяна, присоединившаяся к сводному отряду майора Кириленко и занявшая оборону на левом фланге. К этому времени стало очевидно, что дальнейшие попытки пересечь хребет Мысты-Баши и продолжить наступление к пер. Клухор теряют целесообразность и могут привести к катастрофическим последствиям. Второй сводный отряд вел боевые действия на нескольких участках фронта: на Северо-Марухском леднике, на моренах в северной части, на склонах Оборонного хребта и на Северо-Каракайском леднике [8, с. 272]. Личный состав понес большие потери, ощущался острый дефицит боеприпасов, падала боеспособность, ухудшались погодные условия, у солдат и офицеров были обморожения, подкрепление не прибывало, а впереди находился расположенный на выгодных позициях противник. Угрожающим фактором стала острая нехватка питьевой воды, участились случаи летального исхода в результате заворота кишок [22, л. 3]. В частях начались голод и дизентерия, т. к. выданные бойцам рационы, включавшие в себя 0,5 кг хлеба и 2 кг сырого мяса на 1 чел. из расчета на 5 суток, были израсходованы либо пришли в негодность ввиду отсутствия возможности разведения костров для приготовления пищи на ледниках и в скалах. Только с 28 по 31 августа в немецкий плен сдалось до 150 красноармейцев с вооружением и боеприпасами [5, с. 118].

В сложившейся ситуации полковник В. Абрамов разрешил майору В. Смирнову

отступить на исходные позиции [7, с. 170]. Отход начался в ночь с 31 августа на 1 сентября и осуществлялся небольшими группами по тропе через Северо-Марухский ледник. «Омытый дождями лед был настолько скользким, что удержаться на нем было почти невозможно, – вспоминал один из очевидцев. – Бойцы скользили и проваливались в глубокие трещины, а мы останавливались, чтобы вытащить их. Упавшие отчаянно звали на помощь, а немцы расстреливали нас ... Некоторые ослабли настолько, что их пришлось эвакуировать на палатках медицинской роты» [12, с. 84]. Прикрывать отход в числе других осталась группа под командованием политрука 7-й СР 3-го СБ 808-го СП Т. Мачавариани, занявшая позицию у подножья г. Кара-Кая и отбивавшая атаки противника в течение утра и всего дня 1 сентября вплоть до гибели или обморожения всего личного состава [22, л. 3]. Это дало возможность главным силам к ночи 2 сентября выйти на пер. Марух; отдельные группы отошли через пер. Восточный Марух. Из 1200 чел., принимавших участие в операции, возвратились около 400, остальные погибли от пуль и осколков, сорвались в обрывы и ледяные щели, умерли от истощения, замерзли или сдались в плен. Численность 3-го СБ 808-го СП сократилась до 80 чел. [25, л. 5–6]. Уцелевшие части были южнее водопада Азырт для отдыха и восстановления боеспособности.

Таким образом, попытка прорыва советских войск к пер. Клухор и последующее отступление на исходные позиции означали собой окончание первого этапа боев на Марухском направлении. Несмотря на неудачное завершение операции, действия двух сводных отрядов сорвали намеченный немцами штурм пер. Марух как минимум на неделю. Учитывая сложившуюся обстановку, даже незначительный выигрыш времени способствовал решению командованием 46-й армии и 3-го СК основной задачи по укреплению обороны и срыву наступления главных сил 1-й ГСД «Edelweiss» на Клухорском направлении. В ходе второго этапа боевых действий на Марухском направлении, продлившегося с сентября 1942 г. по январь 1943 г., советские войска, несмотря на потерю пер. Марух, контратаковали и вынудили противника отступить к занимаемым рубежам, что означало окончательный срыв планов немецкого командования по выходу к побережью Черного моря на данном участке фронта.

Литература

1. Buchner A. Angriff in 3000 m Hohe // Der Deutsche Soldat. 1959. № 1. S.7–11.
2. Buchner A. Der Bergkrieg im Kaukasus. Die Deutsche Gebirgstruppe 1942. Podzun-Pallas-Verlag. Friedberg, 1977. 200 s.
3. Buchner A. Vom Eismeer bis zum Kaukasus. Die Deutsche Gebirgstruppe im Zweiten Weltkrieg 1941/42. Podzun-Pallas: Durfler, 1988. 207 s.
4. Jacobi W. Kriegstagebuch. Jugend im Krieg. 1940–1945. Stuttgart, 1995. 148 s.
5. Kaltenegger R. Gebirgsjäger im Kaukasus: die Operation «Edelweiss» 1942/1943. Stuttgart, 1997. 287 s.
6. Tiede W. Der Kaukasus und das OI. Der Deutsch-Sowjetische Krieg in Kaukasien 1942/1943. Osnabruck, 1970. 504 s.
7. Абрамов В. На ратных дорогах. М.: Воениздат, 1962. 240 с.
8. Алиев К.-М. В зоне «Эдельвейса». Ставрополь: Илекса: Сервисшкола, 2005. 368 с.
9. Аникеев А., Линец С., Януш С. Битва за Кавказ в исследованиях, документах и фотоматериалах. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2015. 518 с.
10. Бабалашвили И. Грузинская ССР в годы Великой Отечественной войны. Тбилиси: Сабчато Сакартвело, 1977. 328 с.
11. Бекишвили В. Оборона Кавказских перевалов в 1942–1943 гг. Тбилиси: Мечниереба, 1977. 174 с.
12. Гнеушев В., Попутько А. Тайна Марухского ледника. М.: Советская Россия, 1966. 358 с.
13. Гречко А. Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1967. 424 с.
14. Гучмазов А., Траскунов И., Цкитишвили К. Закавказский фронт Великой Отечественной войны. Тбилиси: ЦК КП Грузии, 1971. 310 с.
15. Завьялов А., Калядин Т. Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1957. 215 с.
16. Закрыткин В. Кавказские записки 1942–1943. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1975. 304 с.
17. Ибрагимбеги Х.-М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. М.: Наука, 1977. 318 с.
18. Медвенский Н. Боевые операции на перевалах Абхазии в ходе битвы за Кавказ 1942–1943 гг. Сухум: ГПП «Дом печати», 2012. 96 с.
19. Пачулия В. Абхазия в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Сухум: ГПП «Дом печати», 2015. 232 с.
20. Тюленев И. Крах операции «Эдельвейс». Орджоникидзе: Ир, 1975. 180 с.
21. Тюленев И. Через три войны. М.: Воениздат, 1972. 240 с.
22. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 394 сд (1720). Оп. 1. Д. 1.
23. ЦАМО РФ. Ф. 394 сд (1720). Оп. 1. Д. 23.
24. ЦАМО РФ. Ф. 46 А (401). Оп. 9513. Д. 6.
25. ЦАМО РФ. Ф. 46А (401). Оп. 18001. Д. 872.
26. Цкитишвили К. Закавказье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Тбилиси: ЦК КП Грузии, 1969. 492 с.
27. Януш С. Битва за Кавказ: проблемы войсковых операций (1942–1943 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь: СГУ, 2006. 36 с.
28. Януш С. Войсковые операции Советской Армии в битве за Кавказ (1942–1943 гг.). Ставрополь: Ставропольское книж. изд-во, 2005. 576 с.

УДК 35(470.6): 94(47).081 "18"

Т. А. Невская, А. С. Кондрашева

РОЛЬ КАВКАЗСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА В РАЗВИТИИ РУССКО-ГРУЗИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1844–1881 гг.)

В статье рассматривается роль Кавказского Наместничества как автономной управленческой структуры в процессе укрепления связей России и Грузии. В результате анализа деятельности администрации Кавказского Наместничества и личностей царских наместников (М. Воронцова, А. Барятинского, великого князя М. Романова) показано, что в это период были заложены благоприятные перспективы для развития русско-грузинских культурных, социально-политических и экономических связей.

Авторами на основе фактического материала рассматриваются примеры истори-

ческого переплетения судеб русского и грузинского народов. Сделан вывод о том, что Кавказское Наместничество как автономная управленческая структура сыграло большую роль не только в укреплении связей России с Грузией, но и в развитии экономики и культуры Грузии.

Ключевые слова: институт Кавказского Наместничества, царский наместник, русский и грузинский народы, русско-грузинские культурные, социально-политические и экономические связи.

T. A. Nevskaya, A. S. Kondrasheva

COMBAT OPERATIONS IN MOUNTAINOUS AREAS OF ABKHAZIA DURING THE BATTLE FOR THE CAUCASUS OF 1942–1943 MARUCH DIRECTION. I STAGE

The article seeks to examine the role of Caucasian governorship as autonomous management structure in the process of strengthening the ties between Russia and Georgia. Analysis of activity of administration of Caucasian governorship and the personalities Tsar's governors (M. Vorontsov, A. Bariatinskii, Grand Duke Mikhail Romanov) has shown that in this period the favorable prospects for the development of Russian-Georgian cultural, socio-political and economic ties were laid. The authors with due reference to the factual

Отношения с православной Грузией всегда были приоритетными для России. Многие политические и военные акции российского правительства на Северном Кавказе предпринимались, исходя из задач обеспечения безопасного сообщения с Южным Кавказом, особенно с Грузией. Трудное военное и политическое положение на Кавказе начала 40-х гг. XIX в. потребовало мер, призванных преобразовать систему управления путем сосредоточения в одних руках военной и гражданской власти.

materials address the examples of the historically intertwining fates of Russian and Georgian people. It is concluded that the Caucasian governorship as autonomous management structure played an important role not only in strengthening the relations between Russia and Georgia but also in the development of the economy and culture of Georgia.

Key words: Caucasus governorship Institute; Tsar's governor; Russian and Georgian people; cultural, socio-political and economic ties between Russia and Georgia.

Новая форма правления была учреждена 19 февраля 1844 г. в виде Кавказского Наместничества, которое получило статус высшего государственного органа власти на Кавказе. В число его основных задач входили организация военных действий, управление горскими обществами и подавление их вооруженных выступлений. [27, с. 861]. Центром Наместничества стал Тифлис. Руководить регионом был призван крупный государственный деятель, пользующийся авторитетом среди военных и гражданских чиновников,

проходящих службу на Кавказе, умело сочетавший талант военного и опыт административной работы, – генерал-лейтенант Михаил Семенович Воронцов. Современники расценивали его как «личность, принадлежащую к сонму наилучших и яснейших мужей нашей отечественной летописи» [15, с. 130].

Институт наместничества сосредотачивал в своих руках все управление краем, определяя, фактически, политику России в этом регионе, а Наместник выступал в роли арбитра, олицетворяющего власть Российской империи на Кавказе. К числу первостепенных задач, решением которых должно было заниматься Наместничество, относились ремонтные, строительные, инженерные работы в крае. В связи с этим в подчинение главы кавказской администрации попали строительные комиссии и комитеты, корпуса инженеров военных поселений и Грузинский инженерный округ, округ путей сообщения. В распоряжении Наместника находились также финансы, отпущенные на хозяйственное развитие края [28, с. 5–11].

Наместник имел право приостанавливать действие министерских распоряжений, которые он считал нецелесообразными. Новый глава кавказской администрации обладал широкими военными и гражданскими полномочиями, позволяющими проявлять достаточную самостоятельность в решении практически всех местных задач. При Наместнике учреждалась Особая гражданская канцелярия, где были сосредоточены все ведомства гражданского управления по Кавказской области и Закавказскому краю (финансовое, судебное, сельскохозяйственное, горного производства и т.д.) [26, с. 213], а также Дипломатическая канцелярия с целым штатом переводчиков. Как правило, это были военные чиновники из представителей кавказских народов [17, с. 3–7], что оказывало существенную помощь в установлении контактов с местным населением.

В период Кавказской войны (1817–1864 гг.) основное внимание Наместник вынужден был уделять разрешению военных вопросов. Николай I предписал ему «разбить, если будет возможно скопища Шамиля, проникнув в центр его владычества и в нем утвердиться» [9, с. 64]. Тем не менее, много времени и сил М. С. Воронцов посвятил решению социально-экономических проблем региона,

в частности разработке природных богатств Кавказа, развитию сельского хозяйства, промышленности, торговли, просвещения [29, л. 1–198].

Благодаря инициативе Наместника в Грузии были построены суконные, шелкоткацкие, стекольные и другие промышленные предприятия, стали выращивать новые сельскохозяйственные культуры. Совершенствование законодательной базы в сфере торговли способствовало активизации конкуренции и росту предпринимательства. В период наместничества М. С. Воронцова произошло двухкратное увеличение таможенных доходов Закавказья и экспорта различных товаров [22, с. 26]. Были заложены прочные основы для развития выгодных экономических связей, как между территориями Кавказского наместничества, так и с регионами Российской империи. Наместник придавал большое значение развитию в Закавказье таких отраслей сельского хозяйства, как виноградарство и садоводство. По распоряжению князя Воронцова местные жители в течение нескольких лет наделялись участками земли для посадки виноградных лоз и фруктовых деревьев, которые доставлялись в значительном количестве из Крыма (причем немалая часть саженцев раздавалась населению бесплатно) [1, с. 866, 885–886]. Эти меры способствовали благоустройству кавказских территорий, в том числе и грузинских губерний, и обеспечили дополнительным источником дохода местное население.

В 1846 г. при князе М. С. Воронцове была основана знаменитая Тифлисская библиотека, фонды которой пополнялись благодаря пожертвованиям Кавказского Горного управления и Кавказского Статистического комитета. Большую роль сыграл Наместник в процессе организации театра в Тифлисе. Уже осенью 1845 г. был открыт временный театр в здании казенного манежа. К строительству нового здания театра на Эриванской площади был привлечен замечательный русский художник и архитектор князь Г. Гагарин, который в 1848 г. был командирован военным ведомством на службу в аппарат наместничества. М. С. Воронцову рекомендовали применить его способности «в ученое и артистическое отношение». Соавтором проекта стал итальянский мастер Джованни Скудиери, занимавший должность тифлисского городского архитектора.

Внутреннее убранство театра (росписи и орнаменты зала, лепнина на стенах и потолке), поражавшее современников своей роскошью, было заслугой князя Г. Гагарина. Один из потомков рода Гагариных рассказал о семейном предании, сохранившем интересные подробности, связанные со строительством тифлисского театра: «Когда для украшения зала понадобились лепные орнаменты в мавританском стиле, Гагарин по своей инициативе, с ротой солдат, при ничтожной затрате, оборудовал и построил целый заводик картонной массы, из которой эти орнаменты вылеплялись» [5]. Затем на основе этого заводика была создана единственная в Грузии фабрика папье-маше. Тонкий знаток театрального искусства А. Дюма, путешествующий по Кавказу в конце 50-х гг. XIX в., дал оценку тифлисскому театру как «если не лучшему, то, по крайней мере, одному из самых лучших театров мира» [11, с. 373]. В новом театре для тифлисской публики ставили свои спектакли грузинская труппа князя Г. Эристави (Эристова), русская драматическая труппа, итальянская оперная труппа под управлением Барбирини, а на его афишах были имена выдающихся русских актеров императорских театров – Давыдова, Яблочковых, Иванова, Мухина и др. [36, с. 29–32].

Стоит отметить, что князь Г. Гагарин внес большой вклад в восстановление древних памятников Грузии, нередко используя при этом свои личные средства. Он принимал участие в реставрационных работах фресок Мцхетского собора и росписей Сионского кафедрального собора в Тифлисе. Ярким культурным событием для Грузии было открытие Гагариным «в развалившемся монастыре Висфании (Бетания) близ Коджар, старинной живописи и портретов царицы Тамары...» [10]. Свои впечатления о Кавказе, о традициях и быте его народов он отразил в своих альбомах «Живописный Кавказ» и «Костюмы Кавказа», которые были изданы в Париже в конце 50-х гг. XIX века [5].

Большое значение М. С. Воронцов придавал развитию периодических и справочных печатных изданий на территориях Наместничества. С 1845 г. при Главном управлении Наместника в Тифлисе было положено начало ежегодному изданию «Кавказского календаря», которое просуществовало вплоть до 1917 года. Этот сборник содержал различные

справочные, исторические, этнографические, и статистические сведения о регионе, воспоминания и биографии военных и гражданских чиновников, научные статьи. В 1846 г. при содействии князя Воронцова в Тифлисе стала выходить политическая и литературная газета «Кавказ», имевшая целью «знакомить своих соотечественников с любопытнейшим краем <...>, раскрыть источники промышленности и торговли и верным отчетом благотворительных мер и действий русского правительства в отношении к Кавказу показать настоящую цену отеческим попечениям великого нашего государя» [14, с. 1]. Корреспондентами газеты наряду с русскими авторами были и представители грузинского общества – известные писатели, историки, а также ученые П. И. Иоселиани, Г. Эристави, Н. Бердзенов и др. Их статьи, публиковавшиеся на страницах «Кавказа», содержали ценный информационный материал по многим актуальным вопросам, жизни кавказских народов, истории культурных, и социально-политических отношений Грузии с северокавказскими горцами [7].

По распоряжению князя М. С. Воронцова в Тифлисе был учрежден Кавказский учебный округ (1848) во главе с попечителем. В число важных функций попечителя входило наблюдение за исполнением правил обучения, обращение особого внимания на преподавание русского языка и его популяризации в среде местного кавказского населения, определение уровня знаний воспитанников, претендовавших на дальнейшее обучение в высших учебных заведениях России [34]. Под начало Кавказского учебного округа перешли все учебные заведения региона, в том числе конфессиональные, которые были созданы при церквях и мечетях, а также частные школы (исключение составили школы православного ведомства, оставшиеся в подчинении Святейшего Синода) [3, с. 18].

Важную роль в развитии науки и просвещения сыграли научные общества, которые были созданы при поддержке М. С. Воронцова. В 1851 г. в Тифлисе был открыт Кавказский Отдел Императорского Русского Географического Общества, председателем которого стал Наместник, предоставивший свой дом для его заседаний [22, с. 30]. Уже на следующий год стали издаваться «Записки Кавказского отдела Русского географического общества», содержащие ценные научные и публицистиче-

ские материалы по истории, этнографии, географии, геологии региона. В числе корреспондентов этого издания был грузинский князь Г. Эристави. Его этнографические исследования, посвященные двум небольшим горским племенам пшавцам и хевсурам, обитавшим по склонам Кавказского хребта по верховьям рек Арагвы и Аргуни, вошли в число лучших научных публикаций «Записок Кавказского отдела Русского географического общества» [21, с. 75–146].

Активной благотворительной деятельностью в Тифлисе занималась супруга Кавказского Наместника княгиня Екатерина Ксаверьевна Воронцова, усилиями которой в 1846 г. в память о первой христианской просветительнице Грузии было учреждено «Женское благотворительное общество Святой Нины, основанное для воспитания девиц бедных дворянских фамилий, с целью вырастить добрых матерей и гражданок [23]. Общество находилось под Высочайшим покровительством Императрицы Александры Федоровны, супруги Николая I. В «Кавказском календаре» на 1847 г. был опубликован список членов общества, состоящий из представительниц знатных русских и грузинских фамилий [16, отд. 4, с. 264]. В их числе княжна Тамара Грузинская, Соломея Чавчавадзе, княгини Катяна и Мария Джамбакур-Орбелиани, княжна Мария Эристави, Нина Грибоедова и др. Одновременно с учреждением «Женского благотворительного общества Святой Нины» в Тифлисе открылось училище для девочек, которое находилось под контролем общества. Большое внимание участницы этого благотворительного общества уделяли организации просветительской и учебной деятельности, организации сбора средств для оказания помощи нуждающимся семьям.

Таким образом, в период деятельности Наместника М. С. Воронцова были заложены благоприятные перспективы для развития русско-грузинских культурных, социально-политических и экономических связей. Тифлис как центральный город Наместничества стал играть значимую роль в развитии культуры кавказских народов и в воспитании национальной интеллигенции, из числа которой пополнялся штат аппарата Наместника. В воспоминаниях В. С. Немирович-Данченко очень тонко подмечено: «...Воронцов для Тифлиса был тем же, чем Петр Великий для России,

только новое время создало и новые приемы. Воронцов умел убеждать и не нуждался в жестокости» [24, с. 458].

С осени 1854 г. Наместником Кавказа стал генерал-адъютант Николай Николаевич Муравьев [30, л. 15]. На посту Наместника он пробыл до июля 1856 года. Его деятельность, начавшаяся в разгар Крымской войны, была связана с решением исключительно военных проблем.

Время наместничества Александра Ивановича Барятинского (1856–1862 гг.) – незаурядной личности и талантливого полководца, «истаго Кавказца» – отмечено рядом интересных преобразований. Занимавшееся проблемами сельского хозяйства в регионе Кавказское общество, созданное еще в 1850 г. при М. С. Воронцове, получило возможность активизировать свою деятельность при новом Наместнике, увеличив в 2 раза – до 6 тыс. рублей – ежегодную сумму на расходы общества, выделяемую со стороны правительства [2, с. 422–423]. Барон Александр Павлович Николаи, рассуждая о необходимости экономического развития Кавказского региона, подчеркивал важность этого вопроса не только для Кавказа, но для всей России. Им была намечена программа поощрительных мер со стороны правительства, направленных на подъем промышленности и сельского хозяйства в крае. Важную роль в осуществлении этих задач играл Совет Кавказского общества сельского хозяйства, занимавшийся подробным изучением климатических условий, природных ресурсов края и др., что способствовало применению прогрессивной агротехники и распространению агрономических знаний среди местного населения [18, с. 377–378].

Князь А. И. Барятинский считал необходимым производить тщательный отбор чиновников не только русского происхождения, но и этнических кавказцев [31, с. 94–99]. В числе первых помощников Наместника находился грузинский князь, генерал-майор русской армии, герой Крымской компании и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Григорий Джамбакуриан-Орбелиани. В 1859 г. князь занял должность председателя Совета Наместника Кавказского [12, с. 212]. В 1861–1862 гг. во время болезни А. И. Барятинского он был назначен исполняющим должность Наместника. Во многом благодаря его заслуге в обращении на территории Грузии был сохранен

грузинский серебряный рубль, который чеканился с 1804 г. и содержал на 22 % меньше серебра, чем аналогичный российский [2, с. 74].

За годы наместничества А. И. Барятинского на территории Грузии значительно выросло число дорог, велись работы по их реконструкции, завершилось строительство Военно-Грузинской дороги, а также были намечены проекты по постройке железной дороги (от Поти до Баку) и организации паромных сообщений по Риони [32, с. 536]. А. И. Барятинский подготовил условия для проведения земельной и крестьянской реформы на территориях Закавказья. При нем началось решение сложных проблем, связанных с межеванием земель, сбор и анализ информации о размерах повинностей крестьян, о наличии пастбищных и лесных угодий, которые могли быть отданы в пользование крестьян и др.

Наместник продолжил мероприятия по благоустройству городов. Особое внимание было уделено Тифлису, который представлял собой «административный, торгово-промышленный и умственный центр Кавказского края и в особенности Закавказья...» [37, с. 267]. Произошедшие изменения в облике города были оценены одним из современников, оставившим в 1858 г. следующую запись: «Тифлис ...столица древней Грузии, по праву и сейчас может считаться столицей всего Кавказа и Закавказья, также однозначно Армении и Грузии. Недавно выстроенная часть города с хорошими зданиями, прямыми улицами, с зелеными бульварами для прогулок, крупными торжищами (которые называют караван-сараями) и ночными фонарями явствует, что он находится в руках европейских хозяев, и что среди жителей богатых больше, чем бедных...» [19, с. 13]. Центром общественной жизни в Тифлисе была роскошная резиденция Кавказского Наместника, где устраивались многочисленные приемы и балы, на которые обязательно приглашалась грузинская знать [13, с. 5]. По инициативе Наместника в центре города устраивались народные гулянья и военные парады, был посажен сад, получивший название Александровского [35]. В одном из сборников Русского Географического общества отмечалось [33, с. 84–96], что в 1863 г. в Тифлисе были построены 4 каменных моста через реку Куру; интенсивно мостились улицы, которые освещались газовыми фонарями; были 4 казенных сада и 1 обществен-

ный, а также 262 сада, которые находились во владении частных лиц и были доступны для посещений горожан; учебные заведения были представлены губернской гимназией, коммерческим училищем, 2 семинариями, 8 приходскими училищами, Закавказским девичьим институтом, 5 бесплатными школами для девочек «бедного класса»; а также действовало 135 промышленных предприятий и множество торговых заведений.

Князь Барятинский поддержал инициативу и желание грузинского дворянства воздвигнуть памятник бывшему Кавказскому Наместнику М. С. Воронцову [35]. Под его руководством «была открыта подписка во всех сословиях общества», в ходе которой были собраны средства в размере 36 104 рублей. В день его торжественного открытия 25 марта 1866 г. для народа было организовано угощение на террасах Александровского сада. К сожалению, памятник М. С. Воронцова согласно печально известному декрету большевиков «О памятниках Республики» (1918 г.) был разрушен.

С именем князя А. И. Барятинского связаны основные достижения Российской империи в затяжной Кавказской войне. Благодаря блестящим военным операциям, которые сочетались с эффективными социально-экономическими преобразованиями, ему удалось сломить сопротивление Шамиля. Эти события избавили грузинские земли от грабительских набегов северокавказских горцев. В память о покорении Восточного Кавказа грузинское дворянство направило Кавказскому Наместнику благодарственный адрес от всех сословий Грузии. В нем было выражено желание ходатайствовать у императора разрешение на сооружение в Тифлисе Триумфальной Арки, «которая на вечные времена служила бы памятником чувств, с какими народ встретил и привел доблестного вождя, за совершенный им подвиг...» [25]. В Тифлисе в 1862 г. был создан Комитет для сооружения Триумфальной Арки под председательством тифлисского генерал-губернатора князя Г. Д. Орбелиани. Был организован сбор пожертвований на памятник, в котором активное участие принимало как грузинское дворянство, так и простые граждане.

Время, когда главой кавказской администрации являлся великий князь Михаил Николаевич Романов, связано с переломным периодом всей российской истории – временем

«Великих реформ». Не дожидаясь окончания Кавказской войны, аппарат Наместника приступил к разрешению насущных экономических и социальных проблем Кавказского региона, в том числе Грузии – земельной реформе и освобождению крепостных.

Результатом реформ стал подъем экономики, которая стала ориентироваться теперь как на российский, так и на внешний рынок. К концу 60-х гг. XIX в. возрастает производство товарного зерна. Был дан мощный толчок развитию виноградарства и виноделия. Вино из Кахетии, Картли, Имерети поставлялось на рынки Закавказья и России. Были увеличены табачные плантации, которые обеспечивали высококачественным табаком не только Закавказье и Россию, но также и ряд европейских стран. Развитие товарных отношений способствовало появлению на территории Грузии плодопитомников и садоводческих школ. Стоит отметить, что часть грузинских помещиков смогла продуктивно использовать новые возможности для развития своих поместий. В их числе князь из рода Эристави, И. Багратион-Мухранский, С. Андроникашвили, Л. Лордкипанидзе и другие. Они активно внедряли новые технические культуры, увеличивали посевные площади под зерновые и виноградники, заводили предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции.

Начавшееся строительство Закавказской железной дороги способствовало быстрому развитию промышленного производства и торговли в Грузии. Основные ее линии, проведенные в 70–80-е гг. XIX в. – Тифлис – Поти, Риони – Кутаиси, Тифлис – Баку, Кутаиси – Ткибули, Самтредиа – Батуми и другие, обеспечили экономические связи со всеми промышленными районами Российской империи. На рубеже XIX–XX вв. в стране успешно развивались машиностроительная, металлообрабатывающая, деревообрабатывающая, легкая и другие отрасли промышленности, действовало 1482 предприятия [8, с. 103]. Появление удобных путей сообщений способствовало росту добычи полезных ископаемых, прежде всего угля и марганцевой руды. Начиная с 70-х гг. XIX в. уголь, добывающийся в окрестностях Ткибули, обеспечивал нужды российского Черноморского флота и населения Грузии, а Чиатурское месторождение марганцевой руды снабжало предприятия

русской и зарубежной металлургической промышленности. С развитием бакинской нефтяной промышленности связан рост промышленного производства в городе Батуми и усиление значения его как крупного портового центра.

Примечательно, что из пятерых сыновей Наместника Михаила Николаевича Романова, которых Александр II величал своими «кавказскими племянниками», двоих, родившихся в Грузии, называли на грузинский лад – Гоги и Сандро. Они оставили воспоминания о своей жизни в Тифлисе и о любви к этому городу: «Мы любили Кавказ и мечтали остаться навсегда в Тифлисе. Европейская Россия нас не интересовала. Наш узкий, кавказский патриотизм заставлял нас смотреть с недоверием и даже с презрением на расшитых золотом посланцев С.-Петербурга» [6]. И еще одна интересная подробность в судьбе Георгия Романова – дочь великого князя Нина вышла в Лондоне замуж за грузинского князя Павла Чавчавадзе. Эти факты из жизни таких выдающихся людей можно рассматривать как еще один яркий образец исторического переплетения судеб русского и грузинского народов.

Подобным примером является участие грузин – как представителей дворянства, так и простого народа – в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., которая началась в период наместничества Михаила Николаевича. Согласно исследованиям грузинских историков в сформированных властями наместничества грузинских иррегулярных войсках было 18 тысяч добровольцев, а в организованных отрядах народного ополчения и караульных отрядах в прифронтовых территориях несли службу еще 7 тысяч бойцов [20, с. 41]. В летописи войны и народной памяти сохранились имена простых грузинских солдат, офицеров и генералов, которые геройски сражались на Балканском и Кавказском фронтах. В их числе русские генералы и этнические грузины Захарий Чавчавадзе, Алексей Кавтарадзе, Михаил Амираджиби, Иван Амилахвари и другие. Одним из важных последствий русско-турецкой войны 1877–1878 гг. являлось возвращение Грузии ее исторических юго-западных территорий, захваченных Османской империей – Аджарии, Шавшети, Кларджети, Имерхеви, Кола-Артаани (Ардаган) и Олтиси.

Большое внимание Наместник уделял Тифлисской публичной библиотеке и физи-

ческой обсерватории, археологической комиссии, архиву, типографии и закавказскому приказу общественного призрения, а также Кавказскому музею. Примечательно, что музей был основан при участии великого князя Михаила Николаевича и содержал внушительные коллекции по зоологии, геологии, этно-

графии и археологии Кавказа, стоимость которых превышала 500 тыс. рублей [4, с. 120].

Таким образом, Кавказское Наместничество как автономная управленческая структура сыграло большую роль не только в укреплении связей России с Грузией, но и в развитии экономики и культуры Грузии.

Литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. X. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1885. 882 с.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. XII. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. 1553 с.
3. Бекоева Т. А. Научно-просветительская и педагогическая деятельность российской интеллигенции в северо-кавказском регионе в конце XVIII–XIX вв.: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Владикавказ: СОГУ, 2011. 47 с.
4. Всеподданейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб: [б.и.], 1907. 164 с.
5. Гагарин Г. Г. Русский художник князь Г. Г. Гагарин (1810–1893) [Электронный ресурс]. URL: <http://refdb.ru/look/2213143.html> (Дата обращения: 07.06.2014).
6. Головин Владимир. Завлекают в Сололаки... (Великие князья Сандро и Гоги Романовы). К 400-летию дома Романовых // Русский клуб. 2013. № 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rsmagazine.ge/component/content/article/1490.html?ed=48> (Дата обращения: 10.05.2014).
7. Гудушаури Г. А. Грузино-северокавказские культурные взаимоотношения в XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси: Академия наук Грузинской ССР, 1985. 295 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/gruzino-severokavkazskie-kulturnye-vzaimootnosheniya-v-xix-nachale-xx-vv> (Дата обращения: 10.05.2014).
8. Джалилов А. Г. Бакинский нефтепромышленный район и экономика Грузии (конец XIX – начало XX вв.) [Электронный ресурс]. URL: <http://static.bsu.az/w8/Heberler%20Jurnali/Humanitar%202011%201/102-108.pdf> (Дата обращения: 15.05.2014).
9. Документальная история образования многонационального государства Российского: в 4 кн. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX века / под общей ред. Г. Л. Бондаревского, Г. Н. Колбая. М: Норма. 1998. 723 с.
10. Долгова С. Р. Художник Г. Г. Гагарин в Грузии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazavat.ru/history3.php?art=656&rub=29> (Дата обращения: 20.06.2014).
11. Дюма А. Кавказ / Литературная обработка перевода П. И. Роборовского, перевод недостающих частей, вступительная статья, послесловие, примечания, комментарии и подбор иллюстраций М. И. Буянова. Тбилиси: «Мерани», 1988. 643 с.
12. Избранные документы Кавказского комитета. Политика России на Северном Кавказе в 1860–70-е годы // Сборник Русского исторического общества. Россия и Северный Кавказ / под ред. О. М. Репова. Т. 2(150). М.: Русская панорама, 2000. 301 с.
13. Ильин С. В. Витте [Электронный ресурс] // Серия «Жизнь замечательных людей». URL: <http://www.bookfb2.ru/book47/386726.fb2> (Дата обращения: 20.06.2014).
14. Кавказ. Ежедневная газета [Электронный ресурс]. Тифлис. 1846. № 1. 5 января.. URL: http://expositions.nlr.ru/fond/paper/show_img.php?r=9/04 (Дата обращения: 01.12.2015).
15. Кавказские записки декабриста В. С. Толстого (Публикация В. А. Захарова) // Сборник Русского исторического общества. Россия и Северный Кавказ / под ред. О. М. Репова Т. 2 (150). М.: Русская панорама, 2000. 301 с.
16. Кавказский календарь на 1847 год. Тифлис: Типография канцелярии Наместника Кавказского, 1846. 314 с.
17. Кавказский календарь на 1849 год. Тифлис: Типография канцелярии Наместника Кавказского, 1848. 430 с.

18. Кавказский календарь на 1869 год. Тифлис: Типография канцелярии Наместника Кавказского, 1868. 670 с.
19. Карапетян С. Мэры Тифлиса (Тбилиси). Ереван: Гитутюн, 2003. 128 с.
20. Качарава Ю. История Грузии [Электронный ресурс]: учебное пособие / Качарава Ю., Киквидзе А., Ратиани П. Тбилиси, 1973. 227 с., Сургуладзе А. URL: <http://ikalto.com/librarium/History-1973.pdf> (Дата обращения: 17.06.2014).
21. Князь Эристов. Тушино-Пшаво-Хевсурский округ // Записки Кавказского отдела Русского географического общества / под ред. Е. Вердеревского. Кн. III. Тифлис: Типография канцелярии Наместника Кавказского, 1855. С. 75–146.
22. Мунаев В. С. Военная и государственная деятельность Наместника на Кавказе М. С. Воронцова (1844–1854 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь: СГУ, 2012. 34 с.
23. Накаева С. А. Основание и деятельность благотворительного общества Святой Нины в Тифлисе (1846–1870) [Электронный ресурс] // Вторая научно-практическая конференция «Спецпроект: анализ научных исследований (7–11 декабря 2005 г. Исторический сектор). URL: [qhttp://www.confcontact.com/Decemb_all.php](http://www.confcontact.com/Decemb_all.php) (Дата обращения: 30.06.2014).
24. Немирович-Данченко В. И. Собрание сочинений: в 3 томах. Том 1. Горные орлы. Горе забытой крепости. Из книг паломничеств и путешествий. М.: Терра, 1996. 543 с.
25. Нефляшева Н. «Дорога в Грузию»: триумфальные арки на Кавказе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts/13933> (Дата обращения: 13.07.2015).
26. Отчет Наместника Кавказского и главнокомандующего Кавказской армией. 1857, 1858, 1859. Тифлис: Типография канцелярии Наместника Кавказского, 1861. 403 с.
27. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. XVII. Отделение 1. 1842 год. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. 916 с.
28. Правила об отношениях Кавказского Наместника. СПб.: [б.и.], 1846. 37 с.
29. Российский Государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф.38. Оп.7. Д.201.
30. РГВИА. Ф.38. Оп.7. Д.281.
31. РГВИА. Ф.38. Оп.7. Д.379.
32. Русский биографический словарь / под ред. А. А. Половцева: в 25 т. Т. 2. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1900. 796 с.
33. Сборник статистических сведений о Кавказе, издаваемых Кавказским отделом Императорского русского географического общества. Составлен и издан под ред. Н. И. Воронова. Т.1. Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского, 1869. 883 с.
34. Титоренко М. Ф., Шкилева О. Г. Из истории системы образования у православных народов Кубани в дореформенный период [Электронный ресурс] // Сборник материалов IX международной научно-практической конференции «Федор Андреевич Шербина, казачество и народы Северного Кавказа: история и современность» (г. Краснодар, 27 февраля 2009 г.). Краснодар: ИМСИТ, 2009. URL: <http://www.slavakubani.ru/content/detail.php?ID=3267> (Дата обращения: 25.10.2015).
35. Тифлис и его окрестности. Иллюстрированный карманный путеводитель, справочная и адресная книжка / под общей ред. М. А. Джбара [Электронный ресурс]. URL: <http://meskhi.net/tiflis/editorial.htm> (Дата обращения: 17.10.2014).
36. Шелоков И. Корни [Электронный ресурс]. URL: <http://clubvi.ru/news/2013/09/30/svirida/1.doc> (Дата обращения: 20.11.2015).
37. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 томах. Т. XXXIII (65). СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1901. 498 с.

не буду выполнять работу за плату ниже, чем зарплата мужчины», – говорила Бартон [4].

В 1850 г. Бартон прервала свою преподавательскую деятельность и поступила учиться в теологическое учебное заведение в Нью-Йорке. По окончании она переехала в штат Нью-Джерси. Здесь власти небольшого города Бордентаун предложили Кларе Бартон работу в качестве организатора образования. Ей поручили создать бесплатную школу подобно той, которую она создала в Оксфорде. Бартон успешно справилась с поставленной задачей. Однако руководить созданным учебным заведением ей не довелось. Для роли директора школы кандидатура женщины считалась абсолютно неприемлемой, и власти города пригласили на эту должность мужчину. Разочарованная такой несправедливостью, Бартон покинула Бордентаун и ушла из сферы образования.

Следующая страница биографии Бартон связана со столицей США. Клара Бартон была одной из первых американок, которым удалось получить работу в государственном учреждении, что для того времени было явлением незаурядным. В XIX веке в США, как и в других странах Запада, существовал жесткий стереотип роли женщины в семье и обществе, господствующий в общественном и индивидуальном сознании таким образом, что отклонение от него воспринималось как аномалия. Согласно этому стереотипу, высшие ценности для женщины – это брак, семья, домашний очаг; женщины лишены профессиональных и социальных интересов. Работа женщины, как правило, оправдывалась только экономической нуждой и рассматривалась самими женщинами и их социальным окружением как вторичное, вынужденное занятие. Выбор профессиональной сферы для женщины был ограничен, а на престижные должности, например, в федеральных учреждениях, доступ был попросту закрыт. Мы можем представить, насколько незаурядной личностью была Клара Бартон, если ей удалось прорваться через эти преграды. Ее взяли на должность копиервальщицы в Патентном Бюро США. Несколько лет, проведенных на госслужбе, оказались нелегкими. Несмотря на то, что Бартон была безупречным работником, отношение коллег и начальства к ней было неприязненным, зачастую враждебным. Вспоминая об этом периоде своей жизни, Бартон писала: «Это было

мучительно, но я считала, что это – вопрос принципа, и я терпела» [10].

Начало Гражданской войны Бартон встретила в Вашингтоне. Она сразу же уволилась со службы, чтобы активно помогать воюющим. В течение первого года военных действий Клара Бартон занималась, говоря современным языком, сбором гуманитарной помощи для раненых солдат Массачусетского полка, которые находились в Вашингтоне. Их разместили в недостроенном здании Капитолия, превращенном в госпиталь. Клара развернула кампанию по сбору продуктов и предметов первой необходимости и распределяла собранное среди раненых. Она проводила много времени рядом с ними: читала вслух газеты, писала за них письма, утешала, ободряла. Ее присутствие и искреннее сочувствие было бесценной психологической помощью. К тому же раненые были ее земляками, некоторые – ее бывшими учениками или выпускниками той же школы, в которой она училась.

К концу первого года войны рассказы очевидцев о страданиях на фронте побудили деятельную натуру Клары Бартон отправиться на передовую. Ей пришлось пройти через ряд бюрократических препонов, чтобы получить разрешение. Достать пропуск ей помогло рекомендательное письмо сенатора от ее родного штата Массачусетс.

Клара Бартон впервые попала на фронт в августе 1862 г. Это было место сражения у Седар Маунтин, в Виргинии. Отважная женщина приехала в полевой госпиталь в полночь с фургоном припасов. Дежурный доктор, подавленный тем, что пришлось пережить в тот тяжелый день, позже так описывал свои эмоции: «Я подумал в ту ночь: если господь послал на землю ангела с небес, то это была она – настолько вовремя подоспела ее помощь» [7].

Прибыв в расположение федеральной армии, Клара Бартон стала ухаживать за ранеными. Профессии «медицинская сестра» до начала Гражданской войны не существовало, не говоря уже о специализации «медсестра военно-полевой службы». В Америке не было медицинских училищ, сестринских сертификатов и сертифицированных медсестер. Да и само значение слова «медсестра» (nurse) было неопределенным. Медсестрой называли, к примеру, женщину, которая управлялась

вслед за своим мужем в армейский лагерь, или женщину, которая приезжала в расположение армии, чтобы ухаживать за раненым сыном или мужем, а затем оставалась там выхаживать других раненых. Часто в полевых госпиталях помощницами были религиозные миссионеры, и их тоже называли «медсестрами».

Когда началась война, многие американки не остались равнодушны к газетным репортажам с фронта, в которых описывалось бедственное положение полевых госпиталей и острая нехватка медицинского оборудования и лекарственных средств. В штатах Севера женщины организовали 10 тысяч обществ помощи солдатам. Они собрали в общей сложности 3 млн долларов на гуманитарную помощь [10, p. 397].

Тысячи женщин отправились добровольцами на фронт к раненым. Армейские доктора неодобрительно относились к женщинам-волонтерам, уверенные в том, что они недисциплинированны, неорганизованны и не имеют нужного опыта [10, p. 397]. Что касается последнего, то он приобретался на месте, так что можно сказать, что эта благородная профессия возникла на полях сражений как практическая необходимость. Однако это не меняло негативного отношения к медсестрам со стороны мужчин-врачей. Приведу свидетельство Джейн Хоуг, которая возглавляла один из волонтерских отрядов медсестер. Она писала: «Сестринский уход за ранеными был совершенно новым делом, невиданным ранее испытанием. За нами наблюдали с подозрительностью и сурово критиковали. Если у нас что-то не получалось, эту ошибку или неудачу раздували до огромных масштабов и широко обсуждали» [6].

Что касается Клары Бартон, то, хотя у нее имелся опыт ухода за тяжело больным братом, профессию пришлось осваивать на месте. Она выполняла всю тяжелую работу, которую делают медсестры – ассистировала на операциях, обрабатывала раны, делала перевязки, готовила еду и кормила раненых. Она постоянно была рядом с ними, готовая помочь – подать воды, выслушать исповедь, поддержать морально. Один раз тяжело раненый солдат, страдающий от невыносимой боли, которую ему причиняла пуля в щеке, взмолился, прося Клару удалить ему эту пулю. Единственный инструмент, что был в распоряжении Клары в тот момент – это перочинный

нож. Но она извлекла пулю. Можно только предполагать, какого мужества ей стоил этот поступок, если учесть, что анестезия в то время не применялась, а единственной помощью Кларе на операции был другой солдат, державший голову раненого [11].

Прибыв на фронт летом 1862 г., Клара Бартон последующие три года войны провела на полях сражений, или, говоря ее собственными словами, «лежа где-то между пулями и госпиталем». Эта хрупкая, миниатюрная женщина ростом в пять футов (чуть выше 1 м 50 см) стойко переносила лишения и тяготы фронтовой жизни: спала в палатке или казарме, «сгорала под палящим солнцем, мерзла под ледяным дождем в бурю, изнуряя себя тяжелой работой день за днем в траншеях» [10]. Подоткнув юбки, с синим от пороховой гари лицом, она раздавала овсяную кашу, извлекала пули и держала за руку умирающих [10].

Клара Бартон участвовала в шестнадцати сражениях. О некоторых стоит упомянуть отдельно. Сражение при Антитеме, которое произошло 17 сентября 1862 г., известно, как самое кровопролитное однодневное сражение в американской истории: 23 тысячи погибших, раненых или попавших без вести. Оказать медицинскую помощь такому огромному количеству пострадавших было невероятно сложно. Однако медицинские службы и южан, и северян к тому времени уже накопили какой-то опыт. В течение последующих после битвы 24 часов все погибшие и раненые были вывезены с поля боя [12]. Для сравнения: после первого сражения Гражданской войны – у Манассасса, которое произошло годом раньше (в июле 1861 г.), тела 5000 погибших и раненых вывозили с поля боя в течение недели. В Антитеме практически каждое помещение в радиусе нескольких миль от поля боя: фермерские дома, сараи, амбары, конюшни, церкви, магазины – было превращено в полевой госпиталь. В общей сложности в кратчайшие сроки – 48 часов – было развернуто 120 импровизированных полевых госпиталей [9]. Все они были мало приспособлены для медицинской помощи. К тому же не хватало хирургов, медсестер, лекарств, продуктов, предметов первой необходимости. В этих условиях ценна была помощь гражданских волонтеров, которые привозили фургоны гуманитарной помощи и помогали военным медикам.

Клара Бартон прибыла в Антитему одной из первых. Она приехала в день сраже-

ния и видела своими глазами эту страшную трагедию. Госпиталем, куда она направилась, стал фермерский дом, совершенно не пригодный для проведения операций. В нем не было освещения, и к вечеру того дня раненые, которым требовалась срочная операция, были обречены. Клара спасла положение: она привезла фонари, так что хирурги смогли продолжить работу ночью [10]. Отважная девушка ассистировала докторам, перевязывая раны. Когда закончились бинты, Клара нашла выход: использовала кукурузные листья в качестве перевязочного материала. Восхищенный работой своей помощницы, хирург Джеймс Данн позже писал: «Генерал Макклеллан со всеми его лаврами меркнет перед подлинной героиней нашего времени, ангелом на полях сражений» [12].

В другом сражении, при Фредериксберге, Клара Бартон едва не погибла, переправляясь через реку к раненым. В Библиотеке Конгресса США хранятся дневниковые записи Бартон за эти дни. Они оцифрованы и доступны он-лайн. Бартон пишет о том, что город переполнен ранеными, и положение отчаянное, потому что медики не в состоянии оказать всем помощь – к таким масштабным катастрофам они не были готовы [2].

В конце войны Клара Бартон переключилась на другую, столь же благородную и трудную работу, как и помощь раненым. Она занялась поиском пропавших без вести солдат и офицеров армии США. С этой целью Клара Бартон открыла «Офис корреспонденции с друзьями пропавших без вести военнослужащих», превратив две комнатки своей съемной квартиры на 7-й улице в Вашингтоне в офисное помещение. В течение четырех лет Клара вместе с помощниками получила 68 162 письма и ответила на них и идентифицировала более 22 тысяч лиц, которые числились пропавшими без вести. 13 тысяч из них были военнопленные. В самом начале этой работы К. Бартон получила поддержку президента США. В марте 1864 г., за месяц до своей гибели, А. Линкольн написал письмо, в котором просил оказывать содействие поисковой работе Клары Бартон [7].

Но, пожалуй, самым значимым, что сделал «Офис корреспонденции с друзьями пропавших без вести военнослужащих», было создание национального кладбища в Андерсонвилле, штат Джорджия. В том месте в годы

войны находился лагерь для пленных солдат армии северян. Из 45 тысяч пленных 13 тысяч умерли от голода и болезней. Погибших в этом лагере хоронили в безымянных могилах. По просьбе военного министра Стентона Клара Бартон вместе с командой военных из 30 человек отправилась в Андерсонвилль. Они сумели идентифицировать 13 000 захороненных. Только 450 могил остались неизвестными [11]. Клара Бартон публиковала в газетах списки погибших в Андерсонвилле, благодаря чему многие семьи узнали о судьбе своих близких и о месте их погребения [8].

У «Офиса корреспонденции с друзьями пропавших без вести военнослужащих» оказалась удивительная судьба. В 1868 г. по настоянию врачей Бартон уехала на лечение в Швейцарию. Там она узнала о создании «Международного Красного Креста» и увлекается этой идеей. По возвращении на родину Бартон посвятила себя созданию американского Красного Креста. Что касается ее офиса на 7-ой улице в Вашингтоне, то он оказался забытым на протяжении последующих 150 лет. Однако в 1996 г. здание, в тот момент принадлежавшее государственному учреждению, решено было снести. Чиновник, инспектировавший помещение перед сносом, случайно обнаружил на чердаке склад бумаг и личных вещей. Тогда и выяснилась история «Офиса корреспонденции с друзьями пропавших без вести военнослужащих», а также открылась новая роль Клары Бартон, которая до той поры была известна американцам исключительно как создатель Американского Красного Креста и сестра милосердия. Разумеется, вопрос о сносе здания был закрыт. Двадцать коробок найденных на чердаке документов и исторические артефакты составили основу для исследовательского проекта, продолжавшегося 20 лет. Его итогом стало открытие в 2015 г. музея «Офис пропавших без вести Клары Бартон» в том самом помещении, где офис располагался в 1860-е гг. [3].

Все, что делала Клара Бартон в годы войны по организации ухода за ранеными, было волонтерством. Она не получала ни заработной платы, ни денежной компенсации от правительства. Вероятно, финансовые трудности заставили Клару Бартон предпринять в 1866–1868 гг. поездку по стране с лекциями о войне и ее личном участии в ней. Выступления Бартон собирали громадные аудитории и

пользовались успехом. В финансовом отношении турне также оказалось успешным: она сумела обеспечить себя на всю оставшуюся жизнь [10].

Самым значительным достижением Клары Барон считается создание американского Красного Креста. Однако не стоит недооценивать то, что она сделала в годы Гражданской войны. Она была не единственной женщиной-волонтером, но она была самой знаменитой сестрой милосердия [10, p. 297].

Далеко не случайно то, что именно Клару Бартон назвали «ангелом на полях сражений». Эти слова хирурга Дж. Данна подхватили другие современники. Именно с таким почетным званием Бартон вошла в историю Гражданской войны в США. Признан ее вклад и в историю профессии «сестринское дело»: Клару Бартон называют «американской Флоренс Найтингейл», подчеркивая тем самым ее вклад в становление этой профессии в США.

Литература

1. Barton C. The Story of my Childhood. New York, 1907. [Electronic resource]. URL: http://www.forgottenbooks.com/books/The_Story_of_My_Childhood_100022009 (Accessed: 28.01.2016).
2. Clara Barton. Notes on Fredericksburg, Virginia [May 1864] [Electronic resource]. URL: <http://www.loc.gov/exhibits/treasures/images/vc007051.jpg> (Accessed: 28.01.2016).
3. Clara Barton Missing Soldiers Office Museum [Electronic resource]. URL: <http://www.clarabartonmuseum.org/welcome/> (Accessed: 28.01.2016).
4. Clara's story // Clara Barton Missing Soldiers Office Museum [Electronic resource]. URL: <http://www.clarabartonmuseum.org/welcome/> (Accessed: 29.01.2016).
5. Collection Clara Barton Papers [Electronic resource]. URL: <http://www.loc.gov/collection/clara-barton-papers/about-this-collection/> (Accessed: 29.01.2016).
6. Egenes K. J. Nursing during the US Civil War // Hektoen International. A Journal of medical Humanities. Vol. 8. Issue 1. Winter 2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.hektoeninternational.org/index.php> (Accessed: 30.01.2016).
7. Founder Clara Barton // American Red Cross. [Electronic resource]. URL: <http://www.redcross.org/about-us/history/clara-barton> (Accessed: 30.01.2016).
8. Maikell-Thomas, B. Discovered Historical Documents Uncover. The First Official Missing Persons Investigator, Clara Barton [Electronic resource]. URL: <http://www.pimall.com/nais/n.barton.html> (Accessed: 31.01.2016).
9. Nelson J. H. Battle of Antietam: Union Surgeons and Civilian Volunteers Help the Wounded // America's Civil War. 2007. September [Electronic resource]. URL: <http://www.historynet.com/battle-of-antietam-union-surgeons-and-civilian-volunteers-help-the-wounded.htm> (Accessed: 28.01.2016).
10. Norton M. B., Katzman D. M., Escott P.D. A people and a nation. A history of the United States. 2-d edition. Houghton Mifflin, Boston, 1986.
11. Pryor E. B. Barton, Clara // American National Biography Online. [Electronic resource]. URL: <http://www.anb.org/articles/12/12-00054.html> (Accessed: 28.01.2016).
12. Stiehm J. Compassion Under Fire // New York Times. December 9. 2011.
13. Tooker J. Antietam: Aspects of Medicine, Nursing and the Civil War // Transactions of American Clinical and Climatological Association. 2007. Vol.118. P.215–223. [Electronic resource]. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1863579/> (Accessed: 28.01.2016)

УДК 334.732

А. В. Печалова, Н. Д. Судавцов

**УЧАСТИЕ КООПЕРАТОРОВ СТАВРОПОЛЬЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ
ГОСПИТАЛЬНОЙ БАЗЫ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)**

В статье освещается деятельность работников кооперативных предприятий Ставрополя и Карачаево-Черкесии по обеспечению госпитальной базы Кавказских Минеральных Вод в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Статья основана на широком спектре источников и литературы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная Армия, кооператоры, госпитальная база, перевязочные материалы, продукты питания, Северный Кавказ, Ставрополье, Карачаево-Черкесия, Кавказские Минеральные Воды, немецко-фашистские захватчики.

L. V. Pechalova, N. D. Sudavtsov

**PARTICIPATION OF STAVROPOL COOPERATORS IN PROVISION
OF CAUCASIAN MINERAL WATERS' HOSPITAL BASE DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)**

The article highlights the activity of cooperatives on the territory of the Stavropol Region and Karachay-Cherkessia in providing Caucasian Mineral Waters' hospital base during the Great Patriotic War. The study refers to various sources and materials.

Key words: the Great Patriotic War, the Red Army, cooperators, hospital base, wound textiles, foodstuffs, Northern Caucasia, the Stavropol region, Karachay-Cherkessia, German-fascists invaders.

Тема участия кооператоров Ставрополя в обеспечении госпитальной базы Кавказских Минеральных Вод в сложнейшие военные годы изучена явно недостаточно, особенно на региональном уровне, в связи с этим авторы публикации в некоторой мере восполняют пробел в освещении проблемы медицинской и социальной реабилитации воинов-инвалидов, не потерявшей злободневность и в настоящее время.

оборудование, квалифицированные кадры, опыт быстрого реагирования на потребности рынка стали основой для перестройки их деятельности на военный лад. Стремление дать достойный отпор немецко-фашистским захватчикам объединило общество, работников государственных и негосударственных предприятий во имя победы над врагом.

Война, развязанная фашистской Германией 22 июня 1941 г. против СССР, была самой тяжелой из всех тех, которые когда-либо навязывались нашему народу. Начало Великой Отечественной войны круто изменило жизнь советского государства и потребовало перевода всех отраслей народного хозяйства на военные рельсы.

Во время войны Ставропольский край стал одним из регионов, снабжавших Красную Армию людскими резервами, вооружением, боеприпасами, снаряжением, продовольствием.

Используя накопленный в довоенное время потенциал, предприятия местной и кооперативной промышленности с первых дней войны стали целенаправленно способствовать обеспечению фронта и тыла всем необходимым. Производственные мощности,

В условиях войны советское правительство приняло чрезвычайные меры по проведению мобилизации, укреплению боеспособности Красной Армии, созданию боевых резервов фронта, переводу экономики страны на военные рельсы. В тоже время потребовалось решение одной из важнейших задач – создание госпитальной базы.

В конце июня 1941 г. СНК СССР принял Постановление о повсеместном развертывании в стране госпиталей. Важное место в

этом отводилось Северному Кавказу с учетом его курортной базы, наличия значительного количества опытных врачей, среднего медицинского и обслуживающего персонала, что позволяло в кратчайшие сроки развернуть госпитали и оказывать раненым и больным квалифицированную, специализированную помощь. Учитывался и тот факт, что в Кисловодске, Пятигорске, Ессентуках и Железноводске имелись природные факторы для комплексного лечения раненных. Речь шла о наличии разнообразных минеральных источников, запасов лечебной грязи в расположенном в районе г. Пятигорск Тамбуканском озере, благоприятном климате [8, с. 193].

В 1941 г. на курортах Кавказских Минеральных Вод действовали 98 санаториев с пропускной способностью 190 тыс. больных в год. Им оказывалась помощь в хорошо оборудованных бальнеологических учреждениях [1, л. 45].

В соответствии с решением правительства в июне 1941 г. в Ставропольском крае были организованы госпитали на 31 325 коек, в том числе за счет санаториев, пансионатов, домов отдыха – 17 840. Перед местными органами власти была поставлена сложнейшая задача по ускоренному оборудованию и обеспечению госпитальной базы всем необходимым.

В связи с этим было решено максимально использовать возможности кооперации, способной оперативно перестроиться для выполнения срочных заданий. Кооперативная промышленность края в 1941 г. состояла из 190 артелей промсистемы и 58 артелей кооперации инвалидов [10, с. 51].

С началом переоборудования госпиталей кооперативные предприятия активизировали деятельность по выпуску кроватей, шкафов, столов, тумбочек и другой мебели, а также столовых приборов. Несколько артелей организовали пошив постельного белья, больничной одежды, изготовление тапочек для раненных.

Поскольку в госпитали поступало большое количество солдат и офицеров с ортопедическими ранениями, то остро ощущалась нехватка перевязочных материалов и особенно гипса. В это время поступление гипса из-за пределов края было очень затруднено. Крайисполком поручил промысловой кооперацией в сжатые сроки организовать его производство на месте. С этой целью были специализированы ряд артелей на производ-

ство гипса. И кооператоры с честью справились с поставленной задачей.

Первым предприятием, которое начало производить гипс, стала артель «Прогресс» г. Пятигорска. Уже к концу 1941 г. ею было произведено и передано госпиталям 10 тонн качественного гипса [2, л. 15]. В последующем, на протяжении всех военных лет, артели промкооперации полностью удовлетворяли потребности госпиталей в гипсе.

Свой вклад внесли кооператоры и в обеспечение работы эвакуогоспиталей. Для их бесперебойной работы медицинскими работниками была четко отработана система встречи санитарных поездов с последующей разгрузкой и транспортировкой раненных в госпитали, где им оказывалась квалифицированная помощь. В то же время возникали проблемы со стиркой и ремонтом обмундирования красноармейцев, поступивших на лечение. Обслуживающий персонал госпиталей не в состоянии был с этим справиться. На помощь им пришли кооператоры городов Пятигорска, Кисловодска, Ессентуков и Железноводска. В артелях были организованы специальные мастерские по приведению обмундирования в порядок. Так, только весной 1942 года работники артелей произвели стирку и починку рубашек, кальсон, телогреек, теплых шаровар и курток 12 тыс. комплектов [3, л. 109]. Поскольку не хватало моющих средств, кооператоры организовали производство мыла и изготовление специальных химических растворов, позволявших более качественно чистить обмундирование.

Одним из важнейших направлений деятельности промысловой кооперации в годы Великой Отечественной войны было оказание помощи воинам-инвалидам. В первую очередь речь шла об изготовлении протезов, которых госпитали централизованно практически не получали. В решение этой проблемы активно включились кооператоры и стали изготавливать протезы. Были они особенно поначалу неказисты, но охотно использовались инвалидами. Кооперация пошла непосредственно к инвалидам. Так, в госпитале № 3798 г. Пятигорска в декабре 1941 г. было открыто протезное отделение на 400 коек. Только в течение октября-декабря этого года было протезировано 487 человек. Одновременно артели промысловой кооперации и кооперации инвалидов края передали госпиталю 200 одеял и 500 чувяк [4, л. 39].

Широкое распространение среди предприятий кооперативной промышленности края получило оказание шефской помощи раненым солдатам и офицерам, которые находились на лечении в госпиталях на территории Ставрополья. В этих лечебных учреждениях артельщики организовали оказание помощи медработникам в уходе за ранеными и больными, а также в проведении культурно-массовой работы в подшефных госпиталях. Все артели шефствовали над госпиталями. Например, артель «Зернохлеб» в числе других предприятий осуществляла шефство над госпиталями № 3799 и № 2171 [5, л. 65].

Уже с первых месяцев войны возникла проблема с инвалидами, которые покидали госпитали после завершения лечения. Многие из тех, кому некуда было ехать, так как их родные места были оккупированы врагом, принимали решение остаться в крае. Они нуждались в медико-социальной и профессиональной реабилитации. Поэтому встал вопрос об их трудоустройстве, с учетом ранений, полученных на фронте. На помощь им пришли артели промкооперации, которые выделяли для инвалидов рабочие места, организовывали их обучение для получения новых профессий в соответствии с их физическими возможностями. Вливаясь в трудовые коллективы, инвалиды быстрее адаптировались, часто обретали смысл жизни и активно участвовали в трудовом процессе, что одновременно давало им возможность существенно пополнить свой бюджет.

В начале августа 1942 г. обстановка на Ставрополье очень осложнилась в связи с наступлением немецко-фашистских захватчиков на Северный Кавказ. Возникла необходимость эвакуации раненых из госпиталей Кавказских Минеральных Вод. События развивались стремительно, поэтому было принято решение срочно вывезти раненых за пределы Ставропольского края в Кабардино-Балкарию, Северную Осетию, Закавказье. Медики начали подготовку раненых к транспортировке. Но для того, чтобы в сжатые сроки вывезти из госпиталей больных и раненых не хватало транспорта, рабочих рук. На помощь пришли кооператоры. Краевой совет промысловой кооперации подготовил и предоставил для перевозки раненых имевшиеся в распоряжении его артелей транспорт. Каждому раненому выдали одеяло, матрачный мешок и суточный

запас сухого пайка. Тяжелораненых в поезда приходилось переносить на руках [8, с. 198].

Машин и подвод не хватало, поэтому из тех, кто мог придвигаться самостоятельно, формировались пешие колонны и организованно проселочными дорогами направлялись в сторону г. Нальчика, расположенного в 80 км от г. Пятигорска. К началу оккупации Кавказских Минеральных Вод большинство раненых и больных воинов были эвакуированы.

3 августа 1942 г. Ворошиловск (Ставрополь) был подвергнут интенсивной бомбежке и захвачен противником. К концу месяца была оккупирована большая часть края. Для жителей Ставрополья начался самый страшный период за всю историю войны – оккупационный. Край находился в руках немецко-фашистских захватчиков на протяжении 5,5 месяцев. Оккупанты убивали людей, грабили и уничтожали предприятия, колхозы, совхозы, промысловые артели, вывозили продовольствие, ценное оборудование и т. д. В январе 1943 г. одновременно с битвой за Сталинград в ходе мощного наступления Красная Армия очистила территорию Ставрополья от немецко-фашистских оккупантов.

В период немецко-фашистской оккупации Ставрополья курортам Кавказских Минеральных Вод был нанесен огромный ущерб – почти в полмиллиарда рублей [6, л. 45]. Ущерб был бы намного больше, если не быстрое наступление советских войск и предотвращение населением многих взрывов корпусов санаториев. Тем не менее, при отступлении фашистами многие корпуса, оборудование были варварски разграблены, уничтожены. Госпитальная база нуждалась в восстановлении материально-технической базы. Сложность заключалась в том, что все это необходимо было сделать в условиях разрухи и продолжавшейся войны. А госпитальную базу необходимо было восстановить немедленно с учетом фронтовых условий. Крайисполком и крайком ВКП(б) для быстрого возрождения госпиталей активно подключили к этой работе артели кооперации. Сами быстро восстанавливаясь, они изготавливали для госпиталей мебель, оборудование, постельные принадлежности, инструментарий, строительные материалы, сантехнику и т.д. Кооператоры способствовали обеспечению госпиталей перевязочными материалами и гипсом. По мере наращивания производ-

ства постоянно возрастало удовлетворение потребности госпиталей в перевязочных материалах, гипсе, лекарственных препаратах. Значительную роль в этом сыграли пятигорские артели «Прогресс» и «1-е Мая», которые в кратчайшие сроки провели работы по восстановлению производственных площадей, доведя выпуск гипса до 2 тонн в месяц. Это было очень важно в условиях, когда увеличивалась численность раненых, доставляемых в госпитали Кавмингруппы с фронтов. Особенно большой приток был во время битвы на Кубани, Курской дуге. Только в сентябре 1943 г., в период боев на Таманском полуострове, госпитали городов Кавказских минеральных вод приняли 49 военно-санитарных поездов, которые доставили 21 897 раненых. К октябрю этого года в госпиталях находилось более 40 тысяч человек [7, с. 64].

Немаловажным фактором для выздоровления раненых защитников Отечества было снабжение их витаминами. Поэтому кооперативные предприятия организовали выпуск витаминизированных напитков и сиропов. Пятигорские артели «Пишевкус», «Расфасовщик» и «Зернохлеб» специально для госпиталей вырабатывали различные изделия, содержащие витамин «С». Это были витаминизированные напитки, виноградный сок и т. д. Ряд артелей края освоили производство абрикосового масла для приготовления мазей и растирок.

Используя ресурсы собственных подсобных хозяйств, артели доставляли в госпитали продукты питания: мясо, молоко, сметану, зелень и т. д. Прямо из цехов предприятий завозились макаронные, хлебобулочные и кондитерские изделия. Наибольшую активность в оказании помощи курортам проявили артели «Большевик», «Инкооп», «Зернохлеб» и многие другие.

Даже в условиях военного времени кооперативные предприятия Ставрополя продолжали вести экспериментально-исследовательскую работу, благодаря которой артели промысловой кооперации и кооперации инвалидов выпускали продукцию, содействовавшую лечению и медицинской реабилитации воинов в госпиталях. Этому во многом способствовали и сами инвалиды, занимавшие руководящие должности в кооперативах. С их помощью решались многие вопросы социальной реабилитации сотен и тысяч изувеченных

войной. Именно инвалиды, работники артелей, первыми подняли, к примеру, вопрос об изготовлении протезов на предприятиях кооперации с привлечением к их производству тех, кто в решении данной проблемы больше всего был заинтересован. В артелях не просто изготавливали крайне необходимые изделия, но и совместно с медицинскими работниками вели экспериментально-исследовательскую работу в этом направлении. Кооператоры-инвалиды испытывали протезы и специальные приспособления в первую очередь на себе. Наибольшую активность в экспериментальной работе проявила артель «Инкооп» г. Пятигорска, являвшаяся еще в довоенный период одной из лучших на Северном Кавказе. Артели ежегодно выпускалось продукции, необходимой населению на 4 млн руб., в том числе и специализированных изделий для инвалидов войны и труда [9, с. 69].

С окончанием войны важнейшим направлением деятельности промысловой кооперации стало участие в перестройке курортной базы Кавказских Минеральных Вод на гражданский лад. К этому времени, на основании Постановлений СНК СССР от 18 и 19 августа 1945 г., в стране начался процесс свертывания госпиталей и открытия на их месте санаториев, пансионатов, домов отдыха для населения. На Кавказских Минеральных Водах, в соответствии с данными решениями правительства СССР, расформировалось 29 эвакогоспиталей на 12 тыс. мест.

В то же время, приступая к реорганизации госпитальной базы, советское правительство учитывало, что в госпиталях оставалось еще значительное количество тяжело раненных и для их лечения требовалось длительное время. Все проводилось с учетом реабилитационных мероприятий для таких пациентов. Поэтому в ходе расформирования госпиталей были организованы три новых госпиталя. Затем был организован Ставропольский краевой госпиталь для инвалидов Великой Отечественной войны на 200 мест [8, с. 234]. Он имел ортопедохирургический профиль. Позже его перепрофилировали в постоянно действующий госпиталь общего характера.

Осенью 1945 года промысловая кооперация Ставрополя активизировала деятельность по участию в восстановлении курортно-санаторной базы Кавказских Ми-

неральных Вод. В сентябре артелями промкооперации дополнительно была изготовлена крупная партия строительных материалов: кирпича, извести, алебастра, олифы, красок и т. д. непосредственно для ремонта госпиталей и переоборудования их в санатории. Особое внимание уделялось изготовлению санаторной мебели.

Исследование показало, что кооператоры Ставрополя и Карачаево-Черкесии, на протяжении всех военных лет активно участвовали в обеспечении деятельности госпитальной базы Кавказских Минеральных Вод, снабжая их перевязочными материалами, постельными принадлежностями, мебелью, продуктами питания и т. д. Особый вклад кооператоры Ставрополя и Карачаево-Черкесии

внесли в реабилитацию инвалидов войны. Для них изготавливались протезы и специальные приспособления. Инвалиды, изъявившие желание работать в артелях, проходили обучение и в дальнейшем успешно трудились на кооперативных предприятиях.

На протяжении всей войны кооперативные предприятия Ставрополя и Карачаево-Черкесии, выпуская продукцию для госпиталей края и оказывая им материальную помощь, способствовали восстановлению здоровья защитников Отечества. Этот исторический опыт, а главное историческая память о людях являются непреходящим достоянием последующих поколений.

Литература

1. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф.1. Оп.2. Д.1282.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.1. Оп.2. Д.218.
3. ГАНИСК. Ф.1. Оп.2. Д.239.
4. ГАСК. Ф.2521. Оп.1. Д.8.
5. ГАНИСК. Ф.1. Оп.2. Д.239.
6. ГАНИСК. Ф.1. Оп.2. Д.1282.
7. Мы победили! (Пятигорск и пятигорчане в годы Великой Отечественной войны). Пятигорск: СНЕГ, 2005. 128 с.
8. Ованесов Б. Т., Судавцов Н. Д. Здравоохранение Ставрополя (1918–20 05 гг.). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. 542 с.
9. Печалова Л. В. Экспериментально-исследовательская деятельность инвалидов-кооператоров в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2010. № 5. С. 69–70.
10. Печалова Л. В., Судавцов Н. Д. Кооперативная промышленность Ставрополя и Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: [б.и.], 2010. 348 с.

УДК 94(44).017

С. А. Польская

АРХИЕПИСКОП РЕЙМСКИЙ ХИНКМАР И ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ КОРОЛЕВСКОГО КУЛЬТА ФРАНЦУЗСКОЙ МОНАРХИИ

Статья посвящена роли архиепископа Реймса Хинкмара (ок. 806–882) в генезисе королевского культа, основанного на сформированных архиепископом легендах о Святом Елее (Saint Balsame) и Святом Сосуде (Sainte Ampoule), а также одного из пунктов сакральной

географии Франции – аббатства Сен-Реми и кафедрального собора Реймса как места проведения инаугурации французских монархов.

Ключевые слова: Хинкмар Реймский, Святой Елей (Saint Balsame), Святой Сосуд (Sainte Ampoule), аббатство Сен-Реми, Реймс.

S. A. Polskaya

ARCHBISHOP OF RHEIMS HINKMAR AND THE ESTABLISHMENT OF THE FRAMEWORK OF ROYAL CULT OF THE FRENCH MONARCHY

The article focuses on the role of the Archbishop of Rheims Hinkmar (app. 806–882) in establishing the royal cult, based on the formed Archbishop legend of the Holy Chrism (Saint Balsame) and Holy Vessels (Sainte Ampoule), as well as one of the points of sacred geography

of France – the Abbey of Saint-Remy and Reims Cathedral as the venue for the inauguration of the French monarchs.

Key words: Hinkmar of Reims, the Holy Chrism (Saint Balsam), the Holy Vessel (Sainte Ampoule), the Abbey of Saint-Remy, Reims.

Комплекс постепенно складывавшихся представлений об исключительности, креативности и харизме образа правителя в целом и ее отдельных представителей в частности обеспечивает внутреннее содержание природы власти. И поскольку средневековая монархия оказывалась неизбежно связанной с персонификацией полномочий, то формирование названного комплекса представлений обретает и расширительное, и личностное толкование, получив в итоге наименование королевского культа или мифа (или, по выражению Ж. Ревеля, королевской веры – *le religion royal*) [21, р. 11].

смерти, наступившей в ноябре 882 г. [2, 7, 15, 16, 17, 25, 27].

Отдельную сторону вклада Хинкмара Реймского в эволюцию представлений о сакральной природе королевской власти представляет разработка им своего рода их идеологического обоснования. Речь идет о создании легенды о Святом Елее (*Saint Balsame*) или Святом Сосуде (*Sainte Ampoule*), изложенная Хинкмаром в написанном им между 875 и 880 гг. «Житии Святого Реми» [26].

Применительно к Франции он начинает реализовываться в позднекаролингскую эпоху, будучи связан с именем архиепископа Реймского Хинкмара (ок. 806–882 г.), который был не только духовным, но и видным политическим деятелем своего времени. Верный советник Людовика Благочестивого, он последовал за ним в изгнание и способствовал его последующей рекоронации как императора в 816 г. После Верденского договора он стал советником теперь уже Карла Лысого и фактически вторым лицом в государстве, оставаясь на посту архиепископа Реймского в течение почти сорока лет, с 845 г. до самой

Сочинение Хинкмара дает представление не только о жизни святого Реми – крестителя Хлодвига, но и об истории возглавляемого им аббатства. Кроме того, в своем сочинении Хинкмар излагает легенду о Святом Сосуде как подтверждение божественного происхождения франкской монархии и обосновывает прерогативу Реймса на проведение королевской инаугурации. Этот политический контекст существенно отличает «Житие» от других агиографических сочинений эпохи [2, р. 280].

В речи, произнесенной архиепископом Реймса на церемонии посвящения Карла Лысого в 869 г., Хинкмар, желая доказать легитимность притязаний короля на запад-

нофранкский престол, впервые обращается к факту крещения Хлодвига. Согласно изложению архиепископа, этот «известный всем король франков» был помазан и посвящен в короли елеем, полученным с небес». По версии Хинкмара, святой Реми оказался в затруднении в момент крещения: служитель, который должен был преподнести архиепископу елей, не мог пробраться к купели, так как «в церкви было так много людей. Святой Реми поднял глаза к небу и воззвал к помощи Господа. И тогда внезапно появился белоснежный голубь, принесший в клюве Святой Сосуд, наполненный елеем ... и им Реми освятил Хлодвига» [26, s. 256; 14, p. 162–163; 7. Vol. 2, p. 1004]. Само повествование, возможно, не привлекло бы особого внимания собравшихся, если бы Хинкмар не заявил далее, что «... часть Священного Елея, который у нас еще имеется» и должна быть использована «для Карла (Карла II лысого. – С. П.) так же, как и для Хлодвига» [26, s. 256].

Этой фразой архиепископ раз и навсегда связал в сознании последующих поколений крещение Хлодвига и посвящение Каролингов. Преемственность их наследования не вызвала у Хинкмара никаких сомнений несмотря на то, что по факту ни кровного, ни династического союза между потомками Хлодвига и Пипина Короткого никогда не существовало. Это дало основания некоторым исследователям отказать архиепископу Реймса в «... репутации честного человека», именуя его «коварным и искусным» [4, p. 7–20] «обманщиком» (*homo mendax*) и даже «лжецом» (*homo vanus fallaxque*) [12, p. 33; 26, s. 240].

С другой стороны, французская наука столь часто рассматривала приведенный отрывок из «Жития Святого Реми» в качестве главного свидетельства, легшего в основу легенды о Святом Елее, что, в конечном счете, стали полагать автором легенды непосредственно Хинкмара [12, p. 33; 17, p. 347].

Споры провоцировало время создания легенды. Так, Р. Джексон и Ф. Бекс полагали, что легенда появилась раньше, и Хинкмар лишь использовал ее в политических целях. «Непросто, – пишет американский медиевист Р. Джексон, – перед лицом определенно настроенного мнения большинства ученых превратить Хинкмара в образец честности и даже снять с него все обвинения во лжи и подделке, но все-таки можно однозначно заявить,

что он не изобретал легенды о Святом Сосуде» [12, p. 33]. Ф. Бекс доказывает, что Хинкмар, составляя агиографию Реми, включил в нее тезис о Святом Елее, «заимствованный из местной литургии». Служба, проводившаяся в соборе святого Реми, считает Ф. Бэкс, «... была идентичной, начиная с конца VIII в. еще до написания Хинкмаром жития своего знаменитого предшественника». Поэтому французский исследователь вполне допускает мысль, что «Единственный эпизод, который он не мог придумать в «*Vita Remigii*» ... это тот, в котором говорится, что из-за плотной толпы у купели Хлодвига Реми принял елей от голубя, который чудесным образом доставил его в склянке в своем клюве» [2, p. 211–212].

В пользу изложенной позиции говорит факт автономности легенды. Действительно, Святой Сосуд – это та особенность церемонии, которая не зафиксирована ни во время королевских инаугураций ни в Вестготской Испании, ни в текстах ирландских миссионеров, ни у первых Каролингов.

При этом сам факт возникновения легенды подобного содержания и та быстрота, с которой она распространилась, не вызывают у исследователей никакого недоумения. «Это не удивительно, что в этот век чудес, святых и волшебных превращений, культа мошей и реликвий, появилась и эта легенда. Название «Святой Сосуд», современное Святому Граалю, с конца XII в. уже превратилось в миф, почти не изменившейся со временем». [23, p. 24]. Важность данного замечания Ж. Сенсолье заключается в том, что, несмотря на обширную сакральную мифологию, развившуюся вокруг французских королей, только легенда о Святом Сосуде осталась ключевым элементом в церемонии королевской инаугурации и даже переросла его. Тема Sainte Amproule стала не только художественным достоянием и частью протокола королевского культа, но и политическим аргументом, важность которого, по мере укрепления потестарных прерогатив короны, только возрастала. Не случайно в содержание легенды в середине X в. было внесено только единственное изменение – голубь постепенно превратился в ангела, также спустившегося с небес [18; 11, p. 41].

Легенда повлекла за собой два фактора, явившиеся краеугольными для развития теизации природы власти французской монархии.

Во-первых, она получала сверхъестественный характер. В силу помазания Елеем, имевшим божественное происхождение, Хлодвиг стал по выражению К. Бон, «архетипом христианнейшего короля (*rex christianissimus*)»: «Хлодвиг считался первым королем всех христиан. Это точно отвечало эволюции титулов королей Франции. ... Взгляд на Святой Сосуд как знак, которым Господь законно посвящает короля, привел к тому, что в персоне Хлодвига, утвержденной Богом, была определена и одобрена власть всех королей Франции» [5, р. 63].

Само обстоятельство принесения Святого Елея небесной силой обозначало зримую, материализованную форму божественной воли на посвящение французских королей как носителей сакральной власти. Ведь как прямые наследники святого короля, последующие за Хлодвигом монархи, благодаря Святому Елею, получали не только собственно властные полномочия, но и теизированные права, легшие в основу вышеупомянутого королевского культа [9, р. 63].

Помазание с помощью Святого Елея позволяет рассматривать королевский культ как реализацию сакральной функции королевской власти. В тоже время монарх не получал полномочий священника. Несмотря на заявление Хинкмара, что «монарх – это избранник божий для исполнения королевской власти» [7. Vol. 1, р. 689], он же подчеркивает: «Господь помазал его (короля. – С. П.) в услужение королевству» [7. Vol. 1, р. 486]. Более того, монарх находится во власти Божьей так же, как и все люди: «Человек подчинен высшему закону, король – не менее остальных, поскольку он несет груз своей избранности в светском мире, здесь он становится во главе общественной иерархии ..., и ему должны оказывать уважение и подчиняться» [10, s. 519]. Но памятуя об исключительно принципиальной позиции Церкви в вопросе о разделении полномочий духовной и светской властей, он подводит итог: «Благодать Господня – в посвятителе, который совершает помазание», т. е. в рукоположенном священнослужителе, а не в посвящаемом короле [10, s. 520].

В таком случае, как человек, возглавляющий «порядок в правлении», король ограничивался клиром, не признающим его святость, и сакральная функция не являлась

окончательно приобретенным правом личности и автоматически не передавалась по наследству. Тем не менее, помазание Святым Елеем придавало французским королям ореол если не святости, то исключительности. Они становились христианнейшими монархами, «родом избранным», поднимаясь в этом смысле даже над суверенами других государств, а не только над своими подданными. Стоит ли говорить о том, что в глазах последних монарх раз и навсегда нес на себе харизму избранности. Впоследствии инаугурационная церемония отразит весь комплекс этих представлений, которые углубятся и упрочатся, но на ней всегда будет лежать «... отблеск приписываемой Хинкмару легенды о Святом Сосуде и Святом Елее» [8, р. 33].

Второй фактор, последовавший за распространением указанного мифа, имеет в большей степени политический характер.

Приведенное выше уточнение Хинкмара о том, что «...часть Священного Елея ... у нас еще имеется» под словами «у нас» он имеет в виду Реймское архиепископство, находящееся на его землях аббатство Сен-Реми. Политический замысел Хинкмара очевиден: если святой Реми, епископ Реймса, помазал первого христианского короля франков, то, следовательно, архиепископ Реймский, преемник «апостола Франции», получает привилегию единолично совершать инаугурационную церемонию. С этой целью Хинкмар создал свое жизнеописание Святого Реми, где обосновал взаимосвязь его культа с мифом о Святом Сосуде. Похороненный на территории аббатства (Реми, умерший около 533 г., был похоронен в некрополе, основанном на территории аббатства примерно с III в.) [I], «апостол Франции» стал объектом культа, а его склеп – местом постоянного паломничества [II].

Несомненно, это способствовало материальному процветанию аббатства Сен-Реми, получившему это название именно со времени епископства Хинкмара. Важность захоронения Ремигия на территории аббатства для его знаменитого преемника выражено еще в одном факте: в 850–852 гг., по версии Ф. Оппенгеймера, склеп был вскрыт для переноса мошей. Их поместили в набальзамированные сосуды, выполненные так же, как и Святой Сосуд, хранящийся отныне у раки с мошами святого Реми [18, р. 152–154].

Исследователи полагают, что именно тогда, в начале 50-х гг. IX в., Святой Сосуд обнаружили среди останков святого епископа, и поскольку они находились в баптистерии, то связь *Sainte Ampoule* с крещением Хлодвига выступила доказательством истинности событий легенды [III]. Так или иначе, но Хинкмар Реймский, «вооружившись» приписываемой ему легендой и мошами «апостола Франции», начал борьбу за привилегию Реймса посвящать монархов, заложив основы сакральной географии королевства.

Разумеется, что всего своего долгого (20-летнего) срока пребывания в сане архиепископа Хинкмару не хватило для воплощения этого замысла. На протяжении IX–XI вв. право на отправление инаугурационные церемонии оспаривалось рядом других аббатств и городов: Орлеаном – в 848, 987, 1108 и 1123 гг., Компьенем – в 877, 987 1017 гг., аббатством Сен-Пьер де Феррьер в Гатинэ – в 879 г., Труа – в 879 г., Ланом – в 936 г. По данным М. Бюра, «за 48 королевских посвящений между 848 и 1825 гг., только 33 стали празднеством городе святого Реми. Остальные 15, из которых 10 – до 1000 г., с роскошью разворачивались в других местах» [6, р. 37]. Однако, на практике имел место тот факт, что если церемония и совершалась вне аббатства Сен-Реми или самого Реймса, то посвящающим прелатом зачастую выступал Реймский архиепископ. Так было в случае не только с Карлом Лысым и Людовиком Заикой, когда посвящающим прелатом был сам Хинкмар, но и при инаугурации Людовика III и Карломана II, Людовика IV Заморского, Людовика V и Гуго II.

Основными оппонентами Реймса выступал Орлеан, где инаугурационные церемонии проводил архиепископ Санский. Если в первом случае выбор места был делом случая, желания посвящающих королей или их окружения, то Орлеан, как альтернатива Реймса, имел для этого веские претензии на постоянную практику.

Они связаны в первую очередь с воцарением Капетингов. Основатель династии, Гуго Капет, «до того как стать военным предводителем на службе последних Каролингов ... стал принцем всей Малой Франции между Луарой и Сеной, которую еще раньше называли Орлеанией или Иль-де-Франс» [3, р. 7].

Поэтому изначальное преобладание церковной провинции Реймса, центра Шампани, простиравшейся из долины Малой Франции (*France Mineure*) между Уазой, Марной и Меузой, как пристанища последних Каролингов ...» [6, р. 40], при первых Капетингах было утрачено. Орлеан, как метрополия Робертонов, а затем и Капетингов, стал претендовать на привилегию Реймса. Выразителями оппозиционных настроений выступило епископство Санское, к епархии которого относился Орлеан.

Противоречие епископств длилось в течение всего X в., обострившись в той ситуации, когда монархи завладели, образно говоря, возможностью принимать решение в отборе места, где они хотели быть коронованы и в выборе епископа, который мог бы совершить эту церемонию. Положение дел усугублялось так же тем, что, по выражению Хинкмара, «... государи, дабы не обременять свои сокровищницы, усвоили привычку отягощать аббатства расходами на посвящение» [14, р. 161].

В результате борьбы за приоритет окончательное слово оказалось за Реймсом, как центром Шампани – более богатой провинции. Подкрепленная вышеуказанной концепцией Хинкмара, идея о привилегии Реймса на совершение инаугурационной церемонии восторжествовала в начале XI в., когда Роберт I распорядился провести коронацию своего второго сына Генриха в Реймском соборе Нотр-Дам. Своим распоряжением Роберт I не только закрепил за Реймсом долгожданную привилегию, но и ввел епископство в состав королевского домена [20, р. 613–614]. Святой Престол считал такого рода честь более чем достаточной, и архиепископам Реймса было отказано претендовать на роль примаса Галлии и место папы [6, р. 45–46]. И хотя еще имели место факты проведения последующих церемоний в Орлеане, Капетинги теперь, равно как и почти все последующие французские монархи, короновались в Реймсе. Интересы монархии совпадали с теоретическими конструкциями Хинкмара, и окончательным итогом этого единения стала хартия Людовика VII, объявившая Реймское архиепископство и аббатство Сен-Реми «матерью и головой всего государства» [22, s. 131], таким образом, завершив формирование одного из главных пунктов сакральной географии королевства.

Примечания

- I. Хинкмар указывает, что гроб с телом был помещен в маленькой часовне святого Христофора [26, с. 239–249]. Но Григорий Турский как автор VI в. не упоминает об этом. По его мнению, считается, что Реми был похоронен около базилики, где его могила и была обнаружена во второй половине VI в. Именно тогда надгробие было увеличено, а существование мошей предано огласке в день святого Реми – 1 октября [VIII: 21. IX: 4. X: 19].
- II. Так, брат Карла Великого, Карломан, совершал не только частые паломничества к могиле, но и завещал похоронить себя рядом с ней. В X в. раку посетили королева Фредегонда, супруга Карла Простоватого, Людовик IV с королевой Гербергой, Лотарь и его многочисленные приверженцы. [19, р. 68–76; 9, р. 119–120, 150, 155–156].
- III. По ироничному замечанию Ж. Сенсолье, «... Святой Сосуд произошел из ошибочной интерпретации ранней археологии...» [23, р. 24].

Литература

1. Григорий Турский. История франков / пер., комм. В. Д. Савуковой. М.: Наука, 1987. 464 с.
2. Baix F. Les sources liturgiques de la Vita Remigii de Hincmar // *Miscellanca historica in honorem A. de Meyer*. T. I. Louvain, 1946. P. 211–227.
3. Bauchy J.-H. Orleans et les sacre des Capétien) *Chroniques de 987 a 1022*. Tours, 1987,
4. Bautier R.-H. Sacres et couronnements sous les Carolingiens et les premiers Capétiens: recherches sur la genèse du sacre royal français // *Annuaire-bulletin de la Société de l'histoire de France*. Paris, 1989. P. 17–56.
5. Beaune C. *Naissance de France*. Paris, 1985.
6. Bur M. Reims, ville des sacres // *Le sacre des rois: Actes du Colloque international d'histoire sur les sacres et couronnement royaux*. Reims, 1975. P. 9–48.
7. Devisse J. *Hincmar, archevêque de Reims. 845–882*. Vol. 1–3. Genève, 1976.
8. Devisse J. Le sacre et le pouvoir avant les caro-lingiens: l'héritage wisigothique // *Le sacre de Rois: Actes du Colloque international d'histoire sur les sacres et couronne-ments royaux*. Reims, 1975. P. 27–37.
9. Erlande-Brandenburg A. *Le roi est mort, etude sur les funèrailles, les sepultures et les tombeaux des rois de France jusqu'a la fin du XIII siècle*. Paris, 1975.
10. Hincmarus. *De ordine palatii* / Ed. B. Krusch // *MGH. Capitularia regum francorum* / ed. Al. Boretius, V. Krause. Bd. 22. № 2. Hannover, 1897. S. 515–530.
11. Hingle W. *The portal of the Saints of Reims cathedral, a study in medieval iconography*. New-York, 1965.
12. Jackson R. A. Who wrote Hincmar's ordines? // *Viator*. 1994. Vol. 25. P. 31–45.
13. Leflon J. *Histoire de l'église de Reims du I-èr au V-e siècles* // *Travaux de l'Academie nationale de Reims*. T. 142. Reims, 1944. P. 1–238.
14. *Les annales de Saint-Bertin et de Saint-Vaast suivies de fragments d'une chronique inedite publiees avec des annotations et les variantes des manuscrits pour la Societe de l'histoire de France*, par C. Dehaisnes. Paris, 1971.
15. Nelson J. L. Hincmar of Reims on King-making: The Evidence of the *Annales of St. Bertin, 861–882 // Coronations. Medieval and Early Modern Monarchic Ritual* / ed. Bak J. M. Toronto, 1990. P. 16–34.
16. Nelson J. L. Kingship, Law and Liturgy in the Political thought of Hincmar of Reims // *English Historical Review*. 1977. № 92. P. 241–279.
17. Nelson J. L. *Politics and Ritual in Early Medieval Europe*. London, 1986. P. 133–171.
18. Oppengeimer Fr., Sir. *The legend of the Saint Ampoule*. London, 1953.
19. Prache A. Les monuments funéraires des Carolindiens elèves a Saint-Remi de Reims au XII siècle // *Revue de l'art*. 1969. №6. P. 68–76.
20. *Recueil des historiens des Gaules et de la France*. Tome 10 / ed. par Dom Martin Bouquet / Nouv. éd., publ. sous la dir. de M. L. Delisle. Paris, 1884.
21. Revel J. La royauté sacrée. Elements pour un débat // *La royauté sacrée dans le Monde Chrétien: Collection de Royaumont, mars 1989* / Sous dir. de A. Boureau, C. Ingerflom. Paris, 1992. P. 29–37.
22. Schramm P. E. *Der König von Frankreich: Das Wesen der Monarchie vom 9. zum 16. Jahrhundert*. 2 ed. Bohlaus H. Bd.I. Text. Weimar, 1960.
23. Sensolieu J. De Jerusalem a Reims. Origines et evolution des sacres chretiens // *Le sacre des rois: Actes du Colloque international distoire sur les sacres et couronnement royaux*. Reims, 1975. P. 24–30.

24. Vercauterner F. Etude sur les civiles de la Belgique, seconde Bruxelles // Academie royale de Belgique, classe de lettres, memoires. T. 33. Bruxelles, 1934. P. 35–61.
25. Vidieu A. Hincmar de Reims. Paris, 1975.
26. Vita Remigii episcopi Remensis // MGH. Scriptories rerum Merovingicarum. Bd. III. №16. Passiones vitaeque sanctorum aevi Merovingici et antiquorum aliquot / ed. B. Krusch. Hannover, 1896. S. 239–341.
27. Wallace-Hadrille J.M. Histoire in the Mind of Archishop Hincmar // The Writing of History in the Middle Ages / ed. R. H. Davis, J. M. Wallace-Hadrille. Oxford, 1981. P. 43–70.

УДК 94(47).083

Е. Г. Пономарев

НАЧАЛО ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА И МНОГОПАРТИЙНОСТИ

В данной статье рассматривается начало зарождения парламентской реформы Российской империи, положенное Высочайшим рескриптом от 18 февраля 1905 г., подписанным Николаем II. Автор анализирует сложный процесс обсуждения и учреждения важнейших законов и актов государственного строительства (Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», Манифест 6 августа 1905 г. «Об Учреждении Государственной Думы», «Основные

государственные законы Российской Империи» от 23 апреля 1906 г. и др.), принятые под натиском революции, ставших правовой основой превращения России в конституционную монархию с многопартийной политической системой.

Ключевые слова: Государственная Дума, парламентаризм, многопартийность, император, самодержавие, государственное устройство, реформа, политическая система, революция, правотворчество, манифест.

E. G. Ponomarev

BEGINNING OF HISTORY OF THE RUSSIAN PARLIAMENTARISM AND MULTI-PARTY SYSTEM

The article highlights the foundation of parliamentary reform of the Russian Empire laid by the Highest rescript of February 18, 1905, which was signed by Nicholas II. The author analyzes a complex process of discussion and establishment of the major laws and acts of the state formation (The manifesto of October 17, 1905. «On the state order perfection», the Manifesto of August 6, 1905. «On Establishment of the State Duma», «The basic state laws of the

Russian Empire» of April 23, 1906, etc.) which were accepted under the pressure of revolution and became a legal basis of transformation of Russia into a constitutional monarchy with multi-party political system.

Key words: State Duma, parliamentarism, multi-party system, emperor, autocracy, state system, reform, political system, revolution, law-making, manifesto.

Первая русская революция, вопреки противоречивости ее оценок, является одним из этапных событий отечественной истории. Кровавые события в столице российского государства в январе 1905 г. не могли не потрясти фундамент государственной власти, всколыхнув народные массы и всю правящую

элисту. Под давлением «снизу» и «сверху» на эти события самодержец «Всея Руси», державший в своих руках поводья власти, не имел возможности уйти от ответственности реакции на произошедшие события.

9 января 1905 г., несмотря на якобы неучастие в расстреле мирной демонстрации

императора, не могло не заставить его предпринять действия, направленные на попытку ухода от социального взрыва, который мог разрушить всю структуру власти. В связи с этим 18 февраля 1905 г. Николай II подписал сразу несколько противоречащих друг другу документов. В первом – Манифесте – намерения правителя были достаточно жесткими и решительными. В нем призывалось к искренности «крамолы». Царь грозил всяческими карами вождям «мятежного движения» и требовал «усугубить бдительность по охране закона, порядка и безопасности» [9, с. 132].

Во втором – Указе – гражданам России и организациям дозволялось подавать в Совет Министров петиции об «усовершенствовании государственного благоустройства». В данном случае политическая активность масс оценивалась уже не как «крамола» и «движение», направленные против устоев государственного строя, а трактовались как положительное желание россиян, вызванное «радением об общей пользе и нуждах государственных» [9, с. 136]. Таким образом, жесткость и агрессия Манифеста нивелировались положениями Указа. В этом, очевидно, самодержец видел свою историческую миссию быть отцом народа, строгим, но справедливым.

Этими двумя актами законотворческая активность императора 28 февраля не завершилась. На заседании Совета Министров в Царском селе Николай II подписал Высочайший рескрипт на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина. В нем государь выразил желание «...привлечь достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений» [2, с. 22]. Как мы убеждаемся, к концу дня чаша весов в размышлениях и сомнениях царя склонилась в пользу «послабления демократии».

С этого момента, по мнению многих историков, можно начать отсчет зарождения парламентской системы в нашей стране. Рескрипт стал толчком к подготовке реформы политической власти и государственного управления в нашей стране.

16 марта 1905 года Николай II выступил с инициативой обсуждения возможных решений по этому вопросу, обратившись с запросом к министру внутренних дел А. Г. Булыгину. Министр не замедлил ответить императору,

очевидно, понимая важность поручения, и приступил к его выполнению в высшей степени ответственно, что следует из достаточно пространной цитаты его письма к императору: «По всеподданнейшему докладу моему Вашему Императорскому Величеству благоугодно было в 16 день марта месяца Высочайше повелеть мне немедленно приступить к составлению первоначальных предположений как о порядке привлечения избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений, так равно о ближайшем круге предметов их ведения и формах и способах их совещаний; по изготовлении же таковых предположений и подробных к ним объяснений внести весь труд для ближайшего согласования с общими видами правительства в Совете Министров. Во исполнение сего имею счастье представить при сем на благовоззрение Вашего Императорского Величества соображения мои по сему предмету и вместе с тем испрашиваю указаний Вашего Императорского Величества на предмет передачи таковых на рассмотрение и обсуждение Совета Министров» [12, л. 5]. Следует подчеркнуть, что А. Г. Булыгин с первых же шагов намеривался по совету царя пойти по пути привлечения к законотворчеству широкие слои населения, избранные демократическим путем. Данная переписка позволяет сделать вывод, из которого следует положительная оценка Николая II такого подхода. Документ, хранящийся в Российском государственном историческом архиве, подтверждает единство демократического принципа. «На подлинном Собственноручно Его Императорским Величеством изображено: «Согласен». Рукою Министра Внутренних Дел написано: «Его Величество собственноручно изволил начертать: «Согласен». 23 Мая 1905 г.г. Царское Село. Гофмейстер Булыгин» [8, с. 42].

До начала открытия Государственной Думы первого созыва 27 сентября 1906 г. была проведена большая подготовительная работа по выработке документов, регламентирующих статус и полномочия первого российского парламента. Предстояло также четко определить его место в системе государственного устройства страны. К сожалению, мы вынуждены констатировать, что все благие демократические помыслы государя и его министра на практике очень быстро превратились в бюро-

кратическую рутину, к которой так привыкла государственная машина. Высшие чиновники были не способны опуститься до уровня советов с простым народом. Подобных традиций в правотворчестве страны, веками разделенной непреодолимыми сословными барьерами, быть не могло.

Вопреки первоначальным намерениям эта задача была возложена на Особые комиссии и Особые совешания, работавшие в закрытых режимах. Все покрылось покровом секретности. К участию в обсуждении вопросов государственного устройства допускался лишь узкий круг из числа высших чиновников с позволения государя.

Согласно решению императора, имеющиеся мнения должны были быть рассмотрены в ходе особых секретных совешаний под руководством императора, состоявшихся в 1905–1906 гг. На этих совешаниях рассматривался широкий круг проблем, связанных с реформой государственного устройства России: порядок выборов и полномочия Государственной Думы и Государственного Совета, возможности образования политических партий и пределы их деятельности, полномочия монарха, основные государственные законы Российской империи [7; 15, с. 235; 15, с. 183; 16, с. 289]. В совешаниях участвовал очень ограниченный круг лиц: великие князья, руководители ключевых министерств и главных управлений, наиболее влиятельные члены Госсовета, ряд общественных деятелей, доказавших лояльность и преданность самодержавию. Состав его не был строго постоянным, однако представление о нем может дать список лиц «Мемории Особого совешания для рассмотрения дополнительных к узаконениям о Государственной Думе правил. 3, 4 и 12 октября 1905 г.», текст которой сохранился в государственном архиве (имена приводятся в той транскрипции и в том порядке, как они даны в архивном документе): А. Булыгин, Граф Сольский, К. Победоносцев, Эдуард Фриш, А. Половцов, О. Рихтер, Н. Чихачев, Н. Герард, А. Сабуров, Граф А. Игнатьев 2, Граф Витте, Князь М. Хилков, П. Лобко, Иван Голубев, Граф Ламзборф, Николай Таганцев, Вл. Верховский, Владимир Глазов, А. Редигер, Князь А. Оболенский, В. Коковцов, Барон Икскуль, П. Шванебах, А. Стишинский, С. Манухин, Н. Воеводский, С. Рухлов, Д. Трепов, П. Харитонов [13, л. 24]. Дискуссии показа-

ли, насколько велик оказался разрыв между высшими государственными сановниками и либеральной оппозицией, в котором доминировали воззрения, близкие к европейскому «новому либерализму».

Теоретические разработки и концепции идеологов либерализма нашли практическое воплощение в политической программе конституционно-демократической и партии «17 октября». Общественная жизнь России начала революции, старта реформ государственной власти, как мы уже отмечали, характеризуется активной риторикой всех политических партий. В либеральных изданиях она особенно обострилась в период нарастания кризиса летом 1905 г. – зимой 1906 г. Наряду с уже принятыми правовыми актами, обсуждение подхлестнули Закон от 6 августа 1905 г. о Государственной Думе, Манифест 17 октября 1905 г. и др. С принятием этих документов либералы задачи первой русской буржуазно-демократической революции выполняемыми в связи с установлением в стране конституционного строя и многопартийной системы.

Как следствие противоречий, назревающих в российском обществе в целом и высших слоях власти, в частности в ряде «Высочайших» правовых актов 1905–1906 гг. о статусе и формировании Государственной Думы, сочетаются, а затем и продолжают усиливаться две противоположные концепции, заложенные первыми актами царя. Демократическая концепция была продолжена в Манифесте от 6 августа 1905 г. «Об Учреждении Государственной Думы». В нем объявлялось, что «настало время... призвать выборных людей от всей земли Русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов, включив для этого в состав высших государственных учреждений особое законосовещательное установление, коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение государственных доходов и расходов» [9, с. 636]. Создать данное представительство предполагалось «не позднее половины января 1906 г.» [9, с. 639].

На следующем этапе подготовки формирования российского парламента встал вопрос о процедуре организации избирателей и выборщиков. Это регламентировали следующие правовые акты: «Положение о выборах в Государственную Думу» от 6 августа 1905 г.,

«Правила» о применении «Положения» от 18 сентября 1905 г., Высочайший Указ «Об изменениях и дополнениях Положения о выборах в Государственную Думу» от 11 декабря 1905 г. Избирательные права граждан рассматривались и регулировались «Указом» от 11 декабря 1905 г. и Высочайшим Указом «Об ограждении свободы и правильности предстоящих выборов» от 8 марта 1906 г.

Консервативная тенденция постоянно подталкивала законодателей возвращаться к пересмотру статуса Думы в направлении ограничения ее полномочий, о чем свидетельствуют акты: «Учреждение Государственной Думы» 20 февраля 1906 г., «Правила о бюджетной работе Думы» 9 марта 1906 г. Таким образом, опасность утери власти и всех рычагов государственного управления вынужденно подталкивала Николая II подписывать «Высочайшие указы», дарующие народу права и свободы. С другой стороны, он понимал, что может оказаться «у последней черты», перейдя которую, возврат будет невозможен, и готовил пути к желанному отступлению или хотя бы ограничению нежелательных для самодержавия последствий.

Последним шагом назад на пути уступок демократии стали «Основные законы». Но и этот ключевой правовой акт победы первой русской революции зарезервировал положения, предусматривающие возможности отхода назад, по мере преодоления политического кризиса.

23 апреля Николай II подписал важнейший конституционный документ «Основные государственные законы Российской Империи». Это произошло за несколько дней до начала работы первой Государственной Думы. По справедливому мнению специалистов, определенная поспешность была вызвана стремлением царя не упускать из своих рук законодательную инициативу и предотвратить обсуждения и принятие парламентом столь важных правовых актов. Последнее могло посеять в сознании российской общественности аналогии ее с Учредительным собранием, потребность в котором давно обсуждалась политическими партиями. Основные законы 1906 г. закрепляли государственное устройство Российской Империи (ст.1, 2); государственный язык (ст. 3); существо верховной власти (ст. 4–25); порядок законодательства (ст. 84–97); принципы организации

и деятельности центральных государственных учреждений (ст. 98–124); права и обязанности российских подданных и условия деятельности их организаций (ст. 69–83); положение о православной церкви (ст. 62–66); и др. [10]. Устранялось определение самодержавия как неограниченного, устанавливалось, что император будет осуществлять законодательную власть в единении с Государственной Думой и Государственным Советом. Отныне меры, принимаемые правительством во время прекращения занятий Государственной Думы и Государственного Совета, теряли силу без последующего их одобрения законодательными палатами и не могли вносить изменения в «Основные законы» и «Учреждения» представительных органов, а также положения о выборах в них. Основные законы четко разделяли законодательную и исполнительную власти, провозглашали независимость власти судебной [2, с. 129; 3, с. 297; 4, с. 423; 5, с. 213; 6, с. 309; 11, с. 351].

В дореволюционной и советской литературе десятилетиями шли дебаты о том, были ли в России конституция и конституционный строй. Возобладало мнение о том, что, хотя ряд статей придавал «Основным законам» внешне характер конституционного строя, все преобразования проводились «в чисто контрреволюционных целях», поэтому «нет никаких оснований считать Россию конституционной монархией», поскольку «Основные законы» носили лжеконституционный характер. Нам представляются более аргументированными выводы П. Н. Милюкова, В. В. Леонтовича, С. Ольденбурга, С. Г. Пушкирева о том, что Россия в 1906 г. получила конституцию и превратилась в думскую монархию. Исключительными прерогативами царя оставались почин пересмотра «Основных законов», высшее государственное управление, руководство внешней политикой, инициативой объявления войны и заключение мира, верховное командование вооруженными силами, военное законодательство, объявление местной чрезвычайной, исключительной или военной ситуации, право чеканки монеты, назначение и увольнение министров, помилование осужденных и общая амнистия.

Базовая конструкция правовой основы выборов в Государственную Думу и деятельности партий в ходе выборов была создана основными государственными законами, принятыми 23 апреля 1906 г.

Таким образом, можно сделать вывод, в какой сложной политической борьбе зарождался российский парламентаризм. С февраля по октябрь 1905 г. длился подготовительный период, полный противоречий и сомнений со стороны всех политических сил. Гранью между первым этапом и окончательным переломом в пользу реформы стал Манифест 17 октября 1905 г.

До этого правящая элита надеялась на возможно более полное сохранение традиционных устоев, старалась ограничиться попыткой вмонтировать в структуры неограниченной монархической власти законосовещательную Государственную Думу. Манифест 17 октября означал окончательный разрыв с прошлым, продемонстрировал намерение, пусть и вынужденное, конструировать новую для России конфигурацию власти.

К концу 1905 г. к дискуссии с позиций праволиберальных взглядов подключилась партия октябристов – Союз 17 октября. Ее лидеры еще более последовательно проводили линию на возможно более полное сохранение традиционных структур государственного управления страной.

Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» [9, с. 754] стал ключевым документом, заложившим основы новой политической системы Российской Им-

перии. С момента первого шага в направлении превращения России в конституционную монархию прошло долгих восемь месяцев. Этот срок говорит о том, как непросто, в какой ожесточенной борьбе и сомнениях давалось императору его решение. На наш взгляд, в этом заслуга и здравомыслие не столько убежденного монархиста Николая Романова, сколько нарастающий размах революции, грозящей опрокинуть российское самодержавие. Инстинкт самосохранения оказался выше политических амбиций царя. Без серьезных уступок и компромиссов власть было уже не удержать.

Гражданам России впервые гарантировались «незыблемые основы гражданской свободы» [9, с. 754], расширялся круг избирателей, но самое главное и принципиально меняющее политическую систему страны – это учреждение российского парламента в облике Государственной Думы. Самодержавная власть и лично Николай II приняли на себя обязательство, «чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы» [9, с. 754].

Таким образом, основные принципы новой конфигурации политической власти были определены, по крайней мере, на ближайшие десять лет.

Литература

1. Ананьич Б. В., Дякин В. С. Кризис самодержавия в России: 1895–1917 гг. Л.: Наука, Ленинградское отделение 1984, 2006. 663 с.
2. Васильева Н. И., Гальперин Г. Б., Королев А. И. Первая российская революция и самодержавие: Первая российская революция и самодержавие: (государственно-правовые проблемы). Л.: Изд-во. Ленинградского университета, 1975. 152 с.
3. Лазаревский Н. Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. СПб.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2010. 888 с.
4. Леонтович В. В. История либерализма в России: 1762–1914: Исследования новейшей русской истории. М.: Полиграфресурсы, Русский путь, 1995. 550 с.
5. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Часть 1. Население, экономический, государственный и сословный строй. СПб.: Книга по Требованию, 2011. 232 с.
6. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. М.: Терра, 1992. 640 с.
7. Чичагов Л. М. Петергофские совещания о проекте Государственной Думы: Петергофское совещание о проекте Государственной Думы под личным его Императорского Величества председательством. Пг.: Книга по Требованию, 2012. 240 с.
8. Пономарев Е. Г. Становление многопартийности в России: исторический опыт и современность: монография / Шаповалов В. А. СПб.: Санкт – Петербургский университет МВД России. 1999. 248 с.
9. Полное собрание законов Российской империи: Собрание третье. Т. XXV. Отделение первое. № 26803. СПб.: Государственная типография, 1908. 1109 с.
10. Полный свод законов Российской Империи: Книга 1. СПб.: Государственная типография, 1911.

11. Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. М.: Наука, 1991. 399 с.
12. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Особое делопроизводство по выборам в Государственную Думу и в Государственный Совет. Ф. 1327. Ед. хр. 19124.
13. РГИА. Особое делопроизводство по выборам в Государственную Думу и в Государственный Совет. Ф. 1327. Ед. хр. 19125.
14. Царскосельские совещания: Протоколы секретного совещания под председательством бывшего императора о расширении избирательного права // Былое. 1917. № 3. С. 235–265.
15. Царскосельские совещания: Протоколы секретного совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру основных законов // Былое. 1917. № 4. С. 183–245.
16. Царскосельские совещания: Протоколы секретного совещания в феврале 1906 г. под председательством бывшего императора по выработке Учреждений Государственной Думы и Государственного Совета // Былое. 1917. № 5, 6. С. 289–318.

УДК 94(47).05(436)

А. Н. Птицын

ХОРВАТСКИЕ ПРОФЕССОРА РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ В 70–80-е гг. XIX в.

В статье рассматривается научная и педагогическая деятельность хорватских ученых Б. Богишича и В. Ягича, работавших в Новороссийском (в Одессе) и Санкт-Петербургском университетах в последней трети XIX в.

Ключевые слова: Новороссийский университет, Санкт-Петербургский университет, ученые, профессора, хорваты.

A. N. Ptitsyn

CROATIAN PROFESSORS IN RUSSIAN UNIVERSITIES IN 1870–1880-th

The article studies research and teaching activities of Croatian scientists B. Bogishich and V. Yagitch working in Novorossiysk (in Odessa) and St. Petersburg Universities in the last third of the 19th century.

Key words: Novorossiysk University, St. Petersburg University, scientists, professors, the Croats.

В России существовала давняя традиция приглашать на службу иностранных ученых, и одним из первых в этом списке был знаменитый хорватский ученый-энциклопедист Юрий Крижанич (1618–1683 гг.), проводивший в России полтора десятка лет в период правления царя Алексея Михайловича.

Всего с середины XVIII в. и до начала XX в. в российских вузах работали около 40 выходцев из Габсбургской монархии, наиболее широко они были представлены в Харьковском, Санкт-Петербургском и Новороссийском университетах. Это были ученые разных специальностей, преобладали среди них филологи, медики и юристы.

После открытия первых российских университетов потребность в научных и педагогических кадрах в значительной мере удовлетворялась за счет приглашения иностранных профессоров. Подавляющее большинство среди них составляли переселенцы из германских государств, второе место занимали подданные Габсбургской монархии разных национальностей – австрийские немцы, русины, чехи, венгры, сербы, хорваты и дру-

В последней трети XIX в. в России работали двое известных хорватских ученых – юрист Б. Богишич и филолог В. Ягич, научная и педагогическая деятельность которых заслуживает специального рассмотрения.

Профессором Новороссийского университета в Одессе являлся хорватский юрист, историк и этнограф **Бальтазар (Вальтазар) Власьевич Богишич** (1834–1908 гг.). Он ро-

дился в семье богатого землевладельца, образование получил в частных школах в Хорватии и на юридическом факультете Венского университета. Затем Б. Богишич интенсивно занимался научной работой и защитил две докторские диссертации – по философии и по праву. После этого он поступил на австрийскую государственную службу и занимал различные должности: был инспектором школ в Сербском Банате, членом училищного совета в Вене, библиотекарем Придворной библиотеки там же. За научные заслуги молодого ученого избрали академиком Южнославянской академии наук и искусств в Загребе [5, с. 133–134].

Б. Богишич разделял идеи славянского единства, участвовал в работе венского студенческого общества «Славянская беседа». В Вене он познакомился с настоятелем русской посольской церкви протоиереем М. Ф. Раевским, который являлся посредником во всех неофициальных контактах австро-венгерских славян с Россией. В 1868 г. Б. Богишич обратился к М. Ф. Раевскому с просьбой посодействовать ему в поиске профессорской должности в каком-либо российском университете. Последний охотно откликнулся на эту просьбу и обратился к своим российским знакомым из университетской среды. Кандидатура Б. Богишича вызвала интерес у руководства сразу нескольких университетов, поскольку по тогдашнему университетскому уставу предполагалось открытие кафедр истории славянских законодательств, но они оставались незанятыми из-за отсутствия специалистов. Б. Богишич получил приглашения из Петербургского, Киевского и Варшавского университета, но в итоге выбрал Новороссийский университет в Одессе [2, с. 489; 3, с. 60].

17 января 1869 г. по рекомендации профессора Ф. И. Леонтовича совет Новороссийского университета избрал Б. Богишича ординарным профессором по кафедре истории славянских законодательств и одновременно присвоил ему степень почетного доктора государственного права, поскольку по университетскому уставу специалист без российской ученой степени не имел права занимать профессорскую должность. Это избрание было утверждено министром народного просвещения лишь полгода спустя, 16 августа 1869 г., тогда же хорватский профессор официально был принят на российскую

службу. Первые ее месяцы он провел в заграничной командировке, где занимался сбором материалов для своего курса [2, с. 489].

В конце 1869 г. Б. Богишич прибыл в Одессу, а с марта 1870 г. приступил к чтению лекций. Он получал жалование ординарного профессора в размере 3 тыс. руб. в год. Хорватский ученый читал лекции в Новороссийском университете в течение трех лет, ведя курсы по истории права славянских народов, но его преподавание, по отзывам современников, не имело успеха из-за плохого знания русского языка и высокомерного отношения к студентам [2, с. 490].

Во время пребывания в Одессе Б. Богишич при поддержке местного комитета Славянского благотворительного общества организовал уникальную славянскую библиотеку, написал ее устав и стал ее первым библиотекарем. За первый год существования библиотеки ученому удалось создать в ней фонд из 2304 томов на различных славянских языках, преимущественно по истории, географии и этнографии [3, с. 63].

В 1872 г. Б. Богишич совершил трехмесячную поездку на Кавказ, посетив Грузию, Абхазию и Сванетию, где занимался сбором материалов по обычному праву местных народов и работал в тифлисских архивах. Собранный на Кавказе этнографический материал он использовал для сравнительного объяснения различных институтов славянского права. В памятниках обычного права кавказских народов ученый обнаружил параллели к целому ряду римских, германских и славянских правовых институтов [5, с. 140].

С 1 декабря 1872 г. Б. Богишич по просьбе черногорского князя Николая и с разрешения российского императора был откомандирован в Черногорию для составления Свода законов этого молодого государства. При этом место профессора в Одессе за ним сохранялось, он продолжал получать профессорское жалование, чины и награды. Сроки заграничной командировки постоянно пролонжировались, в Одессу ученый больше не вернулся. Он был уволен с российской службы 1 января 1890 г., получив право на получение пенсии [2, с. 490].

При составлении сборника законов Черногории Б. Богишич в качестве основного его источника использовал обычное право черногорцев и соседних народов, проделав

колоссальную работу по сбору и изучению его норм. Подготовленный Б. Богишичем Общий имущественный законник Черногории был введен в действие в апреле 1888 г. и получил высокую оценку известных европейских юристов. Российское правительство, в свою очередь, наградило его составителя премией в 20 тыс. рублей [5, с. 135–136].

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Б. Богишич был прикомандирован к русской гражданской канцелярии и принял участие в организации органов юстиции в освобожденной Болгарии. В дальнейшем он жил и работал главным образом в Париже, периодически выезжая в Черногорию и в Россию. В 1893–1899 гг. Б. Богишич занимал должность министра юстиции Черногории [6, с. 75].

Б. Богишич пользовался большим авторитетом среди европейских и российских ученых как один из лучших знатоков обычного права славянских народов. Его вклад в науку прежде всего был связан с работой по сбору, изучению и публикации источников по обычному праву и истории южных славян, а также их семейному быту. Б. Богишич являлся одним из основателей таких научных направлений, как социология права и юридическая этнология. Собранный им богатейший этнографический материал, хранящийся в архиве его родного города Цавтата в Хорватии, до сих пор широко используется исследователями. Ждут своего исследования в этом архиве и материалы по обычному праву кавказских народов, собранные Б. Богишичем во время его поездки на Кавказ [5, с. 137, 140].

Филологом-славистом мирового уровня являлся работавший в двух российских университетах и Российской Академии наук хорват **Ватрослав Ягич** (1838–1923 гг.), которого в нашей стране называли Игнатием Викентьевичем. Он родился в хорватском городе Вараждин в обедневшей дворянской семье, среднее образование получил в Вараждинской и Загребской гимназиях. В 1856 г. В. Ягич поступил в Венский университет, где занимался изучением классической и славянской филологии, его учителем являлся знаменитый филолог Ф. Миклошич. После окончания университета В. Ягич был назначен преподавателем классических языков в Загребскую гимназию и стал активно заниматься научной, литературной и общественной деятельностью. В 1866 г. он был избран членом

Южнославянской академии наук и искусств. В 1868 г. по представлению российского академика И.И. Срезневского, с которым В. Ягич был знаком лично и поддерживал профессиональные контакты, он был избран членом-корреспондентом Императорской Российской Академии наук [1, с. 353].

В 1870 г. в Загребе произошли уличные манифестации с участием гимназистов, они сопровождались столкновениями с полицией. Ответственность за эти события власти возложили на некоторых представителей хорватской интеллигенции, обвинив их во вредном влиянии на молодежь. В частности, одним из главных виновников был объявлен преподаватель Загребской гимназии В. Ягич, его уволили с государственной службы с последующим запрещением поступать на нее в пределах Австро-Венгрии [6, с. 377].

Оказавшись в тяжелой ситуации, В. Ягич обратился к И. И. Срезневскому с просьбой помочь ему трудоустроиться в России в качестве учителя древнего языка. Российский академик, высоко ценивший молодого хорватского филолога, стал ходатайствовать об его трудоустройстве в какой-либо из российских университетов. В ноябре 1870 г. совет Петербургского университета по представлению И. И. Срезневского присвоил В. Ягичу степень почетного доктора славянской филологии.

По рекомендации другого видного слависта – В. И. Григоровича, служившего в Новороссийском университете, В. Ягич 22 марта 1871 г. был назначен экстраординарным профессором этого университета, заняв вакантную с момента создания вуза кафедру сравнительной грамматики индоевропейских языков. Данному назначению также посодействовали В. Богишич, который уже работал в это время в Одессе, и М. Ф. Раевский. Сразу же после своего назначения В. Ягич получил годичную командировку, которую провел в Берлине, где совершенствовался в изучении санскрита, и в Петербурге, где осваивал русский язык. В 1871 г. хорватский ученый в Лейпцигском университете получил докторскую степень по философии [1, с. 356–357].

В 1872 г. В. Ягич прибыл в Одессу и приступил к чтению лекций в Новороссийском университете. 25 сентября того же года он был утвержден ординарным профессором по занимаемой им кафедре сравнительной

грамматики индоевропейских языков. Ученый проработал в Одессе два академических года, читая курсы сравнительного языкознания и санскритской грамматики. Очевидцы отмечали большое мастерство лектора, который обогащал языковедческие штудии «поэтическим элементом». Будучи в первую очередь специалистом по славянской филологии, В. Ягич попытался перейти на кафедру славяноведения Новороссийского университета, но его ходатайство не было поддержано. Затем он получил предложение из Германии занять только что основанную в Берлинском университете кафедру славянских языков и литературы. 12 октября 1874 г. В. Ягич уволился из Новороссийского университета, после чего переехал в Берлин [2, с. 272].

В германской столице хорватский ученый провел 6 лет. Там он основал научный журнал «Архив славянской филологии» и со временем превратил его в авторитетнейшее специальное издание. В 1876 г. В. Ягич отклонил предложение вернуться в Новороссийский университет, ученый совет которого избрал его профессором кафедры славянской филологии, ставшей вакантной [2, с. 272–273].

Вернулся в Россию В. Ягич в 1880 г., получив приглашение от Петербургского университета и Российской академии наук занять место скончавшегося И. И. Срезневского. 14 июля 1880 г. он был утвержден экстраординарным академиком Императорской академии наук по отделению русского языка и словесности и ординарным профессором Петербургского университета по кафедре славянских наречий. 4 декабря 1881 г. хорватский профессор стал действительным членом Российской Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. В декабре 1882 г. он был произведен в действительные статские советники. Годовой заработок ученого составлял 4 200 руб. в год, в том числе 2 400 руб. – профессорское жалование, 300 руб. – столовые, 300 руб. – квартирные и 1 200 руб. – вознаграждение по Академии наук [7, 1884, с. 120, 657].

В Петербурге В. Ягич проработал шесть лет (1880–1886 гг.). Помимо университета, он преподавал также на Высших женских курсах и в Археологическом институте. В университете В. Ягич вел курсы по истории русского и старославянского языка. Он успел

сформировать собственную научную школу, его российские ученики стали в дальнейшем выдающимися филологами (Б. М. Ляпунов, П. К. Симоны и др.). Во время пребывания в Петербурге В. Ягич продолжал интенсивную научную работу. Он способствовал оживлению издательской деятельности Академии наук, основав серию изданий исследований по русскому языку, и подготовил к изданию ряд памятников старославянского языка [6, с. 378].

В конце 1886 г. В. Ягич вторично покинул российскую службу, что было вызвано новым заманчивым предложением из-за границы. На этот раз он получил приглашение от своей alma mater – Венского университета – занять место руководителя кафедрой славянской филологии, освободившееся после ухода в отставку Ф. Миклошича. Отъезду из России способствовали и другие факторы, которые хорватский профессор указал в своем прошении об отставке: пожелания членов его семьи, недовольство необходимостью работать сразу в нескольких местах, чтобы обеспечить приемлемый уровень жизни, а также тяжелый петербургский климат [4, с. 351].

В Венском университете В. Ягич проработал вплоть до выхода на пенсию в 1908 г. по достижении 70-летнего возраста. Там он организовал славянский семинарий, ставший международным центром славяноведения, в котором прошли подготовку десятки молодых ученых их разных стран, в том числе из России. После отъезда в Вену В. Ягич не терял связей с Россией. Он оставался членом Императорской Академии наук, участвовал в ее работе, в различных издательских и научных проектах. Многие труды ученого были опубликованы в Петербурге в академических изданиях. По поручению Академии он писал отзывы и рецензии на научные работы. Под его редакцией выходили академические словари. Почти каждый год В. Ягич приезжал в Петербург, где участвовал в заседаниях Академии, выступал с докладами, работал в архивах и библиотеках.

По инициативе В. Ягича в апреле 1903 г. в Петербурге состоялся предварительный съезд русский филологов, председателями съезда были он сам и А. А. Шахматова. Съезд поддержал проект В. Ягича об издании фундаментальной «Энциклопедии славянской филологии». Работа над этим изданием заняла почти все последующие годы жизни ученого,

особенно после выхода в отставку из Венского университета. В. Ягич одновременно выступал как организатор, редактор и автор этого многотомного издания. Даже в годы Первой мировой войны он продолжал эту работу и искал возможности связаться с Петроградом для ее продолжения.

Со времени своего второго отъезда за границу и до начала 1900-х гг. В. Ягич числился «сверхштатным академиком» Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, не получая жалования. В 1903 г., в связи с новым проектом Академии, о котором говорилось выше, он был восстановлен на российской службе. В том же году ученый был произведен в очередной чин – стал тайным советником (чин 3 класса, который получали лишь высшие государственные служащие), ему было возобновлена выплата жалования по Академии наук в размере 1 800 руб. в год. С 1912 г. и вплоть до революции 1917 г. В. Ягич получал полное денежное содержание российского академика – 4 200 руб. в год (1 200 руб. по званию академика, 2 400 руб. жалования и 600 руб. квартирных). За годы своей российской службы В. Ягич был награжден многими российскими орденами, в том числе высших степеней – Святой Анны 1 степени, Святого Станислава 1 Степени, Св. Владимира 3 степени и др. [7, 1905, с. 240; 1914, с. 167; 1917, с. 162].

Научная деятельность В. Ягича продолжалась 64 года, за это время он опубли-

ковал 700 научных работ, в числе которых были огромные монографии объемом до 1 000 страниц. Главные направления его научных исследований – возникновение и развитие старославянского языка во взаимосвязи с историей отдельных славянских языков и русского в частности. Им были подготовлены фундаментальные издания древнейших памятников глаголического и кирилловского письма. Множество работ хорватского ученого посвящены истории славянских литератур (в том числе русской) и славянской культуры в целом. Он являлся крупнейшим специалистом по истории славянской филологии, а его фундаментальная работа с одноименным названием, вышедшая в 1910 г. в Петербурге, не потеряла своего научного значения до наших дней [6, с. 379–380].

Таким образом, в последней трети XIX в. в нашей стране служили два хорватских ученых – юрист Бальтазар Богишич (в Новороссийском университете) и филолог Вартослав Ягич (в Новороссийском и Санкт-Петербургском университетах, а также в Императорской Санкт-Петербургской Академии наук). Оба они являлись крупными учеными европейского и мирового уровня. Несмотря на то, что время их научной деятельности в нашей стране было не слишком продолжительным, они сумели оставить свой след в истории отечественной науки и образования.

Литература

1. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869–1894. Т. 2. СПб.: Типография и литография Б. М. Вольфа, 1898. 373 с.
2. Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета: историческая записка профессора А. И. Маркевича и академические списки. Одесса: Экономическая типография, 1890. 734 с.
3. Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского. 40–80-е гг. XIX в. М.: Наука, 1975. 576 с.
4. Письма И. В. Ягича к русским ученым. 1865–1886. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 528 с.
5. Пупови С. Валтазар Богишич (к 160-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 133–144.
6. Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М.: Наука, 1979. 432 с.
7. Список лицам, служащим в Министерстве народного просвещения. 1870–1917. СПб.: Сенатская типография, 1870–1917.

УДК 947.8(470.62) (470.63)

Н. В. Романова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ СТАВРОПОЛЬЯ И КУБАНИ В ЭПОХУ «ОТТЕПЕЛИ» ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье на основе изучения архивных документов проанализированы основные факторы, тенденции и конкретные формы процесса взаимодействия власти и художественной культуры на Кубани и Ставрополье в 50–60-е годы XX века.

Ключевые слова: культурная политика, органы управления культурой, «оттепель», общественная жизнь, культурная история региона.

N. V. Romanova

IMPLEMENTATION OF CULTURAL POLICY BY STAVROPOL AND KUBAN PARTY AUTHORITIES IN «KHRUSHCHEV THAW» AGE

The content of the article is based on archive documents. The main goal is the analysis of primary factors and particular forms of interaction between the power and art culture in Kuban and Stavropol regions in 50–60s of XXth century.

Key words: cultural policy, culture regulating authority, Khrushchev Thaw, social life, regional cultural history.

В годы «оттепели» типичным направлением партийной работы в области культурной политики стали встречи партийных лидеров с творческой интеллигенцией. Традиционным инструментом активизации работы во всех сферах социальной жизни в Советском Союзе были всевозможные партийные решения и постановления. В контекст злободневных партийных документов вписывались и конкретные задачи развития культуры. Это способствовало решению некоторых острых проблем отрасли. С другой стороны, массовость и обязательность проведения мероприятий «в свете решений» тех или иных партийных событий приводила к заорганизованности, подмене кропотливой черновой работы показной шумихой.

Указанные выше формы руководства культурой были переняты и местными органами. В отделе науки и культуры Краснодарского крайкома КПСС в 1953 г. было проведено совещание с композиторами и писателями по вопросу улучшения их дальнейшей деятельности в связи с решениями сентябрьского Пленума ЦК КПСС. На совещании было отмечено главные достижения работников искусств – некоторое улучшение идейно-творческой и финансовой деятельности коллективов. Осо-

бо это касалось укрепления связи творческой интеллигенции с производством. Выполняя решения сентябрьского Пленума ЦК, театры края стали больше проводить выездных спектаклей с достаточно высоким идейно-художественным уровнем. Например, краевой драматический театр им. М. Горького в 1953 г. осуществил более 50 выездных спектаклей для трудящихся Пашковского, Пластуновского, Абинского, Лазаревского районов. Отмечены были также Майкопский областной и Армавирский городской драмтеатры, которые также организовывали систематические выезды в районы: «... Всего за истекший год Майкопский – 76 спектаклей, Армавирский – 90» [8, л. 34].

Такие же критерии применялись к художникам и писателям, которых в целом похвалили за «повышение идейно-художественного уровня» их произведений. В то же время писателям указали на необходимость более глубокого изучения жизни колхозной станицы, а также чаще отражать в своих произведениях передовиков и новаторов сельскохозяйственного края. Общее партийное требование к работникам творческих профессий исходило из представлений об искусстве как орудии идеологии и воспитания советских людей в

соответствии с общетеоретическими и политическими установками Коммунистической партии: «Задача партийной организации края, работников учреждений искусств состоит в том, чтобы каждый клуб, театр стали подлинными очагами культуры, коммунистического воспитания трудящихся. Каждое из этих учреждений должно направить главное внимание на идейное содержание своей деятельности, на разъяснение политики Коммунистической партии, на быстрейшее претворение в жизнь исторического постановления сентябрьского Пленума ЦК КПСС» [8, л. 31].

Партийные органы держали под контролем работу всех творческих союзов. Например, в 1954 г. на конференции писателей Кубани выступление представителя крайкома КПСС носило директивный характер. В ходе выступления партийного чиновника были проанализированы достоинства и недостатки работы краевой писательской организации. Особо была отмечена работа Союза писателей по оказанию творческой помощи молодым непрофессиональным писателям, например, главному агроному Динской МТС Пальману. Однако в целом обращает внимание менторский тон речи партработника. Говоря о том, что «писатели Кубани, как и все советские писатели, должны создавать произведения, которые на высоком идейном и художественном уровне отображали бы героический труд советских людей», он назидательно учил профессионалов, как этот долг надлежит выполнять. При этом главный упор делал, как это и полагалось идейно-политическому руководству, на идейный уровень художественных работ: «Большинство произведений страдают слабостью идейно-художественного уровня, явления жизни изображаются поверхностно. На эти недостатки неоднократно указывалось. И, несмотря на это, эти же недостатки повторяются» [10, л. 79].

XX съезд и широкое развертывание критики культа личности Сталина не повлияли на характер партийного руководства культурой. Несколько изменились политические установки, но формы работы партийных органов остались прежними. Так, в мае 1956 г. на собрании ставропольских художников по отчету Правления Ставропольского отделения союза художников в обязательном порядке участвовали и представитель отдела культуры, и представитель горкома КПСС,

и представитель крайкома КПСС. Заслушав отчетный доклад, участники приступили к его обсуждению. Выступления представителей городского и краевого комитетов партии от подобных выступлений в прошлом отличались только тем, что изменился порядковый номер съезда да вместо «социалистического строительства» появилась «борьба за коммунизм». Партия все также формулировала политические установки для деятелей культуры: «XX съезд партии поставил благородные задачи перед работниками искусства. Творческая деятельность должна быть проникнута духом борьбы за коммунизм». Также в качестве коренного недостатка работы правления провозглашалось «слабое внимание идейному росту художников». Главный критерий творческой состоятельности также было мнение зрителей-трудящихся, а также связь художников с практикой коммунистического строительства [6, л. 26].

Вместе с тем, появился и новый мотив партийной критики, который, на наш взгляд, свидетельствовал о возросшем внимании к творчеству местных работников культуры. Представитель крайкома КПСС заявил, что, «художников надо ориентировать на ставропольскую тематику, отображающую жизнь и деятельность наших людей, создавать полотна, достойные нашей эпохи, с тем, чтобы к 40-летию Советской власти наши художники пришли с большими достижениями» [6, л. 26–28].

В рамках культурной политики партийные органы особо выделяли в качестве самостоятельного направления культурно-массовую работу. При этом в силу аграрной специфики региона, изучаемые крайкомы КПСС делали упор на культурно-бытовых условиях работников колхозов и совхозов, механизаторских бригад, сотрудников МТС. В результате проверки состояния культурно-массовой работы на селе бюро Ставропольского крайкома КПСС приняло решение, которое обязывало партийные, профсоюзные и комсомольские организации на местах оборудовать в бригадах механизаторов комнаты отдыха, обеспечив их музыкальными инструментами, библиотечками, организовать регулярное проведение концертов, лекций, докладов. Вопрос об этом по цепочке должны были рассмотреть горкомы, райкомы и исполкомы Советов депутатов трудящихся «рассмотреть вопрос о состоянии культурно-бытовых усло-

вий по каждому совхозу, МТС и принять соответствующие меры к улучшению культурного обслуживания механизаторов» [1, л. 4].

Подобная политическая установка активизировала участие творческих коллективов в обслуживании культурных нужд села. Коллектив Армавирского драмтеатра им. А. В. Луначарского обратился с открытым письмом ко всем работникам искусства Краснодарского края. Ссылаясь на решение сентябрьского Пленума ЦК КПСС, артисты заявили, что считают «своим прямым долгом внести свою скромную лепту в общественную борьбу за крутой подъем сельского хозяйства, за новый расцвет колхозной деревни» [9, л. 82]. Только за 9 месяцев 1954 г. коллектив театра побывал в станицах, колхозах, совхозах, МТС, где своими спектаклями обслужил 35 000 хлеборобов и механизаторов.

В 1955 г. на краевом собрании краснодарских писателей в своем выступлении секретарь Адыгейского Союза писателей Ю. И. Глюстен рапортовал, что «писатели Адыгеи лично принимают активное участие в мероприятиях проводимых областной партийной организацией». Как большое достижение Союза был и представлены не новые произведения, не появление молодых талантливых литераторов, а тот факт, что 4 писателя были уполномоченными обкома партии на уборке хлеба. «Такая связь писателей с тружениками социалистических полей является лучшей творческой командировкой» [11, л. 59–62]. Культурно-массовая работа на селе также как и остальные направления работы творческой интеллигенции, жестко планировалась. Более того, она включалась в планы посевной или уборочной кампаний. Так, на период страды 1955 г. в плане Ставропольского крайкома в пункте 9 предусматривалось «направить агитмашины, для обслуживания колхозников. Организовать выступления коллективов краевого драматического, Черкесского областного театров, театра музыкальной комедии, ансамблей краевой филармонии для колхозников и механизаторов, занятых на уборке урожая» [2, л. 14].

Стимулом к усилению подобной работы становились специальные решения центральных партийных органов. Именно под воздействием специальных решений ЦК КПСС по культурному обслуживанию работников сельского хозяйства и животноводства

16 сентября 1957 г. Ставропольским крайкомом КПСС был заслушан и обсужден вопрос «О массово-политической работе и культурном обслуживании чабанских бригад на отгонных пастбищах в период зимовки 1957–58 годов». Была отмечена неудовлетворительная работа в культурном обслуживании животноводов, так как работники краевого управления культуры редко бывают на отгонных пастбищах, слабо направляют деятельность краевых учреждений культуры на улучшение их работы по обслуживанию чабанских бригад, плохо обобщают и распространяют опыт лучших по работе среди чабанов на Черных землях. Поэтому был предложен объемный план, в который входила организация на отгонных пастбищах показа передвижных выставок на темы: «Ставрополье за 40 лет», «Историко-революционные памятники на Ставрополье». Были также запланированы 200 концертов силами краевой филармонии на период зимовки овец, ежемесячные выезды на отгонные пастбища групп артистов краевого и областного драматических театров, краевого театра музыкальной комедии. [3, л. 7]. Для культурного обслуживания животноводов, находящихся на Черных землях и в Ногайской степи в период зимовки 1957–1958 гг., было выделено 300 тысяч рублей.

Среди недостатков культурно-просветительной работы на объединенном заседании бюро Ставропольского крайкома КПСС и исполкома краевого совета депутатов трудящихся 9 декабря 1957 г., посвященного ходу выполнения постановления Бюро ЦК КПСС по РСФСР «О работе культурно-просветительных учреждений в городах РСФСР», было отмечено прежде всего отставание деятельности учреждений культуры от запросов трудящихся. В частности, коллективы краевого драматического театра и театра музыкальной комедии не выезжали со спектаклями на село, а краевая филармония мало направляла в сельскую местность с концертами высококвалифицированных артистов. В этом же духе подверглось критике управление культуры, управленческий аппарат которого не знал положения дел на местах, не принимал энергичных и действенных мер для подъема культурно-просветительной работы в крае, не проявлял должной инициативы и настойчивости в решении задач, поставленных XX

съездом перед учреждениями культуры. Партийное руководство исходило из замечаний, сделанных управлению культуры делегатами съезда культпросветработников края. В постановлении бюро крайкома КПСС и исполкома крайсовета депутатов, трудящихся в качестве главной задачи было сформулировано требование XX съезда КПСС о более полном и активном использовании культурно-просветительных учреждений в целях коммунистического воспитания трудящихся. Для решения этой задачи, по мнению партийного комитета, необходимо было активнее помогать «рабочим промышленных предприятий в выполнении ими народно-хозяйственных планов, а также рабочим совхозов, МТС и колхозникам в выполнении ими социалистических обязательств по увеличению производства сельскохозяйственных продуктов с тем, чтобы успешно выполнить выдвинутую ЦК КПСС задачу в ближайшие годы догнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения» [4, л. 11].

Кроме того, в условиях демократизации общественных отношений, широкой критики прежнего политического курса возникла опасность упустить из-под партийного контроля умы и души молодого поколения. Поэтому одним из аспектов современности искусства считалась его воспитательная направленность на молодежь. В 1954 г. в докладе на пленуме Краснодарского крайкома КПСС о работе учреждений культуры края отмечалось, что по мнению партийных работников, молодые зрители не находили в репертуаре театров спектаклей о воспитании молодого поколения. «Наши театры и филармония, – говорилось в докладе, – мало общаются с учащейся и рабочей молодежью, не знают их запросов и желаний. Не было организовано ни одной конференции с молодежью. Во всех театрах и филармонии созданы комсомольские организации, однако, с сожалением приходится отметить, что эти комсомольские организации в жизни своих коллективов не занимают авангардной роли» [10, л. 48]. За 1953–1954 гг. краевым драмтеатром им. М. Горького были поставлены всего 3 спектакля для молодого зрителя: «Аттестат зрелости», «Тайна черного озера», «Снежная королева». Армавирский и Майкопский театры подготовили только 2 постановки пьес на

молодежную тематику. И лишь краевой театр кукол, который по определению был молодежным, провел 7 спектаклей.

Духовная раскрепощенность тех лет не могла не действовать и на творческую молодежь, которая была свободна от страха массовых репрессий и позволяла себе свободу взглядов и нравов. Это вызывало особую озабоченность местных партийных органов, которые всегда демонстрировали особый консерватизм. Да и идеологические догмы КПСС остались прежними, несмотря на изменение политического климата в стране, неизменными. На том же пленуме Краснодарского крайкома, посвященном работе учреждений культуры региона, говорилось о том, что среди молодых актеров театра им. Горького имели место случаи аморального поведения. Партийная же организация театра, занятая склоками, не поддержала начинание комсомольской организации о подготовке во внеурочное время молодежного спектакля и организации кружка по повышению мастерства молодых актеров [10, л. 49].

Не лучше обстояло дело и в театре музыкальной комедии, где за 1954 г. были уволены 5 молодых актеров за распитие спиртных напитков. Был сделан традиционный вывод: «... парторганизации театров неудовлетворительно занимаются вопросами воспитания молодых работников искусства». Пленумом было рекомендовано руководителям партийных и комсомольских организаций театров значительно улучшить работу с творческой молодежью.

Большое внимание партийные органы уделяли работе среди молодых художников. Это было связано, с одной стороны, с появлением оригинальных, не укладывавшихся в рамки социалистического реализма работ. С другой стороны, предпринималась попытка создать надлежащие условия для развития изобразительного искусства в крае. Наконец, партийные органы стремились решить трудно-выполнимую задачу тотального контроля над творчеством молодых. Этому вопросу посвящались специальные заседания и совещания. 22 октября 1959 г. на заседании бюро Ставропольского крайкома обсуждался вопрос «О работе краевого Правления Союза советских художников и Художественного фонда с молодыми художниками». Бюро было отме-

чено, что краевое отделение художников и Художественный фонд проводили некоторую работу. Материалы этого бюро раскрывают основные направления руководства творчеством молодых художников. В то же время они демонстрируют формальный подход к этому делу, ибо творчество индивидуально, и любая попытка причесать всех под одну гребенку бывает неудачной.

Например, в целях повышения художественного мастерства молодые художники принимали участие в краевых, республиканских, всесоюзных выставках, а также в конкурсах фонда. Организовывались выезды на этюды в районы края, на творческие базы в Москву. Большинство молодых художников повышали свой идейно-теоретический уровень. В 1958–59 учебном году 30 человек занимались в вечернем университете марксизма-ленинизма на факультете марксистско-ленинской эстетики, 22 из них получили удостоверение об его окончании [5, л. 9].

Вместе с тем молодые художники редко встречались с опытными мастерами, в основном на заседаниях художественного совета. Правление и художественный совет не предъявляли высоких требований к творчеству молодых художников, отсутствовала принципиальная критика недостатков творческой деятельности, что порождало нездоровую обстановку в коллективе, «затирание достойных произведений художников и недостойное возвеличивание других». Таким образом, партийный комитет противопоставлял высокохудожественные работы высокоидейным. Отмечалась неудовлетворительная работа с самодеятельными художниками. По мнению бюро, эпизодические семинары, проводимые один раз в год, несколько маленьких изостудий и кружки при Домах пионеров ни в какой степени не могли удовлетворить возрастающее тяготение молодежи к изобразительному искусству. В целях усиления эстетического воспитания населения и воспитания высокой художественной культуры краевое отделение Художественного фонда должно было систематически организовывать в клубах предприятий, совхозов, колхозов и театрах передвижные выставки художников Ставрополя [5, л. 11].

В то же время обращение к проблемам молодых художников вовсе не ограничива-

лось вопросами идейного воспитания. Весьма конструктивной была постановка о создании условий для творческо-производственной работы. Художники не имели мастерских, плохо снабжались художественными материалами (кисти, краски, холст, багет). В крае не было художественного училища, школы и даже хорошо оборудованной изостудии, а студия при Дворце культуры работников сельского хозяйства в Ставрополе не имела условий для плодотворной работы самодеятельных художников [5, л. 13]. Краевому отделу народного образования и Ставропольскому педагогическому институту было рекомендовано возбудить ходатайство и представить в краевой комитет КПСС к 1 января 1960 г. свои предложения по открытию художественно-графического факультета при Ставропольском педагогическом институте. Краевой комитет КПСС вышел на Бюро ЦК КПСС по РСФСР с просьбой повлиять на Министерство культуры РСФСР о выделении фондов для открытия с 1960-61 учебного года художественного училища в городе Ставрополе и детских художественных школ в городах Ставрополе, Черкесске, Невинномысске, Пятигорске, Кисловодске.

Духовная «оттепель», столь ярко проявившаяся среди творческой молодежи столиц, пугала местную власть, которая в каждом нестандартном молодом художнике, писателе, актере видела влияние буржуазной идеологии. Об этом свидетельствуют решения местных комитетов партии. Например, на II Пленуме Армавирского городского комитета КПСС 21 января 1958 г. обсуждался вопрос «О состоянии и мерах улучшения идеологической работы среди молодежи и учащихся» [7, л. 46]. В докладе отмечались безыдейные постановки Армавирского драматического театра «Как управлять женой» и «Брак по расчету». Отделу культуры горисполкома указывалось на слабую взаимосвязь с комсомольскими и профсоюзными организациями, а так же на слабое влияние идейного содержания репертуара и проявление инертности в проведении культурных молодежных мероприятий.

Принципы работы местных партийных органов Ставрополя и Кубани в отношении культуры в исследуемый период остались неизменными. В их основе лежали представления о культуре как разновидности идео-

логической деятельности, которые влекли за собой жесткий партийный контроль над культурной сферой. Одновременно культура по традиции воспринималась вторичным участком партийной работы. В то же время в действиях партийного аппарата проявились новые тенденции – проявление технократизма, определение эффективности культурной работы по признаку пользы для материального производства.

После встреч Н. С. Хрущева с интеллигенцией партийное руководство на местах

усилило борьбу с «формализмом», «натурализмом», «абстракционизмом» и проявлениями творческого инакомыслия в среде художественной интеллигенции. На Ставрополье и Кубани эти явления встречались крайне редко. Однако общий наступательный характер культурной политики здесь отразился в особом внимании партийной власти к творческой молодежи. Несмотря на либерализацию общественной жизни, местные партийные органы не могли допустить бесконтрольного права на творческую свободу и индивидуальность.

Литература

1. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф.1. Оп. 1. Д.2352.
2. ГАНИСК. Ф.1. Оп.1. Д. 2465.
3. ГАНИСК. Ф.1. Оп.1. Д. 2708.
4. ГАНИСК. Ф.1. Оп.1. Д. 2722.
5. ГАНИСК. Ф.1. Оп. 1. Д. 3001.
6. Государственный архив Ставропольского края. ФР. 4213. Оп. 1. Д. 25.
7. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф.15. Оп.11а. Д.3.
8. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 4. Д. 1893.
9. ЦДНИКК. Ф. 1774. Оп. 4. Д. 1897.
10. ЦДНИКК. Ф. 1774. Оп. 4. Д. 2494.
11. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 4. Д. 2955.

УДК 070.3

А. В. Танцева

**«УТРО ЖИЗНИ»: ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
1920-х ГОДОВ В ФОТООЧЕРКАХ «ОГОНЬКА»**

В статье анализируется журнал «Огонек», на примере фотоочерков которого рассмотрен образ советской повседневности 1920-х гг. Формирование новой социальной структуры, нового быта, новой идентичности людей нашло выражение в конкретных практиках повседневности, таких как анти-религиозная пропаганда, проведение новых праздников, организация новых форм быта и т. д. Посредством периодики власть внедряла в сознание читателей новые идеалы, положительные представления о происходящих переменах. Фотоочерки на страницах «Огонька»

создавали позитивный образ действительности, отражали представление власти о том, какой эта действительность должна быть. Изменения, происходившие в 1920-е гг., еще не стали повсеместным явлением, но в периодической печати они тиражировались как массовые явления, происходившие в масштабах всей страны.

Ключевые слова: повседневность, журнал «Огонек», фотоочерк, фоторепортаж, советская власть, идеология, репрезентация власти.

A. V. Tantseva

**«THE MORNING OF THE LIFE»: THE IMAGES OF THE SOVIET EVERYDAY LIFE
IN 1920-s IN THE PHOTO REPORTS IN THE «OGONEK» MAGAZINE**

The article analyses the images of the soviet everyday life in 1920-s by the example of the photo reports in the «Ogonek» magazine. The development of the new social structure and new identity of the people were reflected in new everyday practices such as anti-religious propaganda, introduction of new festivals and celebrations as well as new types of everyday life. Through the press channels the government introduced to the readers' minds new ideals and positive images of current changes. Photo reports

in the «Ogonek» magazine created a positive image of reality. They reflected the ideas of the authorities about what the reality should be like. The changes that were undergoing in 1920-s were not widespread by that time. However, the press presented them as mass phenomena which took place nationwide.

Key words: everyday life, the «Ogonek» magazine, photo report, Soviet power, ideology, representation of the authorities.

В начале 1920-х гг. в системе советской печати формируется самостоятельная группа изданий журнального типа универсального содержания, задачей которых являлась пропаганда нового советского строя, разъяснение задач социалистического строительства, оперативное освещение событий общественно-политической и культурной жизни страны, внедрение в сознание граждан новой советской идеологии. Их объединяли, как общественно-политическая направленность изданий, литературно-художественный аспект, обилие фотоматериалов и иллюстраций, так и

ориентация на широкую и разноплановую читательскую аудиторию. Наибольшей популярностью пользовался журнал «Огонек» (главный редактор М. Е. Кольцов), о чем свидетельствует его тираж, который в 1929 г. достигал 500 тыс. экземпляров. С момента своего создания в 1923 г. журнал «Огонек» давал представление о новом обществе, формирующемся через его публикации и фотоматериалы, которые являлись в первую очередь репрезентантами советской власти, что было характерно для журналистики советского периода.

Иллюстрированный еженедельник «Огонек» соединил в своей структуре черты ежедневной газеты и толстого ежемесячника, что обусловило особый стиль и методы работы, потребовало изменение форм подачи материалов, способов интерпретации, акцентирование на проблемную ориентацию, жанровое и тематическое разнообразие. «Огонек» был оперативнее классического «толстого» журнала, быстрее реагировал на события, происходившие в стране и мире, обладал жанровым разнообразием материалов, которые отличались аналитикой. Все это способствовало превращению его в массовый журнал «для всех» и росту популярности. Это был один из первых еженедельников, на страницах которого в полной мере проявился такой жанр, как фотоочерк – многокадровый изобразительный ряд, объединенный одной темой и прокомментированный лаконичным текстом, который мог обобщать всю серию, либо пояснять только отдельные снимки. Фотоочерк – это, по сути, рассказ, каждый новый кадр гармонично дополнял предыдущие, связывал с последующими, создавая единую последовательную цепь событий. Снимки могли располагаться и в случайном порядке, но обязательно должны были быть связаны воедино одной общей идеей или темой. Фотоочерк такого рода позволял сделать простое и наглядное повествование: завязка событий, их постепенное развитие, кульминация и некое резюме, финал. Минимальное количество слов, упор на иллюстративный ряд. Визуальный образ действительно воздействовал на читателей куда эффективнее, чем просто текст. Сам М. Е. Кольцов любил такой жанр, как фотоочерк, и всегда внимательно относился к любому подбору фотоснимков.

На страницах журнала помешались фотографии различных событий, в том числе и запечатлевшие советскую повседневность, те изменения, которые происходили в быту обычных людей в результате смены идеологии и практик модернизации социального государства в России. Как писал А. С. Ахиезер, «повседневность – человеческая жизнь, рассмотренная с точки зрения тех функций и ценностей, которые плотно заполняют жизнь личности, включая труд, быт, отдых, передвижения и т. д. Повседневность постоянно воспроизводится как мощный пласт отношений, ценностей, как постоянная система челове-

ских забот» [1, с. 244]. Для изучения советской повседневности времен нэпа значение имеет такой вид источников, как фотоисточники. Информативные возможности фотографий огромны, они могут служить источником по самым разнообразным исследованиям. Длительное время историки относились к фотографии лишь как к иллюстративному материалу, дополнению к основным письменным источникам. Вместе с тем фотографии являются ценнейшим источником по истории повседневности. Они сохранили не только облик городов, особенности архитектуры, но и изображение представителей различных социальных слоев, запечатлев их быт. Фотографии стали неотъемлемой частью культуры, через их призму можно проследить те изменения, которые происходили в обществе.

В первое десятилетие советской власти усилия государства были направлены на формирование новой социальной структуры, нового быта, новой идентичности людей. Это нашло выражение в конкретных практиках повседневности. Это было время ломки поведенческих стереотипов, их трансформации в новые ценности и практики повседневной жизни. Менялись настроения, убеждения, мнения людей, самосознание и осознание прошлого. Формирование человека нового типа, нового мышления, требовало и новых, более выразительных средств. Газеты и журналы пестрили лозунгами и призывами, сообщениями об изменениях в жизни людей. В 1920-е гг. фотография важна была не только как документальная иллюстрация, она была способна выступать как элемент изобразительного повествования более сложного, чем единичный снимок. Необходимо было кратко и ярко освещать быстро изменяющийся темп жизни, совмещать политику и международную жизнь с рассказами и научными открытиями, а также открывать для читателей новый быт советской России.

Значение фотоиллюстраций в «Огоньке» было столь велико, что они не только несли большую смысловую нагрузку в виде таких специальных фотожанров, как фотоочерк и фоторепортаж, в виде художественных полосных фотографий и разворотов, но все чаще исполняли роль обложки журнала. Тема журнальной фотообложки постепенно стала ключевой для всего номера, определяла его содержание. К фотоснимкам в журнале был

особый подход, за годы существования «Огонек» накопил немало интересных и редких фотографий, создав богатейший фотоархив, который постоянно пополнялся фотодокументами, ярко иллюстрировавшими период революционных преобразований в стране, важнейшие исторические события, а также же жизнь и быт советских людей, основные события из жизни зарубежных стран.

«Огонек» организовал бюро «Русс-фото», занимавшееся импортом снимков, и отдел иллюстрированной рекламы. Фотобюро «Огонька» выполняло съемки по заданию госорганов, обслуживало 100 газет СССР, имело богатый архив портретов советских и иностранных деятелей [10, с. 22]. Журнал сотрудничал с известными мировыми агентствами. Благодаря хорошо налаженной связи и воздушной почте «Огоньку» удавалось освещать жизнь за рубежом одновременно с западными журналами. В дальнейшем сочетание работы фотографов журнала с западными коллегами и образование собственно богатого фотоархива дало возможность «Огоньку» вполне безболезненно для себя перейти к обслуживанию фотографиями (через организованное при редакции «Бюро клише») всей советской прессы. Нужно отметить, что редакция журнала уже с момента создания сразу же занялась организацией своей сети фотокорреспондентов. В короткий срок в сети фотокорреспондентов «Огонька» насчитывалось почти 150 человек. Фотографами журнала были С. Фридлянд, А. Шайхет, И. Рикк, С. Образцов, И. Горохов, А. Ларин, В. Комаров, А. Рушковский, А. Маевский, Г. Петрусов, Н. Трофимов, В. Сосновский, С. Шамиот, М. Озерский, Н. Перелякин, Е. Полуэктов, В. Смолин, С. Шеткин, Д. Багаев, А. Янишевский и др.

Повседневность 1920-х годов предстает в фотоочерках «Огонька» не только как быт и новый образ действий, но как новая реальность. Изменения затрагивали прежде всего привычную жизнь людей, меняли уклад жизни, влияли на вопросы семьи и воспитания, трансформировали мировоззрение. Фотоочерк В. Лебедева «Мать и ребенок в СССР» в журнале за 1928 г. повествует об изменении внутрисемейных отношений, положения женщины и детей, их бытовых условий: «... помимо законодательных мер в области охраны женского труда, отпусков по беременности,

родам и кормлению, помимо декретов о полном раскрепощении женщин в политическом и бытовом отношениях – мы имеем 864 фабрично-заводских яслей, 708 консультаций для грудных детей, 485 консультаций для женщин» [8, с. 13]. Также в фотоочерке освещается работа вечерних детских садов, которые давали возможность работницам посещать клуб, слушать лекции и заниматься в кружках. Фотоочерк «Дети рабочей Москвы» рассказывает о работе «Дома младенца им. Герцена» и «Яслей при Прохоровской мануфактуре», показывает изменения не только быта, но и роли женщины в семье. Семейные обязанности женщины, которые ранее являлись основными, уходили на второй план. Автор очерка пишет: «... работница-мать, уходя на работу, может быть спокойна: ее ребенком внимательно занимаются специально обученные сестры и няньки под общим наблюдением врача; его кормят, купают, водят гулять, забавляют...» [3, с. 5]. Фотоочерк «Довольно кухонного чада и гнета грязного белья», напечатанный в № 7 журнала «Огонек» за 1928 г., уже ярко иллюстрирует изменившееся положение женщины [4, с. 5]. Советская женщина – теперь такой же полноправный член общества и также вовлечена в общественно-политическую жизнь, как и мужчина, она социальна активна. Фотоочерк «Утро жизни» в разворот страницы журнала наглядно демонстрирует читателю улыбающихся граждан советской страны разных возрастов и занятий, чью жизнь от рождения до старости теперь сопровождает забота государства. Социальная политика государства преподносится как достижение советской власти [16, с. 5–6]. Положительная репрезентация образов советской власти становится неотъемлемой частью всей коммунистической пропаганды.

В первые годы советская власть приняла ряд мер к радикальному улучшению жилищных условий рабочего населения. Образцовыми домами для трудящихся считались дома-коммуны, совместное проживание стало новой моделью человеческих взаимоотношений, образ которых транслирует фотоочерк «Дома-коммуны в Москве». Автор отмечает: «... по отношению к домам-коммунам революционные органы брали на себя все заботы о ремонте, снабжении мебелью, бесплатным топливом, развитии в них коммунальных учреждений (яслей, детских площадок и т. п.)»

[5, с. 15]. Бытовой фотоочерк В. Савельева посвящен жизни и быту работниц Прохоровской мануфактуры [12, с. 11]. Количество публикаций о повседневности возрастает со второй половины 1920-х гг. Так в журнале «Огонек» за 1928 г. был опубликован фотоочерк «Как по-новому обустроен парк Горького в Москве», в котором рассказывалось об открытии шахматного игрового клуба, лагеря для детей на территории парка и т. д. [6, с. 8]. Фотоочерк «Строящийся Ленинград» был посвящен масштабным стройкам в городе революции [15, с. 7]. Фотоочерк «Строящаяся Москва» освещал изменения в столице, строительство новых домов и школ: «это не фантастика, не утопия, а осуществимая мечта, которая значительно увеличит наш жилищный фонд и даст рабочему благоустроенное и гигиеническое жилье. Строительство России превращается в новый фронт...» [13, с. 15]. Через фотоочерки можно проследить общую линию социальной политики новой власти. Все изменения, происходившие в стране, показаны исключительно с положительной стороны. Отобранные для публикации фотографии не столько отражали реальные изменения, сколько создавали образ желаемого будущего, выдавая его за настоящее.

Новое отношение к труду, борьба с религией, образование, новый досуг и праздники все это стало частью повседневной жизни в 1920-е гг. Фотоочерк «К знанию» повествует о начале распространения народного образования для трудовой, крестьянской и партийной молодежи, которое, как отмечает автор, уже стало «повсеместным» [7, с. 8]. Фотоочерк «Молодыми зубами – гранит науки! (на общеобразовательных курсах)» знакомит читателя с работой общеобразовательных курсов, которые проходили под лозунгом «Всю труху буржуазной учебы – долой!», в нем отмечается нехватка преподавателей обществоведения и политграмоты как наиболее важной сферы образования [17, с. 14]. О культурно-просветительской работе среди рабочих и служащих фабрик, заводов и учреждений информирует фотоочерк «В Петроградских рабочих клубах», в котором говорилось, что «...в клубах функционируют кружки политические, специально марксистские и другие. Они приближаются к типу вечерней школы для взрослых» [2, с. 3]. О работе рабочего клуба, как месте для культурного досуга трудящихся повествует и фотоочерк Г. Феддерса «Как живет рабочий

клуб», в котором отмечалось, что «рабочий клуб, как и рабочий театр-горн пролетарской культуры. Это место, куда после большого труда у станка приходят... получать образование и воспитание в плоскости марксистского мировоззрения» [18, с. 19].

С середины 1920-х гг. важной частью идеологической работы стала антирелигиозная пропаганда, которая все активнее входила в повседневную жизнь советского общества. Фоторепортаж «Долой духовную сивуху» освещал антирелигиозную демонстрацию рабочих в Минске, в то же время подчеркивая масштаб развертывания антирелигиозной компании в стране. Автор очерка писал: «Передовые кадры советских рабочих осознали необходимость широкого развертывания антирелигиозной компании. На заводах и фабриках всего Союза рабочие на собраниях выносят постановления о работе в пасхальные дни» [12, с. 3]. «Музей безбожников» – под таким названием появилась на страницах «Огонька» заметка специального киевского корреспондента, в которой рассказывалось о киевском Доме Красной Армии и уголке антирелигиозной пропаганды, созданном при нем [9, с. 14]. Носили фотоочерки и чисто воспитательный характер. Так фотоочерк А. Шайхета «Не в церковь, а в театр» в журнале за 1929 г. рассказывает о поездке рабочих в Москву для посещения театра вместо участия их в праздновании юбилея Ашитовской церкви (Московской губернии) [20, с. 14]. Фоторепортаж С. Фридлянда «Против царей земных и небесных» со съезда безбожников в г. Москве повествует о создании новых форм быта в борьбе с религией. Автор отмечал, что «союз безбожников является не только пропагандистской организацией, но и боевым отрядом по созданию новых форм быта. В СССР не должно быть ни одной фабрики, ни одного завода, ни одного совхоза, и колхоза без ячейки безбожников» [19, с. 1]. Периодические издания играли не последнюю роль в борьбе советской власти с религиозным сознанием, с их страниц власть транслировала и популяризовала новые ценности и образы.

Отражением новой повседневности были и советские праздники. Праздник – новая форма досуга, механизм воздействия пролетарской культуры на массовое сознание формировал новую культурную общность людей. Самым первым государственным праздником советской власти стал День

международной солидарности трудящихся – 1 мая. Этот праздник олицетворял новое государство, мощь и силу пролетарской культуры. Фотографии парада на Красной площади, посвященного празднованию 1 мая в г. Москве, и агитационного спектакля в честь праздника на грузовике пестрели на страницах «Огонька» за 1923 г. в фотоочерке «Первое мая в Москве» [11, с. 10]. Фотоочерк «Международный юношеский день» освещал массовое шествие и митинг молодежи на Красной площади 2 сентября 1923 г. «в знак интернациональной солидарности и трудовых успехов молодежи в деле социалистического строительства» [14, с. 10]. И таких фотоочерков было много.

Формирование новой общности людей, изменение их ментальных и культурных

установок, воздействие на все сферы их повседневной жизни возможно проследить только на основе анализа целого комплекса исторических источников, среди которых не последнее место занимает периодическая печать. Посредством периодики власть внедряла в сознание читателей новые идеалы, позитивные представления о происходящих переменах. Фотоочерки на страницах «Огонька» ярче и образнее официальных документов рисуют картины действительности, представление власти о том, какой эта действительность должна быть. Изменения, происходившие в 1920-е гг. еще не стали повсеместным явлением, но в периодической печати они тиражировались как массовые явления, происходившие в масштабах всей страны.

Литература

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурный словарь). Т. II. М.: Философское общество СССР, 1991. 600 с.
2. В Петроградских рабочих клубах // Огонек. 1923. № 7. С. 3.
3. Дети рабочей Москвы // Огонек. 1923. № 7. С. 5.
4. Довольно кухонного чада и гнета грязного белья // Огонек. 1928. № 7. С. 5.
5. Дома-коммуны в Москве // Огонек. 1923. № 7. С. 15.
6. Как по новому обустроен парк Горького в Москве // Огонек. 1928. № 20. С. 8.
7. К знанию // Огонек. 1923. № 6. С. 8.
8. Лебедев В. Мать и ребенок в СССР // Огонек. 1928. № 10. С. 13.
9. Музей безбожников // Огонек. 1924. № 8. С. 14.
10. Первый год «Огонька» // Огонек. 1924. № 14. С. 21–22.
11. Первое мая в Москве // Огонек. 1923. № 5. С. 10.
12. Савельев В. В женском рабочем общежитии (на Прохоровской мануфактуре) // Огонек. 1923. № 20. С. 11.
13. Савельев В. Строящаяся Москва // Огонек. 1923. № 15. С. 15.
14. Самсонов А. Международный юношеский день // Огонек. 1923. № 25. С. 10.
15. Строящийся Ленинград // Огонек. 1928. № 5. С. 7.
16. Утро жизни // Огонек. 1928. № 5. С. 5–6.
17. Феддерс Г. «Молодыми зубами – гранит науки!...» (на общеобразовательных курсах) // Огонек. 1923. № 25. С. 14.
18. Феддерс Г. Как живет рабочий клуб // Огонек. 1923. № 23. С. 19.
19. Фридлянд С. Против царей земных и небесных // Огонек. 1929. № 24. С. 1.
20. Шайхет А. Не в церковь, а в театр // Огонек. 1929. № 2. С. 14.

УДК 940.1 (450)

Е. П. Тельменко

ОБРАЗ «ИСТИННОЙ ВДОВЫ» В ТРАКТАТЕ ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛЫ «КНИГА ЖИЗНИ ВДОВ»

Одна из значимых проблем флорентийского общества XV в. – существенная доля вдов среди городского населения. Вопрос дальнейшего устройства таких женщин, их нужда в моральной поддержке и наставлении в добродетельной жизни породили целый пласт

сочинений, авторы которых формировали образ «истинной вдовы».

Ключевые слова: Италия, Флоренция, Джироламо Савонарола, общество, нравственность, женщины, «истинная вдова».

E. P. Telmenko

THE IMAGE OF «THE TRUE WIDOW» IN GIROLAMO SAVONAROLA'S TREATISE «THE BOOK OF WIDOWS»

One of the significant problems of the 15-th century Florentine society was a significant number of widows among the urban population. The challenge of further adapting such women to the society, their need for moral support and guidance in the virtuous life gave rise to the

whole number of works whose authors have formed the image of «the true widows».

Key words: Italy, Florence, Girolamo Savonarola, society, morality, women, «true widow».

В конце XV в. введшим проповедником и признанным духовным лидером Флоренции становится доминиканский монах Джироламо Савонарола.

в конечном счете, предпочитало положение вдовы после смерти первого мужа» [3, р. 1346, 1341–1342; 4, р. 548–549; 5, р. 288–289].

Фра Джироламо принял активное участие в политических преобразованиях республики, а также инициировал проведение реформы нравственности в городе на Арно. В своей бурной деятельности монах неизбежно соприкасался с актуальными проблемами городского социума, среди которых немаловажное место занимал и вопрос о положении вдов.

Соответственно, в сочинениях светских и религиозных авторов XV в. формируется отвечающий насущным потребностям городской среды образ «истинной вдовы» – женщины, отказавшейся от перспективы нового замужества и оставшейся с детьми от первого брака. Как отметила в одной из своих работ И. А. Краснова, анализ городской литературы свидетельствует о том, что на «таких женщин возлагалась новая функция, несвойственная супругам, – ответственность за воспитание детей», и действующие во Флоренции конца XIV – первой половины XV вв. собратья по ордену и предшественники Савонаролы, такие как Джованни Доминичи и Антонин Флорентийский, в ответ на потребности этой категории женщин в моральной поддержке и наставлении, посвящали им специальные трактаты и вели переписку, где в образе «истинной вдовы» «апробировалась не родительница..., но мать, воспитывающая своих детей» [9, с. 132–133]. Наиболее известным и ставшим уже хрестоматийным, примером приближения к реальному воплощению этой идеальной мо-

Результаты исследований демографической ситуации во Флоренции, проведенные Д. Херлихи и К. Клапиш-Зубер, сформировали среди ученых общее мнение о том, что XV–XVI вв. вдовы составляли существенную долю женского населения города: значительный возрастной разрыв между супругами (поздний возраст вступления в брак для мужчин – в среднем около 35 лет и очень ранний – от 13 (15) до 18 лет – для женщин) предопределял более ранний уход из жизни мужей, и, соответственно, порождал проблему дальнейшего устройства овдовевших в довольно молодом возрасте женщин. Поскольку шансы повторно выйти замуж были невелики, «большинство,

дели «истинной вдовы» стала Алессандра Мачинги Строщи [2, р. 263–264, 271].

О том, что проблема вдов и, соответственно, интерес к наставлениям в их адрес, сохранялись как во второй половине XV в., так и в начале XVI в., свидетельствует судьба составленного Савонаролой трактата «Книга жизни вдов» (*Libro della vita viduale*): после его первой публикации в 1491 г., в течение трех лет вышли одно за другим еще три издания, а за полвека после смерти брата его труд еще восемь раз печатался во Флоренции, Венеции и Милане [2, р. 264].

В своем сочинении фра Джироламо также оперирует понятием «истинная вдова» и в качестве образца для подражания указывает на вдову Анну, о которой говорится в Евангелии от Луки¹. По мысли проповедника, «истинная вдова – это та, которая не только хранит целомудрие и имеет намерение беречь его, но также полностью предает себя служению Богу, как делала Анна» [8, р. 48]. Таким образом, интерпретация доминиканского брата отличалась от описанной выше: если у его предшественников этот тип вдовы подразумевал женщину, не утратившую в своем вдовстве социальной активности и не оставившую заботы о семье и детях, то идеал Савонаролы заключался в отдалении «от всяческого мирского беспокойства и волнения», оставлении мира ради молитвенного созерцания и служения Господу [8, р. 46]².

Однако монах не требовал от всех вдовствующих женщин чрезмерной сублимации и пытался дифференцированно подойти к представительницам означенной социальной группы. Так Савонарола принимал во внимание тот факт, что не все женщины могут жить в положении вдовы и многие из них стремятся выйти замуж. Данное желание проповедник встречал с пониманием и утверждал (с опорой на авторитет апостола Павла³), что

¹ Лук. 2, 36–37: Тут была также Анна пророчица, дочь Фануилова, от колена Асирова, достигшая глубокой старости, проживши с мужем от девства своего семь лет. Вдова лет восьмидесяти четырех, которая не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь.

² Савонарола ссылается на Первое послание Павла к Тимофею (1 Тим. 5: 5): Истинная вдовица и одинокая надеется на Бога и пребывает в молитвах день и ночь.

³ 1 Тим. 5: 14: Итак, я желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей, управляли домом и не подавали противнику никакого повода

повторный брак является лучшим выходом в следующих ситуациях: трудные семейные и жизненные обстоятельства, например, материальная нужда или отсутствие пристанища; молодость вдовы и ее нежелание посвящать себя монашеской жизни; тот случай, когда женщина «понимает, что не может жить в чистоте, ибо целомудрие есть особый дар божий и не дается всем» [8, р. 43–44]. Как видим, позиция фра Джироламо не только не противоречит Писанию, но и, очевидно, воспроизводит распространенное среди итальянских проповедников XV в. мнение, в основе своей довольно прагматичное, поскольку проблемы этой категории женщин имели как нравственный, так и социально-экономический характер, и отражались на состоянии социума в целом. Вот как, к примеру, старший современник Савонаролы – францисканец Бернардино Сиенский (1380–1444 гг.) в своих проповедях, изобилующих эмоциональными пассажами и яркими примерами, рассуждал о необходимости повторного замужества для молодых и сексуально активных женщин. В одном из выступлений он поведал пастве историю «мудрой и доброй» римлянки, которая, осталась «молодой и богатой» вдовой. Будучи «молодой и прекрасной», она «опасалась, говоря сама с собой: я не знаю, могу ли я пребывать во вдовстве? ... если я возьму мужа, что скажут обо мне?». Как поведет себя общественное мнение, эта женщина решила выяснить следующим образом: на протяжении трех дней она поручила слуге выезжать в город на ободранных (*ella fece scorticare un cavallo*) лошадях и рассказывать о действиях окружающих. Если в первый день собралась большая толпа, все изумлялись и обсуждали увиденное, то во второй день количество любопытных уменьшилось, а на третий никто не проявил интереса. На основании чего матрона сделала вывод: «О, я могу взять мужа, ибо, если все же они захотят посудачить обо мне, некоторое время поговорят и устанут». Так и случилось. В итоге проповедник заключил: «И я говорю, что она поступила очень хорошо. Но я не говорю, однако, чтобы ты взяла мужа, если ты, вдова, можешь обходиться без него, я говорю тебе, чтобы ты не брала его. Я сказал о ней, что она поступила хорошо, поскольку

к злоречию; 1 Кор. 7: 9: Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться.

она была молода и не мыслила обходиться без (мужа). Также говорю тебе, что если ты чувствуешь, что не можешь обходиться без него, возьми его; но если ты в силах, не бери более мужа, и предоставь болтать кому и что угодно, и ты поступишь в любом случае хорошо» [6, р. 174–175]. В другой проповеди францисканец, прежде чем прийти к сходному заключению, с пылом критикует вызывающе-неприличное поведение вдов: «Я вижу, как эти вдовы шествуют таким образом, что все они, мне кажется, вызывают похоть своим поведением. Вы не кажетесь мне чистыми: вот я вижу, идет вдова в длинной накидке, собранной в складки, с чистым лицом, и накидка оставляет лицо открытым, знай, что она демонстрирует щеку. И как будто прикрыла накидкой лицо! Действие проститутки. Хочешь замуж? Иди и возьми его (мужа. – Е. Т.), во имя Господа, и сочитайтесь браком» [7, р. 197].

Однако вернемся к сочинению Савонаролы. Отчасти отказываясь от идеала (точнее, уступая объективной реальности) он, тем не менее, не допускал повторный брак по причинам, граничащим со смертными грехами, такими как похоть, алчность и гордыня. «Но, – заявлял монах, – когда некая вдова выходит замуж или желает вступить в брак из-за похоти или скаредности, или для того, чтобы попасть туда, где она знает, что есть имущество (наследство), или из-за высокомерия, когда она ищет человека высокого положения, или из-за влюбленности, или по другой порочной причине и развратной цели, без сомнения – это ее желание будет греховным» [8, р. 44]. Необходимо обратить внимание, что в этом ряду недопустимых «развратных и порочных» оснований для брака присутствует мотив – «из-за влюбленности». Конрад Айзенбихлер (Eisenbichler) предположил, что, «поступая таким образом, Савонарола примыкает к современной ему купеческой и аристократической концепции брака как социального контракта, который связывает семьи и политические группы, и который должен быть предпринят разумно и рационально в целях исключительно экономических или политических, а не из-за страсти или личной чувственности». И если с этим положением американского исследователя можно согласиться, то сделанный в продолжение его мысли вывод о том, что, «очевидно, Савонарола не предлагает и не поддерживает современную концепцию брака

как союза между двумя людьми, которые уже близки друг к другу на основе эмоциональных связей и взаимной сексуальной привлекательности» [2, р. 266], кажется недостаточно обоснованным. Одна фраза из текста не может служить доказательством, как позиции монаха, так в целом того, что эта тема занимала флорентийского реформатора. Скорее можно предположить, что если этот вопрос и возникал у брата, то исключительно в контексте его рассуждений о том, что любовь к творению не должна отвлекать человека от главной цели – Господа.

Среди вдов автор трактата выделял и тех, которые по различным причинам не проявляют охоты вновь связывать себя брачными узами. Одни из них ведут развратный образ жизни – «не служат целомудрию и открыто демонстрируют подобным образом, что предоставят распутным молодым людям то, чего они пожелают» [8, р. 44–45]. Другие «решают не выходить замуж, живя в целомудрии как душой, так и телом, но это они делают не из любви к Богу, но скорее, из-за определенного людского уважения...» [8, р. 45–46].

Еще одна, наиболее близкая к означенному выше идеалу, группа вдов: они «обладают твердым намерением хранить чистоту и служить всем своим сердцем Богу» [8, р. 46], однако «не являются в служении Господу во всем свободными», поскольку связаны необходимостью опекать своих близких и «не могут отдалиться или от сыновей, или от дочерей, или от родственников, по причине их юного возраста, поскольку им не будет хорошо одним». Здесь Савонарола пытается соотнести желание женщины и конкретные жизненные обстоятельства, в которых она пребывает, наделять этих вдов решимостью в исполнении их долга и предоставить им утешение. «Всякий тяжелый труд, который они исполняют в семье, – заявляет монах, – когда они совершают его из любви к Богу, зная, что к нему они понуждаемы им (Богом), будет вознагражден в жизни вечной»; те же, кто оставит своих домашних, тот «отрекся от веры и хуже неверного» [8, р. 46–47] – вторит он апостолу Павлу¹.

И, наконец, те вдовы, кому уже не нужно заботиться о семье, «пребывают в бо-

¹ 1 Тим. 5: 8: Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного.

лее спокойном состоянии и скорее способны снискать большее совершенство» и уподобиться Св. Анне, которая «служила Богу в постах и молитвах независимо от дня и ночи» [8, р. 48]. Среди этих женщин, уже преклонного возраста, как указывает доминиканец, имеются те, кто проявляет нерешительность: «... или из-за робости, или из сострадания» они не могут покинуть семью. Савонарола не осуждает их, но мягко увещевает: «... если они могут отдалиться, не нанеся какой-либо вред в проявлении милосердия к ближнему и (не вызвав) скандала, для большего их душевного спокойствия и большего совершенства» они «могли бы с какой-нибудь благочестивой компанией отправиться в защищенное и удаленное место и предаться молитвенному созерцанию» [8, р. 47–48]. Те же из них, кто нашел в себе силы оставить мир и целиком посвятить себя Господу, и есть «истинные вдовы» [8, р. 48].

Как видим, фра Джироламо хорошо осознавал, что не всякая женщина имеет возможность стать «истинной вдовой». Однако главное здесь – желание следовать добродетельной жизни, считает проповедник, заявляя: «И если все те вдовы, которые стремятся служить Богу, не могут обладать этим качеством Анны, им все же необходимо стараться следовать ее примеру, насколько это возможно» [8, р. 48]. Именно к таким женщинам Савонарола обращает свои наставления: в чем состоят намерения и желания «истинной вдовы»; какими должны быть их слова и поведение; как им следует вести себя в контактах с обществом и отдельными людьми так, чтобы при всем том сохранять свои помыслы о Боге.

Так вдове надлежит всячески избегать возможности впадения в грех сладострастия, по этой причине она должна отстраняться от общения с представителями мужского пола, как посторонними, так и родственниками (особенно молодыми), а также с предрасположенными к чрезмерным формам общения клириками; всем своим внешним видом и речью проявлять отсутствие склонности к разврату и особенно «беречься желаний прикосновения», ибо «многие женщины и многие мужчины впали (*в грех*. – Е. Т.) только через прикосновение рукой»; избегать применения чувственных ароматов, «поскольку эти вещи испускают запах дурного знакомства и недостаточной стыдливости от тех, кто их использует». Кроме того, «истинная вдова»

воздерживается от характерного для женщин многословия; она избегает различного рода наслаждений, связанных с телесными чувствами; ведет умеренную жизнь и соблюдает положенные Церковью посты [8, р. 52–53]. Здесь мы видим проповедь умеренной жизни и воздержания, которые и соответствуют статусу благочестивой вдовы.

Необходимо обратить внимание на то, что в своих наставлениях вдовам Савонарола, говоря о необходимости обуздать свою чувственность ради избавления от отдаляющей человека от Бога излишней привязанности к миру, особое внимание уделяет проблеме сексуальных отношений, призывая женщин к непрестанному стремлению оградить себя от соблазна, связанного с ними. С одной стороны, такая позиция брата может пониматься как топос, связанный с длительной христианской традицией, предписывающей женщинам подавлять свою сексуальность и практиковать воздержание; с другой, восприниматься как ответ на актуальные, социальные и моральные, проблемы современного общества, проистекающие из распространенной среди зажиточных слоев особенностей матримониальной практики, когда существенная разница между супругами приводила к появлению молодых вдов. Поэтому совет фра Джироламо отстраниться от общения с молодыми мужчинами был обращен прежде всего к тем женщинам, которые, как заметил К. Айзенбихлер, «преодолели идеальный возраст для брака (15–18 лет), но которые «еще обладают возрастом, способным к полноценной сексуальной жизни». Таким образом, речь шла о контактах ровесников, вполне способных ощущать друг к другу влечение и сексуальное желание, один из которых в двадцать – тридцать лет мог быть еще холостяком и только пытался завести семью, а другая «уже закончила ее строить», что в итоге создавало потенциальную угрозу для социального мира внутри городского сообщества [2, р. 269–270].

Еще один пассаж трактата нуждается в разъяснении. «Истинная вдова», в интерпретации Савонаролы, уже, будучи не отягощена заботами о родных, преисполнена решимости отдалиться от мира в служении Господу. Это определение, а также рекомендация «робким» вдовам «благочестивой компанией отправиться в защищенное и удаленное место и предаться молитвенному созерцанию»,

порождают вопрос: какая из существовавших в то время многообразных форм женского благочестия, в различных пропорциях, сочетавших в себе светский и монашеский образ жизни, представлялась для флорентийского реформатора более предпочтительной. Опираясь на тот общеизвестный факт, что деятельность доминиканского проповедника привела к резкому увеличению числа монашествующих в городе на Арно, можно предположить, что брат Джироламо имел в виду, если не исключительно, то преимущественно, вступление этих женщин в монастырь.

Означенную позицию фра Джироламо, видимо, стоит назвать не столько ригористичной, сколько соответствующей ситуации в современной ему Церкви. Как отметила Анна Бенвенути, «эпоха Савонаролы пожинала спелые плоды установившейся уже в начале XV в. тенденции к упорядочиванию ... женского религиозного движения», его унификации «внутри монастырских стен». Стремление Церкви взять под контроль различные проявления женского благочестия влекло за собой усиление практики «резкого разграничения между состоянием светским и мирским, с целью разрешить целый ряд ситуаций, «промежуточных» с точки зрения институциональной», что проявилось в поощрении терциариев (членов третьих орденов) и обитательниц «рассеянных поселений кающихся» к принятию обетов и

облачения второго ордена. Одним из флорентийских монастырей, связанных с этим процессом унификации, стала обитель Св. Люции [1, р. 178–179]. Во время Савонаролы этот монастырь вошел в состав созданной им Тосканской конгрегации, приняв строгий устав и объединив внутри своих стен последовательниц флорентийского реформатора.

Итак, в сочинении Савонаролы представлена попытка классификации вдов на основании их предрасположенности к целомудренному образу жизни и личных обстоятельств (возраст, семейное окружение, экономические условия существования и проч.). Учитывая означенные субъективные и объективные факторы, монах допускал повторное замужество для еще молодых и сексуально активных вдовиц, однако в качестве идеального образца «истинной вдовы» полагал тех женщин почтенного возраста, которые, будучи не отягощены заботами о детях и других близких родственниках, избрали путь служения Богу в целомудрии и молитвенном уединении (предпочтительней всего в монастырской обители). Тот же тип женщин, которые избрали аскетический и благочестивый образ жизни, но не порывали связи с обществом, монах, несомненно, встречал в своей практике, одобрял их выбор, однако, в отличие от своих современников, не был готов предложить в качестве абсолютного идеала.

Литература

1. Benvenuti A. I Bruchi di Frate Gerolamo: l'eversivo anacronismo del Savonarola // Savonarola e la politica. Atti del secondo seminario (Firenze, 19–20 ottobre 1996) / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMELE edizioni del Galluzzo, 1997. P. 163–186.
2. Eisenbichler K. Savonarola e il problema delle vedove nel suo contesto sociale // Una città e il suo profeta: Firenze di fronte al Savonarola / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMELE Edizioni del Galluzzo, 2001. P. 263–271.
3. Herlihy D. Vieillard a Florence au Quattrocento // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 24e année. №. 6. Paris, 1969. P. 1338–1352.
4. Herlihy D., Klapisch-Zuber Ch. I toscani e le loro famiglie. Uno studio sul catasto fiorentino del 1427 / trad. it. di Mario Bensi. Bologna: Il Mulino, 1988. 940 p.
5. Klapisch-Zuber C. La famiglia e le donne nel Rinascimento a Firenze / trad. it. di Ezio Pellizer. Roma-Bari: Laterza, 1988. XIX, 350 p.
6. San Bernardino da Siena. Le prediche volgari dette nella Piazza del campo l'anno MCCCCXXVII, ora primamente edite da Luciano Banchi. Siena: Tip. Arciv. S. Bernardino Edit., 1880. Vol. 1. XXVIII, 388 p.
7. San Bernardino da Siena. Le prediche volgari dette nella Piazza del campo l'anno MCCCCXXVII, ora primamente edite da Luciano Banchi. Siena: Tip. Arciv. S. Bernardino Edit., 1884. Vol. 2. 462 p.
8. Savonarola G. La vera vedova // Savonarola / [a cura di] Mario Ferrara. Vol. I. Prediche e scritti commentati e collegati da un racconto biografico. Firenze: L. S. Olschki, 1952. XXIV, 451 p.
9. Краснова И. А. Горожанки Флоренции между семьей и монастырем: индивидуальный выбор, брачные стратегии и социальное принуждение // Диалог со временем. 31. Специальный выпуск: Нормы и девиации в гендерной истории и историографии. М.: КРАСАНД, 2010. С. 125–153.

УДК 93-94

Д. С. Ткаченко

**ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗАХ
(НА МАТЕРИАЛАХ ТВОРЧЕСТВА БРЮСА БЭРНЗФАЗЕРА)**

Статья написана на основе актуально-го в настоящее время военно-антропологического подхода к изучению военных событий и базируется на авторском переводе английских текстов, благодаря которому в научный оборот впервые вводятся оригинальные иностранные источники личного происхождения, связанные с творчеством военного карикатуриста Брюса Бэрнзфазера. Литературное и художественное наследие, зафиксировавшее

фронтной опыт, приобретенный художником зимой 1914–1915 гг. позволяет поставить вопрос об исследовании не столько истории военных операций, сколько повседневной жизни человека в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Брюс Бэрнзфазер, военная карикатура, военная мемуаристика, военная антропология, военная повседневность.

D. S. Tkachenko

**THE IMAGES OF A WAR ROUTINE
(BASED ON BRUCE BAIRNSFATHER'S PAINTINGS)**

The article highlights the so-called military anthropology approach to war events studying. It focuses on the author's translations of original English sources related to the British cartoonist Bruce Bairnsfather. His heritage in a form of records and pictures giving his account of life at the front in the first winter (1914–1915)

В конце 1916 года в одном из листовок-приложений к русскому сатирическому журналу «Лукоморье» появилась краткая публикация «Юморист траншей» [8, с. 1]. В ней в первый и последний раз в нашей стране промелькнули несколько карикатур, нарисованных человеком, ставшим своего рода легендой. Его имя стоит наряду с другими критиками войны, хотя средства, использовавшиеся автором, были иными: он использовал силу художественных образов, а не слов.

«Присуший англичанам юмор не оставляет их даже среди ужасов современной войны, – писал русский корреспондент в кратком комментарии к опубликованным рисункам. Ярким воплощением этой национальной черты наших союзников является новый крупный юморист, капитан Бэрнзфазер, талантливые карикатуры которого вносят какую-то особую бодрость во все тяжелые положения боевой жизни солдата» [8, с. 1]. Большого о

of the First World War, can provide ground for studying not only the War operations themselves, but the evidence of the everyday life routine in trenches.

Key words: the First World War, Bruce Bairnsfather, war cartoons, war memoirs, war anthropology, war routine.

своем современнике российский корреспондент сказать не мог, так как признание в Англии, благодаря изданию своих рисунков, Брюс Бэрнзфазер получил лишь недавно. Однако резонанс от его работ оказался столь велик, что докатился даже до России.

Глядя на опубликованные рисунки, можно предположить, что редакция «Лукоморья» явно располагала оригинальным английским сборником «Bystander (Наблюдателя)», из которого перепечатала несколько карикатур. Конечно, она внесла коррективы и переводом в отдельных местах явно смягчила «кричащие» подписи. Выбор тематики тех пяти из ста шестидесяти оригинальных карикатур так же показывает серьезную работу русской военной цензуры даже в период предреволюционного состояния нашей страны. Однако это не имело отношения к деятельности самого художника, творившего свои произведения в условиях иной историко-культурной реально-

сти и воевавшего на Западном, а не Восточном фронте.

«Когда Томми уходил на Великую войну, – писал в предисловии к «Фрагментам из Франции» английский издатель, – он шел, улыбаясь и напевая мотивчики, услышанные им дома. Война, – скажут знатоки, – это гимн ненависти, который никогда не может быть облачен в дух легкомысленной шутки... Уверен, что враг будет просто взбешен, если перелистает страницы этой книги. На них дух британского гражданина и солдата, который ненавидит войну так, как можно ненавидеть лишь Ад, вылился в цвета или передан скупым штрихом, чтобы нанести удар по апостолам железа и крови. Здесь Великая война выродилась в ухмылку и отвратительный абсурд. Но это – не веселье легкомысленного зеваки, это юмор того, кто сам прошел через войну.

Капитан Бэрнзфазер был на той «ферме», которая помещена на развороте, под огнем противника выдержал поиски «воронки получше» – те, что изображены на цветной обложке книги, своими глазами наблюдал за исчезновением у окопа «проклятого бруствера», показанном на одной из ее страниц и стригся под обстрелом именно так, как нарисовано на другой. И пройдя через все это, он зафиксировал то, что видел, слышал, чувствовал и нюхал, – то, над чем смеялся» [4, р. 4].

Брюс Бэрнзфазер не только рисовал увиденное, но и вел записи. Их он систематизировал в ряд автобиографических произведений, так же опубликованных в Англии как в годы войны, так и непосредственно после ее завершения [1; 3; 5]. Из них, наибольший интерес представляет книга, изданная в 1916 году, описывающая пережитое автором зимой 1914–1915 гг. – в самое тяжелое для английского экспедиционного корпуса время, в том числе и мотивы выбора тем для карикатур. Свою книгу автор назвал «*Bullets and Billets*» – «пули и места картирования» и посвятил ее своим персонажам: «Биллу, Бертю и Альфу, что сидели со мной в грязи» [2]. «Я не претендую на особую уникальность своего опыта, – пишет Бэрнзфазер в предисловии. – Многие тысячи пережили то же самое. Я всего лишь сделал запись проведенного здесь времени в том виде, как это представало передо мной» [2, р. 2].

Довоенные годы Бэрнзфазера были типичными для человека среднего класса. Он

родился 9 июля 1888 г. в индийском городе Мюррее в семье колониального офицера Бенгальской пехоты. Как представитель английской общины, он посещал школу в Индии, а затем был отправлен продолжать учебу в Англии – в город Стратфорд-на-Эйвоне. Достигнув совершеннолетия, молодой человек поступил в армию, но вскоре бросил ее, связав свою жизнь с судьбой художника средней руки. До войны он рисовал типичные для начала XX века пасторальные пейзажи и зарабатывал на жизнь изготовлением рекламы для производителей чая, табака и пива. События 1914–18 гг. многое изменили в жизни молодого человека, и «без войны он, скорее всего, никогда и не попытался бы рисовать карандашные рисунки для публикации», – отмечает издатель [4, р. 5].

Начало войны было связано с патристическим подъемом и молодой человек, ранее бывший «то солдатом, то инженером, то художником», решил вновь вернуться в Варвикский территориальный полк, который он когда-то бросил. Понесшая в битве на Монсе потери, английская армия требовала все больше образованных людей и Бэрнзфазер, пройдя ускоренные курсы по подготовке командира пулеметного расчета, в чине лейтенанта в конце 1914 года был отправлен на Западный фронт [6]. Как отмечает издатель «Фрагментов», художник изначально собирался составлять «частные зарисовки» о войне, но, конечно, и не предполагал, что ему придется рисовать свои произведения на стенах разрушенных сараев, оберточной бумаге и обрывках скатерти [4, р. 5].

Получив распределение, он попал во Фландрию, где в районе леса Плагстрит (Plugstreet Wood), недалеко от городка Ньепп шли ожесточенные позиционные бои. Сразу же по прибытию в часть, Бэрнзфазер был направлен в окопы на передовые позиции.

«Первый день в окопах – это невероятное потрясение, – вспоминал он позднее. – Чтобы получить представление о пережитом, я бы рекомендовал проделать следующую процедуру: Выберите хорошо вспаханное плоское поле в 10 акров площади, расположенное так, чтобы на него стекала вода со всех окружающих возвышенностей. На нем вырыйте зигзагообразную канаву в 4 фута глубиной и три шириной со скошенным в одну сторону дном, а внутри отгородите от себя дамбой столько

воды, сколько сможете так, чтобы в распоряжении осталось около сотни ярдов хлюпающей грязи. По ней прокопайте дыру в одном из склонов канавы, ну и поживите в ней месяц на консервах и сухарях. Да, и не забудьте дать инструкцию друзьям стрелять в вас из винчестера каждый раз, как вы случайно высунете голову над поверхностью земли. Здесь-то я и оказался, и надо было как-то устраивать свой быт...» [2, р. 17–18].

В своих рисунках Бэрнзфазер очень точно передает военную повседневность. При этом стоит отметить, что боевая составляющая окопной жизни играла вспомогательную роль в творчестве художника. На его рисунках мы не увидим героические батальные картины, призывающие к подвигу и жертвенности. Война и опасности переданы буднично и предельно рутинно.

Вот, например, солдат-снайпер, высматривающий себе цель во вражеском окопе и призывающий своего товарища полюбоваться, как он сделает «решето из его каски» [4, р. 40].

Вот лихой командир пулеметного расчета (скорее всего, сам автор), призывающий бойца «подождать пока желанная цель не покажется получше» [4, р. 22]. На карикатурах враги представлены в искаженном виде и выглядят чаще всего убогими, небоеспособными толстяками или, наоборот, изможденными до предела. Эти люди не страшны и вызывают у зрителя лишь улыбку сожаления. Подобное видение войны и образы противника целиком отражали заказ военной пропаганды и следование художником официальной идеологии в военное время вполне объяснимо.

Однако в своих мемуарах автор описывал и иные, менее героические эпизоды, свидетелем которых он становился. Вот, например, что он пишет о любопытном явлении

(названном англичанами «wind up») – массовых ночных нервных срывах, которые происходили у людей, сидящих в окопах и ждущих нападения. «Стрельба становилась все быстрее, а затем вдруг слилась в общий рев, и наступил феномен траншейной войны – паника («wind up») – окопный степной пожар. Все стоят на парапете, а издали слева накатывается торнадо шелкающих звуков, который нарастает все громче и громче. Через

несколько секунд волна прокатывается через нас и идет дальше по фронту, и вот отчетливый стук винтовочной стрельбы уже звучит прямо перед нами. Пули сотнями шелкают по вершинам мешков с песком на парапете, в то время как белые полосы с шипением взвиваются кверху и рассыпаются яркими круглыми огнями света – осветительные ракеты в их лучшем виде.

Любопытная вещь этот «wind up» («паника»). Никогда не знаешь заранее, когда она накроет. Она вызвана исключительно нервами. Возможно, какой-то любознательный немец в паре миль отсюда по-

думал, что увидел, что кто-то приближается к ограде из колючей проволоки; обменялись несколькими выстрелами, раздались крики, затем все больше выстрелов и криков и вдруг, весь фронт на протяжении в несколько миль подпадает под известную мелодию паники. А на самом деле более чем вероятно, что никого не было рядом с ограждением, да никто даже не имел и малейшего намерения лезть к нему» [2, р. 26].

Чувство томительного ожидания подстерегающей солдата на каждом шагу опасности особенно ярко проявлялось во время артобстрела. Не удивительно, что данной тематике посвящен целый ряд рисунков. Их сюжет примерно один: напуганные и беззащитные люди сидят в ненадежных укрытиях

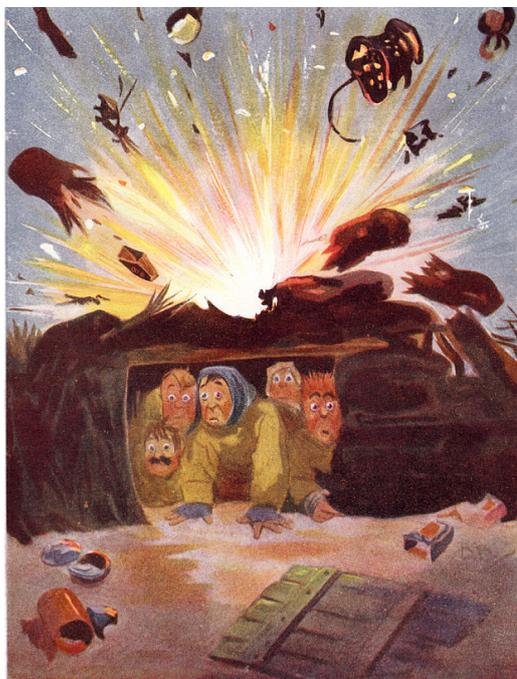

A Maxim Maxim
(Пулемет «Максим»)

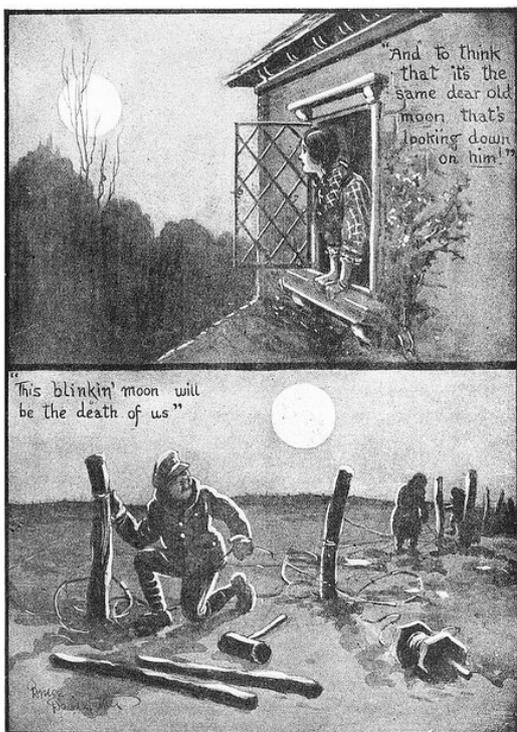
и гадают – попадет ли в них вражеский снаряд. «Телепатия: два мозга думают одну мысль», – иронизирует по этому поводу Бэрнзфазер на одном из рисунков [4, р. 103]. «Чувство 16-дюймового снаряда», от которого прикованный к своему месту человек не может даже уклониться, представляет он на другом [4, р. 41]. И даже во сне солдат не может отделаться от мысли, что снаряд в любую секунду может проникнуть в его укрытие [4, р. 45]. Особенно удачно чувство безысходности передано в карикатуре с говорящей подписью под ним «А куда летит следующий?» [4, р. 10], где группа оборванных и напуганных солдат пытается спрятаться в ненадежном укрытии от огня тяжелой артиллерии.

Однако на рисунках Бэрнзфазера мы не увидим призывов к панике, так как при всем трагизме ситуации солдаты на фронте честно выполняют свой долг. «Ух ты, кто проделал такую дыру? – спрашивает новобранец старого солдата, разглядывая пробоину от тяжелого немецкого снаряда в стене сарая. «Мыши», – иронизирует бывавший под обстрелом человек в ответ, потешаясь над незнанием вновь прибывших на фронт «столь очевидно» [4, р. 20].

Чувства человека на фронте трудно понять тем, кто остался

«Where did that one go to?»
(А куда летит следующий?)

The Same Old Moon
(Все та же старушка луна)

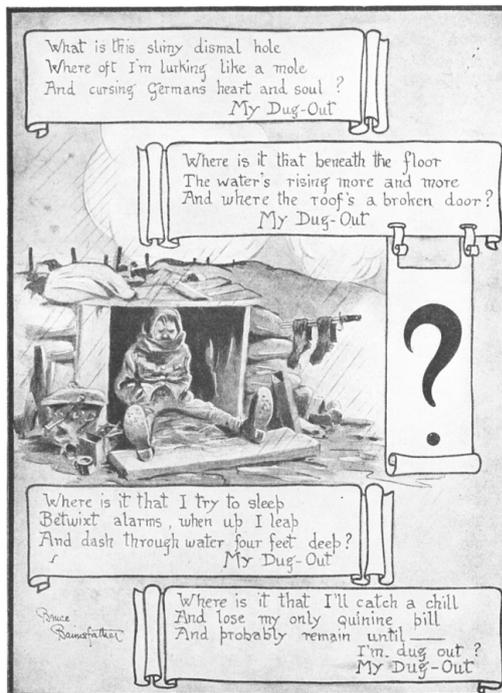
в безопасном тылу – вот лейтмотив другой карикатуры «Все та же старушка Луна». Скусающая по любимому девушка смотрит из окна на небо с мыслью, что луна сейчас светит и на «него». В то же самое время «он», солдат, занятый монтажом ограждений перед окопами, злобно глядя на луну приговаривает: «Эта проклятая луна принесет нам всем смерть» [4, р. 44].

Война, обстрелы и опасность не самое худшее из того, что вынужден был пережить солдат в позиционной войне. На карикатурах Бэрнзфазера условия жизни в окопах – гораздо большее испытание, на которое обречен человек на фронте. «Я вскоре столкнулся с необходимостью строить землянку, и, конечно, под дождем, – пишет Бэрнзфазер в своих воспоминаниях. – После довольно продолжительного плескания в примитивных окопах по соседству с тем местом, где мы установили пулемет, мы с сержантом обнаружили что-то вроде крытого прохода ко рву, из которого шла коммуникационная траншея. Мы решили использовать этот проход и все устроили следующим образом: вычерпывая жидкую глину, мы проделали в стенах два углубления – одно вслед за другим. Было около 11 ночи, и, проведя последние пять часов в ползании на карачках по разного рода

окопам, я забрался во внутреннее углубление, чтобы поспать. Оно было около 4 футов в длину, 3 – в ширину и 3 – в высоту. ... Ну, вот я здесь – в ужасной глиняной полости, где-то в Бельгии, за много миль от дома – замерзший, насквозь промокший и облепленный грязью. Это был мой первый день и, насколько я понимаю, будущее не несло с собой ничего, кроме повторения вещей подобных, или еще худших. ... В узком пространстве рядом со мной лежали вещи: револьвер и влажная пачка сигарет. Все было здесь холодным, влажным и грязным, а огарок свечи догорал...

и реальность в том, что поверхность глиняного потолка лишь в 18 дюймах надо мной, а на другом конце поля находятся немцы, и, похоже, нет ни малейшего шанса покинуть это место, кроме как попав в госпиталь» [2, р. 18].

Образы, навеянные условиями жизни в солдатской землянке («dug-out»), стали сюжетом для многочисленных карикатур. На одной из них старослужащий солдат спрашивает новобранца, как тот провел ночь. «Отлично, – отвечает тот, выглядывая из-под жалкого навеса, – только вот отдохнуть бы теперь» [4, р. 22]. Лучшей карикатурой этого рода стал рисунок, сопровождаемый своеобразной стихотворной поэмой «Моя землянка (My dug-out)». Надписи вокруг трясушегося от холода солдата гласят: «Что это за склизкая, мрачная нора, в которой я таюсь, как крот, и клянчу немцев на чем свет стоит? (Моя землянка)»; «Где находится то место, в котором под настилом постоянно прибывает вода, а вместо крыши – сломанная дверь? (В моей землянке)»; «Где это я пытаюсь поспать в промежутках между тревогами, которые вновь заставляют меня плескаться по воде глубиной в 4 фута? (В моей землянке)»; «Где я подхватываю озноб и потеряю свою последнюю медицинскую таблетку и, скорее всего, останусь до тех пор, пока меня

My Dug-Out
(Моя землянка)

не откапают? (В моей землянке)» [4, р. 11].

Карикатуры художника подчеркивали мысль, что при всей тяжести жизни в окопе, солдату просто некуда из него деваться. Вершиной в творчестве Бэрнзфазера стал рисунок, изображающий солдат, укрывшихся от огня противника в воронке. Один из них замечает своему товарищу по несчастью: «Ну, если ты знаешь воронку получше, то и отправляйся в нее» [4, р. 16]. Интересно, что художник несколько раз переименовывал карикатуру. Сначала он назвал ее «Жители необитаемого острова посреди моря разрушения и опасности»,

затем – «Наша главная военная мотивация», пока не остановился просто на подписи из диалога солдат [7]. Эта карикатура стала одним из самых обсуждаемых рисунков в творчестве Бэрнзфазера. «Публика увидела и притихла, – описывал очевидец первое появление карикатуры. – Трагикомично, что два человека, вовлеченные в яростный вихрь войны посреди обстрела выясняют вопрос: а мог бы один из них попасть в еще более затруднительное положение? Ни одна другая карикатура на войну в действительности не могла бы задеть так, как образ этих двух опустошенных людей, сидящих в воронке от снаряда» [7].

Свое видение повседневности войны Бэрнзфазер отразил не только в рисунках, но и в описаниях. Так, рассказывая о своей жизни, он считает, что во время позиционного сидения главное – это «попытаться найти что-нибудь, из чего можно развести огонь и сделать все возможное, чтобы удерживать воду подальше от нашей землянки – задача, с которой никто из нас так и не справился. Мой подход к организации жизни в этих условиях – переобуваться как можно чаще. Если для этого не было времени, я пытался испарить воду из своих сапог, держа ноги поближе к печке-ведру. Я всегда сначала наматывал портянки, поверх них надевал пару толстых носков и, наконец, сапоги. Таким обра-

зом, я всегда мог быстро скинуть пару промокших сапог и носков и надеть запасной комплект, который немного просох у огня. Так, мы и жили: в постоянной сырости, когда не промокали до костей. Мои портянки, которые я менял редко, из-за грязи больше всего были похожи на мотки нугаобразной массы. ... Но больше всего меня донимал холод. Лично я бы лучше перенес отсутствие еды, чем топлива для костра. Огонь любого вида был единственной вещью, которая подбадривала. Сухари были скудными и всегда влажными, и часто можно было услышать замечание вроде: «Подкинь-ка сухарей Билл, огню нужно топливо» [2, р. 29–30].

Бытовые условия солдата, обреченного на жизнь в окопе под открытым небом, с приближением холодных осенне-зимних месяцев становились просто невыносимыми. «День за днем и ночь за ночью мы укрывались от взрывов, читали, говорили и вместе плескались в окопах. Единственным развлечением в дневное время было, сидя на мокрой соломе нашего глиняного укрытия, отковыривать слои грязи со своих размокших сапог или одежды. Событием, которого все с нетерпением ждали, – это прибытие писем вечером.

Вновь и вновь мы вылезали из своей землянки и хлопали вниз по окопу, чтобы сделать какие-нибудь усовершенствования позиций или незаметно оглядеть затопленное водой свекольное поле, на другом конце которого находились немецкие окопы. Изредка в тишине спокойного туманно-

«Well, if you knows of a better 'ole, go to it»
(Ну, если ты знаешь воронку получше,
то и отправляйся в нее)

«Happy Memories of the Zoo»
(Привет из зоопарка)

лев – почти вымершая амфибия, впервые обнаруженная во Фландрии в зимнюю кампанию 1914–1915 гг. Питается исключительно сливово-яблочными консервами и ромом. Кидается на людей, только когда последний заканчивается» [4, р.122].

го утра откуда-нибудь из глубины геологических отложений наших жутких траншей звучал обрывок песни, что-то вроде «Старые солдаты не умирают, они просто постепенно исчезают» – и голос, полный усталости ото всего («fed-upness») вдруг резко обрывался» [2, р. 25]. Позиционная война, с точки зрения рядового участника, выглядела как нескончаемое сидение в окопах в грязи. Оно получило яркое освещение в рисунках Бэрнзфазера, лучшим из которых является карикатура с персонажем, сделавшим художника знаменитым – «Старым Биллом». Невозмутимый англичанин старой закалки читает газету и, пытаясь не обращать внимания на мокнувшие в луже на дне окопа ноги, необычайно похож на обитателя морского лежбища. «А когда у нас кормят морских львов, Альф?» – иронизирует в его адрес товарищ на карикатуре с говорящим названием: «Привет из зоопарка» [4, р. 64].

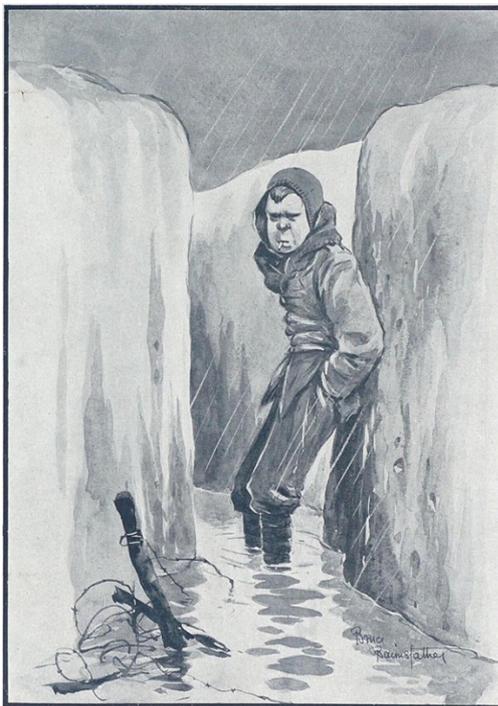
Сравнение солдат с представителями животного мира Бэрнзфазер развил в последующих карикатурах. Одна из них – «Зоология войны», где изображен солдат с отросшими вместо рук и ног лапами, сообщает что это – «Фландрский морской

Другие карикатуры показывают, как изменяются окопы на фронте по мере заполнения их дождевой водой. Например, на рисунке «Коммуникационная траншея (Траншея связи)» изображен унылый солдат, посланный с сообщением. Замерзший человек под дождем стоит по шиколотку в воде, из которой торчат обрывки колючей проволоки и решает «непростую дилемму: рискнуть ли проскочить по поверхности, или так тянуться еще милю?» [4, р. 69].

«Они точно запустят в нас торпеду, если мы проторчим здесь еще», – говорит один солдат дру-

гому, стоя в окопе по грудь в воде на карикатуре «Новая угроза от подводных лодок» [4, р. 81]. И это не было чистой выдумкой автора. В своих мемуарах Бэрнзфазер дает описания реальных эпизодов боевой жизни, которые вдохновили его на создание подобных сюжетов. Вот что он пишет о переброске его батальона на новые позиции: «Шел дождь и окоп более чем на три фута был заполнен водой. И люди тем самым были вынуждены стоять по пояс в воде. Парапет перед окопом был ничем иным, как грубой насыпью, которая из-за воды практически не существовала. Их винтовки лежали в мешке впереди. И тем не менее, люди были здесь, принимая все это как необходимую составную часть той «великой игры»: ни ворчания, ни комментариев. Все были промокшими насквозь, а большая часть их припасов находилась на дне окопа ниже уровня воды» [2, р. 75].

Жизнь солдата на фронте состояла не только из пребывания на передовой; время от времени приходила смена, и люди отправлялись на кратковременный отдых в тыл. «После обычного числа томительных дней и не менее томительных ночей, проведенных в описанных мной условиях, пришла очередь для появления нашего сменного батальона, а нашему – отправ-

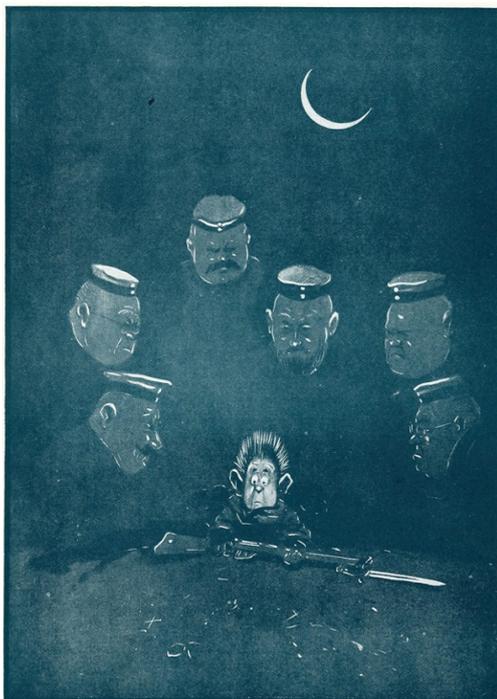
The Communication Trench
(Траншея связи)

ляться на отдых в места квартирования. ...После ожидания, кажущегося бесконечным, мы услышали бречание консервных банок, кланье амуниции, шлепанье ног по грязи и голоса, шепчущие, что «они уже здесь!» Так ты узнаешь, что сменный батальон уже прибыл и собирается занять ваши драгоценные земляные норы. Когда смена завершена, мы вольны идти! Идти на несколько дней отдыха в место расквартирования. Выход из самих окопов занимает долгое время. Сдача позиций и окончательное высвобождение из болота в темноте – длительный процесс, а потом еще надо пройти около

мили по местности, которую ты раньше, в дневное время не имел возможности изучить так, чтобы по ней передвигаться. ... Наконец мы вышли на узкую, открытую дорожку, время от времени оглядываясь чтобы посмотреть на яркие сияния осветительных ракет над вершинами деревьев и вскользь подумать о «несчастных чертях», оставшихся позади, чтобы занять наше место и заниматься там тем, что мы делали до них» [2, р. 30–31].

Следует отметить, что в творчестве Бэрнзфазера мы не найдем шаржей на политическую тематику (излюбленный сюжет других карикатуристов), но, несмотря на это, антивоенная составляющая его рисунков прослеживается предельно четко. Она стала отражением видения войны не только самим автором, но и многими из его сослуживцев. Вот как художник объясняет мотивы создания рисунков: «Во время этих долгих томительных дней я вдруг решил делать зарисовки. ... Я не противился своей страсти и начал с нескольких рисованных карандашом сцен, к которым были добавлены тексты... Шутки насчет нашего жуткого существования стали их содержанием и они составили первые наброски «Фрагментов». Люди из соседнего взвода перерисовали их, и вскоре в разных землянках по соседству я столкнулся с ними – грязными и потрепанными.

Мое малевание доставляло удовольствие тем, кто жил вместе со мной и тем, кто случилось, навешал нас. Я продолжил, и следующий шедевр стал фигурой солдата, сидящего на дереве и смотрящего вдаль, в то время как под ним группа упитанных немцев высматривала себе жертву, выглядывая из травы за колючей проволокой. Он понимает, что что-то идет не так, но не хочет смотреть вниз. Я назвал это «Дозорный пост» и чувство, передаваемое рисунком было настолько всем нам знакомо, что он вновь имел успех...» [2, р. 62 – 63]. Несмотря на то, что данный рисунок не вошел в сборник, чувство, упомянутое художником, стало сюжетом других карикатур, например, «Вот каково на самом деле быть ночью в дозоре» [4, р. 43].

What It Really Feels Like to be on patrol duty at night-time (Вот каково на самом деле быть ночью в дозоре)

не представляют ее с точки зрения армейских операций, а позволяют проникнуть во внутренний мир человека, вовлеченного в глобальный конфликт.

Рисунки, отосланные Бэрнзфазером в редакцию «Наблюдателя», не только имели широкий успех среди солдат, но и были уже в 1916 году опубликованы отдельным изданием. Судя по тому, что его тираж в 250 тыс. экземпляров быстро разошелся, многие люди вслед за художником стали считать: война, заставляющая человека пройти через все, изображенное на рисунках, – это то зло, которое надо показывать и современникам, и их потомкам для того, чтобы оно больше не повторилось [6].

Для исследователя же яркие зарисовки и записки очевидца показывают иной пласт Первой мировой войны,

Литература

1. Bairnsfather B. A Few Fragments from His Life. London: The Bystander / Hodder & Stoughton, 1916.
2. Bairnsfather B. Bullets and Billets. London: Grant Richards LTD, 1916.
3. Bairnsfather B. Carry on Sergeant. London: Pub. for «The Bystander» by Hodder and Stoughton, 1927.
4. Bairnsfather B. Fragments from France. London, New York: Knickerbocker Press, 1917.
5. Bairnsfather B. From Mud to Mufti. London, 1923.
6. First World War Art. Bruce Bairnsfather [Electronic resource]. URL: <http://spartacus-educational.com/Jbairnsfather.htm> (Accessed: 30.09.2015).
7. Mark Warby. 100 Years Ago: Celebrated First World War cartoon makes its debut [Electronic resource]. URL: <http://www.centenarynews.com/article/100-years-ago-celebrated-first-world-war-cartoon-makes-its-debut> (Accessed: 25.11.2015).
8. Юморист траншей / редактор-издатель М. А. Суворин. Новое время, Б.м.; б.г.

УДК 63.4

Е. А. Хошафян

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ЛОКАЛЬНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ МИКРОИСТОРИЧЕСКОГО РЕГИОНА
(НА ПРИМЕРЕ МЯСНИКОВСКОГО РАЙОНА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX СТОЛЕТИЯ)**

В предлагаемом исследовании рассматривается сложный комплекс теоретико-методологических вопросов, связанных с системным исследованием регионального исторического процесса. Главным исследовательским объектом является локальное этническое сообщество, представленное армянской общиной Мясниковского района Ростовской

области и локализуемое в пространственных границах микроисторического региона. В качестве основного метода данного исследования используется качественный синтез дифференцированных концепций, позволяющий сформировать адекватную описательную модель.

Ключевые слова: регион, методология, социум, познание, этнос, теория.

E. A. Hoshafyan

**THE ORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF SYSTEMATIC INVESTIGATION
OF THE LOCAL ETHNIC COMMUNITIES IN MICRONHISTORICAL REGION
(BY THE EXAMPLE OF MYASNIKOVSKY DISTRICT OF ROSTOV REGION
OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY)**

The present study examines the complex set of theoretical and methodological issues related to the system of regional study of the historical process. The main object of the research is the local ethnic community represented by the Armenian community of Myasnikovsky district of Rostov region and localized by spatial

boundaries in microhistorical region. The main method employed in the study is qualitative synthesis of differentiated concepts which allow to develop an adequate descriptive model.

Key words: region, methodology, society, cognition, ethnicity, theory.

Методологический принцип историзма обуславливает системное рассмотрение Мясниковского района второй половины XX в. как микроисторического региона, сформировавшегося исторически и соответствующего социальным и культурным реалиям рассматриваемого времени. Исторический подход, обусловленный опорой на этот методологический принцип, предполагает комплексный учет сочетания исторических и культурных традиций народа с условиями, сложившимися в стране в целом и на территории района в частности, в условиях поздней советской действительности и начала постсоветского периода. Это позволяет рассматривать армянское население Мясниковского района и его культуру за данный период как обобщающий и всесторонний результат длительного куль-

турно-исторического развития и в то же время как итог общего развития страны и региона, в составе которого жили донские армяне и заняли свое место в сложной и мозаичной структуре советского общества.

Поставленная проблема предполагает опору на сложившийся в современной научной исторической мысли методологический принцип понимания исследуемого объекта. В качестве такого объекта выступают в контексте данного исследования этнокультурная и социокультурная общность изучаемого времени, к которой относится армянское население Мясниковского района, а также принадлежащий к ней отдельный человек и его культура, который мог при этом относиться к разным социальным слоям общества. Принцип понимания сложился в результате изме-

нения взглядов на историческую науку, требует в значительно большей степени, чем это было в рамках классического исторического познания, учитывать особенности истории как гуманитарной научной дисциплины.

В этой связи объяснительные модели изучаемых явлений и процессов строятся на базе установления понимания объекта исторического познания. Это позволяет в большей степени учитывать гуманитарную и социокультурную сущность истории как научной дисциплины. Опора на принцип понимания при исследовании поставленной проблемы дает возможность направить мысль историка на уяснение типичных черт в характере и культуре этносоциальной группы и отдельных составляющих ее людей, уяснить предпосылки весьма значительных экономических успехов, которых достигло хозяйство небольшого Мясниковского района на фоне всей области и по сравнению с другими районами. Она дает возможность понять, на чем основывалось такое специфическое положение района в Ростовской области, общим выражением которого стала роль своего рода площадки для внедрения передового опыта, которую он достаточно успешно играл в течение ряда лет. Но вместе с тем это дает возможность уяснить, как обшая ситуация в стране, способствовавшая развитию застойных явлений и процессов, мешала в полной мере проявиться и развернуться специфическим качествам, трудовым навыкам и традициям армянского населения, служившим прочным основанием для определенных хозяйственных достижений, имевших место в районе.

В свете классической традиции методологии научного исторического познания в исследовании поставленной проблемы признается теоретизм как принцип подхода к изучаемым явлениям [1, 2]. Заключается он, во-первых, в опоре на теорию более высокого и общего уровня при концептуальном обобщении относящегося к проблеме эмпирического материала. Во-вторых, в выводе о необходимости обобщений выявленного и проанализированного материала на уровне концепции частного и конкретного характера, выступающего в качестве теории среднего уровня. В то же время в соответствии с особенностями научного исторического познания новейшего времени допускается плюралистический подход к теоретическому обоснованию иссле-

дования. Это дает возможность не замыкаться в узких рамках монистического подхода, связанного с опорой только на одно теоретическое обоснование.

Поставленная проблема предполагает использование некоторых традиционных для исторической науки методов. Историко-генетический метод позволяет исследователю установить роль «корней» и «истоков» в историческом, социальном и культурном явлении и процессе, их воздействие на его последующее развитие и судьбы связанных с ним людей. В то же время историк должен иметь в виду предупреждение М. Блока насчет того, что названо было им «идол истоков» [3]. «Поклонение» такому «идолу» составляет методологическую ошибку. Оно может привести историка к тому, что черты и качества изучаемого явления на позднейших стадиях своего развития сводятся к характерным признакам явления на стадии его генезиса и на ранних стадиях его существования без учета изменений на последующих стадиях. Использование историко-генетического метода к исследованию проблемы позволяет понять состояние этнокультурной группы донских армян Мясниковского района и с необходимой доказательностью выявить, какие черты и качества, принесенные армянскими переселенцами из Крыма, сохранились в поколениях людей и способствовали хозяйственному и культурному развитию района [6].

Историко-сравнительный метод позволяет сравнить уровень и характер развития района изучаемого времени с другими районами области и понять особенности его развития во второй половине XX столетия. Историко-типологический метод позволяет выделить в качестве итога социокультурного анализа истории населения района указанного времени выделение донских армян Мясниковского района позднего советского времени как определенного культурно-исторического типа, выделяющегося своими особенностями по отношению к населению соседних и более отдаленных районов Дона [9].

Особую роль играет историко-психологический метод. Он дает возможность выявить особенности исторической психологии и культуры изучаемого сообщества. На его основе обеспечивается понимание характера и культуры сообщества и отдельной личности.

Теоретическая основа соответствующего исследования может строиться на базе новой локальной истории, сложившейся во второй половине прошлого столетия в качестве перспективного научного теоретического направления. Развитие его в историографии проходило на материалах средневековья и начала нового времени и строилось на основе исследования истории отдельных поселений и церковных приходов, ограниченных локалов на уровне незначительного города и сельской округи. Что касается нового и особенно новейшего времени, то исследования в свете новой локальной истории только разворачиваются и ждут своего развития. В частности, это относится к истории Дона, когда за последнее время появляются исследования истории отдельных округов области Войска Донского. Также начинается изучение истории отдельных районов Ростовской области советского и постсоветского времени. В этой связи внимание к Мясниковскому району не случайно. Этот район составляет типичный локус с ярко выраженными историческими, культурными и хозяйственными особенностями местного армянского населения, выделяющего его на фоне окружающего населения области. Признание в качестве теоретической основы данного исследования локальной истории вместе с тем допускает возможность неоднозначного подхода к исследованию проблемы. С одной стороны, обращается внимание на особенности структуры и функционирования локальной социокультурной среды. С другой стороны, возможно разворачивание исследования со стороны анализа социокультурных особенностей отдельной личности, типичной для данной среды. Философской основой таких подходов был вопрос о первичности личностного или социального, общественного начала в истории. Но оба подхода представляются перспективными для комплексного изучения Мясниковского района за последние советские десятилетия и начало его постсоветской истории.

В этом отношении в качестве теоретической основы приняты некоторые положения, содержащиеся в рамках новой биографической истории. Это направление современной исторической науки позволяло представить, каким образом характерные черты личности и ее культуры, унаследованные от прошлых поколений, находили проявления в специфической культурно-исторической ситуации своего времени и локальной

ситуации на территории проживания изучаемой социокультурной и локально-исторической общности. Элементы новой локальной истории позволяют выявить и уяснить глубокое человеческое содержание социальных и культурно-исторических явлений и процессов, поставить происходившие в Мясниковском районе события изучаемого времени в контекст человеческого измерения. Они также заостряют внимание исследователя на судьбах конкретных людей, с которыми оказалась связана история армянского локального этнокультурного сообщества на территории Мясниковского района.

Современная исследовательская практика предполагает системный выбор методологической модели, максимально учитывающей имманентные характеристики изучаемого объекта. Применительно к этническим сообществам, сформировавшимся и развивающимся в определенном географическом и социокультурном пространстве, соответствующая парадигма складывается в русле новой локальной истории. Избранное направление не тождественно классическому краеведению, что определяется особым механизмом самостоятельного отбора анализируемой проблематики. По мнению авторитетных российских исследователей Р. Б. Казакова, С. И. Маловичко и М. Ф. Румянцевой, «конституирование новой локальной истории идет не от объекта исследования (локуса), ее организация основывается на методологических процедурах ... это способ видеть локальные и региональные объекты. В отличие от традиционного подхода к изучению местной истории, новая локальная история сама определяет объект своего изучения, он не задан ей заранее территориальными рамками» [7, с. 44]. В контексте избранной темы представляется вполне очевидным, что консолидированные этнические сообщества способны рассматриваться не только в качестве имманентного участника региональных социально-экономических, политических и культурных процессов, но и как самодостаточный культурный феномен, формирующий оригинальную внутреннюю и внешнюю среду и представляющий естественный объект профессионального исследовательского интереса.

Доминирующей этнической группой в Мясниковском районе Ростовской области применительно к 60–70 гг. XX столетия являлась армянская община, сохранившая соответствующие позиции до настоящего

времени. В предшествующей и современной отечественной историографии пространную характеристику получили различные аспекты многогранной созидательной деятельности донских армян, однако они неизменно рассматривались по традиционной методологической схеме, имеющей позитивистские истоки. В частности, местные исследователи обращали пристальное внимание на экономический вклад армянской общины в региональное развитие, активно включая в научный оборот многочисленные статистические данные, реконструированные из документальных и нарративных источников. Однако, как представляется, подобный подход существенно ограничивал объектный спектр исследовательской практики, который может быть существенно расширен в результате комплексного применения методологических конструкций, выработанных в рамках так называемой «микроистории». В известных трудах одного из ведущих итальянских ученых XX столетия К. Гинзбурга отчетливо сформулированы системные принципы указанного направления, среди которых необходимо выделить осознанное внимание к отдельным индивидам как значимым участникам исторического процесса, целенаправленное выделение отдельных малозначимых деталей с последующей генерализирующей интерпретацией, детальный контекстный анализ локальных культурных

явлений [4, 5, 8]. Соответствующие идеи могут быть успешно применены к комплексному исследованию армянской общины, развивавшейся в донском крае в советскую эпоху.

В последнее время сделаны важные шаги к системному изучению трудовой и общественной деятельности отдельных представителей рассматриваемой этнической общины, не всегда известных даже в региональном измерении. Например, адекватным примером подобной исследовательской деятельности стали портретные реконструкции М. К. Джинибалаяна, М. Х. Поркшеяна, М. Х. Экизяна, которые не только внесли существенный вклад в социально-экономическое развитие Мясниковского района, но и являлись авторитетными личностями, имеющими оригинальный взгляд на окружающую действительность.

Естественным продолжением избранного направления научного поиска должен стать качественный анализ региональной «истории повседневности», позволяющей органично вписать значительный эмпирический материал в обобщающие социокультурные конструкции. Наконец, интересным объектом исследовательской практики может стать неформальный диалог армянских интеллектуалов, не выходящий за региональные границы, но характеризующий особенности индивидуального и группового менталитета советской эпохи.

Литература

1. Барбашин М. Ю. Адаптация народов Юга России к социальным трансформациям: методология исследования. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. 308 с.
2. Барбашин М. Ю. Институциональная адаптация народов на Юге России к социальным трансформациям: проблемы методологии // Научная мысль Кавказа. 2009. № 4(12). С. 29–38.
3. Блок М. Апология истории или Ремесло историка / пер. с фр. Е. М. Лысенко. М.: Наука, 1986. 254 с.
4. Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы. Морфология и история. М.: Новое издательство, 2004. 348 с.
5. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина жизни одного мельника, жившего в XVI веке. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.
6. Денисова Г. С. Южнороссийская идентичность в условиях административного преобразования макрорегиона // Социология в системе научного управления: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса. М., ИС РАН, 2012. С. 617–618.
7. Казаков Р. Б., Маловичко С. И, Румянцева М. Ф. Историческая география в пространстве современного гуманитарного знания: от вспомогательной дисциплины к методу гуманитарного познания // Историческая география: пространство человека VS человек в пространстве. Материалы XXIII Международной научной конференции. Москва, 27–29 января 2011 г. М.: РГУ, 2011. С. 31–45.
8. Стаф И. Карло Гинзбург, или Уличенная парадигма // Отечественные записки. 2006. № 2. С. 32–39.
9. Черноус В. В. Административно-территориальный фактор трансформации региональной идентичности на Юге России // Южнороссийский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2010. № 1. С. 76–85.

УДК 930.1: 94(47).07 "18"

О. Н. Шевцова

**ОБРАЗЫ И СЮЖЕТЫ ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА В ТРУДАХ ИСТОРИКОВ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. (В. Д. СУХОРУКОВ, А. М. ТУРЕНКО)**

Труды русских историков первой половины XIX в. имели ряд признаков сходства с произведениями художественной литературы. В частности, один из таких признаков состоял в наличии у них сюжета, напоминающего сюжет литературного произведения. Такие сюжеты наблюдаются в трудах по истории казачьих войск: войска Донского В. Д. Сухорукова и Черноморского войска А. М. Туренко. Для сюжетов в этих трудах характерны такие необходимые структурные элементы, как завязка,

кульминация и развязка. В труде Сухорукова по истории Дона четко прослеживается внутренний конфликт, который не просматривается в труде Туренко по черноморской истории. Литературные сюжеты в этих исторических трудах отличаются остротой, что делает их интересными для читателя.

Ключевые слова: историческая наука, литературное произведение, сюжет, кульминация, развязка, конфликт, прагматизм, история казачества.

O. N. Shevtsova

**IMAGES AND PLOTS OF HISTORY OF THE COSSACKS IN WORKS OF HISTORIANS
OF THE FIRST HALF OF XIX c. (V. D. SUKHORUKOV, A. M. TURENKO)**

Works of the Russian historians of the first half of the XIX century had a number of signs of similarity to works of fiction. In particular, one of such signs was that the plot reminded a literary work plot. Such plots could be found in works on stories of the Cossack troops, the Don V. D. Sukhorukov's army and Black Sea army of A. M. Turenko. The plots in these works reveal such relevant subject lines as the start, the climax

and the denouement. In Sukhorukov's work on stories of Don the internal conflict which is not typical of Turenko's work on the Black Sea history can be accurately traced. In these historical works literary plots are characterized by witticism which makes them interesting for the reader.

Key words: historical science, literary work, plot, climax, denouement, conflict, pragmatism, Cossacks history.

Одной из особенностей становления и развития отечественной исторической науки в первой половине XIX в. явилось значительное внимание к региональной истории и вклад в ее изучение историков, вышедших из местной среды и имевших самую тесную и непосредственную культурную связь с населением своего края. К таким историкам этого времени относились и казацкие офицеры, в частности донской сотник В. Д. Сухоруков и черноморский полковник А. М. Туренко. Ими были созданы труды, посвященные истории своих казачьих войск – войска Донского и Черноморского казачьего войска.

Сходство проблематики не исключало существенных различий между двумя историями. В значительной мере определялось это различиями между авторами. Как выпускник

историко-филологического отделения Харьковского университета, Сухоруков был ближе к исторической науке своего времени. Это сказалось на самом построении его труда, который напоминал внутреннюю структуру «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, поскольку в обоих исторических трудах совместно с авторским текстом имелись обширные выписки из источников, которые поясняли текст. Таким образом, было достигнуто соединение двух репрезентаций истории – художественной в текстах авторов и исторической в источниках. Как и для труда Карамзина, для работы донского историка была характерна художественная выразительность, которая, однако, не шла в ущерб исторической достоверности, так как создававшиеся историками образы и сюжеты

прошлого были основаны на данных источников. Что касается труда полковника Туренко, то в нем автор документальной точности отдал явное предпочтение перед художественной выразительностью. Это исследование, в котором также очень широко используются и цитируются документальные источники, в большей мере соответствует представлению о научном историческом труде своего времени, на содержании которого проявлялось воздействие прагматизма. В работе черноморского историка, созданной в конце тридцатых годов, прагматизм связан с влиянием на него Кавказской войны, в которой это казачье войско, в том числе полковник Туренко, принимало самое активное участие. Его труд – образец той самой истории, при изучении которой, по словам Гегеля, «духу открывается такое настоящее, которое, являясь собственной деятельностью духа, вознаграждает его за усилия» [2, с. 61].

В самом деле, связь прошлого Черноморской и ее настоящего в труде Туренко не удивительна. Черноморцы в период работы полковника над историей продолжали утверждать на Кубани в ходе войны с адыгами, которая была частью Кавказской войны, и это делало эту историю прагматической и современной.

Один из характерных признаков близости между историографией первой половины XIX в. и художественной литературой состоит в наличии в трудах историков образов и сюжетов прошлого. На существование сюжета донской истории в книге В. Д. Сухорукова совершенно определенно указывал современный историк А. И. Агафонов [1, с. 11]. Формированию сюжета способствовали и широкие хронологические рамки. Началом изложения истории Земли войска Донского Сухоруков отнес к середине XVI в., когда в источниках появились первые сведения о донских казаках. В ряду бурных событий донской истории последним из тех, которое отмечалось Сухоруковым, было Булавинское восстание, его разгром и полное подчинение казачества российскому самодержавию. За это время в жизни донского казачества, которое было объектом изучения Сухорукова, происходили значительные сдвиги. Оно проявило себя как в борьбе с Османской империей и другими противниками, так и в защите своих исторически сложившихся вольностей от наступавшей на них царской власти.

Более узкие хронологические рамки труда по истории Черноморского войска

А. М. Туренко, казалось бы, не давали такого простора для формирования и развития в нем сюжета. В самом деле, начало его истории относилось к переселению запорожцев на Кубань в 1792–1794 гг., а завершение – к началу тридцатых годов XIX в., когда черноморские казаки держали укрепленную линию по Кубани. Кроме того, в истории Черноморской того времени в значительно меньшей степени проявлялись внутренние противоречия, и не играли такой роли внутренние конфликты и массовые движения, как в донской истории. Вместе с тем это была история нового времени, что в свою очередь давало возможность историку обратить внимание на такую составную часть исторического сюжета, как развитие в крае культуры и просвещения.

Как и в литературном сюжете, в сюжете исторического труда должны быть необходимые составные части. К ним относятся завязка, кульминация и развязка. Из всех этих составных частей сложнее всего в некоторых исторических сочинениях выявить развязку. Просматривается она не всегда. Если труд историка посвящен уже законченному объекту исторического познания, то развязка может совпадать с завершением его существования. К таким объектам могут быть отнесены «История Пугачева» А. С. Пушкина, «Деяния Петра Великого» И. И. Голикова и другие исследования того времени, которые ко времени изучения их историками уже были завершены. Но если объект исследования продолжал свое существование, то места для развязки как будто бы нет. К объектам такого рода относились казачий Дон и Черноморское казачье войско в составе Российской империи. Тем не менее, развязка в трудах В. Д. Сухорукова и А. М. Туренко просматривается. Это свидетельствует о том, что оба автора видели определенную логику в истории развития своих объектов изучения, и это означало, что сама такая логика предполагает представление о конкретном итоге истории этих объектов, к которому они пришли за определенную эпоху и с которого начинается последующая их история. Для нее, однако, необходимо было уже новое исследование.

Что же касается завязки, то в обоих трудах она прослеживается очень четко, причем имеет принципиальное сходство. К ней относится зарождение изучаемого исторического явления, которым выступало казачество. В труде Сухорукова это было донское казачество, в труде Туренко – ка-

зачество черноморское. Обращает на себя внимание начальная часть завязки в обоих трудах. У Сухорукова она представлена под заголовками «Описание страны, именуемой в летописях «Поле»» и «Жалобы двора нашего царю крымскому и турецкому султану за разбои, производимые на Поле». Совершенно очевидно, что видеть в этих разделах общее изложение истории Дона до появления казачества невозможно. Материал в них подчинен только лишь задаче выявления состояния Дона до того, как казачество составило значительную и наиболее существенную часть его населения. Общее впечатление, которое создавалось в них и воспринималось читателем на Дону и в России, состояло в том, что Поле было местом опасным, на нем постоянно совершались разбои и нападения на купцов, или же через Поле лежал путь разбойников из числа татар, проводивших нападения на южную русскую окраину. «Эта пустыня сделалась приютом разбойников: постоянные торговые дороги, здесь пролежавшие, и известные перевозы на реках манили сюда отважных храбрецов искать добыч и опасностей» [3, с. 27], – писал Сухоруков о Поле.

Несколько отличается начало завязки в сочинении А. М. Туренко. Началом завязки стала не история Кубани до поселения на ее территории запорожских казаков, но краткая история Запорожской Сечи до поселения ее на Кубани. Историк при этом совершенно четко выразил наиболее характерную черту сообщества запорожских казаков. «Никому не подвластные, они вели жизнь дикую, воинственную, свободно избирая атаманов» [4, с. 5], – писал он. После такого начала оба историка повествовали о возникновении казачества на Дону и на Кубани. Появление казачества на Дону в середине XVI в., отмечал В. Д. Сухоруков, привело к значительному изменению ситуации и соотношения сил в Поле, и уже казачество как «воинственное сообщество ... производило набеги на крымцев, азовцев и татар нагайских» [3, с. 45]. На Кубани появление запорожцев также вызвало изменение соотношения сил в пользу России. При этом Туренко полностью приводил текст исторического указа Екатерины II 1792 г. [4, с. 12–13], по которому запорожцы получали право поселения на Кубани, и из них образовывалось Черноморское казачье войско, а также представил краткий очерк прибытия казаков на Тамань и расселения их по всей

выделенной им территории. В целом, таким образом, завязки одного и другого труда по истории двух казачьих войск имели принципиальное сходство.

Заметно различались кульминации сюжетов этих исторических произведений. Так, в «описании» Сухорукова заметны две кульминации повествования. Они в полной мере соответствуют внутренней логике произведения. Если учитывать, что оно доведено до 1709 г., когда в истории войска Донского произошло такое важное событие, как подавление восстания под предводительством Кондратия Булавина, то, следовательно, Сухоруков доводил свою историю до того периода, когда Дон полностью потерял свою самостоятельность и был окончательно подчинен центральной российской властью, сделался внутренней территорией государства. Представляя историю войска Донского как непрерывную борьбу с Османской империей и Крымом как с внешними врагами, а также со стремлением московских властей установить свою власть на Дону, он выделил в ней два наиболее значимых события, что соответствует двум кульминациям в композиции исторического труда.

Первая кульминация относится к описанию событий 1637–1642 гг., когда войско Донское взяло и удерживало Азов, что означало самый большой его успех в борьбе с турками. Это взятие было не только выдающимся успехом донских казаков, но и, по словам Сухорукова, «имело спасительные последствия для России: в продолжение пяти лет ни крымцы, ни нагайцы не смели даже показаться к нашим украинам, исчезла прежняя дерзость их и грабежи перестали» [3, с. 202]. Он подчеркивал, что «обладание казаками Азова ... истребило две трети их населения, но покрыло вечную славою» [3, с. 211]. И если может возникнуть вопрос к точности приводимых донским историком данных, то утверждение его о славе, завоеванной казаками в борьбе за Азов, не подлежит сомнению.

Вторая кульминация связана с событиями, когда донские казаки выступали против разных сторон правительственной политики на Дону, да и вообще пытались отстаивать самостоятельность Дона по отношению к России. Это было несколько событий, к которым относится участие казаков в восстании под предводительством Степана Разина, в массовом движении старообрядцев на Дону в

1687–1688 гг. и в Булавинском восстании. При этом, как указывал Сухоруков, расправа с казаками при подавлении Булавинского восстания была очень жестокой: «более 7000 казаков было казнено и побито, уничтожены городки, поселенные по Донцу по Луганской, по Айдару, Деркулу, Калитвам и по другим речкам, ... по Медведице по Усть Медведицкой, по Хопру и Бузудуку все» [3, с. 409].

Таким образом, донская история в представлении Сухорукова развивалась бурно. Казаки завоевали боевую славу, но общий итог ее к завершению первого десятилетия XVIII в. был трагичен для них и катастрофичен для их самостоятельности и вольности. Из значимого субъекта международных отношений, который должна была брать в расчет такая мировая держава, как Османская империя, из вольной самостоятельной республики Дон превратился в объект политики российского самодержавия. В историческом отношении этот вывод, опиравшийся на большой источниковый материал, проанализированный Сухоруковым, был весьма убедителен. Но столь же убедительным было раскрытие истории Дона в жанре литературной трагедии, когда казачья община, в жестоком и героическом противостоянии с сильнейшим внешним противником утвердившая на Дону начало вольной жизни, была, в конечном счете, подчинена царской властью, а ее вольность осталась в прошлом. Наличие таких двух кульминаций обеспечивало значительный интерес к книге Сухорукова, который стал проявляться после публикаций ее в 1873 и в 1903 гг., а также после того, как она стала достоянием широкой отечественной читательской аудитории после ее публикации в 1988–1990 гг. в журнале «Дон», а затем в формате отдельных изданий. Вместе с тем такая трагичность сюжета свидетельствовала о наличии в нем внутреннего конфликта, благодаря чему произведение завоевывает читательский интерес.

По сравнению с сюжетом истории Дона, сюжет история Черномории не был столь сложен и противоречив. Так, в ней было только одно массовое казачье движение, которое происходило в 1797 г. после персидского похода Черноморского войска, и которому Туренко уделил определенное внимание. Не прослеживается в нем, следовательно, и внутреннего конфликта, который лишь намечается при освещении казачьего движения, когда казаки «вспомнили буйное, дикое Запорожье

и вздумали не просить, но требовать удовлетворения в обидах» [4, с. 43], но не более того. Но кульминацией сюжета его исторического повествования было освещение процессов в развитии хозяйства и культуры края. Эти процессы при войсковом атамане Матвееве выступали как общий итог всего предшествовавшего развития за почти три десятка лет, в течение которых казачество утвердилось на Кубани и укрепило свои позиции. В частности, в это время были изданы «весьма полезные правила для всех отраслей управления», а также просвещенный атаман «обратил особенное внимание на просвещение юношества в Черномории» [4, с. 113]. Туренко особо подчеркивал роль в развитии народного образования войсковых властей, частной инициативы и самих казаков. Так, «из войсковых доходов» на содержание «приходских училищ таманского, шербиновского, брюховецкого и гривенского» направлялось ежегодно по 150 рублей. Скоро «общества жителей Медведовки, Кушевки, Леушковки и некоторых других куреней устроили приходские училища, жертвуя добровольно для помещения оных дома и все нужное для удобного содержания учителей», – писал Туренко. Кроме того, при этом атамане «щедротами монарха и добровольными приношениями благотворителей просвещения, главное екатеринодарское училище ... получило возможность расширять свои полезные действия к благу всех прочих юных отраслей просвещения в Черномории» [4, с. 114].

Вместе с тем постоянное внутренне напряжение в историческом повествовании Туренко, которое присутствовало на всем его протяжении, сохранилось и в кульминации, к которой относился период пребывания Матвеева на посту войскового атамана. При всех успехах этого атамана в обороне линии по Кубани и в развитии просвещения в крае войсковые власти, казаки и все его населения столкнулось в 1821 г. с очень серьезными вызовами. В тот год произошло нашествие саранчи, которая «истребила весь хлеб», в результате чего «голод открылся». Одновременно «на усиление войска» прибыли переселенцы «из полтавской и черниговской губерний». В таких условиях атаман Матвеев обратился «к последнему источнику, к подаянию благотворителей». Несмотря на всеобщее бедствие, «человеколюбивые черноморцы вняли призыву попечительного начальника и от последних избытков подавали пособие неимущим»

[4, с. 125], – отмечал историк. Таким образом, кульминация повествования об историческом развитии Черноморья включала в себя указание не только на комплекс мер по хозяйственному и культурному развитию края, но и на морально-нравственный устои самого ее народа, который при всех своих нуждах в тяжелый год готов был идти на помощь и нести пожертвования на благотворительность.

Еще одно отличие истории Черноморья Туренко от «описания» Сухоруковым истории Дона заключается в отсутствии налета исторической трагедии. Конечно же, черноморский полковник подробно описывал трагические стороны войны казаков за Кубанью, которые особенно проявлялись с 1823 г., когда общее руководство ими осуществлял донской генерал Власов. Полковник Туренко сам был свидетелем и участником событий, когда по распоряжению Власова черноморцы вырубали леса на левом берегу Кубани, выжигали адыгские аулы, и вообще, активно проводил «военные действия, страшные для разбойников, славные для нас» [4, с. 130].

Вообще замечание его о военных действиях казаков за Кубанью как о наказании за разбой было не случайно. Войну Черноморского войска против адыгов как часть Кавказской войны Туренко подавал как борьбу с разбойниками в защиту мирного утверждения казаков на Кубани. Созданию впечатления о подобном характере войны достигалось полковником с помощью ярких, экспрессивных лексем и оборотов. Так, «мужественные казаки» под предводительством генерала Власова «без всякой пощады мстили хищникам за разбой», казакам же вообще противостояли «злодеи», а Власов выступал как «грозный мститель» [4, с. 124], который громил «злодейские скопища шапсугов и абадзехов» [4, с. 135]. Впрочем, человеколюбие черноморцев, как подчеркивал Туренко, распространялось и на закубанских соседей. Когда они «от голода» «бежали ... толпами на жительство в Черноморию, в особенности женщины с детьми,

и попечительное войсковое правительство с отеческим усердием принимало их» [4, с. 128]. Описание военных действий черноморцев против закубанских адыгов поддерживало постоянное внутреннее напряжение в труде Туренко.

Ярко выражен в труде Туренко также монархический налет. Так, когда после смерти Матвеева Николай I назначил атаманом всех казачьих войск наследника престола цесаревича Александра Николаевича, черноморцы «спешили в храмы принести теплые мольбы Всевышнему о здравии всего августейшего императорского дома» [4, с. 142]. Данное замечание невелико, но оно играет значительную роль в формировании сюжета этого исторического труда. Внутренний его смысл состоит в том, что создание Черноморского казачьего войска, участие его в военных действиях на Кавказе и в других войнах России означало его верную службу империи и монархии и суть его исторического существования. Эта мысль подтверждается всем содержанием истории Черноморского казачьего войска, созданной Туренко, и является стержнем ее сюжета.

Как и всякое литературное произведение, исторический труд того времени нес в своем сюжете не только развязку, но и давал понятие об итогах развития явления, о котором шло повествование, и о его перспективах. В трудах В. Д. Сухорукова по истории Дона и А. М. Туренко по истории Черноморья эти стороны также имеются. Итогом исторического развития обоих казачьих войска было утверждение их положения в своем крае и в системе внутреннего управления Российской империи с перспективами дальнейшего упрочения этого положения в составе монархического государства. Наличие острых сюжетов и соответствующих им образов в двух этих трудах по местной российской истории ставило их в один ряд с произведениями русской художественной литературы своего времени.

Литература

1. Агафонов А. И. История Донского края (XVI – первая половина XIX в. Исторические источники и их изучение). Ростов-на-Дону: Приазовский край, 2001. 384 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. 480 с.
3. Сухоруков В. Д. Историческое описание Земли войска Донского. Ростов-на-Дону: ГинГо, 2001. 514 с.
4. Туренко А. М. Исторические записки о Войске Черноморском. Киев, 1887. 146 с.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 340.12

Е. А. Апольский

УЧЕНИЯ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ КАК ПРЕДМЕТ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАЗРАБОТКИ (XIX в. – 1917 г.)

В статье рассмотрены отечественные дореволюционные диссертации по государственному праву, в которых исследованы учения о праве и государстве, а также выявлены и классифицированы полученные авторами результаты.

Ключевые слова: диссертация, наука, государственное (конституционное) право, Российская империя.

E. A. Apolski

THE DOCTRINES OF THE LAW AND THE STATE AS A MATTER OF DOMESTIC PRE-REVOLUTIONARY THESIS DEVELOPMENT (XIX c. – 1917)

The article deals with the domestic pre-revolutionary thesis in public law, which studied the doctrine of the law and the state, as well as identifies and classifies the results obtained by the authors.

Key words: thesis, science, state (constitutional) law, Russian empire.

Работа по систематизации и классификации новых научных достижений, полученных в магистерских и докторских диссертациях по государственному (конституционному) праву, защищенных в императорских российских университетах, позволила выявить ряд работ, посвященных исследованию учений, школ, направлений становления и развития права и государства, философскому осмыслению государственно-правовой действительности. С сегодняшних научных позиций эта область не охватывается предметом конституционно-правовой науки, однако в Российской империи диссертации по данной проблематике защищались именно по специальности «государственное право». Тому были определенные причины, останавливаться на которых в рамках данной статьи мы не будем. Напротив, продолжая работу по формированию базы данных результатов, полученных российскими учеными в своих диссертациях на протяжении XIX – начала XX вв., обратимся к анализу содержания, целей, за-

дач и результатов (выраженных в формах теоретического знания) диссертационных исследований по обозначенным выше вопросам.

Диссертации, посвященные разработке учений, школ и направлений изучения права и государства, в силу специфики предмета исследования начали защищаться в российских императорских университетах лишь с семидесятых годов XIX столетия, и всего насчитывается тринадцать работ, первой из которых стала магистерская работа Н. Н. Ворошилова «Критический обзор учения о разделении властей», защищенная в Московском университете в 1872 г. [4].

В предисловии автор указал на чувствительный недостаток в нашей литературе теоретических сочинений, особенно по государственному праву, вследствие все более и более возрастающего интереса к идеям и формам, выработанным историей и наукой западных государств [4, с. 3]. В исследовании внимание сосредоточено на разборе истории зарождения предпосылок к формированию

теории разделения властей, анализе распространения и изменения учения о разделении властей в XVIII в., рассмотрении отрицания начала разделения властей в XVIII в., отдельно изучено влияние теории разделения властей на устройство государств в XVIII–XIX вв. Н. Н. Ворошилов представил критический анализ мнений в основном французских, немецких и английских ученых, особо останавливаясь на трудах Ш. Монтескье, И. Канта, Ж. Бодена, Г. Гроция, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, И. Фихте, Дж. Милля, И. Блунчли и др.

Говоря о влиянии теории Монтескье в Европе, Н. Н. Ворошилов замечает, что его учение о разделении властей не оставалось неизменным, а развивалось другими мыслителями (некоторые иначе именовали законодательную власть, придавали ей особое положение, другие принимали лишь две власти, третьи и вовсе дробили власть «до непонятных частей»). Автором предлагается классификация причин подобных изменений теории разделения властей Монтескье: 1) отсутствие надлежащей связи между властями у Монтескье и неодинаковое положение их у него заставляло видеть в этом делении как бы нечто произвольное, а не вполне естественное, вытекающее из существа государства; 2) понятия о государственном устройстве, управлении, исполнении, правительстве не были ясны тогда и не разграничивались надлежащим образом; 3) тогда не установилось еще правильное понятие о власти и с нею смешивали отдельные ее права [4, с. 109].

В конце работы сопоставлены результаты анализа теорий и концепций, появившихся в развитие учения Монтескье, и подчеркнуто, что направление и единство деятельности властей даются законодательной властью, отвечая на вопрос о приоритетной ветви власти. Само же разделение власти, по мнению Ворошилова, не есть ее раздробление: «... оно представляет деятельность каждой из властей в определенной области, как деятельность одной и той же государственной власти. Оно есть форма проявления этой деятельности; но эта форма не есть только одно внешнее, а имеет и свое собственное содержание» [4, с. 450].

Следующим в ряду исследований политических и правовых учений стоит магистерская диссертация А. С. Алексеева «Макиавелли как политический мыслитель», защищенная в Московском университете в 1880 г.

Уже в предисловии к работе Алексеев сформулировал основную свою гипотезу, расходящуюся с господствовавшими в современной ему литературе воззрениями, о том, «что Макиавелли рассматривал политические вопросы не с односторонней точки зрения практического политика, а изучал явления государственной жизни в связи со всеми влияющими на них условиями, что он не только не отрицал морали, а напротив считал нравственные требования обязательными для политика и видел в гражданских добродетелях главное основание общежития, что он с немудреной логикой доказывал развращающее влияние деспотизма на народные нравы и видел в республике государственную форму, которая одна может примирить противоположность общественных интересов, обеспечить материальное благосостояние народа, и раскрыть этому народу путь к нравственному просветлению» [1, с. XI].

В заключительной части работы представлены окончательные ответы на поставленные в начале исследования вопросы и утверждается, что Макиавелли написал работу «Государь» «с целью, во-первых, поделиться своими личными наблюдениями над политикою тех князей, с которыми он столкнулся на пути своей служебной деятельности, во-вторых, с целью исследовать ту государственную форму, которая в виду политического состояния Италии, имела для него особенный интерес» [1, с. 334–335]. Автор утверждает, что Макиавелли не сочувствовал форме княжества, так как ни единым словом не упомянул о достоинствах единовластия; в княжестве (государстве) же Макиавелли видел лишь неизбежное средство, спасающее народ от политической смерти.

В 1886 г. в Киевском университете была защищена докторская диссертация К. Н. Яроша «Иеремия Бентам, его отношение к учению о естественном праве». Автор выясняет отношение Бентама к идее естественного права, в результате чего приходит к выводу, что идея естественного права, по мнению Бентама, есть анархический софизм, состоящий в ложном приписывании прямого смысла фигуральному выражению, стремящийся придать общеобязательную силу личным, произвольным мнениям и вносящий анархию в политико-юридический строй государственного общества. Кроме того, К. Н. Ярош подчеркива-

ет, какова бы ни была степень вескости и полноты критики Бентама, направленной против учения о *jus natural*, несомненно то, что собственные его произведения проявляют стремления и тенденции, обличающие черты внутреннего духовного родства со стремлениями и тенденциями, которые лежат в основе того же, осыпанного возражениями, учения о естественном праве [15, с. 49, 56]. Другими словами, Бентам явился невольным продолжателем заблуждений весьма ненавистного ему учения о естественном праве. В заключительной части исследования К. Н. Ярош приходит к мысли о том, что учение Бентама эквилибрировало между анархией и деспотизмом, а также что надежды, которые возлагал Бентам на свое учение, далеко не оправдались [15, с. 98–106].

Следующая по хронологии – докторская диссертация А. С. Алексеева, защищенная в 1887 г. в Московском университете и выполненная в том же стиле, что и магистерская, с той лишь разницей, что предметом исследования в ней явилась политическая доктрина Ж. Ж. Руссо и ее связь с государственным бытом Женевы [2]. В самом начале выдвигается положение, не согласующееся с общепринятыми воззрениями, о том, что «общественный договор» занимает среди произведений Руссо лишь второстепенное место.

Свой обширный докторский труд А. С. Алексеев разделил на три части: в первой определено место, занимаемое «Общественным договором» в истории литературной деятельности Руссо, во второй – был проанализирован государственный быт Женевы в первую половину XVIII века, в третьей – путем выяснения отношения Руссо к женеvской конституции, к политическим идеям своих соотечественников, отношения соотечественников Руссо к его политической доктрине, определена доктрина «Общественного договора» в ее отношении к политическому быту Женевы. Основная часть работы посвящена выяснению того места, которое занимает работа Руссо «Общественный договор». Руссо, по мнению автора, не только воспроизвел в «Общественном договоре» политические идеи своих сограждан, но и возвел их на степень общих начал государственной науки. Но применяя политические принципы своих соотечественников к построению идеального государства, Руссо выступает уже не сыном своей родины, а последователем того направления

философской и политической мысли, которое было господствующим в приютившей его стране. В целом же выводы в работе носят оценочный и обобщенный характер, формы теоретического научного знания нами не выявлены.

В 1891 г. в Новороссийском университете магистерскую диссертацию на тему «Конституционные начала и политические воззрения кн. Бисмарка» защитил В. Н. Ренненкампф [10]. Главной причиной выбора темы исследования явился «общий и живой интерес, который возбуждала полувековая деятельность кн. Бисмарка, огромное влияние, оказанное ею на ход политических событий во 2-й половине текущего столетия» [10, с. 3]. Основной целью автор обозначил попытку свести отрывочные политические воззрения кн. Бисмарка, рассеянные в его многочисленных речах, в одно целое и уяснить их связь с современным положением конституционного права в науке и законодательстве [10, с. 3]. В соответствии с целью структура исследования состоит из трех отделов: 1) исторический очерк конституционного устройства; 2) обзор основных начал конституционно-представительного строя; 3) политические воззрения кн. Бисмарка и значение их в общем развитии конституционного права.

Заслуживает внимания представленная В. Н. Ренненкампфом классификация конституционных начал, господствовавших в Европе в течение трех периодов развития: первый период (революционный, 1789–1802 гг.) – преобладающие начала: 1) права личные и 2) народный суверенитет; второй период (1814–1848 гг.) – преобладающие начала: 3) государство и государственная власть, 4) разделение власти, 5) представительство вообще и в частности, учреждение верхней палаты или сената; третий период (1848–1870 гг.) – преобладающие начала: 6) всеобщее голозование и ограждение прав меньшинства, 7) парламентарная система» [10, с. 79–80].

Заключение работы посвящено окончательному объяснению неполноты, несистемности, непоследовательности, видоизменяемости и противоречий воззрений Бисмарка на главные начала государственного порядка. Предложен и авторский ответ на вопрос о влиянии учения Бисмарка на развитие западноевропейских государств.

В следующем, 1892 году в Харьковском университете была защищена доктор-

ская диссертация И. М. Собестианского «Учения о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян. Историко-критическое исследование». Подтверждая, что вопрос о характере древних славян, об их быте, нравах и обычаях принадлежит к числу самых запутанных в славянской научной литературе, автор ставит задачи исследования: а) выяснить причины крайне идеализированного взгляда, выработанного в науке, на характер древних славян; б) определить насколько такая характеристика соответствует действительности; в) рассмотреть причины отсутствия успеха у «резвых» взглядов на характер древних славян.

Проследив, каким образом сложился в славянской науке господствующий взгляд на характер древнего славянства, И. М. Собестианский называет главным виновником его Гердера, выступившего в конце XVIII века с теорией о национальных особенностях древнего славянства [12, с. 76]. Исследование учений о юридическом быте древних славян также приводит автора к гипотезе о схожести юридического быта древних славян и быта германцев: поскольку юридический быт народа должен носить на себе отпечаток коренных свойств его характера, учитывая схожесть древне-славянского и древне-германского характера, а priori можно утверждать, что юридический быт древних славян весьма близко подходил к быту германцев [12, с. 188–189].

В заключение высказана также мысль о том, что смягчение нравов в славянском мире началось с принятием христианства, этой великой культурной силы; племена, долее других упорствовавшие в язычестве, дольше и удержали свой первобытный уклад. И именно этим обстоятельством, по мнению И. М. Собестианского, объясняется существование в довольно позднюю эпоху у балтийских славян дикой воинственности, рабства, многоженства, умерщвления детей и стариков, а также человеческих жертвоприношений [12, с. 208].

Изучение реакции против естественного права в немецкой литературе XIX столетия побудило известного ученого П. И. Новгородцева ознакомиться с исторической школой, где обнаружилось достаточно материала для специального исследования. Так появилась защищенная в 1897 г. в Московском университете магистерская диссертация «Истори-

ческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии» [8]. Введение автор посвятил общему определению естественного права, в основной части представил генезис исторической школы в трудах ее видных представителей.

Основные результаты исследования сформулированы в заключении к диссертации, где отмечены итоги изучения цепи развития историзма в немецкой юриспруденции и отношения историзма к естественному праву. В теории Гуго Новгородцев увидел противоречивость общему сознанию и, вследствие этого, невозможность ее распространения. Доктрина Савиньи, по мнению автора диссертации, достигла состояния полного разложения: теория правообразования, составлявшая центральный пункт старой исторической школы, разбилась на две самостоятельных проблемы (соответственно различию в праве формы и содержания), и каждая из этих проблем решается в прямой оппозиции к выводам Савиньи и Пухты [8, с. 216].

Отмечает П. И. Новгородцев и последствия «разложения» исторической школы, важнейшим среди которых является возрождение естественно-правовой доктрины; «историзм позднейшей формации, выразившийся в учении Иеринга, сам воспринял в себя критико-прогрессивные тенденции идеалистического направления и сблизился в этом отношении с философией прошлого века» [8, с. 218]. Новейшая полемика против естественного права, по мнению автора, способна была разрушить только крайности прежней философии права, но никак ни ее сущность.

Интересное исследование представлено в магистерской диссертации В. Е. Вальденберга «Закон и право в философии Гоббеса», защищенной в 1900 г. в Санкт-Петербургском университете. В соответствии с этим в диссертации представлены две главы, в которых рассматриваются методология исследования, состояние чистой природы, понятие закона природы, закон и право в состоянии природы, государственный закон, закон и право в государстве, литература XVII–XIX вв., критика естественного права, а также дается оценка учения Гоббса о праве и его исторического значения.

Из выводов в первую очередь интересны тезисы, представленные в главе об

оценке учения Гоббса о праве. Главной ошибкой теории Гоббса называется признание естественного права вечным и неизменным; поэтому же представляется странным и необоснованным утверждение Гоббса о том, что все положительное право есть только развитие и дополнение права естественного [3, с. 216–217, 229, 246].

Через пять лет после магистерской защиты докторское исследование публично защитил П. И. Новгородцев «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типичных построения в области философии права» в Санкт-Петербургском университете (1902 г.). Являясь непосредственным продолжением магистерской диссертации, эта работа имела цель проследить насколько историческое направление в юриспруденции упразднило ту идею, которая издавна являлась опорой философии права [9, с. 1]. Здесь же дан и ответ на поставленный изначально вопрос: указанное упразднение было мнимым, а естественно-правовая идея пережила нападки, которые были против нее сделаны.

Обратимся к выводам. В результате исследования философии права И. Канта П. И. Новгородцев представил достоинства доктрины нормативного начала [9, с. 157–158]. Основным недостатком нормативного метода Канта ученый считает то, что «формализм Канта закрывал для него мир действительных отношений и удерживал его мысль в пределах абстрактных определений» [9, с. 158].

Новгородцев утверждает, что учение Гегеля, подобно учению Канта, должно быть признано классическим образцом нравственной философии. Субъективное направление Канта при одностороннем его развитии может привести к отрицанию необходимости общественного прогресса нравственности и утверждению, что достаточно одних личных усилий для создания нормальных нравственных отношений. Объективное же воззрение Гегеля может клониться к иной крайности – подчинению личного момента общественному и к забвению той грани, которая должна лежать между идеей общественной организации нравственности и принципом нравственной автономии [9, с. 245]. Правильное отношение состоит, по мнению автора, в их сосуществовании и взаимном признании.

П. И. Новгородцев остался верен избранному им в магистерской диссертации на-

правлению исследования, продолжив разработку исторической школы права и связанных с ней концепций в докторской работе.

Очерк развития индивидуалистического направления в истории философии государства в качестве магистерской диссертации был представлен и защищен в Харьковском университете А. Н. Фатеевым в 1907 г. Задачей работы указывается стремление «наметить линию развития идеи политического индивида, т. е. понятия о гражданине, которому присвоены индивидуальные права» [13, с. 1]. Диссертация состоит из двух частей. В первой ученый касается господства абсолютного этатизма и зародышей этико-политического индивидуализма, касается элементов политического индивидуализма, внесенных христианской доктриной, теократизма и значения средневековой философии для политического индивидуализма, анализирует значение индивидуалистического направления в истории философии государства и зародышей политического индивидуализма. Из форм теоретического знания можно выделить классификацию политико-философских идеи в сочинениях Фомы Аквинского и его учеников, которые далее развивались средневековыми мыслителями, поддерживавшими идею о светской власти: 1) по отношению к происхождению государственной власти: о возникновении государственной власти через людское установление путем договора; 2) по отношению к границам деятельности государственной власти и ее цели: о государе для государства, но не наоборот, о благе подданных; устанавливается обязанность стремиться к этому благу со стороны государя, при чем в качестве аргумента а *contrario*, рисуется картина тирана и излагается сравнительная оценка форм правления, где не упускаются из вида и достоинства народовластия.

Предметом исследования в магистерской диссертации «Опыты по истории политических идей в Англии (XV–XVII в.)» (защищена в 1913 г. в Московском университете) К. А. Кузнецов выбрал политическую идеологию Англии «старого режима», обозначая так эпоху Тюдоров и первых двух Стюартов. В заключении к работе К. А. Кузнецов лишь указывает на некоторые характерные пункты в рассмотренных им «политических построениях» [6], поэтому представить формы научного знания, полученные в диссертации, не представляется

возможным. Непосредственный результат исследования – сам подробный обзор истории политических идей в Англии на протяжении XV–XVII столетий.

В 1913 г. в Московском университете была защищена магистерская диссертация А. А. Рождественского «Теория субъективных публичных прав. Критико-систематическое исследование». В предисловии автор указал, что диссертация посвящена изучению основных вопросов теории субъективных публичных прав, а сама работа имеет характер критико-систематического исследования (поэтому каждое производимое построение обосновано предварительным критическим анализом различных точек зрения в области рассматриваемых вопросов) [11, с. I].

Во введении к диссертации автор анализирует и признаки государства, в результате чего формулирует собственное определение: «Государство есть общественный союз свободных людей с принудительно установленным мирным порядком посредством предоставления исключительного права принуждения только органам государства» [11, с. 52].

Во второй главе А. А. Рождественский раскрыл сущность разработанной классификации субъективных публичных прав. Подробное изучение существующих в науке мнений по этому вопросу приводит ученого к убеждению, что к категории субъективных публичных прав могут быть отнесены только два вида прав: права на услуги государства (или права публичных служб) и политические права (или права участия населения в государственном властвовании) [11, с. 249]. Вместе с тем, ученый отрицает отнесения вешного права к категории субъективных публичных прав.

Этика Фихте и основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии стали предметом магистерской диссертации Б. П. Вышеславцева, защищенной в Московском университете в 1914 г. В структуре исследования выделено четыре отдела: 1) трансцендентальный идеализм; рациональное и иррациональное; 2) субъект и объект; 3) царство природы и царство свободы; 4) право и нравственность [5, с. VII–XIII]. Выводы и результаты работы отдельно не помещены, а фрагментарно присутствуют в тексте. Подводя итог противопоставлениям, выраженным в произведениях Фихте в первый период его творческой деятельности (до 1800 г.),

Б. П. Вышеславцев вывел основные формулировки: «... опыт и вне-опытное, факт и основание, данное и созидание; или соединяя все это в одно: данный в опыте факт на одной стороне, и вне опытное созидание из оснований – на другой» [5, с. 12].

Анализируя решение «психо-физической проблемы», Вышеславцев утверждает, что Фихте колебался между субъективным идеализмом и особым спиритуализмом в духе Плотина. Но, если даже собственные симпатии Фихте склонялись к такому спиритуализму, то «это не значит, что в его философии, и особенно в его этике, нельзя найти элементов иного, более осторожного, более широко задуманного онтологизма. Действие, составляющее центральное понятие этики, предполагает, конечно, сознание, ибо нравственное деяние есть прежде всего сознательное деяние, но оно предполагает необходимо и движение в материальном мире, предполагает реальность своих продуктов, предполагает реальность мира, который им сознательно и свободно преобразуется, и не может допустить никакого иллюзионизма» [5, с. 322].

Итак, анализ содержания и результатов вышеуказанных диссертаций позволяет определить их основные научные результаты, выраженные в приведенных ниже формах теоретического знания, для формирования обозначенной нами в начале настоящей статьи базы данных [7; 14]:

- гипотеза о мировоззрении и политических взглядах Макиавелли [2];
- гипотеза о схожести юридического быта древних славян и быта германцев [12];
- классификация причин изменения теории разделения властей Ш. Монтескье [4];
- классификация конституционных начал, господствовавших в Европе в течение трех периодов развития (1789–1802 гг., 1814–1848 гг., 1848–1870 гг.) [10];
- классификация политико-философских идеи в сочинениях Фомы Аквинского и его учеников, которые далее развивались средневековыми мыслителями, поддерживавшими идею о светской власти [13];
- понятие государства: государство есть общественный союз свободных людей с принудительно установленным мирным порядком посредством предоставления исключительного права принуждения только органам государства [11].

Литература

1. Алексеев А. С. Макиавелли, как политический мыслитель. М.: Издание книгопродавца А. Л. Васильева, 1880. 336 с.
2. Алексеев А. С. Этюды Ж. Ж. Руссо: в 2 т. Т. 2. Связь политической доктрины Ж. Ж. Руссо с государственным бытом Женевы. М.: Издание книгопродавца А. Л. Васильева, 1887. 368 с.
3. Вальденберг В. Е. Закон и право в философии Гоббеса. СПб.: Типография В. С. Балашев и К^о, 1900. 267 с.
4. Ворошилов Н. Н. Критический обзор учения о разделении властей. Ярославль: Типография Губ. зем. управы, 1871. 451 с.
5. Вышеславцев Б. П. Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1914. 437 с.
6. Кузнецов К. А. Опыты по истории политических идей в Англии (XV–XVII в.). Владивосток: Типография Восточного института, 1913. 213 с.
7. Нестеров А. В. О научно-квалификационных критериях // Научно-техническая информация. 2012. Серия 1. Организация и методика информационной работы. № 8. С. 27–32.
8. Новгородцев П. И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. М.: Унив. типография, 1896. 226 с.
9. Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типичных построения в области философии права. М.: Унив. типография, 1901. 245 с.
10. Ренненкампф В. Н. Конституционные начала и политические воззрения кн. Бисмарка. Киев: Т-во печ. дела и торг. И. Н. Кушнерев и К^о в Москве, Киев. отд-ние, 1890. 414 с.
11. Рождественский А. А. Теория субъективных публичных прав. Критико-систематическое исследование. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1913. 290 с.
12. Собестианский И. М. Учения о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян. Историко-критическое исследование. Харьков: Типография А. Н. Гусева, бывш. В. С. Бирюкова, 1892. 336 с.
13. Фатеев А. Н. Очерк развития индивидуалистического направления в истории философии государства (Идея политического индивида). Ч. 1–2. – Харьков: Типография «Печатное Дело», 1904–1907. Ч. 1. 1904. 191 с. Ч. 2. 1907. 486 с.
14. Якушев А. Н., Климов А. Ю. Положение о присуждении ученых степеней в России (2013): проблемы и проблемы процедуры оценки диссертаций // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 179–185.
15. Ярош К. Н. Иеремия Бентам, его отношение к учению о естественном праве. Харьков: Типография М. Ф. Зильберберга, 1886. 128 с.

УДК 342.392

Г. М. Ахметова

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ В СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВАХ БАЛТИИ

Автор предпринимает попытку проанализировать ряд специфических особенностей, характерных для политических режимов стран Балтии в начале XXI века, опираясь на документальные источники и взгляды ряда отечественных и зарубежных правоведов и политологов.

Ключевые слова: политический режим, демографический фактор, идеология, постсоветское пространство, демократизация, правовые нормы.

G. M. Akhmetova

SOME PECULIARITIES OF FORMING POLITICAL REGIMES IN MODERN BALTIC STATES

The article presents the analysis of a number of specific features characteristic of political regimes of the Baltic countries at the beginning of the XXI century with reference to documentary sources and the views of a number

of domestic and foreign legal scholars and political scientists.

Key words: political regime, demographic factor, ideology, post-Soviet area, democratization, rule of law.

В настоящий момент для Латвии, Литвы и Эстонии характерен одинаковый тип политического режима, с некоторыми незначительными особенностями для конкретного государства. Подобное утверждение основывается на том факте, что исторически, географически, демографически и в сфере государственно-правовой практики страны Балтии похожи, и выделить какое-либо одно государство из тройки значило бы разорвать единую совокупность подлежащих исследованию элементов: государственно-правовых явлений, способов, приемов и методов осуществления государственной (политической) власти.

Наиболее важной особенностью рассмотрения политических режимов балтийских государств является их нестандартность. При этом характерно, что непопадание режимов исследуемых государств в известные теоретико-правовые рамки может рассматриваться как постоянное явление, поскольку ни революционных процессов, ни военных переворотов в недавнем прошлом (т. е. с момента распада СССР) в этих странах не наблюдается. А потому нестандартность политических режимов там можно считать нормой, которую нужно исследовать с юридических позиций.

Представляется, что именно анализ правовых аспектов изменения политических режимов современных балтийских государств способен положить начало ликвидации научного пробела в идентификации так называемых отклоняющихся от демократических политических режимов.

Многими авторами в связи с этим отмечается, что затянувшийся переход от авторитарных к демократическим политическим режимам в странах Балтии привел к явлениям обратным желаемым и закладывавшимся в парадигму развития изначально. Так, Н. Э. Гареева безальтернативно и справедливо заявляет, что «во многих странах демократизация привела к установлению отнюдь не демократических режимов (ярким примером этому может служить большинство стран бывшего СССР). При этом автор критично оценивает оптимистические выводы С. Хантингтона относительно третьей волны демократизации в большинстве стран, говоря, что процесс де-

Кроме того, соглашаясь в целом с тезисом о том, что «политику нельзя сфотографировать» и понимая под этим постоянное изменение режима в том или ином обществе и государстве, все же необходимо дальнейшее изучение тенденций, влекущих изменение политического режима в рассматриваемых нами странах.

мократизации является неоднозначным и противоречивым [4, с. 129].

В реальной жизнедеятельности государств (в том числе стран Балтии) политический режим не может быть всесторонне проанализирован исходя лишь из разработки правовых норм [5, с. 145]. Согласимся с Н. Н. Вопленко в том, что для политического режима очень важно сопоставление официальных, в том числе конституционных и правовых норм с реальной политической жизнью, провозглашенных целей с действительной политикой. Наряду с государственным и правовым оформлением, политический режим проявляется и в фактической жизнедеятельности политических и правовых институтов, общей направленности политического и правового развития общества [3, с. 11].

В нашем же случае, считаем наиболее верным указанием на сопоставление юридически закрепленных прав и свобод личности (индивида, гражданина, «негражданина») с реальным функционированием механизма реализации прав и свобод в выбранных нами для анализа государствах – Латвии, Литве и Эстонии.

Перейдем непосредственно к закономерностям формирования современной модели политического режима в странах Балтии. С одной стороны, поиск указанных существенных и постоянно повторяющихся взаимосвязанных государственно-правовых явлений будет затрагивать большинство стран мира: если выделена закономерность, то относиться она будет к большинству государств. Так, одной из распространенных закономерностей формирования политического режима является дисбаланс между конституционным закреплением демократических ценностей, базовых прав и свобод человека и гражданина, целеполагания государства в области правового статуса личности и фактической реализацией закрепленных в нормативных правовых актах (часто – Основных законах) норм. Наиболее типичными причинами тому выделяют бюрократическую волокиту, коррупцию, низкую политическую активность и политическую культуру граждан и др. [7, с. 23]. Следует признать, что наличие демократических элементов, прав и свобод в нормативных правовых актах большинства стран современного мира еще не является гарантией реализации указанных принципов в жизни и правоприменительной практике.

С другой стороны, балтийский регион с его уникальными странами обнаруживает свои уникальные закономерности внутри более общих повторяющихся явлений.

В сфере определения закономерностей развития политического режима на постсоветском пространстве также прослеживается более или менее общий путь. Так, Н. А. Баранова отмечает, что современное политическое развитие в определяющей степени зависит от культурной готовности наций к тем или иным переменам. Отказ от прежних и восприятие новых ценностей нередко продиктованы геополитическими интересами, связанными с принадлежностью к соответствующей цивилизации. В данном контексте можно рассматривать и становление политических режимов государств на постсоветском пространстве [1, с.152]. Некогда единое Советское государство состояло из культурно разнородных этносов, которые, получив независимость, по-разному представляли свое дальнейшее развитие. Н. А. Баранова выделяет четыре группы государств, принципиально различающихся по цивилизационным признакам: балтийские страны – Литва, Латвия, Эстония; восточно-европейские государства – Белоруссия, Украина, Молдова; закавказские республики – Грузия, Армения, Азербайджан; центрально-азиатские государства – Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан.

Продолжая свою мысль, автор подчеркивает, что балтийские страны исторически занимали либо прогерманскую (Латвия и Эстония), либо пропольскую (Литва) позицию, и став разменной монетой в период последнего передела мира, вынуждена была находиться в едином государственном образовании с геополитически чуждой Россией. Эволюцию политических режимов в постсоветских государствах Н. А. Баранова условно разделяет на два этапа. На первом этапе в 1990-е годы направленность политических процессов характеризовалась двумя ключевыми тенденциями: стабилизацией и адаптацией. В балтийских государствах, заранее определивших для себя европейский путь развития, эти процессы проходили ускоренным темпом.

Однако, как показали дальнейшие события, несмотря на все политические различия, нигде, ни в одной из стран так и не удалось добиться принципиально иных моделей развития.

Согласимся также с однозначным и справедливым выводом о том, что демократизация политического режима в большинстве стран постсоветского пространства происходит не по предписанным теорией правилам, способствующим становлению либеральной демократии, а по своим, нередко сочетающимся с традиционным характером политической власти, условиям. Кроме того, полагаем, что политические режимы, имеющие место в государствах Балтии, все же не следует относить к переходным, поскольку, во-первых, в результате формирования и эволюции политического режима появились признаки постоянства и стабильности методов осуществления политической власти, а во-вторых, и это главное, существующие режимы в Латвии, Литве и Эстонии невозможно подвести под известные типы переходных режимов, предлагавшихся в науке, как-то: полиархия (Р. Даль), полудемократия, полуавторитаризм (У. Кейс), гибридный режим (Ф. Шмиттер). На наш взгляд, более близко к сущности политических режимов балтийских государств подошел Г. О'Доннелл, указывая на такой тип, как «делегативная демократия», который характерен для обществ переходного периода в то время, когда наличествует формальная демократия, формализм в реализации методов и средств осуществления государственной власти, однако репрезентативная (или либеральная) демократия своего реального развития не получает [9, с. 54].

Еще одной закономерностью, общей для исследуемых нами государств является, на наш взгляд то, что в постсоветское время страны Балтии сравнительно быстро переходили к демократическим политическим режимам, хотя на деле быстрый переход сопровождался грубейшими нарушениями в сфере прав личности и средств осуществления политической власти, что само по себе говорит об отсутствии демократических режимов.

Основная тенденция (которая может быть определена нами как закономерность) в вопросе трансформации или эволюции политических режимов – широко разработанная в западной политологии и политико-правовой доктрине концепция демократического транзита: все государства т.н. социалистического лагеря, иные недемократические государства (тоталитарные, авторитарные) рано или поздно начинают путь к демократизации средств

и методов осуществления государственной власти, к формированию демократического политического режима.

Представляется, однако, что сегодня, невозможно не замечать и оформление противоположной тенденции (или закономерности): переход от демократического режима (либо же от псевдodemократического) к авторитарному политическому режиму. Особо актуальным представляется сегодня утверждение о том, что политический режим представляет собой лишь форму, в которую выливается совокупность психологического, идеологического, экономического и исторического наследия того или иного народа, проживающего в рамках определенного государства. По мнению З. К. Сташ, политический режим в этой связи «может быть демократическим, авторитарным, тоталитарным в зависимости от наполнения общества, в котором он устанавливается. И там, где он по всем позициям именуется демократическим, может на самом деле процветать режим тоталитарный. Однако восприятие его обществом дает ему оценку и характеристику как демократический» [10, с. 132]. Несмотря на некоторую крайность в оценке, указанное мнение имеет под собой объективную фактическую основу.

Большинство исследователей (как правило, политологи), анализируя состояние политического режима в государствах Балтии, а также результаты переходного периода от социалистической модели к демократической, утверждают об исключительности и отличительном характере Литвы, Латвии и Эстонии на фоне остальных бывших советских республик. Делаются выводы о построении гражданского консолидированного общества, достижении демократических способов осуществления власти, завершенности и, главное, необратимости, процесса демократического транзита. К примеру, в аналитическом докладе «Nations in transit. Civil society, democracy and markets in East Central Europe and the Newly independent states», опубликованном в 2002 г., страны Балтии были отнесены к категории консолидированных демократий [6, р. 22], а Б. И. Макаренко причислил рассматриваемые нами государства к типу «необратимых демократий с высокой степенью консолидации» [8]. Однако более справедливой и жизнеспособной является, на наш взгляд, точка зрения, в соответствии с которой на территории стран Балтии установились политические режимы «этнической демократии»,

характеризующиеся реализацией прав преимущественно одной титульной этнической группы, которая, как правило, представляет собой большинство, при наличии в государствах фактически этнократии и дискриминации меньшинств (по национальному признаку) [2, с. 157]. Национальный фактор, а также факторы «внешнего управления» со стороны Евросоюза и Соединенных Штатов Америки, частичная потеря внешнего (зависимость от Совета Европы, НАТО, других наднациональных организаций) и внутреннего (военные базы США в балтийском регионе) – являются определяющими при анализе и оценке политических режимов в странах Балтии.

Представляется, что наиболее существенное влияние на формирование типа политического режима стран Балтии оказывают такие факторы, как: а) этнопсихологический; б) исторический; в) географический (геополитический); г) политико-правовой.

К новейшим факторам можно отнести внешнее воздействие на политическую систему (деятельность фондов, неправительственных организаций, финансируемых из внешних источников), прямое вмешательство иных государств во внутренние дела и политические связи внутри страны, молчаливое одобрение мировым сообществом (либо его частью в лице Европейского союза и его органов, руководства НАТО) нарушений национального и международного права при осуществлении политических реформ, политико-государственных мероприятий и иных действий в рамках системы методов, способов и средств осуществления государственной (политической) власти.

Таким образом, подводя итог анализу основных закономерностей и факторов, влияющих на формирование политического режима в современных государствах в целом, и в странах Балтии, в частности, можно сделать вывод о том, что к базовым закономерностям можно отнести такие, как:

– дисбаланс между конституционным закреплением демократических ценностей, базовых прав и свобод человека и гражданина, целеполагания государства в области правового статуса личности и фактической реализацией закрепленных в нормативных правовых актах (часто – Основных законах) норм;

– тенденция к демократизации политического режима не по предписанным теорией правилам, способствующим становлению либеральной демократии, а по своим, нередко сочетающимся с традиционным характером политической власти, условиям;

– сравнительно быстрый переход стран Балтии к демократическим политическим режимам, который на деле сопровождается грубейшими нарушениями в сфере прав личности и средств осуществления политической власти (это само по себе говорит об отсутствии демократических режимов);

– устойчивая тенденция ущемления национальных меньшинств, в частности русскоязычного меньшинства, которая принимает профашистские формы;

– наличие устойчивых внешних факторов, способствующих в той или иной степени продвижению демократии, демократических принципов и ценностей, становлению демократических политических режимов в отдельных взятых государствах;

– воздействие внешней международной среды в лице более совершенных демократий и геополитических игроков на демократизацию в отдельном государстве в форме политического и силового давления;

– насильственное и открытое «насаждение» демократии без внутригосударственных предпосылок к этому;

– противопоставление государственного суверенитета демократическим преобразованиям, когда в обмен на построение демократического политического режима государство теряет (умышленно либо неумышленно) часть внешнего и внутреннего суверенитета.

Литература

1. Karatnysky A., Motyl A., Schnetzer A. Nations in transit. Civil society, democracy and markets in East Central Europe and the Newly independent states. (New edition). New Brunswick, 2002. 460 p.
2. Баранова Н. А. Политические режимы постсоветских государств // Весна науки-2011 // Материалы конференции профессорско-преподавательского состава и студентов. СПб.: Знание, ИВЭСЭП, 2011. 152 с. [Электронный ресурс]: URL: <http://nicbar.ru/statia80.htm> (Дата обращения: 24.12.2014).
3. Бродовская Е. В., Влодарская А. Социально-политические факторы посткоммунистической трансформации в странах Прибалтики // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. № 2. С. 152–162.

4. Вопленко Н. Н. Социалистическая законность и применение права / Под ред. М. И. Байтина. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983. 184 с.
5. Гареева Н. Э. Структурные и процедурные подходы как методологическая основа к анализу постсоветских политических трансформаций // Вестник Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия. 2010. № 4(48). С. 129–131.
6. Курдюкова З. Н., Верченко В. В. Теоретические проблемы категорий «политическая власть» и «политический режим государства» // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2013. № 3. С. 43–46.
7. Лубнин Д. А. Эволюция, функционирование и перспективы развития политического режима в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.: Московский государственный областной университет, 2009. 26 с.
8. Макаренко Б. Консолидация демократии: «детские болезни» постсоветских государств // Полит-Наука – политология в России и мире. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tipologii-postsovetskogo-avtoritarizma#ixzz40ak4HdPb> (Дата обращения: 12.10.2015).
9. О’Доннелл Г. Делегативная демократия // Пределы власти. 1994. № 2–3. С. 57–60.
10. Сташ З. К. Демократические и авторитарные начала современного политического режима России // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 3. С.122–123.

УДК 342.95

Б. Ю. Джамирзе

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ ЛИЦЕНЗИИ, ВЫДАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЛИЦУ

В статье исследуется вопрос о правовой природе приостановления действия лицензии, выданной юридическому лицу. Автор рассматривает приостановление действия лицензии как административно-восстановительную меру.

Ключевые слова: административное принуждение, лицензирование, административное наказание, административно-восстановительные меры, меры административного пресечения.

B. Y. Dzharמידze

SOME ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF SUSPENDING A LICENSE ISSUED TO LEGAL ENTITY

The article examines the legal nature of suspending a license issued to a legal entity. The author views the suspension of a license issued to a legal entity as administrative-recovery measures.

Key words: administrative enforcement, licensure, administrative punishment, administrative-recovery measures, measures of administrative restraint.

Действующее законодательство о лицензировании предполагает применение к юридическим лицам ряда мер административного принуждения, связанных с приостановлением или прекращением деятельности, на осуществление которой была выдана лицензия. Правовая природа данной группы мер в научной литературе до сих пор достаточно четко не определена. Если рассматривать при-

остановление действия лицензии, то характер и степень правоограничений, применяемых к юридическому лицу, приближает данную меру к итоговому карательным санкциям административного характера, поскольку оно имеет способность непосредственно затрагивать правовой статус данного лица негативным образом и применяется на заключительном этапе административного преследования [13, с. 57].

В связи с этим до последней систематизации в 2001 г. законодательства об административных правонарушениях вышесказанное давало основания ученым-административистам полагать, что приостановление действия или аннулирование лицензии по своей природе близки к мерам административной ответственности [9, с. 90]. Кроме того, М. П. Петровым, рассмотревшим систему мер административной ответственности, применяемых к юридическим лицам, предложено законодательно закрепить в качестве одной из таких мер лишение юридических лиц специальной правоспособности, что предполагает отзыв лицензии у организации [15, с. 7].

Разработанная Ю. С. Адушкиным теория «квазиадминистративной» ответственности предполагает существование ряда мер, которые по своей сути являются мерами ответственности, применяемыми в административном порядке, но находятся за пределами регулирования законодательства об административных правонарушениях, хотя имеют существенное сходство с административными наказаниями [2, с. 209–220]. К таковым он относит, в частности, приостановление действия лицензий и разрешений, а также их лишение в форме прекращения, отзыва или аннулирования [3, с. 40–41].

Действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [10], несмотря на внесение многочисленных изменений и дополнений, в том числе и в систему административных наказаний, и основательное обсуждение в научной литературе вопроса о правовой природе приостановления действия лицензии или ее аннулирования, до сих пор не содержит подобного административного наказания.

Кроме того, имеются перспективы законодательного рассмотрения и разрешения данного вопроса, поскольку группой депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации был разработан проект нового Кодекса РФ об административных правонарушениях (в Общей части) [18], в котором предполагается введение нового административного наказания для юридических лиц – лишения их специального разрешения (лицензии), которое рассчитано на применение в случаях однократного грубого или систематического нарушения условий

или порядка осуществления видов деятельности, на занятие которыми выдано данное разрешение (лицензия). Возможное введение данного административного наказания в законодательство уже нашло положительный отклик в научной литературе [12, с. 32]. Однако данная мера не идентична по правовым характеристикам лишению специального права, предоставленного физическому лицу, несмотря на то, что в законопроекте данные меры рассматриваются в качестве единой разновидности административного наказания. Дело в том, что применительно к физическим лицам предусматривается срочный характер данного административного наказания с установлением периода карательного воздействия на делинквента от одного месяца до трех лет. В данном случае лишение специального права означает невозможность в течение определенного срока его иметь и заниматься теми видами гражданской деятельности, на которые был предоставлен соответствующий документ. Таким образом, речь идет о не зависящем от воли правонарушителя отрезке времени, в течение которого специальное право не действует, но впоследствии оно возобновляется. Лишение же юридического лица ранее выданного специального разрешения (лицензии) по версии разработчиков законопроекта не носит срочный характер и заключается в его аннулировании. Тем самым предложения, которые высказывались в научной литературе, были восприняты лишь частично, поскольку приостановление действия лицензии в проекте данного закона вновь не рассматривается как вид административного наказания. При раскрытии содержания иного административного наказания – административного приостановления деятельности – разработчиками законопроекта также не было упомянуто о том, что данное наказание влечет приостановление действия лицензии, выданной юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю.

На наш взгляд, данная позиция требует определенных корректив ввиду выявленного карательного воздействия данной меры, так как правосубъектность юридического лица в значительной мере ограничивается. Оно, как и любое другое юридическое лицо, в таком случае сохраняет общую правосубъектность, которая в соответствии с положениями ч. 3 ст. 49 Гражданского кодекса Российской Фе-

дерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [6] возникает с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о его создании и прекращается в момент внесения в него сведений о его прекращении. Однако невозможность в течение определенного срока совершения действий, право осуществлять которые образует специальную правосубъектность, для юридического лица весьма существенна, поскольку те виды деятельности, ради которых организация создавалась, становятся для нее недоступными. Неполучение возможной хозяйственной выгоды в случае приостановления действия лицензии является значительным негативным последствием применения данной меры, что характеризует ее наказательный потенциал.

Вместе с тем встречается точка зрения об административно-предупредительном характере данной меры [7, с. 282], которая, кстати, подкрепляется позицией судебных инстанций. Так, в п. 20 Постановления Пленума ВАС РФ от 2 июня 2004 г. №10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» [16] указано, что приостановление действия (аннулирование) лицензии не является административным наказанием, а представляет собой специальную предупредительную меру, непосредственно связанную со спецификой деятельности, при осуществлении которой могут затрагиваться конституционные права и свободы, а также права и законные интересы других лиц. Однако данная позиция не соответствует общераспространенному мнению о сущности принудительных мер административного предупреждения, которые применяются для предотвращения возможных негативных явлений, могущих наступить в случае непринятия соответствующих мер [1, с. 270]. Они осуществляются при отсутствии нарушений установленных правил [14, с. 100]. В случае же приостановления действия лицензии фактическим основанием его применения всегда будет нарушение лицензионных требований. Конечно, предупредительная цель также будет преследоваться, но это предупреждение иного рода, сходное с тем, которое сформулировано законодателем для другой группы мер – административных наказаний; оно связано с исключением повторности совершения противоправных деяний как данным лицом, так и иными лицами.

Д. Н. Бахрах рассматривает принудительные меры по прекращению действия лицензии, применяемые к нарушителям лицензионных правил, в качестве мер административного пресечения, делая при этом оговорку, что таковыми они являются только потому, что законодатель не рассматривает их в качестве административных наказаний, хотя они имеют ярко выраженную карательную сущность. Данный ученый склоняется к тому, чтобы они были включены в систему административных наказаний хотя бы по той причине, что в таком случае процедура их применения будет четко определена в КоАП РФ в отличие от действующей несовершенной модели регулирования другим законодательством [4, с. 387, 431–432].

Интересна точка зрения В. И. Сургутскова, полагающего, что приостановление действия лицензии следует относить к мерам обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, поскольку целью применения данной меры является обеспечение исполнения вынесенного по делу постановления о назначении административного наказания. Свои рассуждения он подкрепляет предложениями внести ряд изменений и дополнений в гл. 27 и 32 КоАП РФ [20, с. 82, 85]. Подобная позиция имеет право на существование, поскольку административно-деликтное законодательство уже содержит пример процессуально-обеспечительной меры, подлежащей применению после назначения административного наказания. Речь идет о помещении в специальные учреждения иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, которое призвано обеспечить исполнение соответствующего административного наказания.

Мы же разделяем точку зрения тех авторов, которые рассматривают приостановление действия лицензии как административно-восстановительную меру [5, с. 33], [11, с. 22], хотя имеются авторы, утверждающие, что правовосстановление в качестве формы государственного принуждения не присуще административному праву в принципе и используется преимущественно как способ защиты имущественных прав граждан и организаций в сфере общественных отношений, составляющих предмет гражданско-правового регулирования [8, с. 11]. Принудительные

меры административно-восстановительного характера, по общепризнанному мнению, применяются с целью восстановления прежнего правового положения, существовавшего до совершения правонарушения, возмещения ущерба, причиненного правонарушением, защиты прав, принадлежащих управомоченным лицам, а также восстановления объективно нарушенных прав при отсутствии состава правонарушения [19, с. 7].

Если руководствоваться строго положениями ст. 20 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [21], то в настоящий момент приостановление действия лицензии необходимо рассматривать как административно-восстановительную меру, поскольку, во-первых, она носит постделиктный характер, во-вторых, применяется после назначения административного наказания и, в-третьих, посредством ее осуществления восстанавливается правовое положение, имевшее место до нарушения лицензиатом лицензионных требований ввиду временной невозможности заниматься соответствующей деятельностью. Однако это не исключает ранее изложенных позиций о наличии карательной сущности данной меры, что в перспективе должно привести к ее включению в перечень административных наказаний.

Законодатель предусматривает два фактических основания применения названной меры:

- 1) привлечение лицензиата к административной ответственности за неисполнение в установленный срок выданного лицензирующим органом предписания об устранении грубого нарушения лицензионных требований;
- 2) назначение лицензиату административного наказания в виде административного приостановления деятельности за грубое нарушение лицензионных требований.

Таким образом, рассмотренное ранее мнение В. И. Сургутскова о необходимости включения приостановления действия лицензии в число мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях не в полной мере согласуется с содержанием действующего законодательства о лицензировании, поскольку применение приостановления действия лицензии может обеспечить исполнение только административного наказания в виде административного

приостановления деятельности. В первом же случае само по себе привлечение к административной ответственности за неисполнение в установленный срок выданного лицензирующим органом предписания об устранении грубого нарушения лицензионных требований не может обеспечиваться посредством приостановления действия лицензии. Данная мера фактически применяется отдельно, имея лишь логическую и хронологическую взаимосвязь с фактом привлечения юридического лица к административной ответственности.

Следует отметить четко выстроенную законодателем модель нормативно-правового регулирования приостановления действия лицензии, которая исключает применение данной меры в случае недоказанности нарушения лицензионных требований или неисполнения предписания об устранении грубого нарушения лицензионных требований, поскольку данные обстоятельства сначала будут установлены в рамках производства по делам об административных правонарушениях, а впоследствии уже послужат основанием для приостановления действия лицензии.

В то же время названные два основания различаются по законодательному обеспечению гарантированности прав и законных интересов юридических лиц, привлекаемых к административной ответственности. Дело в том, что административное приостановление деятельности назначается в судебном порядке, за исключением случаев привлечения к административной ответственности должностными лицами органов Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору при наличии грубого нарушения требований промышленной безопасности (ч. 1 ст. 3.12 КоАП РФ). Таким образом, приостановлению действия лицензии предшествует, как правило, вынесение судебного постановления, что обеспечивает высокий уровень гарантий обеспечения прав и законных интересов юридических лиц.

Однако для первого основания подобные гарантии законодателем установлены не в КоАП РФ, а в Федеральном законе «О лицензировании отдельных видов деятельности», поскольку в ч. 2 ст. 20 названного закона установлена судебная, а не административная подведомственность по назначению лицензиату административного наказания за неисполнение предписания об устранении грубо-

го нарушения лицензионных требований. В то же время, если обратиться к содержанию ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ, не по всем случаям неисполнения в установленный срок законного предписания органа или должностного лица, осуществляющего государственный надзор (контроль) по ст. 19.5 КоАП РФ, предусматривается исключительная судебная подведомственность. Это зависит от того, каким органом государственного управления было выдано соответствующее предписание, и в ряде случаев устанавливается альтернативная подведомственность, когда суд уполномочен рассмотреть дело только в случае передачи его на рассмотрение соответствующим должностным лицом, либо вообще устанавливается исключительная административная подведомственность. Например, дела о невыполнении в установленный срок законного предписания должностного лица Федеральной службы по надзору в сфере транспорта по ч. 10 ст. 19.5 КоАП РФ не могут рассматриваться в судебном порядке. Учитывая тот факт, что данный орган исполнительной власти вправе осуществлять лицензирование деятельности в сфере разработки, производства, испытания

и ремонта авиационной техники, перевозок внутренним водным транспортом, морским транспортом опасных грузов и др. [17, с. 57] и, соответственно, выдавать предписания об устранении грубых нарушений лицензионных требований, по невыполнению подобных предписаний должна наступать административная ответственность именно по ч. 10 ст. 19.5 КоАП РФ, а дело должно рассматривать уполномоченное должностное лицо Ространснадзора (ст. 23.36 КоАП РФ).

Выявленное законодательное расхождение должно быть устранено посредством внесения изменений в те положения КоАП РФ, которые устанавливают альтернативную подведомственность либо исключительную административную подведомственность по делам о неисполнении в установленный срок законного предписания органа или должностного лица, осуществляющего государственный надзор (контроль). В то же время в перспективе, на наш взгляд, такая мера административного принуждения, как приостановление действия лицензии, должна обрести статус административного наказания.

Литература

1. Административное право: учебник / под ред. Л. Л. Попова, М. С. Студеникиной. М.: Норма, 2008. 992 с.
2. Адушкин Ю. С. Квазиадминистративная ответственность (старые и новые проблемы реформирования законодательства об административных правонарушениях) // Административное право на рубеже веков: Межвузовский сборник науч. тр. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2003. С. 209–220.
3. Адушкин Ю. С. Новый КоАП Российской Федерации – все ли учтено на стадии доработки? // Журнал российского права. 2000. № 11. С. 37–43.
4. Бахрах Д. Н. Административное право России: учебник. 3-е изд., исправ. и доп. М.: Эксмо, 2007. 528 с.
5. Брунер Р. А. Отличие административного приостановления деятельности от приостановления действия лицензии // Современное право. 2007. № 1. С. 31–33.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
7. Каплунов А. И. О классификации мер административного принуждения // Административное и административно-процессуальное право. Актуальные проблемы: сборник статей. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2004. С. 265–282.
8. Каплунов А. И. О классификации мер государственного принуждения // Государство и право. 2006. № 3. С. 5–13.
9. Киясханов И. Ш. Права и свободы граждан в учетно-регистрационной и лицензионно-разрешительной деятельности милиции. Омск: Изд-во Омск. юрид. ин-та МВД России, 1997. 118 с.
10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.
11. Коркин А. В. Институт административно-правового принуждения: меры, применяемые сотрудниками милиции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. 23 с.

12. Лакаев О. А. Реформирование федерального законодательства об административных правонарушениях // Публичная власть: реальность и перспективы: Сборник науч. трудов по материалам второй ежегодной Международной научно-практической конференции. Саратов: ИП Коваль Ю. В., 2015. С. 31–34.
13. Максимов И. В. Административные наказания. М.: Норма, 2009. 464 с.
14. Манохин В. М. Административное право России: учебник. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2010. 266 с.
15. Петров М. П. Административная ответственность организаций (юридических лиц): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. 171 с.
16. Постановление Пленума ВАС РФ от 2 июня 2004 г. № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» // Вестник ВАС РФ. 2004. № 8.
17. Постановление Правительства РФ от 21 ноября 2011 г. № 957 «Об организации лицензирования отдельных видов деятельности» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48, ст. 6931.
18. Проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (подготовлен Комитетом по конституционному законодательству и государственному строительству). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
19. Соколов А. Ю. Административно-восстановительные меры // Публичная власть: реальность и перспективы: сборник науч. трудов по материалам ежегодной заочной Международной научно-практической конференции. Саратов: ИП Коваль Ю.В., 2014. С. 7.
20. Сургутсков В. И. Приостановление действия лицензии и аннулирование лицензии как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Современное право. 2008. № 6. С. 82–85.
21. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 19. ст. 2716.

УДК 342.553

М. А. Захарова

ПРАВОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СТРУКТУР ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

В статье анализируется правовая организация территориальных структур центральных органов государственного управления на первоначальном этапе становления советской власти в России. Территориальные структуры подробно рассмотрены по соот-

ветствующим отраслям и сферам государственного управления.

Ключевые слова: территориальное управление, социалистическая государственность, государственная власть, Октябрьская революция, государственный орган.

M. A. Zaharova

LEGAL ORGANIZATION OF TERRITORIAL STRUCTURES OF STATE ADMINISTRATION CENTRAL AGENCIES IN INITIAL STAGE OF ESTABLISHING SOVIET POWER IN RUSSIA

The article presents the analysis of legal organization of territorial structures of the central agencies in State administration at the initial stage of establishing Soviet power in Russia. Territorial structures are studied as regards branches and spheres of state administration.

Key words: territorial administration, socialist statehood, public authority, October revolution, state agency.

Победа Октябрьской революции 1917 г. привела к созданию в российском государстве принципиально новой системы органов государственной власти, основу которой составляли советы. 26 октября 1917 г. на II Всероссийском съезде Советов в целях обеспечения революционного порядка было постановлено наделить Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов всей полнотой власти на местах [13]. Данное постановление заложило фундамент для всей последующей системы советского строительства на протяжении всего периода функционирования социалистической модели государственности в России и государствах, постепенно вошедших в состав Союза ССР. На данном съезде был избран новый состав Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК), который был создан еще до Октябрьской революции, но с ее победой стал функционировать как орган государственной власти с законодательными, исполнительными и контрольными полномочиями. В целом на начальном этапе построения советской власти было сложно вы-

делить государственный орган с четко выраженными функциями исполнительной власти, поскольку теория построения советского государства отрицала буржуазный принцип разделения властей, хотя и признавала необходимость технического разделения труда между отдельными органами власти Российской Советской Республики [21, с. 197–198].

Изначально единого систематизированного нормативного акта, которым могла быть установлена система органов государственной власти, победившими в революции силами предложено не было. Первые шаги революционного руководства были направлены на упразднение структур, ранее осуществлявших государственную власть и замену их иными, соответствующими идеям построения социалистического государства, властвующими субъектами. В частности, были приняты необходимые меры для организации государственного управления на местах с учреждением соответствующих территориальных управленческих структур и организационно-кадровым обеспечением их функционирования.

Центральным органом государственного управления стало временное рабочее и крестьянское правительство, получившее наименование Совета Народных Комиссаров (СНК). Это был коллегиальный орган общей компетенции, в который вошли народные комиссары по внутренним делам; земледелия; труда; по делам военным и морским; по делам торговли и промышленности; народного просвещения; финансов; по делам иностранным; юстиции; по делам продовольствия; почт и телеграфов; по делам национальностей; по делам железнодорожным [4]. Данные должностные лица возглавили соответствующие отраслевые органы государственного управления – народные комиссариаты.

При СНК был сформирован Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ) – орган государственного управления, задачей которого являлась организация народного хозяйства и государственных финансов, с целью чего он должен был вырабатывать общие нормы и планы регулирования экономической жизни страны, координировать деятельность центральных и местных органов государственного управления (совещания по топливу, металлу, транспорту, центрального продовольственного комитета, народных комиссариатов торговли и промышленности, продовольствия, земледелия, финансов, военно-морского и т.д.), а также Всероссийского Совета Рабочего Контроля. ВСНХ был призван координировать работу местных экономических отделов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, включающих в себя местные органы рабочего контроля, а также местных комиссаров труда, торговли, промышленности и продовольствия. При этом экономические отделы местных советов имели двойное подчинение: как структурное звено местных советов они им же и подчинялись, но, с другой стороны, они рассматривались как местные органы ВСНХ, для которых обязательны все его постановления. Кроме того, при отсутствии соответствующих экономических отделов ВСНХ обязан был образовывать свои местные органы, которые должны были находиться исключительно в его подчинении [10].

ВЦИК, СНК, ВСНХ и народными комиссариатами были приняты необходимые меры нормативно-правового характера, направленные на организацию территориальных структур государственного управления

по соответствующим отраслям. При этом учреждались как отдельные должности, замещаемые для осуществления управленческих функций по определенным территориям, так коллективные структуры.

Коллективные структуры государственного управления на местах целесообразно рассмотреть по соответствующим отраслям и сферам государственного управления:

а) в сфере финансового контроля были учреждены Советы рабочего контроля в целях планомерного регулирования народного хозяйства во всех промышленных, торговых, банковских, сельскохозяйственных, транспортных, кооперативных, производственных товариществах и прочих предприятиях, имеющих наемных рабочих. Рабочий контроль был введен над производством, куплей, продажей продуктов и сырья, их хранением, а также над финансовой стороной деятельности предприятий. Такие советы создавались по крупным городам, губерниям или промышленным районам. Местные Советы рабочего контроля, будучи органами Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, одновременно были под контролем ВСНХ. Кадровый состав Советов рабочего контроля комплектовался из представителей профессиональных союзов, заводских, фабричных и иных рабочих комитетов и рабочих кооперативов [15];

б) в сфере государственного регулирования земельных отношений были учреждены главный и местные земельные комитеты для проведения в жизнь нового земельного законодательства [3]. Главный земельный комитет являлся самостоятельным учреждением в составе центральных государственных органов. Местные земельные комитеты действовали под общим руководством главного земельного комитета. Губернские (областные), уездные (окружные) и волостные земельные комитеты учреждались повсеместно в губерниях (областях), уездах (округах и отделах) и волостях [14]. Отдельные правила по организации и деятельности были установлены для волостных земельных комитетов, которые учреждались в обязательном порядке в каждой волости, причем под волостью понимались также и иные, соответствующие территориальные единицы (станции и прочее). Волостные земельные комитеты учреждались как самостоятельные органы, избираемые на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного

права. В тех волостях, где были организованы и начали функционировать волостные земства, волостные земельные комитеты учреждались как органы волостных земств, избираемых волостным земским собранием. Волостные земельные комитеты были наделены контрольно-надзорными полномочиями: принимали меры к надлежащей охране находящихся в их ведении лесов и к охране вод в пределах своей волости, предоставляли разрешения отдельным селам и лицам на ловлю рыбы [18];

в) в сфере государственного регулирования труда были созданы морские конторы, учреждаемые либо союзами моряков, либо городскими общественными управлениями в наиболее значительных портах. Они были наделены контрольно-надзорными и иными полномочиями по: регистрации моряков торгового флота; выдаче мореходных книжек; проверке расчетов по вознаграждению служащих на судах; удостоверению аттестатов моряков; сбору и обобщению статистического материала об условиях жизни моряков, оплате труда, профессиональных опасностях, болезнях и сообщении его в отдел торгового мореплавания и комиссариат труда; обеспечению открытия морских домов и приютов для моряков и управлению ими; проверке профессиональных знаний моряков. В случае отсутствия морской конторы в соответствующем порту обязанности морской конторы возлагались на местное портовое управление [19]. Кроме того, под началом Народного комиссариата Труда были организованы местные и областные биржи труда в целях: точного учета и планомерного распределения рабочих во всех отраслях народного хозяйства; упорядочения спроса и предложения труда; контроля безработных, получающих пособия. Местные биржи труда учреждались местными объединениями профессиональных союзов при городских и земских самоуправлениях в поселениях с числом жителей не менее двадцати тысяч. Управление местной биржей труда возлагалось на комитет биржи труда, состоявший из представителей профессиональных союзов, двух представителей местного совета и двух представителей городского и земского самоуправления [9]. В системе Народного комиссариата Труда была учреждена инспекция труда – контрольно-надзорный орган, имевший целью охрану жизни, здоровья

и труда всех лиц, занятых хозяйственной деятельностью, и правомочный налагать денежные взыскания на нарушителей. Она находилась в ведении местных органов Народного комиссариата Труда (отделов охраны труда). Инспекторы труда избирались Советами профессиональных союзов и общегородскими или окружными страховыми кассами и подлежали утверждению областными комиссарами труда. Территориальная сфера деятельности местной инспекции и ее количественный состав определялись областными съездами комиссаров труда и подлежали утверждению Народным комиссаром Труда [5];

г) в отрасли обороны все управление флотами было передано в ведение Центральных Комитетов флотов на местах, а штабы командующих флотов заменены соответствующими выборными организациями. Военные отделы Центральных Комитетов флотов управляли всеми военно-оперативными морскими действиями. Была упразднена должность командующих флотов, а ее функции переданы военно-оперативным частям военных отделов Центральных Комитетов [20]. Кроме того, были сформированы четыре уровня территориальной организации комиссариатов по военным делам: волостные, уездные, губернские и окружные комиссариаты, которые действовали в системе Народного комиссариата по военным делам. Способы их организации были различны. Окружные комиссариаты по военным делам формировались Народным комиссариатом по военным делам в составе двух комиссаров по военным делам и одного военного руководителя; в ведении окружного комиссариата состояли все вооруженные силы, предназначенные для местных военных нужд округа, а также все управления, учреждения и заведения военного ведомства, не входившие в состав войск, расположенных в пределах округа. Губернские комиссариаты по военным делам подчинялись окружному комиссару и формировались губернскими Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов в составе двух комиссаров по военным делам и одного военного руководителя, которые впоследствии утверждались Народным комиссариатом по военным делам. Уездные комиссариаты подчинялись губернскому комиссару и формировались уездными Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов в составе двух комиссаров по военным делам

и одного военного руководителя, которые утверждались губернским Советом Рабочих и Крестьянских Депутатов. На низовом уровне военной организации создавались волостные комиссариаты, находившиеся в подчинении уездного комиссариата и создававшиеся волостными Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов в составе двух комиссаров по военным делам и одного военного руководителя, которые утверждались уездным Советом Рабочих и Крестьянских Депутатов [11];

д) в отрасли юстиции были организованы отделы записей браков и рождений при городской (районной, уездной или волостной земской) управе. Таким образом, у духовных учреждений, которым ранее была подведомственна регистрация браков, рождений и смерти по обрядам различных вероисповедных культов, были изъяты данные полномочия, а регистрационные книги подлежали передаче в соответствующие городские, уездные, волостные и земские управы [2];

е) в сфере межотраслевого регулирования в области экономики в целях организации всей экономической жизни каждого промышленного района (области) в соответствии с общегосударственными и местными интересами при районных (областных) и местных советах были организованы районные Советы народного хозяйства как местные учреждения по организации и регулированию производства, руководимые ВСНХ и действующие под общим контролем соответствующего местного совета. Районные Советы народного хозяйства создавались: из коллегий, выбранных на совместных конференциях производственных профессиональных союзов и фабрично-заводских (рудничных, торгово-промышленных, транспортных) комитетов, а также конференциях земельных комитетов, созываемых местным советом; из представителей местных советов и демократических кооперативов; из представителей технического, административного и коммерческого управления предприятий (в количестве не более одной трети общего числа членов совета).

Была регламентирована организационная структура аппарата Районных советов народного хозяйства; он разбивался на секции по отраслям хозяйственной жизни: государственного хозяйства и банков, топлива, по обработке металла, по обработке волокнистых веществ, бумажных изделий, дерева, мине-

ральных веществ, животных продуктов, пищевых и вкусовых веществ, химического производства, строительных работ, транспорта, сельского хозяйства, продовольствия и потребления. Каждая секция, ведающая какой-либо отраслью производства, разбивалась на четыре главных отдела: организации; снабжения и распределения; труда; статистики [16].

Кроме того, под началом ВСНХ действовали Комитеты цен, которые создавались для контроля за установлением цен по каждой отрасли торговых заведений (мануфактурных, галантерейных, скобяных и т. д.). Они учреждались в каждом городе и поселении с числом жителей не менее десяти тысяч. В состав каждого Комитета цен входили: два представителя от соответствующей секции торгово-промышленных служащих, два представителя от потребительных кооперативов, два представителя от владельцев торговых заведений, один статистик и один бухгалтер по выбору местного совета [17];

ж) в отрасли железнодорожного транспорта под руководством Народного Комиссариата путей сообщения были созданы местные, районные и областные железнодорожные центры, которые выбирали из своей среды наиболее активного работника, знатока железнодорожного хозяйства, и ставили его во главе центра в качестве исполнительного лица, которое утверждалось Народным Комиссаром путей сообщения. Кроме того, на местах была учреждена военная охрана железных дорог также под началом Народного Комиссариата путей сообщения. Отряды военной охраны выполняли обязанности и контрольных отрядов как по борьбе с безбилетным проездом и беспорядочным провозом грузов, так и по борьбе с простым вагоном и паровозом [7];

з) в отрасли лесного хозяйства было создано Центральное Управление Лесов Республики и образуемые по его распоряжениям в составе местных органов Советской власти технические лесные органы Советской власти, которые заведовали всеми лесами, находящимися на их территории, под контролем, руководством и по указаниям Центрального Управления Лесов Республики, и осуществляли контрольно-надзорную деятельность [1];

и) в сфере таможенного дела функционировали таможенные учреждения, являвшиеся органами центральной Советской

16. Положение о районных (областных) и местных Советах народного хозяйства (утв. ВСНХ РСФСР 23 декабря 1917 г.) // СУ РСФСР. 1918. № 13. Ст. 196.
17. Постановление ВСНХ РСФСР от 30 января 1918 г. «О Комитетах цен» // СУ РСФСР. 1918. № 23. Ст. 326.
18. Постановление Наркомзема РСФСР от 4 декабря 1917 г. «О Волостных Земельных Комитетах» // СУ РСФСР. 1917. № 2. Ст. 20.
19. Постановление Народного Комиссариата Торговли и Промышленности РСФСР от 6 декабря 1917 г. «Об учреждении морских контор» // СУ РСФСР. 1917. № 6. Ст. 94.
20. Приказ Народного Комиссариата по Морским Делах РСФСР от 8 декабря 1917 г. «О переходе управления флотами в ведение Центральных Комитетов флотов» // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. 8 декабря.
21. Стучка П. Учение о государстве и Конституции РСФСР. 2-е изд., пересм. М.: Красная новь, 1923. 349 с.

УДК 342.734

А. Х. Марулина, Л. В. Петрова

СВОБОДА ТРУДА ИЛИ ПРАВО НА ТРУД: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ФОРМУЛИРОВКИ В РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Авторы анализируют законодательную конструкцию «свобода труда», используемую в Конституции РФ 1993 г., а также предлагают определенные шаги по законода-

тельному закреплению субъективного права личности на труд.

Ключевые слова: Конституция, свобода труда, право на труд.

A. H. Marulina, L. V. Petrova

FREEDOM TO WORK OR THE RIGHT TO WORK: THE SEARCH FOR OPTIMAL LEGAL WORDING IN THE RUSSIAN CONSTITUTION

The authors analyze the legal structure of «freedom of labor» used in the Constitution of the Russian Federation, and offer certain steps for legislative consolidation of the subjective right of the individual to work.

Key words: Constitution, freedom of labor, right to work.

Длительное время в отечественной науке циркулирует спор о понятиях, связанных с осуществлением гражданами трудовой деятельности, чему не в последнюю очередь способствует Основной закон Российской Федерации, который не содержит буквальной правовой категории «право на труд», ограничиваясь формулировкой «свобода труда». Авторы настоящей статьи исходят из гипотезы о том, что давно назрела необходимость включения в текст Конституции Российской Федерации 1993 г. формулировки «право на труд». Обратимся к рассмотрению и обоснованию указанной нами гипотезы.

В общей концепции науки конституционного права свобода труда трактуется как возможность работать или не работать, как отсутствие какой бы то ни было юридической ответственности за неустройство на работу (соответствующие карательные нормы имелись в советском законодательстве, обращены были к так называемым «тунеядцам»). Другим аспектом свободы труда является право человека на свободный выбор профессии, рода и вида деятельности, а также запрещение принудительного труда.

В отечественной юридической науке существует несколько мнений относительно

сушности и места принципа свободы труда. Так, одни авторы относят свободу труда к отраслевым принципам (Ю. П. Орловский, В. И. Миронов [5]), другие видят его в числе общеправовых. В качестве примера можно привести интересное определение Р. Г. Умярова: «Принцип свободы труда является общеправовым принципом, находит большее или меньшее, прямое или косвенное свое проявление во всех отраслях российского права, пронизывает сферы публичного и частного права, а также международное право в его региональном и обшепланетарном измерениях» [6].

На наш взгляд, принцип свободы труда также следует отнести к числу общеправовых, тем более что к этому нас подталкивает и мнение Конституционного суда РФ. Эта судебная инстанция в январе 1993 г. определила в одном из постановлений, что «общие (общеправовые) принципы обладают высшей степенью нормативной обобщенности, предопределяют содержание конституционных прав человека, отраслевых прав граждан, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений. Общеобязательность таких принципов состоит как в приоритетности перед иными правовыми установлениями, так и в распространении их действия на все субъекты права» [7].

Что касается содержания и сущности непосредственно свободы труда, то хотя этим благом обеспечивается равная возможность вступления в трудовые отношения каждому без проявлений дискриминации, все же, как представляется, следует придерживаться мнения О. А. Куничиной о том, что «из конституционных норм и принципов не вытекает право гражданина занимать избранную им определенную должность, выполнять конкретную работу, как и обязанность кого бы то ни было предоставить гражданину такую работу на удобных для него условиях» [4, с. 83].

Анализ конституций ведущих стран Европы приводит нас к выводу о том, что нередко законодатель выбирает именно категорию «право на труд» для закрепления правомочий граждан в сфере труда. Так, в Конституции Испании 1978 г. в ст. 35 закреплена обязанность граждан трудиться, а также их право на труд. Дополнительно указаны право на свободный выбор профессии или рода деятельности, на продвижение по службе, а также на

заработную плату, достаточную для покрытия своих потребностей и потребностей своей семьи, не допуская ни в коем случае дискриминации по полу [1].

Право на труд провозглашено и в Конституции Португалии 1976 г., ст. 58 которой закрепляет обязанностью государства гарантировать указанное право, обеспечивая проведение политики полной занятости, равенство возможностей в выборе профессии или рода трудовой деятельности без запретов и ограничений на основании пола для доступа к любым должностям, работе и профессиям, а также культурную, техническую и профессиональную подготовку трудящихся [2, с. 34].

Так же конкретно и однозначно право на труд выражено в Конституции Италии 1947 г.: статья 4 провозглашает, что государство признает за всеми гражданами право на труд и способствует созданию условий, которые делают это право реальным. Каждый гражданин, указано в Основном законе Италии, в соответствии со своими возможностями и по своему выбору обязан осуществлять деятельность или выполнять функции, способствующие материальному или духовному прогрессу общества [3].

Приведенные примеры демонстрируют тот факт, что европейские конституции часто упоминают об обязанности трудиться, что в свою очередь свидетельствует о том, что в большинстве случаев конструкция права на труд находится в тесной связке с обязанностью трудиться или выполнять общественно-полезные функции.

Характерно также, что в подавляющем большинстве нормы о праве на труд либо свободе труда подкрепляются в конституциях развитых стран указанием на содержание этих правомочий: организация обучения, переквалификации граждан, создание системы служб занятости, формирование рабочих мест, забота государства о трудоустройстве всех трудоспособных граждан и т. д.

Конституция РФ 1993 г. в этом смысле не исключение. Не закрепляя прямо право на труд для граждан России, Основной закон, тем не менее, прямо указывает на право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было

дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы. Не вызывает сомнения и то, что указанные конституционные возможности и гарантии на самом деле свидетельствуют о фактическом признании Конституцией РФ 1993 г. права на труд. Однако непосредственное закрепление в тексте этого права могло бы способствовать созданию наиболее эффективного механизма реализации прав и свобод в сфере труда.

Выдвинутая нами гипотеза о фактическом (de facto) наличии права на труд в РФ, исходя из закрепленных и реализующихся гарантий реализации свободы труда, подтверждается и правотворческой практикой субъектов Российской Федерации в рамках совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ (п. «к» ч.1 ст.72 Конституции РФ).

Так, в законодательстве ряда субъектов РФ имеются нормы о:

– квотировании рабочих мест (Закон Тюменской области «О квотировании рабочих мест в Тюменской области» от 31 марта 2000 г.);

– квотировании рабочих мест для трудоустройства инвалидов (Закон Ямало-Ненецкого автономного округа «О квотировании рабочих мест для трудоустройства инвалидов в Ямало-Ненецком автономном округе» от 27.06.2008 г. № 54 ЗАО);

– разработке и реализации мероприятий, направленных на сохранение и развитие трудового потенциала граждан (Закон Тюменской области от 08.07.2003 № 155 (ред. от 04.04.2013) «О регулировании трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений в Тюменской области»);

– мониторинге условий и охраны труда (Постановление Правительства Тюменской области от 15.08.2012 г. № 304-п);

– охране труда (Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 10 февраля 1998 г. № 2-ОЗ «Об охране труда в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре»);

– содействию занятости (Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 24 мая 2012 г. № 52-ОЗ «О регулировании отдельных вопросов в области содействия за-

нятости населения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре»);

– регулировании социально-трудовых отношений (Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 10 октября 2003 г. № 53-ОЗ «О трехсторонних комиссиях по регулированию социально-трудовых отношений в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» (с изменениями от 9 июня, 31 октября 2008 г., 18 июля 2010 г., 8 декабря 2012 г.);

– проведении аттестации рабочих мест (Постановление Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа от 18.02.2010 № 98-А «О проведении аттестации рабочих мест по условиям труда в исполнительных органах государственной власти Ямало-Ненецкого автономного округа и государственных учреждениях Ямало-Ненецкого автономного округа») и др.

Таким образом, исходя из проанализированных нормативных правовых актов субъектов РФ, закрепленных в них фактических механизмов реализации права на труд, норм Конституции РФ, а также основываясь на общеевропейской практике конституционного регулирования, можно утверждать, что в Российской Федерации фактически закрепляется и реализуется право на труд.

Ссылаясь на ряд Определений и Постановлений Конституционного суда РФ [1, 2], следует отметить, что если в Конституции какое-либо право прямо не закреплено (так как глава 2 Конституции РФ не считает перечень перечисленных в ней прав закрытым), но механизмами реализации, вводимыми как самой РФ, так и ее субъектами, такое право провозглашается, развивается и наличествует, то можно говорить о том, что такое право может иметь или имеет место в РФ.

Вместе с тем, очевидно, что необходимо как можно быстрее закрепить право на труд в самом тексте Основного закона РФ: это автоматически закрепит за Российской Федерацией обязанности по обеспечению реализации конституционного права на труд, созданию действительно эффективного механизма реализации рассматриваемого права, соответствующего всем современным требованиям и международным стандартам (в первую очередь Европейской социальной хартии).

Литература

1. Boletin Oficial del Estado. № 311. 29.12.1978.
2. Ильинский И. П. Португалия – конституция и законодательные акты. М., 1979. С. 34.
3. Конституция Итальянской Республики / пер. с итал. Л. П.Гринберга // Конституции государств Европейского Союза; под общ. ред. Л. А.Окунькова. М.: Издательская группа ИНФРА-М-НОР-МА, 1997. С. 423–450.
4. Куницина О. А. Свобода труда в системе конституционных принципов // Гражданин и право. 2012. № 2. С. 83.
5. Трудовое право России: учебник. 3-е издание / отв. ред. Ю. П. Орловский, А. Ф. Нуртдинова. М., 2010. 648 с.
6. Умяров Р. Г. Принцип своды труда в российском праве: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород: НА МВА, 2007. 190 с.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.1993 № 1-П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и Постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих данные вопросы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1993. № 2–3.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2007 № 331-О-П «По жалобе гражданки Уваровой Веры Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 23.1 Федерального закона «О ветеранах», п. 19 ст. 44 и п. 5 ст. 154 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 5.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.10.2009 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 30, пункта 2 статьи 32, пункта 1 статьи 33 и пункта 1 статьи 34 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан М. А. Белогуровой, Т. А. Ивановой, С. Г. Климовой и А. В. Молодцова» // Российская газета. 2009. № 214. 13.11. 2009.

УДК 36.1/5

Д. А. Смирнов, О. Н. Амвросова**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ
ЗЕМЛИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

В статье анализируются особенности правового регулирования налогообложения земли на современном этапе. Автор выделяет ряд проблем, характерных для реализации налогового законодательства, с которыми сталкиваются индивидуальные предпринима-

тели и иные собственники и арендаторы земли в Ставропольском крае.

Ключевые слова: налог, земля, налогообложение, кадастровая стоимость, ставка, кадастр недвижимости.

D. A. Smirnov, O. N. Amvrosova**TOPICAL PROBLEMS OF LAND TAXATION AT THE PRESENT STAGE**

This article analyzes the peculiarities of legal regulation of land tax at the present stage. The authors specify a number of problems related to the implementation of tax legislation

faced by individual entrepreneurs and other owners and tenants of land in Stavropol Krai.

Key words: income tax, land tax, cadastral value, rate, real estate cadastre.

Развитие налогового права происходило в России неравномерно. До 90-х годов прошлого столетия у граждан не существовало даже понятия о том, что налогообложение представляет собой процесс, затрагивающий права и обязанности физических лиц и организаций. Данная ситуация была обусловлена особой экономикой социалистического периода развития нашего государства. Все изменилось с переходом на рыночный тип развития экономики. Взгляд обычных и иных налогоплательщиков изменился, поскольку налоговое право получило интенсивный толчок в своем развитии. Однако это не исключило сложностей в реализации норм права. Можно назвать много проблем, характерных для начального периода развития нового налогового законодательства, но в глобальном смысле их можно свести к следующим: 1) отсутствие единой кодифицированной системы в сфере налогового законодательства; 2) сложность налогового законодательства; 3) отсутствие единой фискальной (налоговой) системы; 4) трактовка правовых норм и принципов налогового права в различных смыслах (в зависимости от органов, реализующих налоговые нормы); 5) трактовка правовых норм и принципов налогового права в различных смыслах (в зависимости от органов, реализующих налоговые нормы).

С начала XXI века ситуация изменилась, но это не исключило возможности наступления негативных обстоятельств в практике налогообложения. На данный момент можно выделить также пять основных проблем, характерных для налогового права России.

1. Существенное противоречие норм налогового права и норм иных отраслей права.
2. Развитие смысла принципов налогового права законодателем с уклоном в сторону публичной составляющей.
3. Отсутствие четкой, ясной и краткой терминологии при правовом регулировании налогообложения.
4. Наличие подзаконных налоговых норм, противоречащих законодательству о налогах и сборах.
5. Увеличение фискальной составляющей системы налогов и сборов.

Как видно, ситуация, характеризующая проблематику налогового права, меняется. Налицо прогрессивное изменение процесса налогообложения тесно связанного с налоговым правом. Но если мы возьмем любой вид налога, то найдем массу недостатков нормативно-правовой базы, посвященной регулированию его взимания. Подробнее хотелось бы остановиться на проблемах земельного налогообложения на примере Ставропольского края. Так, в Ставропольском крае в

2011 году была проведена государственная кадастровая оценка земель, отличившаяся некачественным подходом. В результате у налогоплательщиков земельного налога, арендаторов и лиц, выкупающих земельные участки, возникли сложности в справедливом использовании кадастровой стоимости земли в практических целях. Земельный налог был завышен. Эта же ситуация касалась арендной платы и выкупной стоимости земли. Поэтому с 2013 года начался массовый процесс оспаривания результатов кадастровой оценки земель.

Согласно письмам Министерства экономического развития РФ от 27 июля 2011 года № 0Г-Д0631, Министерства финансов РФ от 01 марта 2012 года № 03-5-04-02/17, от 30 августа 2012 года № 03-05-05-02/89, от 01 ноября 2012 № 03-05-05-02/112 перерасчет земельного налога был возможен за предыдущие и текущие налоговые периоды, т. е. ретроспективно.

Позиция Минфина РФ, выраженная в письме от 16 июля 2013 года № 03-05-04-02/27809, заключалась в следующем: если изменения в государственный кадастр недвижимости в части установления кадастровой стоимости в размере рыночной внесены по состоянию на 1 января года, являющегося текущим или предшествующим налоговым периодом, то исчисление земельного налога должно осуществляться с применением указанной кадастровой стоимости за весь налоговый период, по состоянию на 1 января которого были внесены изменения в кадастр, а также за все последующие налоговые периоды. Соответственно налогоплательщики понимали это, как возможность применения ретроспективного перерасчета.

В последующем был принят федеральный закон № 225-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 21.07.2014 года [3], установивший порядок применения новых сведений о кадастровой стоимости объектов недвижимости.

Согласно этому порядку сведения о кадастровой стоимости, установленной решением суда или комиссией, применяются для целей, предусмотренных законодательством РФ, с 1 января календарного года, в котором подано заявление о пересмотре кадастровой стоимости, но не ранее даты ее внесения в ГKN.

Казалось бы, все ясно: чем раньше оспоришь, тем эффективнее применение и перерасчет налогов за прошлый период возможен, начиная с года, в котором подано заявление.

Однако ФНС РФ заняла другую позицию, в результате чего большинство заинтересованных лиц лишились права на перерасчет земельного налога за предыдущие и текущие налоговые периоды. Позиция эта была основана на том, что аналогичные поправки были внесены в НК РФ в конце 2014 года и вступили в силу с 01.01.2015 года.

В частности, ФНС РФ были изданы соответствующие письма от 1 апреля 2015 № БС-4-11/4935, от 21 апреля 2015 № БС-4-11/6355, от 15 июня 2015 № БС-4-11/12494, а также письмо Минфина РФ от 15 июня 2015 № 03-05-04-02/38796.

Согласно указанным документам, если изменения в части установления кадастровой в размере рыночной внесены в государственный кадастр недвижимости в течение 2014 года на основании решения суда или комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости, то указанная кадастровая стоимость может применяться в целях налогообложения по состоянию на 1 января года, следующего за налоговым периодом, в котором были внесены такие изменения в кадастр, т. е. с 01.01.2015 года.

Если заявление о пересмотре кадастровой стоимости было подано в 2015 году и решение комиссии и суда принято в 2015 году, то новая кадастровая стоимость должна применяться с 01.01.2015 года.

Таким образом, оказалось, что перерасчет платежей за прошлый период оказался невозможным, а сам механизм оспаривания – неэффективным.

Многие предприниматели, имеющие на руках решения судов по пересмотру кадастровой оценки за 2006 год или в отношении вновь образованных участков, полученных до кадастровой оценки 2011 года, не смогли реализовать решения в связи с утратой их актуальности. В такой же ситуации оказались и те, кто оспорил кадастровую стоимость в 2013–2014 годах.

Из вышеописанного следует: четкого законодательно установленного механизма перерасчета кадастровой стоимости не существовало, а основным спорным моментом яв-

лялась возможность применения перерасчета земельного налога за предыдущие налоговые периоды. Внесем ясность в раскрытие данного вопроса.

Налоговая база представляет собой стоимостную, физическую или иную характеристику объекта налогообложения. Устанавливается налоговая база и порядок ее определения по региональным и местным налогам Налоговым кодексом Российской Федерации, что следует из ст. 53 НК РФ.

Налоговая база по земельному налогу в силу ст. 390 НК РФ определяется как кадастровая стоимость земельных участков, признаваемых объектом налогообложения в соответствии со ст. 389 НК РФ. При этом в соответствии со ст. 66 ЗК РФ установление рыночной стоимости земельных участков регламентируется Федеральным законом от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации». По муниципальному району (городскому округу) средний уровень кадастровой стоимости утверждается органами исполнительной власти субъектов РФ.

Ссылаясь на правовую позицию, изложенную в Определении Конституционного Суда РФ от 3 февраля 2010 г. № 165-О-О [1] необходимо отметить, что правовое регулирование земельного налога носит комплексный характер и состоит из актов как налогового, так и земельного законодательства, которое используется для целей налогообложения. Нормативные правовые акты органов исполнительной власти субъектов РФ об утверждении кадастровой стоимости земельных участков в той части, в какой они во взаимосвязи с нормами ст. 390 и п. 1 ст. 391 Налогового кодекса порождают правовые последствия для налогоплательщиков, действуют во времени в том порядке, какой определен федеральным законодательством для вступления в силу актов законодательства о налогах и сборах в Кодексе.

В п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости» разъяснены особенности действия во времени нормативного правового акта об утверждении результатов государственной кадастровой оценки [2].

В той части, в какой эти нормативные правовые акты порождают правовые последствия для налогоплательщиков, они действуют во времени в порядке, определенном федеральным законом для вступления в силу актов законодательства о налогах и сборах (статья 5 НК РФ).

Например, нормативный правовой акт об утверждении результатов определения кадастровой стоимости, опубликованный 15 декабря 2014 года, для целей налогообложения подлежит применению с 1 января 2016 года.

Установленная судом кадастровая стоимость используется для исчисления налоговой базы за налоговый период, в котором подано заявление о пересмотре кадастровой стоимости, и применяется до вступления в силу в порядке, определенном статьей 5 НК РФ, нормативного правового акта, утвердившего результаты очередной кадастровой оценки, при условии внесения сведений о новой кадастровой стоимости в государственный кадастр недвижимости (п. 28 Постановления № 28).

Действующим законодательством не урегулирован правовой механизм, определяющий особенности определения налоговой базы по земельному налогу при изменении, произошедшем в течение одного налогового периода, кадастровой стоимости земельных участков, определенной как рыночная стоимость. Данный вопрос в связи с этим разъяснен ФНС России и Минфином России.

В тех случаях, когда определена рыночная стоимость земельного участка, его кадастровая стоимость будет к ней приравнена. Включение в государственный кадастр недвижимости сведений о кадастровой стоимости земельного участка, равной рыночной, на прошедшую дату законодательством не допускается. От кадастровой стоимости зависит земельный налог, размер арендной платы, выкупная стоимость земельных участков. Налоговая база в отношении отдельных объектов недвижимого имущества также определяется как их кадастровая стоимость.

В письме ФНС России от 26.03.2015 № БС-4-11/4935 разъясняется, что согласно статье 24.20 Федерального закона от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [5] в случае изменения кадастровой стоимости по решению комиссии или суда в порядке,

установленном статьей 24.18 Федерального закона № 135-ФЗ, сведения о кадастровой стоимости, установленной решением комиссии или суда, применяются для целей, предусмотренных законодательством Российской Федерации, с 1 января календарного года, в котором подано соответствующее заявление о пересмотре кадастровой стоимости, но не ранее даты внесения в государственный кадастр недвижимости кадастровой стоимости, которая являлась предметом оспаривания.

Как видим, законодатель, уточняя дату начала применения рыночной стоимости, приравненной к кадастровой на основании судебного решения, не связал этот момент со вступлением решения в законную силу. Более того, из упомянутой нормы следует, что рыночная стоимость подлежит применению для целей, предусмотренных законодательством РФ (в том числе для целей налогообложения), прошедшим числом, чему так противятся в настоящее время большинство судей при вынесении решений.

Аналогичные правила в Налоговый кодекс РФ (п. 1 ст. 391) были внесены только осенью 2014 г. и вступили в силу с 1 января 2015 г. (Федеральный закон от 04.10.2014 г. № 284-ФЗ) [4]. По мнению налоговых органов на 2014 г. нормы Закона об оценочной деятельности не распространялись, и правила с 1 января года, в котором подано заявление, подлежали применению только с 1 января 2015 г.

Таким образом, физические и юридические лица, чьи интересы затрагивают результаты определения кадастровой стоимости земельного участка, имеют возможность пересмотреть ее. Вопрос о таком пересмотре разрешается органами исполнительной власти, а при несогласии с их решениями – в судебном порядке. Если юридическое лицо не обратится с заявлением о пересмотре кадастровой стоимости в комиссию досудебного разбирательства, то есть риск получить отказ в установлении новой стоимости.

Суд утвердит новую кадастровую стоимость, если установит ее несоответствие (уже внесенной в государственный кадастр недвижимости) рыночной стоимости. При этом определение рыночной стоимости земельного участка производится по состоянию на момент определения его кадастровой стоимости, внесенной в государственный реестр.

Между тем порядок определения кадастровой стоимости земельного участка в судебном порядке не означает аннулирования ранее внесенной записи о кадастровой стоимости объекта недвижимости. Новые сведения о стоимости земельного участка орган кадастрового учета должен внести в государственный кадастр недвижимости с момента вступления в силу судебного акта (п. 3 ст. 66 Земельного кодекса РФ). С этого момента наступают правовые последствия установления судом рыночной стоимости земельного участка. То есть кадастровая стоимость участка, установленная судебным актом, не подлежит применению при исчислении земельного налога за прошлые налоговые периоды.

Сопоставив нормы Федерального закона от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» и аналогичные нормы Налогового кодекса РФ, Минфина России Письмом от 06.07.2015 № 03-05-04-02/38796 признал, что налогообложение земельным налогом в 2014 году должно осуществляться с учетом статьи 24.20 Федерального закона № 135-ФЗ в новой редакции, а именно:

– в случае исправления технической ошибки в сведениях государственного кадастра недвижимости о величине кадастровой стоимости сведения о кадастровой стоимости используются для целей, предусмотренных законодательством Российской Федерации, с даты внесения в государственный кадастр недвижимости соответствующих сведений, содержащих техническую ошибку;

– в случае изменения кадастровой стоимости по решению комиссии или суда в порядке, установленном статьей 24.18 Федерального закона 135-ФЗ, сведения о кадастровой стоимости, установленной решением комиссии или суда, применяются для целей, предусмотренных законодательством Российской Федерации, с 1 января календарного года, в котором подано соответствующее заявление о пересмотре кадастровой стоимости, но не ранее даты внесения в государственный кадастр недвижимости кадастровой стоимости, которая являлась предметом оспаривания;

– сведения об изменении кадастровой стоимости на основании решения комиссии или суда, включая дату подачи соответствующего заявления о пересмотре

кадастровой стоимости, подлежат внесению в государственный кадастр недвижимости в соответствии с пунктом 11 части 2 статьи 7 Федерального закона от 24 июля 2007 года № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости».

Таким образом, налоговые органы при администрировании земельного налога должны руководствоваться информацией, содержащейся в государственном кадастре недвижимости.

Что касается письма Минфина России от 16.07.2013 № 03-05-04-02/27809, то оно применяется в части, не противоречащей законодательству Российской Федерации.

Собственник земельного участка для подтверждения разницы между его рыночной и кадастровой стоимостью может представить в суд отчет независимого оценщика (ст. 75 АПК РФ) и заключение СРО. Такого отчета, заверенного экспертным заключением, достаточно, чтобы пересмотреть величину кадастровой стоимости земельного участка.

Согласно п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости» дело о пересмотре кадастровой стоимости должно быть рассмотрено по существу независимо от того, что до принятия судом решения утверждены или внесены в государственный кадастр недвижимости результаты очередной кадастровой оценки, поскольку действующее правовое регулирование предусматривает право заявителя пересчитать сумму налоговой базы с 1-го числа налогового периода, а для иных целей, предусмотренных законодательством, с 1-го числа календарного года, в котором подано заявление о пересмотре кадастровой стоимости, но не ранее даты внесения в государственный кадастр недвижимости кадастровой стоимости, которая являлась предметом оспаривания (п. 15 ст. 378.2, п. 1 ст. 391, п. 2 ст. 403 НК РФ, ст. 24.18 и абзац 5 ст. 24.20 Закона об оценочной деятельности).

Очень часто при оспаривании кадастровой стоимости недвижимости саморегулируемые организации оценщиков проводят так называемую «нормативную» экспертизу отчетов об оценке рыночной стоимости такой недвижимости. Однако посредством проведе-

ния такой экспертизы невозможно получить ответ на вопрос о достоверности величины кадастровой стоимости. Таким образом, саморегулируемые организации как бы проводят экспертизу, но снимают с себя ответственность за подтверждение или неподтверждение величины кадастровой стоимости.

Описанная ситуация стала возможной после того, как в статье 5 второго раздела Федерального стандарта оценки № 5 «Виды экспертизы, порядок ее проведения, требования к экспертному заключению и порядку его утверждения» были закреплены два вида экспертизы – нормативная и стоимостная. Причем определение стоимостной экспертизы также включало нормативную экспертизу. Таким образом, классификация экспертизы отчетов об оценке на два вида оказывается бессмысленной – экспертиза отчетов должна быть только стоимостной и в той редакции, которая дана во втором разделе статьи 5 ФСО № 5.

Предлагается внести изменение в статью 5 второго раздела ФСО № 5, оставив лишь стоимостную экспертизу, чтобы саморегулируемые организации несли ответственность за результаты проведенных ими экспертиз. В этом случае повысится и качество отчетов об оценке кадастровой стоимости.

Представляется неудачной и формулировка ст. 24–13 Федерального закона от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации». Так, в целях налогообложения рекомендуется заменить фразу «содержащиеся в государственном кадастре недвижимости» словами «иные сведения», поскольку состав сведений, содержащейся в кадастре недвижимости, ограничен ст. 7 Федерального закона от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» [6], а для оценки могут понадобиться дополнительные данные, содержащиеся в иных источниках.

Не все объекты недвижимости, ранее поставленные на кадастровый (технический учет) с оформлением прав установленным порядком имеются в данных Государственного кадастра недвижимости, особенно те, которые ранее учитывались земельными комитетами и другими органами. Тем не менее по таким объектам также должна быть определена кадастровая стоимость для целей налогообложения.

Разрешение сложившейся ситуации в Российской Федерации, в том числе в Ставропольском крае, связанной с невозможностью распространения оспоренной кадастровой стоимости на отношения по налогообложению или арендные правоотношения в период,

предшествующий принятию решения об изменении кадастровой стоимости, возможно путем внесения изменений в действующее законодательство Российской Федерации.

Литература

1. Определение Конституционного Суда РФ от 03.02.2010 №165-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Арбитражного суда Омской области о проверке конституционности пункта 1 статьи 4 Налогового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 2 статьи 66 Земельного кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 4.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.
3. Федеральный закон № 225-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 21.07.2014 года // СЗ РФ. 2014. № 30. 30 (Часть I). Ст. 4226.
4. Федеральный закон от 04.10.2014 г. № 284-ФЗ «О внесении изменений в статьи 12 и 85 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и признании утратившим силу Закона Российской Федерации «О налогах на имущество физических лиц» // СЗ РФ. 2014. № 40 (Часть II). Ст. 5315.
5. Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3813; 2015. № 29. (часть 1). Ст. 4350.
6. Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4017; 2015. № 29 (Часть 1). Ст. 4378.

УДК 347.73

Г. В. Станкевич, Е. В. Касевич**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАНАХ ЕС**

В статье рассматриваются существенные проблемы формирования правовой основы финансового контроля в РФ и европейских странах. Комплексный анализ данной категории позволяет выявить особенности понимания данного института финансового права в юридической науке, обозначить ак-

туальные проблемы, возникающие в рамках правоприменения и предложить возможные направления их решения.

Ключевые слова: финансы, правовое регулирование финансов, финансовая деятельность, финансовый контроль, государственный финансовый контроль.

G. V. Stankevich, E. V. Kasevich**PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF STATE FINANCIAL CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE EU**

The article deals with the topical problem of forming the legal framework of financial control in the Russian Federation and European countries. Comprehensive analysis of this category reveals the features of the understanding of financial law institution in jurisprudence, the necessity to identify actual

problems arising in the framework of law enforcement and suggest possible directions of their solutions.

Key words: finance, legal regulation of finance, financial services, financial control, state financial control.

Проблемы правового регулирования такого динамично развивающегося института финансового права, как финансовый контроль, являются результатом многих факторов политического и экономического развития государства. Создать оптимальную систему регулирования финансового контроля – это та цель, к которой необходимо стремиться и которую следует реализовывать. Поэтому рассмотрение правовой базы финансового контроля в РФ через призму его нормативно-регулирующего в странах ЕС позволит более четко определить проблемы и прояснить современное состояние данного института в отдельных системах права.

На современном этапе в России реализуются меры по реформированию бюджетного процесса, направленные на повышение эффективности и прозрачности управления общественными финансами, формируется правовая основа для осуществления среднесрочного бюджетного планирования на всех уровнях бюджетной системы Российской Федерации; происходящие процессы ставят но-

вые задачи перед внешним государственным и муниципальным финансовым контролем, связанные с дальнейшим внедрением в деятельность контрольно-счетных органов аудита эффективности использования государственных средств, методов оценки эффективности бюджетных расходов с точки зрения конечных целей социально-экономической политики; действующие в области финансового контроля нормы федерального и регионального законодательства не обеспечивают в полной мере правовое регулирование, адекватное задачам, стоящим перед государственным и муниципальным финансовым контролем, обуславливают необходимость совершенствования правовых основ деятельности контрольно-счетных органов.

Российская система современного финансового законодательства начала формироваться в 1990-х годах, необходимость полностью переориентировать механизм финансового контроля столкнулась с вопросом принятия нормативно-правовых актов, регулирующих как статус органов финансового

контроля, так и процедуры его осуществления. Опыт зарубежных стран был использован частично, поскольку при разработке ФЗ «О Счетной палате» функции органа внешнего финансового контроля ориентировались и на Лимскую декларацию руководящих принципов контроля 1977 г., и на законы о Высших контрольных органах европейских государств.

В БК РФ, в гл. 26, вплоть до внесения изменений Федеральным законом от 23.07.2013 № 252-ФЗ финансовый контроль четко не определялся терминологически, а также не содержались существенные нормы, регулирующие виды, формы и методы финансового контроля. Название Раздела IX БК РФ «Государственный (муниципальный) финансовый контроль» создавало и продолжает создавать проблему в самом понимании государственного финансового контроля. Логика законодателя, направленная на смешение понятий «государственный финансовый контроль» (ГФК) и «бюджетный контроль» не совсем понятна, поскольку сфера охвата ГФК гораздо шире, включает налоговый, валютный контроль, финансовый мониторинг. К сожалению, этот вопрос так и не решен на законодательном уровне.

Один из наиболее дискутируемых вопросов в этой связи касается необходимости принятия Федерального закона «О государственном финансовом контроле в РФ», который бы стал основополагающим нормативно-правовым актом в этой сфере правового регулирования.

Оппоненты данной позиции указывают на то, что отдельные виды государственного финансового контроля имеют правовое оформление – БК РФ, НК РФ, ФЗ от 10.12.2003 № 173 «О валютном регулировании и валютном контроле», и в силу их специфики дублирование норм в рамках еще одного федерального закона не имеет необходимости. Согласиться с подобной точкой зрения трудно, поскольку регулирование отдельных сфер ГФК разрозненными нормативными правовыми актами приводит к тому, что контроль в сфере государственной финансовой деятельности осуществляется на основе различных принципов с использованием несогласованных методов, происходит дублирование, либо, напротив, возникают пробелы в деятельности органов государственного финансового контроля.

К международным актам в сфере финансового контроля, которые учитываются при разработке внутреннего законодательства, можно отнести Лимскую декларацию руководящих принципов контроля, принятую IX Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) в г. Лима (Республика Перу) в 1977 году. Хотя, как и любая декларация, она не является нормативно-правовым актом, однако содержит базовые принципы контрольной деятельности, на которые должны ориентироваться органы государственного аудита, и в первую очередь Высшие контрольные органы, которыми практически во всех странах являются контрольно-счетные органы.

В Конституции РФ, несмотря на содержащиеся нормы, устанавливающие правовые основы финансовой деятельности государства и местного самоуправления, контрольному направлению не уделяется должного внимания. Можно назвать только ст. 101–103 Конституции РФ, на основании них палаты Федерального Собрания РФ формируют Счетную палату РФ.

Основные положения о бюджетном контроле содержатся в главе 26 Бюджетного кодекса РФ «Основы государственного и муниципального финансового контроля». Не совсем удачное название названной главы позволяет отдельным ученым отождествлять государственный финансовый контроль и бюджетный контроль, что неверно как с точки зрения объекта, так и субъекта контроля. Логичнее было бы назвать главу 26 БК РФ «Основы бюджетного контроля».

В ст. 265 БК РФ определяются формы контроля, осуществляемого законодательными (представительными) органами: предварительный, текущий, последующий. Хотя, как представляется, логичнее было бы отнести их к видам, а не формам контроля. И вновь мы сталкиваемся с необходимостью принятия единого нормативно-правового акта в сфере ГФК, который бы четко дал понятие финансового контроля и определил его основные виды и формы осуществления.

Главой 26 БК РФ также установлены основы осуществления финансового контроля Федеральным казначейством (ст. 267), Федеральной службой финансово-бюджетного надзора (ст. 268); главными распорядителями бюджетных средств, главными администра-

торами доходов бюджета и главными администраторами источников финансирования дефицита бюджета (ст. 269); контрольными и финансовыми органами субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (ст. 270). Если посмотреть на содержание перечисленных статей, то можно увидеть, что нормы, содержащиеся в них, регулируют в основном только направления бюджетного контроля, осуществляемого перечисленными субъектами, но не раскрывают формы, методы, процедуры контрольных мероприятий. Таким образом, даже бюджетный контроль в рамках БК РФ урегулирован не достаточно полно и требует подзаконного регулирования, чего можно было бы избежать, включив в главу 26 организационную структуру, методологию бюджетного контроля.

К нормативно-правовым актам общего характера на федеральном уровне, относящимся к организационной структуре ГФК, можно отнести Федеральный закон «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» от 28.01.2011 года, который знаменует новый этап правового регулирования институционального механизма финансового контроля в Российской Федерации. Закон вступил в силу с 01.10.2011 года, соответственно, все региональное законодательство и муниципальные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы организации и деятельности контрольно-счетных органов, должны быть приведены в соответствие с Федеральным законом.

Данным нормативным актом разрешен открытый на протяжении длительного времени вопрос о степени обособленности счетных палат от региональных органов законодательной власти. [З с. 900]. Законодатель пошел по пути отделения органов государственного аудита от законодательных (представительных) органов. Поэтому в тех субъектах, где контрольно-счетные органы являются обособленными структурными подразделениями законодательных (представительных) органов субъектов РФ и подотчетны им в своей деятельности, будет необходимо изменить подход к формированию и статусу КСО. Создание организационно и функционально независимых контрольно-счетных органов регионов, по нашему мнению, будет способ-

ствовать более последовательной реализации принципа независимости органов ГФК, что поможет с большей степенью эффективности проводить контрольные мероприятия в бюджетной сфере.

Так же следует отдельно сказать о новом Федеральном законе от 05.04.2013 № 41 «О Счетной палате Российской Федерации». Ранее действовавший Федеральный закон от 11.01.1995 № 4-ФЗ «О Счетной палате РФ» определял статус, задачи Счетной палаты РФ, ее состав и структуру, порядок и виды деятельности. Принятие данного закона существенным образом повлияло на организацию финансового контроля в РФ, поскольку это был первый независимый орган финансового контроля на федеральном уровне, который действует достаточно эффективно в рамках своих полномочий.

Новый Федеральный закон 2013 года определяет Счетную палату как постоянно действующий высший орган внешнего государственного аудита (контроля), в то время как в Законе 1995 года Счетная палата называлась «постоянно действующим органом государственного финансового контроля». Повысился статус Счетной палаты, что связано с общей тенденцией модернизации системы управления в сфере государственного контроля. Счетная палата наделяется правом осуществлять новые виды государственного аудита (контроля), что создает прочную инструментальную базу для реализации ее полномочий. В первую очередь это аудит эффективности, под которым понимается определение эффективности использования федеральных и иных ресурсов, полученных объектами аудита для достижения запланированных целей, решения поставленных социально-экономических задач развития Российской Федерации. Далее – стратегический аудит, который позволит дать комплексную оценку качества разработки, реализации и результативности финансовых программ, оценить финансовые риски в сфере обеспечения безопасности страны. Так же важен аудит государственных программ РФ, аудит государственных и международных инвестиционных проектов, аудит федеральных информационных систем и проектов. Отдельно следует отметить, что Счетная палата наделяется рядом полномочий по обеспечению мер по противодействию коррупции, получает право контроля в сфере государственных закупок.

С точки зрения усиления статуса Счетной палаты, важной является и норма ст. 17 нового ФЗ «О Счетной палате», в соответствии с п. 7 правоохранительные органы обязаны предоставлять Счетной палате информацию о ходе рассмотрения и принятых решениях по переданным Счетной палатой материалам. Безусловно, новый закон более полно отражает цели деятельности Счетной палаты на сегодняшнем этапе, и его реализация в совокупности с ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» должна способствовать развитию эффективной системы контрольно-счетных органов в РФ на всех трех уровнях.

Государственный налоговый контроль регулируется нормами главы 14 ч. 1 Налогового кодекса РФ, которая, в частности, содержит порядок проведения налоговых проверок, подробно регламентирует камеральные и выездные налоговые проверки, содержит права и обязанности налоговых органов, налогоплательщиков, налоговых агентов, других участников налоговых правоотношений при осуществлении мероприятий налогового контроля.

Федеральный закон от 10.12.2003 № 173 «О валютном регулировании и валютном контроле» регулирует валютный контроль, хотя и в самом общем виде, устанавливает компетенцию органов валютного контроля и агентов валютного контроля, разделяя их полномочия в данной контрольной сфере.

Поскольку единый федеральный закон о государственном финансовом контроле еще не принят, продолжает действовать Указ Президента РФ от 25.07.1996 г. № 1095 «О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в РФ». В соответствии с Указом в Российской Федерации государственный финансовый контроль включает в себя контроль за исполнением федерального бюджета и бюджетов федеральных внебюджетных фондов, организацией денежного обращения, использованием кредитных ресурсов, состоянием государственного внутреннего и внешнего долга, государственных резервов, предоставлением финансовых и налоговых льгот и преимуществ. Таким образом, в Указе определяются основные направления ГФК, но не дается понятие самого финансового контроля, форм и методов его осуществления.

На основании Указа Президента РФ от 09.03.2004 г. № 314 создан ряд федеральных служб, подведомственных Министерству финансов РФ, имеющих полномочия по осуществлению финансового контроля: Федеральная налоговая служба, Федеральная служба финансово-бюджетного надзора и др.

Законодательство о ГФК берет свое начало в соответствующих нормативно-правовых актах об органах ГФК, но это именно начало, так как данные акты, имеющие, по сути, локальный характер, формируют саму возможность разработки интегративной правовой базы общей системы ГФК, обеспечивающей ее реформирование и развитие. Поэтому, как представляется, необходимо разработать общий нормативно-правовой документ в сфере ГФК, а затем на его основе акты об отдельных видах контроля и контрольных органах.

В странах Евросоюза правовое регулирование института финансового контроля осуществляется на уровне Конституции (Основного закона) (Германия, Франция, Испания, Швейцария, Италия, Австрия, Португалия), Органических законов (Франция – Закон о финансовой гласности политической жизни), специальных законов (Франция – Закон о счетной палате, Кодекс финансовых судов, Германия – Законы «О Федеральной счетной палате Германии», «О принципах бюджетного права федерации и земель», «Об организации государственного бюджета», «Об улучшении структуры бюджета», «О финансовой взаимопомощи федерации и земель», «О приведении различных норм в области финансовых взаимоотношений между федерацией и землями в соответствие с новым регулированием финансового состояния»; Испания – Общий закон о бюджете; Швейцарская конфедерация – Ордонанс о финансах Конфедерации, закон о федеральном финансовом контроле, закон о взаимоотношении Советов, закон об основных направлениях политики правительства и финансовом планировании).

Особенностью правового регулирования финансового контроля в Германии является то, что основные правила функционирования финансовой системы страны закреплены в специальном разделе конституции ФРГ «Финансы». В этом разделе главное внимание уделено регламентации финансовых отношений между федерацией, землями, общинами, гарантируя их устойчивость [4].

Отдельные сферы финансового контроля, в частности, положения бюджетного контроля регулируются бюджетным законодательством (Закон «Об организации государственного бюджета», Закон «Об улучшении структуры бюджета», Закон о бюджетном выравнивании был одобрен парламентом Германии в декабре 2001 г. Он вступил в силу с 01.01.2005 г. и утрачивает действие после 31.12.2019 г.), налоговый контроль предусмотрен нормами Налогового кодекса ФРГ.

Порядок проведения мероприятий финансового контроля регулируется на уровне подзаконных актов, которые вправе издавать главы государств, правительство, руководители министерств и ведомств: Положение о проведении финансовой проверки, утверждено Минфином Германии по согласованию с Бундесратом Германии, Приказ Министерства финансов Германии «О рационализации отбора налогоплательщиков для проведения контрольных проверок».

В Великобритании нет единого акта, регулирующего функционирование органов финансового контроля, отдельные аспекты контрольно-ревизионной деятельности предусмотрены в конституционных актах, Законах о финансовых услугах и рынках, о Национальном ссудном фонде (National Loans Act), о Консолидированном фонде (Consolidated Fund Act), о министерстве финансов и ревизионных органах.

Таким образом, под финансовым контролем в странах ЕС понимается регулярный и непрерывный процесс контроля, цели и основные задачи которого имеют выраженный финансовый характер, а их достижение осуществляется на основе межотраслевой системы институтов, инструментов и методов, регламентируемых комплексом правовых норм, охватывающих весь механизм организации и проведения финансового контроля, в том числе и возможность применения в его рамках специфических организационных форм и методов, а также определенный круг субъектов, наделенных полномочиями в отношении ограниченного круга контролируемых лиц и объектов контроля.

Проведенный анализ особенностей правового регулирования финансового контроля в РФ и в странах Евросоюза позволяет выделить в условиях современной глобализации тенденцию унификации законодатель-

ства, регулирующего механизм государственно-финансового контроля, так как основными актами, закрепляющим порядок осуществления финансово-контрольных мероприятий, являются конституции государств и специальные законы.

При формировании нормативной базы ГФК в РФ надлежит решить несколько важных задач:

- определить терминологию и понятийный аппарат ГФК;
- разработать методологию ГФК (цели, задачи, принципы и т. д.);
- определить организационную структуру системы ГФК;
- органы правового регулирования ГФК, их права и обязанности;
- субъектов права ГФК;
- предмет, основания регулирования, цели и задачи системы нормативно-правовых актов (законодательства) ГФК;
- основные источники права ГФК (нормативно-правовые акты) и уровни нормативно-правового регулирования;
- порядок построения системы нормативно-правовых актов ГФК, их структуру (части, разделы, подразделы и т. д., расположение в определенной последовательности) и содержание;
- разработать порядок систематизации нормативно-правовых актов ГФК (учет, инкорпорация – издание сборников и т. д., консолидация);
- обозначить основные аспекты взаимосвязи правовых актов ГФК с актами иных подотраслей (сфер) финансового права, а также с другими отраслями права.

Действенная нормативная база ГФК – одно из ключевых условий его системности, она обеспечивает его легитимность и целостность, взаимосвязь элементов. В современных же условиях несовершенство нормативно-правовых актов, освещающих лишь отдельные вопросы ГФК, порождает правовой нигилизм контролируемых и, как следствие, многочисленные нарушения [1]. Существующая нормативная база ГФК не отвечает масштабам и глубине процессов управления финансовыми потоками государства в условиях многоукладной экономики, характеризуется отрывочностью и бессистемностью, имеет принципиальные изъяны и упущения. Между тем сегодня как никогда четко проявляется

зависимость эффективности контрольных процедур от качества соответствующего нормативно-правового обеспечения [2].

Институт финансового контроля в современных условиях должен приобрести новую динамику развития, поскольку процесс становления механизма государственного фи-

нансового контроля в Российской Федерации затянулся уже на двадцать лет, а законченная система ГФК еще не создана. Как представляется, необходим комплексный подход к правовому регулированию государственного финансового контроля, что позволит создать единую правовую основу для функционирования ГФК.

Литература

1. Бурцев В. В. Совершенствование нормативной базы государственного финансового контроля в Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2004. № 2. Февраль. С. 60–64.
2. Гараев И. Г. Правовое обеспечение государственного финансового контроля в современной России // Финансовое право. 2008. № 3. С. 46–47.
3. Касевич Е. В., Станкевич Г. В. Контрольно-счетные органы субъектов в системе государственного финансового контроля РФ // Право и политика. 2008. № 8. С. 1900. С. 219–222.
4. Stankevich G. V., Kara-Kazaryan T. V., Kasevich E. V. State financial control: comparative analysis of Russia and France // Life Science Journal. 2014. Т. 11. № 11. P. 348–352.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81.38

А. А. Агаджанян

К. И. ЧУКОВСКИЙ-ПЕРЕВОДЧИК: ПОРТРЕТ И АВТОПОРТРЕТ В МЕТАТЕКСТЕ

Среди многочисленных творческих достижений выдающегося мастера русского слова К. И. Чуковского важное место занимает «Искусство перевода» («Высокое искусство»). В области перевода он зарекомендовал себя как языковая личность, главным принципом речевой деятельности которой является витализм – следование внутреннему диалогу двух языков и стоящих за ними культур, когда переводчику удается гармонизовать это взаимо-

действие и найти коммуникативный консенсус. В процессе перевода текста К. И. Чуковский проявляет себя как тонкий мастер семантической нюансировки, в основе которой лежит глубокое понимание индивидуального стиля переводимого автора.

Ключевые слова: художественный перевод, витализм, языковая личность, идиостиль, языковая картина мира.

А. А. Agajanjan

K. I. CHUKOVSKY-TRANSLATOR: A PORTRAIT AND A SELF-PORTRAIT IN THE METATEXT

Among numerous creative achievements of the outstanding master of the Russian word K.I. Chukovsky the important place is taken by his work «Translation art» («High art»). In the field of the translation he is known as a translator whose main principle of speech activity was the vitalism – following the internal dialogue of two languages and cultures standing behind them when a translator manages to harmonize

this interaction and to find communicative consensus. In translation process K.I. Chukovsky was the master of semantic nuances which was due to deep understanding of individual style of the source text author.

Key words: literary translation, vitalism, language personality, individual style, language picture of the world.

В поле зрения современного переводоведения сегодня находится много интересных и актуальных вопросов, о чем свидетельствуют многочисленные научно-исследовательские изыскания последних лет [3, 6, 7, 9 и др.]. Заметно усилился интерес к исследованию вопросов, связанных с языковой личностью художника слова [14, 20]. Разрабатывается аспект языковой личности переводчика [4, 15, 22 и др.], вместе с тем остается неисследованным вопрос о портретировании образцовой языковой личности переводчика – эталонной, проверенной временем, заложившей основы творческого отношения к переводческой речевой деятельности. Размышления в данной связи мы находим в единичных исследовани-

ях и прежде всего – в работах Д. И. Петренко [10, 11, 12, 13], в которых выделена знаковая фигура для отечественного переводческого пространства – К. И. Чуковского-переводчика. В рассматриваемом ракурсе отметим еще ряд работ [17, 18], в которых, в частности, затрагиваются вопросы взаимодействия художественных систем автора и переводчика, моменты формирования переводоведческой концепции выдающихся мастеров перевода, ракурсы метапоэтики художественного перевода, когда зашифрованный в тексте перевода авторский код реализует себя в различных дискурсивных практиках [18, 6 и след.].

В дальнейшем мы, анализируя художественный перевод К. И. Чуковского, остано-

вимся на таких его аспектах, как соотношение текста и метатекста, портретирование и автопортретирование. Мы выделяем два пласта работ, посвященных вкладу Чуковского в переводоведение. С одной стороны, это литературно-критические статьи и высказывания, принадлежащие критикам, переводчикам, писателям – старшим и младшим современникам К. И. Чуковского. Во-вторых, это научно-исследовательские труды (их значительно меньше, чем первых), в которых рассматриваются те или иные вопросы, представляющие интерес для анализа многогранной деятельности Чуковского-переводчика. Дадим краткую характеристику наиболее важным работам обоих направлений анализа.

В статье Р. Р. Чайковского [17] рассматриваются истоки переводоведческой концепции К. И. Чуковского и делается вывод о том, что важнейшими из них, питавшими переводческую мысль, являются живой интерес к языкам, к словесному творчеству, литературная учеба у выдающихся современников-переводчиков (в частности, у В. Я. Брюсова), творческие контакты с М. Горьким в процессе создания издательства «Всемирная литература», сотрудничество со своими коллегами (К. Батюшков, Н. Гумилев) на страницах переводимых данным издательством текстов.

В многочисленных воспоминаниях о деятельности Чуковского-переводчика и редактора их авторы обращают внимание на такие его качества, как нетерпимость к небрежности и неряшливости выполняемых переводов, фанатичная преданность переводческой деятельности как профессии. Неоднократно его современники подчеркивали, что Чуковский с особым пристрастием относился к отдельным представителям англо-американской литературы, в частности, особой любовью пользовался У. Уитмен. Об этом пишет переводчик В. В. Иванов, который вспоминает о том, что К. И. Чуковский однажды блестяще прочел выполненный им перевод Уитмена верлибром, что не всегда приветствовалось в литературной среде. Перевод был сделан настолько качественно, что вызвал интерес к творчеству американского поэта у многих, кто не знал его. Иными словами, переводчик добился своей цели [5].

Представляет интерес и мнение английского ученого, специализировавшегося в русской филологии и истории, Д. Феннела,

который в разговоре с С. Машинским по поводу Оксфордской лекции К. И. Чуковского в связи с присуждением ему почетной степени доктора университета отметил блестящее знание английского языка русским ученым и переводчиком [8, с. 140]. Оценка Д. Феннела свидетельствует о признании учеными-носителями английского языка высокого уровня языковой компетенции К. И. Чуковского.

Важными в анализе вклада К. И. Чуковского в перевод и переводоведение являются научно-исследовательские труды, авторы которых изучают концептуальные основы его переводческой деятельности. Здесь в первую очередь надо отметить фундаментальную работу Д. И. Петренко, которая легла в основу его докторской диссертации «Лингвистический витализм метапоэтики К. И. Чуковского» [11].

Данное исследование примечательно следующими моментами. Во-первых, ученый положил в основу своего анализа метод метапоэтической характеристики творчества К. И. Чуковского в целом, когда давал оценку взглядов самого К. И. Чуковского на созданный им текст. Во-вторых, Д. И. Петренко отдельно рассмотрел переводческую деятельность К. И. Чуковского, в процессе которой раскрылся ее блестящий потенциал. В-третьих, лингвистическая концепция К. И. Чуковского основана на идее витализма, что подчеркнуто в диссертации. Это означает, что все созданное К. И. Чуковским на русском языке сделано исключительно творчески, на основании раскрытия внутренних механизмов жизни языка, когда задача языковой личности автора и переводчика – максимально подчинить свое личное «я» объективным закономерностям языкового развития.

Д. И. Петренко справедливо оценивает выдающуюся роль К. Чуковского в становлении искусства художественного перевода в СССР. Многочисленные труды, посвященные проблемам перевода, переросли в книгу «Принципы художественного перевода» – первую книгу по теории перевода, созданную в то время. К. И. Чуковский подчеркивает, что в 1918 году «не существовало ни одной русской книги, посвященной теории перевода...» [19, с. 6]. Во многом благодаря деятельности К. И. Чуковского сложились уникальные переводческие школы, открывшие читателю доступ к всемирному литературному наследию. Как известно, К. И. Чуковский приложил мно-

го усилий к созданию издательства «Всемирная литература» (1918–1927 гг.), в котором он заведовал англо-американским отделом.

Эффективность и качество проявления языковой личности любого великого переводчика полностью определяется не только уровнем владения им своим родным языком, но и особым переводческим «чутьем» – тем внутренним началом, которым наделен талантливый человек, развивающийся в динамике языковой картины мира [1]. Именно таким даром – умением вступить в равноправный диалог с другой культурой и языком – обладал К. И. Чуковский. Особенность переводческой деятельности писателя заключается в органическом синтезе в его языковой личности особенностей мастера художественного перевода и ученого-теоретика, обладающего собственной концепцией межъязыковой трансформации текста. В теории перевода осталось в наследство множество замечаний К. И. Чуковского, связанных с высоким искусством перевода. В одноименной книге он определяет цель перевода как искусство, имеющее свою теорию, которая должна вооружать переводчика простыми и ясными принципами [19, с. 239]. Оценивая историю развития переводческой мысли в России XX века, К. И. Чуковский особо выделяет проблему перевода поэтического текста.

Одним из главных критериев оценки деятельности переводчика, по мнению К. И. Чуковского, является принятие его работы широкими читательскими массами. Однако именно от художественного чутья, которое воплощается в переводе, зависит и выбор текста для перевода, и его воплощение в новом лингвокультурном облике, когда два языка вступают в органическое взаимодействие и язык-источник не только находит эквиваленты в новом языке, но и высвечивает его новые грани. «Прежде чем взяться за перевод какого-нибудь иностранного автора, переводчик должен точно установить для себя стиль этого автора, систему его образов, ритмику», – писал К. И. Чуковский [19, с. 406].

В теории и истории перевода личность К. И. Чуковского занимает одно из самых ярких мест. Об этом свидетельствует не только его собственный метатекст, но и высказывания специалистов, которые так или иначе обращались к характеристике его переводческой деятельности и тем самым оста-

вили нам метатекст иного рода. Так, И. Уайл, профессор Северо-Западного университета (Эванстон, штат Иллинойс, США), доктор философии, автор монографий и многих статей по русской литературе, будучи лично знаком с К. И. Чуковским, отмечал его трепетное и ответственное отношение к переводу. По мнению этого ученого, работу переводчиков К. И. Чуковский называл искусством почетным, серьезным и высоким, справедливо считая, что по сравнению с другими занятиями труд переводчика является нелегким и достаточно сложным [23]. Сошлемся также на высказывания современницы К. И. Чуковского Н. Галь, которая очень высоко оценивала как теоретический, так и практический уровень его владения русским языком, что, без сомнения определяло адекватный уровень переводческой деятельности [2].

Персонотекст К. И. Чуковского как языковая модель обладает определенной двойственностью. С одной стороны, он опирается на авторскую индивидуальность переводчика, его стремление найти такую языковую форму, которая бы делала текст не похожим на другие. С другой стороны, переводчик не может выйти за рамки, установленные историческим развитием данного языка. Отсюда – следование принципам построения фактуры переводимого текста, если он действительно соответствует самым высоким критериям оценки художественного мастерства. По Чуковскому, переводить великий текст – значит полностью следовать заложенным в нем принципам организации, тем более, если он создан внутри близкой языку перевода семиотической системы. В этом плане перевод на русский язык с английского вполне соответствует этим установкам. Судя по переводам Чуковского именно с английского на русский, различия типологического характера (ментальная окраска слов, лексики, аналитическая типология грамматики, специфика порядка слов в синтаксической организации текста) отходят для переводчика на второй план. Главное – передать тот семантический импульс, которым характеризуется речевое поведение автора. Здесь переводчик Чуковский старается следовать субъективной воле первоисточника.

Чуковский одним из первых в современной теории перевода подчинил переводческую деятельность созданию таких пере-

водов, которые были бы основаны на диалоге различных временных эпох, этносов и культур, отдельных выдающихся языковых личностей. Для пространства языковой личности переводчика принципиальными являются следующие признаки:

1) виталистичность как основа выбора объекта перевода в плане реализации его языковой личности;

2) интернационализм как основа диалога двух языковых личностей — автора и переводчика;

3) семиотичность как основа языковой организации этого диалога с помощью специальных языковых средств и их организации.

Продемонстрируем указанные положения на примере перевода К. И. Чуковским текстов У. Уитмена. Философская концепция Уитмена имеет первозданный, надрелигиозный оттенок, и его космизм делает поэта частью бытия, свидетелем которого он становится. Чуковский отмечает это качество поэзии Уитмена, но в то же время, на наш взгляд, чересчур категоричен в утверждении о том, что Уитмен не был способен изобразить «конкретных людей и их индивидуальной особенности» [19, с. 746]. В доказательство мы можем привести его же перевод уитменовского текста, в котором, правда, средствами русского языка, представлена авторская индивидуальность:

I dream'd in a dream I saw a city
invincible to the attacks of the // whole of the rest
of the earth, // I dream'd that was the new city
of Friends, // Nothing was greater there than the
quality of robust love, it led // the rest, // It was
seen every hour in the actions of the men of that
city, // And in all their looks and words» (У. Уитмен) («Приснился мне город, который нельзя одолеть, хотя бы // напали на него все страны вселенной, // Мне мнилось, что это был город // Друзей, какого еще никогда // не бывало. // И превыше всего в этом городе крепкая ценилась любовь, // И каждый час она сказывалась в каждом поступке жителей // этого города, // В каждом их слове и взгляде». – пер. К. И. Чуковского). Можно предположить, что русский язык в отличие английского обладает значительно большей активностью местоименных «исходов», по мнению Н. Ю. Шведовой [21], языковых начал, являющихся истоками всех видов номинации (лексической, синтаксической, текстовой и др.). Местоимение «я» вы-

ступает одним из первичных и универсальных исходов, обладающих одновременно и обобщающей, и индивидуализирующей функциями.

Для осмысления лингвистического витализма Чуковского-переводчика, обратившегося к уитменовскому тексту, очень важным представляется интернациональная основа его мировоззрения. К. И. Чуковскому импонирует тот факт, что сам Уитмен считал уважение к представителям других этносов, их культурам и языкам одним из оснований своего творчества. Здесь переводчик полностью солидарен с автором стихов. Об этом свидетельствует то, что Чуковский-переводчик акцентирует внимание русского читателя Уитмена на отношении американского поэта к словам-заимствованиям из других языков. Так, в тексте стихотворения «Песнь о себе» Уитмен употребляет заимствования из французского языка. Чуковский, переводя данный текст, сохраняет облик языкового источника этих заимствований и тем самым подчеркивает, с одной стороны, значимость языковой формы слов, за которой стоит определенная культурная ценность, а с другой, хочет подчеркнуть, на наш взгляд, интернациональное начало уитменовского текста, уважение его автора к другим этносам и их языкам, например, «*Allons! сквозь восстанья и войны! // То, к чему мы идем, не может быть отменено ничьим приказом*».

В тексте стихотворения «Песня о себе» встречается сквозное употребление французского глагола «allons», выполняющего функцию обращения-призыва к окружающим. В лирико-философском монологе «Песня большой дороги», где встречается данное заимствование, употребленное в его начальной языковой форме, данное явление воспринимается не как варваризм или экзотизм, а как выражение симпатий к стране языка, из которого пришло данное слово и закрепилось в сознании языковой личности поэта. Вполне естественно, что переводчик, которым является Чуковский, почувствовал подтекст данного словоупотребления и при переводе сохранил его.

Для лингвистического витализма, представленного в поэтическом тексте, актуальным представляется динамика синтеза содержательного и формального аспектов. Одним из важнейших признаков является принцип диалектического единства – уваже-

ния автора ко всем этносам, культурам и языкам с признанием их равноправия и обращения к своему собственному этнокультурному и языковому началу, которое представляется тем сильнее, чем активнее оно взаимодейству-

ет с аналогичными проявлениями человеческой культуры. Именно это увидел Чуковский в тексте американского поэта У. Уитмена, и именно это было положено в основу его виталистической концепции перевода.

Литература

1. Буров А. А. Когнитивистические вариации на тему русской языковой картины мира. Пятигорск: ПГЛУ, 2003. 361 с.
2. Галь Н. Слово живое и мертвое. М.: Международные отношения, 2001. 368 с.
3. Горбачевский А. А. Адекватность поэтического перевода в ее внутритекстовых и внетекстовых связях: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск: ЧГПУ, 2001. 364 с.
4. Гуреева А. А. Социокоммуникативные характеристики языковой личности переводчика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: ВГУ, 2014. 16 с.
5. Иванов В. В. Игра // Воспоминания о Корнее Чуковском. М., Советский Писатель, 1983. С. 58–69.
6. Кулемина К. В. Эквивалентность и адекватность в переводах поэтических текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск: ПГЛУ, 2006. 17 с.
7. Лунькова Л. Н. Интертекстуальность художественного текста: оригинал и перевод: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М.: РУДН, 2011. 38 с.
8. Машинский С. И. В докторской мантии // Воспоминания о Корнее Чуковском. М.: Советский писатель, 1977. С.134–146.
9. Огнева Е. А. Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода. М.: Эдитус, 2012. 234 с.
10. Петренко Д. И. К. И. Чуковский как лингвоэнциклопедическая личность в процессе создания теории перевода // Особенности функционирования и преподавания русского языка в полиэтничном регионе Северного Кавказа: Материалы международной конференции-семинара (Ставрополь, 21–25 сентября 2010 года). Ставрополь: СГУ, 2010. С.128–133.
11. Петренко Д. И. Лингвистический витализм метапоэтики К. И. Чуковского. Ставрополь: СГУ, 2011. 538 с.
12. Петренко Д. И. Лингвистический витализм. Ставрополь: СГУ, 2013. 500 с.
13. Петренко Д. И. Перевод, «живой как жизнь», в метапоэтике К. И. Чуковского // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Ростов-на-Дону, 2011. № 2. С.114–119.
14. Романова М. С. А. А. Тарковский как языковая личность: способы репрезентации в поэтическом тексте: автореф. дис... канд. филол. наук. Махачкала: ДГПУ, 2015. 22 с.
15. Туманова А. Б. Языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Алматы: РУДН, 2008. 40 с.
16. Уитмен У. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1970. 415 с.
17. Чайковский Р. Р. Перевод и переводчики // Научный альманах кафедры немецкого языка Северо-Восточного государственного университета. Магадан: Кордис, 2011. Вып. 7. С. 53–65.
18. Черникова Е. Д. Лингвистические основы метапоэтики перевода И. А. Кашкина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь: СКФУ, 2015. 22 с.
19. Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Искусство, 1966. Т. 3. 838 с.
20. Чумак-Жунь И. И. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII – начала XXI веков: дис. ... докт. филол. наук. Белгород: БГУ, 2009. 407 с.
21. Шведова Н. Ю. Заглавие: Местоимение и смысл. Классы русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.
22. Шевченко О. Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б. В. Заходера): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: ВГПУ, 2005. 255 с.
23. Weil I. Memories of Chukovsky, as an Extraordinary Man and as a Poetic Translator // Whitman Archive ID anc. 00261.

УДК 82-1

Е. В. Бублик

РОЛЬ РИТМИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ВАРИАЦИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ТРИОЛЕТА

В данном исследовании триолет представлен как синергетическая система. На материале поэзии Игоря Северянина рассмотрен синергетический потенциал лексических и ритмико-синтаксических вариаций в композиции триолета.

Ключевые слова: синергетика, ритмико-синтаксическая модель, триолет, повтор, стих, строфа.

E. V. Bublik

THE ROLE OF THE RHYTHMIC AND SYNTACTICAL VARIATIONS IN REALIZATION OF TRIOLET SYNERGETIC POTENTIAL

The article treats triolet as a synergetic system. The synergetic potential of lexical, syntactic and rhythmic variations in the composition of triolet is considered in poetry of Igor Severyanin.

Key words: synergy, rhythmic and syntactic model, triolet, repetition, verse, stanza.

Триолет как синергетическая система обладает потенциалом к самосохранению, саморегулированию и расширительному развитию. Одной из действенных возможностей самосохранения и саморегуляции триолета, при жесткой нормированности его формы, является возможность варьирования ритмико-синтаксических моделей в рамках целого из восьми стихов. В соответствии с жанрово-строфической традицией расположения рефренных стихов в ритмико-синтаксически «правильном» триолете 1, 2-й стихи; 3, 4-й стихи и 5-8-й стихи должны составлять синтаксические единства, отделенные друг от друга знаком конца предложения [1, с. 183]. В таких триолетах после ритмически и синтаксически цельных, оформленных как самостоятельные предложения двух первых пар стихов, следует конструкция, объединяющая 5-8-й стихи. Таким образом, нормативная ритмико-синтаксическая конструкция имеет следующее симметричное/асимметричное количественное выражение $2 + 2 + 4$ и сочетает в себе ритмико-синтаксическую закрытость с открытостью: $3 - 3 - 0$ [3, с. 59]. Закрытость ритмико-синтаксического звена определяет его синтаксическую и смысловую завершенность, а открытость – ритмико-синтаксиче-

скую, грамматическую, лексическую и композиционно-образную трансляцию в стиховое пространство следующего ритмико-синтаксического звена инвариантной модели:

Данная модель представлена в триолете М. Н. Муравьева (1778):

1. *Мая первого числа*
2. *Был мой лучший день на свете.*
3. *Что за мысль мне в ум вошла*
4. *Мая первого числа?*
5. *Ты мне сделалась мила,*
6. *И коль ты склонна в ответе, –*
7. *Мая первого числа*
8. *Был мой лучший день на свете* [2, с. 288].

Она отличается сюжетной включенностью рефрена в ритмико-синтаксическую часть 5–8-го стихов. Мастерство поэта в данном случае состоит в создании использующей рефрен эффективной концовки.

Как показывает анализ, сделанный на материале русских триолетов XVIII–XXI вв. (более ста произведений), ритмико-синтаксически «неправильных» триолетов, находящихся выражение в восьми ритмико-синтаксических моделях: 1) закрыто-закрыто-закрытой; 2) закрыто-закрыто-открытой; 3) закрыто-открыто-закрытой; 4) открыто-закрыто-закрытой; 5) открыто-открыто-открытой; 6) открыто-от-

крыто-закрытой; 7) открыто-закрыто-открытой; 8) закрыто-открыто-открытой, – в которых синтаксическое членение не совпадает с ритмическим делением на предустановленные отрезки, количественно значительно больше, чем «правильных». Каждая из перечисленных моделей, в свою очередь, может использовать в качестве инструмента самоорганизации различные вариации лексических и синтаксических элементов в составе рефренных стихов.

Цель нашего исследования – выявить особенности и закономерности функционирования лексических и синтаксических вариаций в рамках наиболее распространенной в русской поэзии закрыто-закрыто-закрытой ритмико-синтаксической модели триолета Игоря Северянина – поэта, активно и продуктивно экспериментировавшего с возможностями формы.

Закрыто-закрыто-закрытую ритмико-синтаксическую модель можно описать следующим образом: на каждом сюжетном шаге пары стихов составляют синтаксические единства, которые отделяются друг от друга пунктуационным знаком конца предложения: 1, 2-й стихи – тема и ее минимальное развитие – рема, первый сюжетный шаг; 3, 4-й стихи – развитие ремы и рекуррентный возврат к теме, второй сюжетный шаг; 5, 6-й стихи – развитие темы или ремы, третий шаг; 7, 8-й стихи – развитие ремы и возврат к теме, четвертый сюжетный шаг.

Ритмико-синтаксический состав триолета Игоря Северянина «Чувство крылатое властно лишь миг...» (1909) включает пять сюжетных шагов (1, 2-й стихи; 3-й стих; 4-й стих; 5, 6-й стихи; 7, 8-й стихи), укладывающихся в рифмосочетания стихов триолета со сплошной мужской каталектикой – abaabaab.

1. Чувство крылатое властно лишь миг,
2. Мысль вдохновенная – век.
3. Что головою поник?
4. Чувство порывное властно лишь миг.
5. О, поспеши, человек,
6. Мысль полюбить, если ты не привык!..
7. Чувство любовное властно лишь миг,
8. Мысль вдохновенная – век! [5, с. 485].

Композиционной скрепой триолета является инвариантная оппозиция «чувство – мысль», члены которой параллельно развиты на первом сюжетном шаге 1, 2-го стихов в симметричной временной перспективе «миг – век». Оказионально оппозиционными в та-

ком контексте становятся и эпитеты «крылатое», «вдохновенная».

В 3-м стихе – второй шаг – отношения тезиса и антитезиса диалогизируются вопросом к человеку романтизированного сознания, традиционно противопоставляющему рациональное осмысление эмоциональному восприятию. В 4-м стихе, на третьем шаге, в рефренном стихе появляется новый эпитет, характеризующий чувство как «порывное», оттеняющий его спонтанную природу.

Четвертый шаг, 5, 6-й стихи, обращение к человеку вообще с призывом полюбить мысль, то есть распространить влияние чувства на его противоположность. Группа стихов заканчивается восклицательным знаком с многоточием. Этот знак довольно часто встречается у Северянина при закрытом типе отношений логико-синтаксических частей (в таких триолетах, как «Хочу быть Аделиной Патти!..», «Триолет о клене» и др.). Восклицательным знаком сигнализируется о завершении этапа. А многоточие графически подчеркивает недосказанность или невозможность полно выразить все те чувства, которые переполняют лирического героя, и тем самым способствует созданию пунктирной цепи образов, ассоциативное взаимодействие которых рождает подынтервалы новых смыслов. В ритмико-синтаксической группе нерефренных стихов, а именно: в 6-м стихе, гармоническом центре данного триолета, происходит вторичное с качественно новым характером взаимодействие инвариантов мысли и чувства, которое закрепляется на пятом шаге рефренной ритмико-синтаксической группой 7, 8-го стихов.

Изменения в рефренах символично касаются лишь стихов, посвященных изменчивому и текучему миру чувств – 1-го, 4-го, 7-го стихов. Лексические изменения ограничиваются вариацией эпитетов: «крылатое – порывное – любовное». Первая и вторая вариации характерны, третий эпитет-прилагательное, сливаясь с именем, окончательно оформляет объект поэтической рефлексии в триолете.

Ритмико-синтаксический состав «Триолета о клене» Северянина (1915) (AbbAAbAb) последовательно образует четыре ритмико-синтаксические пары: 1, 2-й стихи; 3, 4-й стихи; 5, 6-й стихи; 7, 8-й стихи:

1. О, если б клен, в саду растущий,
2. Расправив ветви, улетел!..
3. О, если бы летать хотел

4. *Безмозглый клен, в саду растущий!..*
5. *Он с каждым днем все гуще-гуще,*
6. *И вот уж сплошь он полиствел.*
7. *Что толку! – лучше бы: растущий,*
8. *Взмахнув ветвями, улетел!* [5, с. 260].

С точки зрения синтаксиса триолет представлен конструкциями, осложненными причастными (в 1-м, 4-м, 7-м стихах) и деепричастными оборотами (во 2-м и 8-м стихах), а также сложным бессоюзным предложением (7–8-й стихи), вторая часть которого поясняет, раскрывает содержание первой. Его первая часть как сложного целого включает две части, также объединенные бессоюзной связью. Пунктуационная графика «!» участвует как в ритмо-, так и в сюжетообразовании, потому что подразумевает установку смысловых связей между ритмико-синтаксическими частями.

В триолете создается картина возможной реальности, при которой клен вместо того, чтобы расти вширь и ввысь, окрепнув, не укоренится в земле, а, расправив ветви и взмахнув ими, взвзвывается и улетит. Но авторское ожидание клена оправдывать не желает, поэтому в 4-м, частично рефренном стихе, к нему отнесен вариативный оценочный эпитет «безмозглый». Возмущенное авторское восклицание возникает и в 7-м стихе, тоже частично рефренном. В 8-ом стихе деепричастие «расправив» 1-го стиха заменено на «взмахнув». Замена лексических единиц в триолете воссоздает воображаемую картину последовательности взлета клена. Частично сохраненный в сильной позиции стиха, рифме, рефрен сохраняет свое жанрово-строфическое значение для идентификации стихотворения как триолета.

Закрытость структуры ритмико-синтаксических частей триолета как нельзя более соответствует столкновению желаемого и реального планов изображения. Лексические вариации в рефренных стихах в рамках такой системы становятся основным сюжеторазвивающим импульсом.

Для некоторых триолетов с закрытым типом структурных отношений излюбленным знаком препинания становится многоточие, контекстуально подразумевающее паузу, недосказанность или перечисление. Например, в триолете Северянина «Чаруют, трелят соловьи...» («Вешний звон», 1908) многоточие стоит не только после 1, 2-го стихов, 3, 4-го

стихов, 5, 6-го стихов, но и разрывает 6-й и 7-й стихи («Нет сна...», «Она – в мечтах...»):

1. *Чаруют, трелят соловьи*
2. *Плывут струи сирени...*
3. *Тревожит душу зов любви*
4. *Сирень, весна и соловьи...*
5. *Мечты о страстном плене...*
6. *Нет сна... Желание в крови...*
7. *Она – в мечтах... Ах, соловьи!*
8. *Ах, томный бред сирени!* [4, с. 471].

Так, Северянин на протяжении всего лирического сюжета плавное подводит к выводу, заключенному в последнем, 8-м стихе, опирающемся на важное для понимания текста слово «бред». Семантика слова расширена многоточиями, недосказанностью, обрывочностью мыслей, связанной с весенним чувством влюбленности, условно-литературными и фетовскими «трелями соловья» и дурманящим запахом сирени. Морфологический состав ритмико-синтаксических групп меняется: 1, 2-й стихи насыщены глагольными формами и актуализируют идею чувственного движения; в 3, 4-м стихах, где сирень и соловьи становятся атрибутами любви, преобладают имена существительные, сгущено представленные в вариациях 4-го стиха подтверждающие своим значением тезис.

Первые две ритмико-синтаксические группы (2 + 2) являются повествовательными предложениями с перечислительной интонацией, оканчивающимися многоточиями, которые предполагают наполнение ритмико-интонационных пауз пунктиром возможных смыслов.

5–8-й стихи – череда односоставных предложений с перечислительной интонацией. Два последних стиха – это еще и два восклицательных предложения, начинающиеся междометиями («ах»), вследствие чего стихи Я 5 и Я 6 имеют внесхемные ударения на третьей и первой стопе соответственно. В 7-ом стихе третья стопа приобретает хореическую каденцию. Сочетанием многоточий, междометий, ритмических вариаций воссоздается картина любовного томления лирического героя.

Вариации в стихах-рефренах данного триолета не ограничены пределами стиха. Они осуществлены как на базе первого двустишия, так и путем использования повтора слов из не рефренных стихов «в мечтах» из 5-го стиха. Или вообще, используются впервые. Так, в 7-м стихе субъект-местоимение «она», сочетание «томный бред». Столь ра-

дикальные изменения ставят данный триолет Северянина на грань жанрово-строфической идентификации.

Интересный опыт варьирования структур представлен триолетом «В протяжных столах самовара...» (1909), где кольцевая композиция триолета реализуется не только композиционной логикой, но и при помощи знаков препинания, которые также образуют замкнутое пространство:

1. В протяжных столах самовара
2. Я слышал стон ее души.
3. Что было скрыто в песне пара –
4. В протяжных столах самовара?
5. Венчалась ли она в глуши,
6. Иль умирала дочь Тамара?
7. Как знать! Но в воплях самовара
8. Я слышал вопль ее души. [4, с. 406].

Элементы ритмико-синтаксической системы триолета (2 + 2 + 2 + 2) разделены точками и вопросительными знаками. 1, 2-й стихи заканчиваются точкой. Они констатируют ситуацию чаепития, фиксируют метафорическое восприятие лирическим героем кризисного состояния героини. Они завязка, которая может получить различное сюжетное развитие-обоснование. Но триолет диктует свои закономерности. Субъекты метафоры-сравнения должны и далее быть представленными и, следовательно, сюжетно развиваться с оглядкой друг на друга. «Самовар» 1-го стиха должен повториться в 4-м стихе, поэтому на новом сюжетном шаге 3, 4-го стихов сюжет развивается через формирование ситуации-вопроса героя к самому себе. Героиня не называется, на данном этапе изображение ее состояния метафорически замещается впечатлением героя от уловленного им сходства. Эмоционально центральным образом двух этапов является словообраз «стон». Восприятие шума самовара как стола определяет наличие какой-то трагедии в судьбе героини, ее власть над душой женщины.

Группы 3, 4-го и 5, 6-го стихов отделены и завершаются вопросительными знаками. В пространстве второй ритмико-синтаксической группы формируется вопрос, на который следующая группа должна ответить. Вместо ответа – следуют два вопроса-предположения. Ответом, вернее, утверждением первоначальной метафоры является ритмико-синтаксическая группа 7, 8-го стихов. Восклицание в 7-м стихе придает семантику сомнения первоначальной метафоре, а кон-

струкцией с союзом «но» лирический герой вновь обращает свое восприятие в сферу возможной объективности. Лексическое изменение «стон» на более эмоционально сильное «вопл», дважды повторенное в рефрене в разной субъектно-объектной соотношенности, варьирование синтаксических структур укрепляет данную авторскую модальность.

В триолете «Бывал ли ты в лесах полей...» (1909) Северянина реализована еще одна возможность интерпретации строфической системы триолета:

1. Бывал ли ты в лесах полей –
2. Лесах цветов?
3. Что – голубее? Что – алей?
4. Все так пестро в лесах полей...
5. Я хохочу. Я петь готов,
6. И даже жить мне веселей.
7. И я пою леса полей,
8. Леса цветов [5, с. 89].

Группа 1, 2-го стихов – вопрос-обращение, в котором формируется образ поля как леса цветов. Образ его градиционно развивается на втором шаге в 3-м стихе. 4-й стих – этюд поля, оканчивающийся многоточием, которое предполагает более глубокую ритмическую паузу. В соответствии с закрытым характером структуры на новом шаге в 5, 6-м стихах происходит смена планов изображения: от внешнего мира к внутреннему состоянию лирического героя. При явной парцелляции и вследствие формальной синтаксической закрытости этого сюжетного шага ритмико-метрическая группа 7, 8-го стихов предстает следствием линейного развития темы.

Лексические изменения в рефренах связаны с изменениями состава предикативных частей, и, следовательно, либо с изменениями плана изображения, либо с субъектно-объектными вариациями, диалогизирующими лирическое повествование. Но рефренное начало пропорционально усилено трансляцией слова «леса» из 1-го во 2-й стих и из 7-го в 8-й. Таким образом, Северянин не разрушает, а варьирует формы реализации жанрово-строфического замысла о триолете.

Оригинальность решений этим не исчерпывается. Северянин экспериментирует в области ритма. Стихи триолета оканчиваются мужскими каталектиками (abaabaab), чередуя Я 4 и Я 2. Чередование задано двумя первыми стихами, но инерция нарушается в 5-ом стихе: вместо ожидаемого укорочен-

ного стиха следует полноударный стих Я 4. Возможно, единичное нарушение должно на уровне ритмической системы актуализировать идею рефренности формы.

Закрытый тип отношений в сочетании с лексическими вариациями в рефренных стихах использует Северянин в «двойчатке» «Триолетов о зайце» (1916). Мини-цикл состоит из двух триолетов, объединенных по тематическому и структурному принципу. Первый триолет последовательно симметрично составляют ритмико-синтаксические части, в каждой из которых по два стиха:

1. Наш заяц, точно Передонов, –
2. Перед отъездом рвет обои.
3. Смеясь, решили мы с тобою:
4. Наш заяц – точно Передонов!
5. В них поруганье роковое
6. Цивилизации законов...
7. Наш заяц, – точно Передонов,
8. С остервененьем рвет обои... [5, с. 344].

Триолет шутливо обыгрывает пакостную привычку героя романа Федора Сологуба «Мелкий бес» рвать обои перед тем, как съехать со съемной квартиры. Идея комического сходства зайца и человека практически не развита в сюжете, так как два субъекта практически симметрично представлены в каждой их ритмико-синтаксических частей. Вариация-замена обстоятельства времени и причины «перед отъездом» на обстоятельство образа действия «с остервененьем» не развивает образ, а еще раз подчеркивает сходство с романным героем.

Второй триолет мини-цикла воссоздает наблюдение об одомашненном зверьке, хотя зайцам традиционно полагаются овощи, а не молоко. Также симметричны по отношению друг к другу ритмико-синтаксические части (2 + 2 + 2 + 2). Кардинально меняется размер. Стихи Я 4 на женские каталектики **АВВАВААВ** первого триолета сменяются во

втором чередованием Я 4 и Я 3 с чередованием дактилической и мужской каталектик – **АbbAAbAb**. В силу количественного соотношения рифм 4:4 и ритмико-синтаксической закрытости на втором шаге в 4-м стихе восьмистишия триолетов распадаются на два четверостишия, варьирующих сочетания рифм: первый триолет – обратно-охватные; второй триолет – охватно-перекрестные.

1. Ликует тело заячье:
2. По горло молока!
3. Свобода далека,
4. Но сыто тело заячье.
5. Живет он припеваючи
6. И смотрит свысока.
7. В неволе тело заячье,
8. Но вволю молока! ... [5, с. 344].

Вариации в рефренах триолета призваны выразить полноту счастья домашнего питомца, осознанно предпочитающего сытость свободе.

Анализ реализации закрыто-закрыто-закрытой ритмико-синтаксической модели триолета показал, что она предполагает наличие четырех или более сюжетных шагов (их увеличение может произойти в пространстве 3–6-го стихов). Троекратная ритмико-синтаксическая закрытость «предсказывает» композиционную ограниченность в рамках целого рефренной группы 7–8-го стихов. Ее преодоление в триолетах Игоря Северянина имеет системный характер: лексические и синтаксические вариации в рефренах активизируют сюжетное развитие, в пределах художественной целесообразности варьируют ритмическую систему, сигнализируют о смене планов изображения, изменяют модальность высказывания, устанавливают новую семантику отношений между предикативными частями сложных ритмико-синтаксических единств, чем способствуют формированию диалогизированного художественного целого триолета.

Литература

1. Гаспаров М. Л. Русские стихи 1890-х – 1925-го годов в комментариях. М: Высшая школа, 1993. 272 с.
2. Муравьев М. Н. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1967. 385 с.
3. Останкович А. В. Композиционно-образный потенциал логико-синтаксической структуры канонического триолета // Останкович А.В., Сугай Л. А., Федотов О. И., Шпак Е. В. Традиционные строфические формы и их жанрово-строфические единства в русской поэзии. Монография. Ставрополь: Альфа Принт, 2013. 282 с.
4. Северянин И. Сочинения в пяти томах. Т.1. СПб: Logos, 1995. 574 с.
5. Северянин И. Сочинения в пяти томах. Т.2. СПб: Logos, 1995. 525 с.

УДК 82-43=161.1(045)-051/908

В. М. Головки

КУЛЬТУРО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Я. В. АБРАМОВА КАК ОБЪЕКТ НОВОЙ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Выдающийся общественно-литературный деятель России последних десятилетий XIX – начала XX столетия Я. А. Абрамов (1858–1906 гг.) биографически и творчески связан со Ставрополем, с Северо-Кавказским регионом. Как прозаик, публицист, философ, социолог, литературный критик, журналист, статистик, просветитель он оказал большое влияние на социокультурное развитие страны и своей «малой родины». Изучение культурно-исторического наследия до недавнего времени опального мыслителя и писателя в парадигме новой локальной истории позволяет проникать в суть микросоциальных процессов, в контексте которых осуществлялась

его «великая культурная работа». В процессе эвристической деятельности идентифицируется документальный материал, совершенствуются формы и методы изучения научной биографии, мировоззренческой эволюции и творческого процесса Я. В. Абрамова. Проблемы регионалистики и краеведения рассматриваются в процессе проектирования деятельности микросообщества как объединения людей, определяющих стратегические цели в актуализации теоретического и художественного наследия Я. В. Абрамова.

Ключевые слова: культурное наследие, регионалистика, локальная история, историко-функциональный подход.

V. M. Golovko

CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE OF YA. V. ABRAMOV AS AN OBJECT OF NEW LOCAL HISTORY

The outstanding social and literary figure of the last decades of 19th and of early 20th century's Russia, Ya. V. Abramov (1858 – 1906) has been biographically and creatively connected to the Stavropol region and to the North Caucasus in general. As a novelist, essayist, philosopher, sociologist, literary critic, journalist, statistician and educator, he had a great influence on social and cultural development of the country and his «minor homeland». Study of cultural and historical heritage of the thinker and writer, who has been in disgrace until recently, in a new paradigm of local history allows to get into the essence of microsocial processes in the

context of which his «grand cultural work» was performed. In the process of heuristic activity, documentary material is identified, forms and methods of scientific study of biography, ideological evolution and the creative process of Ya. V. Abramov are perfected. Problems of regionalism and local history are considered in the process of activity designing for a microcommunity regarded as an association of people that defines strategic objectives in the actualization of theoretical and artistic heritage of Ya. V. Abramov.

Key words: cultural heritage, regionalism, local history, historical and functional approach.

Новая локальная история как научное направление в разных регионах выполняет свои конкретные задачи. Для Ставрополя и шире – Северного Кавказа актуализация идейно-теоретического, художественного и публицистического наследия Я. В. Абрамова, изучение его роли в социальном развитии,

в истории общественной мысли и культуры России последних десятилетий XIX – начала XX века приобретает статус общезначимого проекта. Десять лет этот известный российский писатель-мыслитель прожил в Санкт-Петербурге (с 1880 по 1890 год), работая, главным образом, в редакциях столичных периодиче-

ских изданий, все остальные годы – в Ставрополе-Кавказском.

Перед региональным научным и культурным сообществом стоят задачи фундаментального исследования творческой индивидуальности Я. В. Абрамова, его масштабной просветительской деятельности, поиска документальных источников о жизни и деятельности знаменитого ставропольца, сохранения мемориальных объектов, связанных с его именем, уникальных артефактов книжного наследия писателя, вопрос об идентификации места его погребения. Приобретает особое значение публикация произведений Я. В. Абрамова, материалов о его деятельности, связанной с утверждением идеи мирного постепенного развития России. Все это имеет отношение, как к научной, так и к научно-популярной печати и средствам массовой информации.

Решение таких задач предусматривает включение исследовательского и образовательного комплекса Ставропольского края и г. Ставрополя, Северо-Кавказского федерального университета, Ставропольского государственного педагогического института, Ставропольского краевого института развития образования, повышения квалификации и переподготовки работников образования, Государственного архива Ставропольского края, краевых учреждений культуры в работу по освоению идейно-теоретического, публицистического, художественного наследия Я. В. Абрамова. Это должно осуществляться в рамках регионального компонента базисных учебных планов высшей и средней школы, в процессе подготовки учебной и методической литературы в целях оптимизации академической мобильности и учебно-исследовательской деятельности студентов при изучении общественных, исторических, филологических, культурологических, библиотечковедческих дисциплин, курсов теории и истории журналистики, музееведения, а также школьников на уроках русского языка, литературы, истории, обществоведения, предметов естественно-научного цикла. Такое изучение должно активизироваться и в системе дополнительного образования.

Особо важное значение имеют разыскания в Государственном архиве Ставропольского края, поскольку до сих пор практически не предпринимались попытки описания материалов, содержащих сведения

о Я. В. Абрамове, из фондов Ставропольской классической мужской гимназии и Кавказской духовной семинарии, в которых обучался будущий писатель, а источники, дающие представление о его деятельности в качестве гласного Ставропольской городской думы проанализированы далеко не в полной мере. Отсутствует исчерпывающее библиографическое описание журнальных и газетных статей, других публикаций Я. В. Абрамова на страницах центральных и региональных изданий, трудов писателя-просветителя, а также литературы о его разносторонней общественной и культурной деятельности.

Закономерно ставится вопрос об активизации – вслед за Ставропольской краевой универсальной научной библиотекой им. М. Ю. Лермонтова – деятельности всех библиотечных учреждений города и края в области популяризации идейно-творческого наследия Я. В. Абрамова, прежде всего – среди подрастающего поколения в целях гражданского, патриотического, нравственно-эстетического воспитания молодежи и формирования у нее российской идентичности. Как требование времени следует рассматривать необходимость увековечения памяти великого просветителя на Ставрополье, выполнение постановлений Ставропольской городской управы и Ставропольской городской думы от 5 июня и 21 октября 1909 года по этому вопросу. В реализацию таких целей и задач вносит свой вклад регионалистика, способствующая рассмотрению идейного и творческого наследия Я. В. Абрамова как интеллектуального феномена мирового значения в парадигме новой локальной истории.

Целесообразность изучения «истории повседневности» [10, с. 20] и обоснованность недоверия данным «крупномасштабных исследований, основанных на массивных количественных построениях» [1, с. 7], со всей очевидностью раскрывается при анализе проблем научной биографии и творчества Я. В. Абрамова с позиций диалектики северокавказского и общероссийского хронотопов. В отличие от крупных научных объединений, нацеленных на создание конструкций универсального характера (а таковой была официальная гуманитаристика еще до недавнего времени), локальные сообщества (в том числе и ставропольского региона) готовят почву для будущих изысканий по программам «истории

снизу», для создания учебных и научно-методических пособий по региональной проблематике, адресованных студентам вузов и учащимся общеобразовательных учреждений. Создаются предпосылки и для разработки музейных концепций и экспозиций. В этом значении все указанные формы и направления работы предстают в качестве объектов современного культурного процесса.

Результативность эвристической деятельности первого поколения ставропольских исследователей жизни и творчества Я. В. Абрамова определяется тем, что, во-первых, устанавливается объект локальной истории и локального литературоведения, а во-вторых, выявляется документальный материал, совершенствуются формы и методы его изучения.

Культурная ситуация наших дней, которая характеризуется в научном сообществе не только ослаблением позиций постмодернистской эстетики, но и «философским поворотом» в мировой гуманитаристике, направляет внимание исследователей идейно-творческого наследия Я. В. Абрамова на проблемы социологии литературы, взаимоотношений писателя и общества, на обогащение философского дискурса литературно-художественным и публицистическим опытом.

Я. В. Абрамов в контексте современных исследований в области теории универсального эволюционизма воспринимается как оригинальный мыслитель, воспринявший традиции демократического просветительства 1870-х годов и обосновывавший концепцию мирного, постепенного прогресса – «постепенности снизу» [3, с. 11–138]. Он, как и другие крупные мыслители, теоретики эволюционизма XIX – начала XX века в России (И. С. Тургенев (1818–1883 гг.), Н. С. Лесков (1831–1895 гг.), Л. А. Полонский (1833–1913 гг.), М. М. Ковалевский (1851–1916 гг.), К. Д. Бальмонт (1867–1942 гг.) и др.) и на Западе (Г. Спенсер (1820–1903 гг.), Э. Б. Тайлор (1832–1917 гг.) и др.), всемерно способствовал тому, чтобы в политической и моральной философии утверждался гуманистический пафос, чтобы социально-нравственные и эстетические феномены рассматривались с позиций не классового, а цивилизационного подхода к обществу и явлениям культуры.

Адептами эволюционной теории XIX в. были созданы традиции, получившие развитие в структурно-функциональном направлении

социальной философии последующих десятилетий (Г. Парсонс (1902–1979 гг.), Р. Белла (1927–2013 гг.) и др.), заложены основы (как в сфере гуманитарных, так и естественных наук) для манифестации универсального эволюционизма в качестве феномена парадигматического сдвига в постнеклассической науке рубежа XX–XXI столетий. Однако в отличие от социального дарвинизма Г. Спенсера, от теорий культурной эволюции Э. Б. Тайлора или Л. Г. Моргана (1818–1881 гг.) концепция «постепенности снизу» И. С. Тургенева, Л. А. Полонского и эволюционные теории реформаторского народничества, в том числе и Я. В. Абрамова, были ориентированы на проблемы общественных движений: они являлись альтернативой идее революции и терроризму, любым формам социального насилия. Социокультурные эволюционные процессы рассматривались сторонниками «постепенности снизу» в свете критерия когерентности, актуализированного в теории познания И. Канта («Критика чистого разума»), а в «учении о слоях» Н. Гартмана распространенного на область онтологии, в непосредственной связи с идеей прогресса, с идеалами демократического просветительства. Я. В. Абрамов идею «практической работы снизу» соотносил с историческими условиями России 1880–1890-х годов (см., например, его программную статью «Малые и великие дела», опубликованную в 1896 году на страницах петербургского журнала «Книжки “Недели”»), потому соглашался далеко не во всем с теоретиками «малых дел», с идеологами реформаторского народничества [2, с. 97–137]. На то, что Я. В. Абрамов не был создателем «теории малых дел» и не имел отношения к тому явлению, которое в начале XX века получило название «абрамовщины», уже обратили внимание ученые-историки [7].

Как теоретик демократического просветительства в легальном народничестве Я. В. Абрамов в противовес всевозможным революционным доктринам отстаивал концепцию мирного прогресса на основе изучения тенденций развития народной жизни. Его яркие, темпераментные, глубокие по мысли и социальным обобщениям публицистические статьи, печатавшиеся на страницах «Недели» и других столичных периодических изданий 1880–1890-х годов, открывали для пореформенной интеллигенции перспективы «великой

культурной работы» непосредственно в народной среде.

Все это органично сближало Я. В. Абрамова с реформаторским, легальным народничеством. Однако тенденциозное отождествление Н. В. Шелгуновым и Н. К. Михайловским, а потом и марксистами предлагаемой народническим писателем-просветителем программы «постепеновства снизу» с теорией и практикой «малых дел» отразилось на судьбе его идейного наследия самым губительным образом. По сути, Я. В. Абрамов призывал заниматься не «маленькими делами» как таковыми, а широкой «культурной работой» во имя кардинального изменения самого «строя общественных отношений». Не случайно данная категория чрезвычайно функциональна в концептосфере таких его художественных произведений первой половины 1880-х годов, как «Бабушка-генеральша», «В степи», «Ищущий правды».

Известно, что в метанарративах науки советского периода философско-социологический и эстетический феномен Я. В. Абрамова вообще не идентифицировался. В историографии этого времени деятельность писателя-просветителя если и рассматривалась, то эпизодически, в общем контексте характеристики идеологии и движения «либерального» народничества. В итоге вплоть до второй половины 1990-х – начала 2000-х годов, до появления докторских диссертаций В. В. Зверева (Москва) [4] и Г. Н. Мокшина (Воронеж) [6], политическая биография и взгляды Я. В. Абрамова оставались на далекой периферии научных изысканий.

Если идеи эволюционизма Абрамова-мыслителя оказались созвучными философскому мышлению нашего времени, то концепция идиостиля Абрамова-писателя, его «сложной эстетики» – соприродной методологическим исканиям современной филологической науки [2, с. 175–256].

Изучение культурно-исторического наследия Я. В. Абрамова позволяет проникать в суть микросоциальных процессов, благодаря чему, например, рецепция феномена Я. В. Абрамова в постсоветский период предстает в ее конкретно-исторической обусловленности. Это позволяет также «наблюдать все общественные связи и процессы в их естественной субстратной среде» [8, с. 85], идти от частного к общему в познании особенностей

социокультурного контекста времени. Ведь из многообразия региональных специфик такого контекста складывается представление о целом общенациональной культуры России.

В изучение культурно-исторического наследия Я. В. Абрамова на Ставрополье уже внесли большой вклад ученые СГУ/СКФУ – филологи кафедры отечественной и мировой литературы и кафедры русского языка [9, с. 284–290]; историки Э. В. Кемпинский, Н. Д. Судацков [9, с. 150–188]; библиотековед, историк книги и культуролог С. И. Головкин [3, с. 20–28], студенты, магистранты, аспиранты – филологи и журналисты Гуманитарного института СКФУ; сотрудники отдела краеведения СКУНБ им. М. Ю. Лермонтова; музейные работники Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе; писатели Ставропольского отделения Союза писателей России, главный редактор альманаха «Литературное Ставрополье» В. П. Бутенко, археограф Государственного архива Ставропольского края Е. Б. Громова [9, с. 223–250]. Всемерно поддерживается этот культурный и научный проект правительством Ставропольского края, краевым министерством культуры, комитетом культуры администрации г. Ставрополя.

Таким образом, современный интерес к локальному аспекту изучения историко-культурного феномена Я. В. Абрамова и наша саморефлексия по поводу этого культурного факта являются выражением все более усиливающегося внимания к проблемам локальной (местной) истории, в том числе истории культуры.

Следует поддержать мнение Даниэля Леви [11] и других ученых о том, что интерес к проблемам регионалистики и краеведения, к локальной истории, локальному литературоведению и т. д. объясняется укреплением историзма в мышлении и познании. При исследовании проблем локальной гуманитаристики, тесно связанной с региональной проблематикой, имеются в виду не только территория, не только конкретные факты преодоления идеологических стереотипов времени на местном материале (а для изучения культурно-исторического наследия Я. В. Абрамова это имеет исключительно важное значение), но прежде всего – деятельность микросообщества как объединения людей, определяющих стратегические цели актуали-

зации духовно-нравственных и эстетических ценностей этого наследия в пространстве отечественной и мировой культуры.

Это история социокультурной деятельности [5, с. 17], и краеведение здесь – лишь одна из составляющих исследовательских программ микросообщества ставропольского региона. Для реализации таких целей следовало со всей необходимостью выходить за рамки топоса, устанавливая связи и контакты с теми, кто продвигает вперед науку о народничестве, о развитии образования, библиотечного дела в России, кто занимается теорией и историей журналистики, вопросами социальной философии, культурологии, кавказоведения и т. д.

Историко-культурное наследие опального до недавнего времени мыслителя-писателя необычайно актуализируется в наше время. Обусловлено это тем, что России на новом витке исторического развития навязывается повторение того пути «рыночной экономики» и исповедование частнособственнической морали, несостоятельность которых доказывалась Я. В. Абрамовым в процессе художественного и социологического анализа всего «строения жизни» пореформенной России.

Сегодня в изучении теоретического и художественного наследия Я. В. Абрамова сохраняется значимость широкого круга проблем. Отметим наиболее важные: концепция эволюционизма как феномен интеллектуальной истории; общественно-политические, философские, этические, эстетические взгляды Абрамова; Я. В. Абрамов в истории рус-

ской общественной мысли; социологические и художественно-эстетические концепции Абрамова в рецепции и интерпретации его современников и в исследовательской практике последующего времени; Я. В. Абрамов в полемике о «великих и малых делах»; проблема капитализма в художественно-социологическом наследии Абрамова; сектантское движение в освещении Абрамова; просветительская деятельность Абрамова в современной научной интерпретации; научная биография Я. В. Абрамова; творческая индивидуальность писателя и литературный процесс 1880-х – начала 1900-х годов; проблемы знака, художественного онтологизма, дискурсивных практик Я. В. Абрамова; проблемы автобиографизма и прототипических версий абрамовских произведений; общественно-литературная деятельность писателя-просветителя в северокавказском и общероссийском социокультурном контексте; серия «Жизнь замечательных людей» в творческом наследии Абрамова и издательской практике Ф. Ф. Павленкова; Абрамов – сотрудник центральных и региональных периодических изданий; фонды Я. В. Абрамова в государственных центральных и региональных архивах Российской Федерации.

Богатое теоретическое, публицистическое и художественное наследие Якова Абрамова – это национальное достояние, оно имеет непреходящее значение, помогая искать достойные ответы на вызовы нового времени.

Литература

1. Булыгина Т. А., Маловичко С. И. Культура берегов и некоторые тенденции современной историографической культуры // Новая локальная история. Вып. 2. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. С. 4–24.
2. Головкин В. М. Я. В. Абрамов: Мировоззрение. Метод. Поэтика. М.: Флинта; Наука, 2015. 304 с.
3. Головкин С. И. Креатив-технологии в библиотечной сфере: монография. М.: Пашков дом, 2012. 168 с.
4. Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России: от сороковых к девяностым годам XIX века: дис. ...д-ра ист. наук. М.: Московский педагогический государственный университет, 1998.
5. Маловичко С. И., Булыгина Т. А. Современная историческая наука и изучение локальной истории // Новая локальная история. Вып. 1. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. С. 6–22.
6. Мокшин Г. Н. Идеинная эволюция легального народничества во второй половине XIX – начале XX веков: дис. ...д-ра ист. наук. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2010. 491 с.
7. Мокшин Г. Н. Что такое «абрамовщина»? (К истории одного мифа о Я. В. Абрамове) // Наука-Парк: научно-практический многопредметный журнал. 2015. № 10 (40). С. 24 – 28.
8. Репина Л. П. Парадигмы социальной истории в исторической науке XX столетия // XX век: методологические проблемы исторического познания: в 2 ч. Ч. 1. М.: ИНИОН РАН, 2001. С. 70–100.

9. Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России / под ред. проф. В. М. Головки. Ставрополь: Изд-во СКФУ; ИД «ТЭСЭРА», 2013. 296 с.
10. Burke Peter. Overture: the New History, its Past and its Future // *New Perspectives on Historical Writing* / ed. by Peter Burke. 2nd edition. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2001. P. 1–20.
11. Levy Daniel. The Future of the Past: Historiographical Disputes and Competing Memories in Germany and Israel // *History and Theory*. 1999. Vol. 38. No. 1. February. P. 51–66.

УДК 82.0:801.6; 82-1/-9

А. С. Гладкова

СУБЪЕКТНАЯ РЕФЛЕКСИЯ В РОМАНЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ПОЭТИЗАЦИИ ПРОЗЫ

Статья посвящена анализу субъектной рефлексии в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» с позиций создания феномена поэтической прозы. Тема включает в проблему самобытности родо-жанровой структуры романа М. Ю. Лермонтова.

Ключевые слова: поэтизация прозы, историческая поэтика, субъектная рефлексия, литературный род, жанр, художественная индивидуальность.

A. S. Gladkova

SUBJECTIVE REFLECTION IN THE NOVEL OF M. LERMONTOV «HERO OF OUR TIME» AS A MEANS OF EXPRESSING THE POETISATION OF PROSE

The article is devoted to the analysis of subjective reflection in the novel of M. Lermontov «Hero of our time» from the standpoint of the creation of the phenomenon of poetic prose. The topic touches the problem of identity, kinship and genre structure of Lermontov's novel.

Key words: the poetisation of the prose, historical poetics, subjective reflection, literary genre, genre, artistic identity.

Как всякое подлинно классическое произведение, «Герой нашего времени» вот уже на протяжении полутора веков живет интенсивной художественной жизнью, постоянно обновляясь в сознании новых и новых поколений. О подобных произведениях Белинский писал, что они принадлежат к «вечно живым и движущимся явлениям. Каждая эпоха произносит о них свое суждение. И как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за ней эпохе сказать что-нибудь новое и более верное, и ни одна и никогда не выскажет всего». Говоря же непосредственно о «Герое нашего времени», великий критик утверждал: «Вот книга, которой суждено никогда не стереться, потому что при самом рождении она была вспрыснута живою водою поэзии!» [2, с. 97].

Исследование романа «Герой нашего времени» в данной статье осуществляется с позиции воплощения в нем разных аспектов поэтизации, влияния поэзии по признакам содержательным и организационным. Необходимость такого подхода к изучению прозы М. Ю. Лермонтова объясняется важностью решения более общих научных содержательных вопросов, касающихся и стиля прозы, и самобытности художественного слова Лермонтова, и его индивидуального художественного взгляда на мир, соединяющего и глубокий скептицизм отрицания, и высокие идеальные требования к жизни, к человеку, в том числе и к самому себе.

В качестве одного из исследовательских аспектов в изучении романа Лермонтова

мы остановимся на значении рефлексивного начала не только как основы художественного психологизма (что для «Героя нашего времени» бесспорно), но и в качестве эмоционально-лирической базы, способной создавать особую внутреннюю ритмику повествования, повтора, возврата, усиления и т. д. при такой сосредоточенности на субъекте повествования, когда он становится внутренней «я»-личностью, как это происходит в лирике. С этой точки зрения нам необходимо еще и еще раз обратиться к методологическим проблемам исторической поэтики, предметом которой является историческое развитие и диалектика субъектно-объектной (авторской и персонажной) сферы в процессе становления родо-жанровых систем. Роман Лермонтова с позиций исторической поэтики рассматривался редко, однако методики исторической поэтики дают возможность для новых подходов, в частности, в рассмотрении эстетических и философских вопросов, связанных с понятием рефлексии. Это способствует решению вопросов о «прозе поэта» (Лермонтова) и месте романа «Герой нашего времени» в литературном движении. Литература, являясь попыткой познающего процесса, «явленного в слове», выдвигает моменты когнитивного мышления и когнитивного мироощущения, что заставляет ее сосредотачиваться на человеческой личности, и прежде всего на тайнах «сердечной» деятельности, которая представляется интереснее и богаче интеллектуальной работы, потому что открывает горизонты бесконечности. Русское самосознание в это переходное время сосредоточено не только на формировании идей национальной идентичности, но и на вопросах о смысле существования отдельно взятого человека как аппарата-инструмента познающей и переживающей деятельности и неизбежно затрагивает не исключительно национальные, социальные, исторические проблемы, а проблемы общего характера, связывающие мир национальный с миром человеческим. О «назначении выскоком» личного «я», о диалектике частных, индивидуальных стремлений в системе «больных» вопросов философии, об абсолютном и всеобщем задумывалась вся большая русская литература времени, заявляя об этих своих раздумьях пока в сфере романтического художественного мышления. Время чисто лирических, стихотворных форм испытывало кризис,

хотя казалось ясным, что без эмоционального осмысления всего, что маячило перед мыслящим, духовным человеком, не обойтись. В исторической поэтике это время перехода к индивидуально-авторским художественным системам. А здесь нет «правил», зато есть простор рефлексии. В отечественном литературоведении неоднократно отмечалось, что становление собственно художественной прозы (отделение ее от эпистолярной, критической, деловой и прочей), обретение ею собственного языка неразрывно связано с потребностью осознания себя, своей природы.

В свете интересующей нас проблемы и с учетом специфики исследуемого материала важным представляется функционирование понятия рефлексия в границах философских систем, особенно в феноменологии, транслированной в область эстетики. Рефлексия есть феноменологический опыт осознания собственных мыслей и переживаний. «Рефлексия способствует целостности и динамизму внутренней жизни человека, помогает стабилизировать и гармонизировать свой эмоциональный мир, мобилизовать волевой потенциал, гибко управлять им» (В. В. Столин, К. Роджерс) [1, с. 696]. «Рефлексия не имеет собственных содержаний, она есть своего рода остановка в мышлении, попытка увидеть себя» [1, с. 696]. Эта «попытка увидеть себя» в лирике, где образ переживания всегда есть элемент самосознания, связана непосредственно с лирическим «я», функционирующем как внутри лирического самосознания, так и вне его – в картине мира.

Именно феноменологический аспект анализа произведения способствует пониманию поэтизации прозы через рефлексии. Сушностное начало персонажной системы лермонтовского романа формируется прежде всего в событийно-повествовательном и описательном компоненте. Уровню «повествований» главного героя соответствует особая повествовательная структура, когда персонажи переживают события дважды: вначале как субъекты действия, а затем как субъекты воспоминания и рассказывания. Такая «двойственная» функция героев-рассказчиков приводит к некоему «напряжению» между поступками героев и самой ситуацией рассказывания (письма). Так, почти во всех частях романа присутствует конфликт между литературными ожиданиями героев и дей-

ствительностью, между их «литературным» поведением и логикой живой жизни. Этот конфликт осознается, как правило, на уровне «вторичной рефлексии» персонажей, когда они выступают в качестве слушающих или пишущих (записывающих) лиц.

В повести «Бэла» основной рефлексивный герой – рассказчик, который пишет путевые заметки. Величавые картины горной природы нарисованы и переданы весьма талантливо и поэтично. Пейзаж, замедляя развитие сюжета, позволяет сосредоточиться, подумать о личности главного героя, объяснить его характер. Пейзаж погружает образ героя в вертикальное пространство, соответствующее основному хронотопу романа, который выстраивается по принципу соотношения миров – горизонтального, повседневного и вертикального, духовного. Пейзажная зарисовка, начинающаяся со слов «Тихо было все на земле и на небе», открывшаяся путникам с Крестовой горы, – одно из самых великолепных описаний природы в романе. Присутствие автора с его мыслями, настроением, переживаниями позволяет читателю не только увидеть описанные картины, но и погрузиться в необычайно поэтический, полный гармонии и совершенства мир, испытать то же «отрадное чувство» [3, с. 26], какое владело автором, когда он писал эти картины. Пейзаж этот построен на контрасте: хороводы звезд, девственные снега, с одной стороны, а с другой – мрачные таинственные пропасти; на Гуд-горе висит серое облако, грозящее близкою бурей, а на востоке все ясно и золотисто; с одной стороны, покой, а с другой – тревога. Природа так же противоречива, как противоречивы и жизнь, и характер главного героя. Но противоречия в природе не мешают чувствовать ее величие и грандиозность. Природа прекрасна, и общение с ней очищает и возвышает человека. «Удаляясь от условий общества» [3, с. 26], люди невольно становятся детьми: «все приобретенное отпадает от души, она делается вновь такою, какой была некогда и, верно, будет когда-нибудь опять» [3, с. 26]. Говоря так, автор помогает читателю почувствовать, что в Печорине многое объясняется «условиями общества», в котором он жил, однако не все. В этой пейзажной зарисовке рассказчик к описанию каждой части, элементу значимого художественного образа (облако, отлогости гор, туманы) добавляет настолько выразитель-

ную деталь (облако, как коршун, ожидающий добычу; отлогости гор, покрытые девственными снегами), что возникшая эмоциональная насыщенность становится подобна эмоциональности поэтической речи. Чередование предметов и их детализация задает внутренний ритм описательных моментов. Эта особенность присуща всему роману и постепенно становится одним из приемов лирической поэтизации художественной повествовательной речи. При этом происходит органическое соединение рефлексивных раздумий героя и их глубокого отражения в его «умном чувстве». Тоска по чистому «детскому» мироощущению перебивается реакциями «знания», умственных, аналитических «приобретений». Картины природы заставляют еще глубже задуматься над поставленными в романе вопросами, понять психологию действующих лиц, что дает право назвать пейзаж психологическим и одновременно аналитическим. Он как бы задает и определяет высокую точку зрения на все происходящее в последующем движении событий.

Подтверждением этого являются и психологические пейзажные зарисовки в журнале Печорина, в повести «Княжна Мэри», раскрывающие рефлексивное начало главного героя. Но красота и величие природы здесь становятся не только фоном повествования и местом основных действий, но и являются отражением поэтического склада ума Печорина. Это стиль эстета, способного поэтически чувствовать природу и красоту слова и художественно оформлять свои впечатления. В описании картины природы прослеживаются значимые художественные образы, дополненные деталями, переданные через прием сравнения. Яркие, выразительные сравнения придают художественной речи особую поэтичность. Уже в самом начале этой повести при описании гор невольно на ум приходят строчки из пушкинского стихотворения «Туча» (1835 г.), которые автор перекладывает в уста Печорина: «На запад синее пятиглавый Бешту, как «последняя туча рассеянной бури» [3, с. 60], – и далее снова сравнение – «поднимается Машук, как мохнатая персидская шапка» [3, с. 60].

Эти два рефлексивных пейзажа построены по определенной схеме:

– момент наблюдения: «Мы тронулись в путь» [3, с. 26]; «вчера я приехал в Пятигорск» [3, с. 59];

– переживание увиденного, рефлексия: «... но со всем тем какое-то отрадное чувство распространилось по всем моим жилам, и мне было как-то весело, что я так высоко над миром...» [3, с. 26]; «весело жить в такой земле! Какое-то отрадное чувство разлито во всех моих жилах» [3, с. 60];

– мотив детства: «... чувство детское, не спорю, но, удаляясь от условий общества и приближаясь к природе, мы невольно станем детьми...» [3, с. 26]; «Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка...» [3, с. 60];

– ощущение красоты, смысла и гармонии жизни: «все приобретенное отпадает от души, и она делается вновь такую, какой была некогда и, верно, будет когда-нибудь опять» [3, с. 26]; «солнце ярко, небо синё – чего бы, кажется, больше? зачем тут страсти, желания, сожаления?..» [3, с. 60].

Заметим, к слову, что мотив детства повторяется неоднократно в произведении, будучи как бы эмоционально рассеянным по всему повествованию, подчеркивая тяготение к чистоте и ясности на фоне драматического звучания всех событий. Вспомним хотя бы знаменитое замечание Печорина, поселившегося у подножья Машука: «Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка». Такая мотивная переключка тоже создает особую эмоциональную насыщенность романа, приближая его к феномену поэтической прозы.

Совершенно иная рефлексующая реакция получается, когда в конфликте сталкиваются чувства и разум, эмоциональное и рациональное начало. Это столкновение образует особый внутренний ритм повествования, который в прозе играет роль стихотворных ритмических разделений. Обратимся к отрывку из повести «Максим Максимыч», где рассказчик дает портретное описание Печорина. Описание портрета – это словесная живопись Лермонтова, что заметил еще В. Г. Белинский. Среди всех других способов изображения портрет отличается особой зрительной наглядностью и вместе с пейзажем и бытовыми описаниями придает произведению особую силу образительности. Построение портрета сопровождается замечаниями повествователя по поводу внешности героя. Они создают ритмические перебивы, заставляя фиксировать, подчеркивать главное ощущение с мотивами предсказания его судьбы. Описание, таким образом, чередуется с комментарием-размышлением,

и эти две формы художественной речи, сочетаясь в одном эпизоде, тоже образуют ритмическую структуру, характерную для прозы. Повторяясь довольно часто в романе, этот прием становится еще одним характерным способом поэтизации художественного слова. Со слов рассказчика, внешность Печорина довольно противоречивая: «С первого взгляда на лицо его, я бы не дал ему более двадцати трех лет, хотя после я готов был дать ему тридцать» [3, с. 44], «несмотря на светлый цвет его волос, усы его и брови были черные» [3, с. 44]. А в последующих повестях подтверждается и противоречивость характера главного героя. Получается, что портрет Печорина создается на наших глазах объективно, с участием читателя как полноправного собеседника автора, выражающего, тем не менее, свое субъективное мнение о герое: «Впрочем, это мои собственные замечания, основанные на моих же наблюдениях, и я вовсе не хочу вас заставить верить в них слепо» [3, с. 44]; «все эти замечания пришли мне на ум, может быть, только потому, что я знал некоторые подробности его жизни, и, может быть, на другого вид его произвел бы совершенно различное впечатление; но так как вы об нем не услышите ни от кого, кроме меня, то поневоле должны довольствоваться этим изображением» [3, с. 44]. Рефлексующее начало в описании внешности Печорина рассказчиком прослеживается в его заключениях: «признак породы в человеке», «признак или злого нрава, или глубокой, постоянной грусти», «... он был вообще очень недурен и имел одну из тех оригинальных физиогномий, которые особенно нравятся женщинам светским» [3, с. 44].

Особое место автор портрета Печорина уделяет его глазам: «Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском, если можно так выразиться. То не было отражение жара душевного или играющего воображения: то был блеск, подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный» [3, с. 44]. Изображение глаз с блеском, подобным блеску гладкой стали, переводит нас к контексту поэзии Лермонтова, где этот образ не раз встречается:

И черные глаза, остановясь на мне,
 Исполнены таинственной печали,
 Как сталь твоя при трепетном огне,
 То вдруг тускнели, то сверкали [4, с. 165].
 «Кинжал», 1838 г.

Заметим также, что год написания стихотворения и год начала работы над романом одинаков. Эта важная деталь говорит о неразрывной связи поэзии и прозы, существовавшей одновременно в сознании Лермонтова.

«Журнал Печорина» наполнен размышлениями о смысле жизни, о взаимоотношениях личности и общества, о месте человека в череде поколений, о роли в истории человечества. Композиционно эту тему завершает глава «Фаталист», насыщенная философской проблематикой: и социальные, и психологические вопросы в ней осмысливаются с философских позиций. Основная черта характера Печорина – рефлексия, то есть самопознание. Он постоянно анализирует свои мысли, поступки, желания. В повести «Княжна Мэри» в ночь перед дуэлью с Грушницким Печорин исповедуется перед самим собой. Исповедь в каноническом смысле – это не только осознание собственных грехов, поступков и недостатков, но и жажда очиститься от них. Исповедь же Печорина – иная. Она рефлексивно противоречивая, эмоциональные переживания героя переходят в рациональное осмысление; это вопросы к самому себе и попытка найти ответы на них, оправдание своих поступков и потребностей «приманками страстей пустых и неблагодарных» [3, с. 113], оценка себя самим и волнение за чужое мнение приводят Печорина в его диалогах с самим собой к выводам неоднозначным: «После этого стоит ли труда жить? А все живешь – из любопытства: ожидаешь чего-то нового... Смешно и досадно!» [3, с. 114]. Вспоминаются строчки из стихотворения Лермонтова 1840 г. «И скучно, и грустно...»: «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, –

Такая пустая и глупая шутка...» [4, с. 185]. Лермонтов создает ситуацию того, что называется «сердечный разум». Даже в погоне за Верой, в конце всех переживаний, холодный разум Печорина возвращает его к реальности: «Чего мне еще надобно? – ее видеть? – зачем? не все ли кончено между нами? Один горький прощальный поцелуй не обогатит моих воспоминаний, а после него нам только труднее будет расставаться» [3, с. 125]. Внутри повествования постоянно происходит колебание волн, рождающихся то чувством, то разумом, разбивая друг друга и вновь появляясь, чтобы в итоге образовать поэтический контекст самого повествования, создавая художественные качества прозы, которую Н. В. Гоголь в свое время назвал «благоуханной».

Поэтизация прозы – далеко не простое, сложное, многоаспектное явление. Значение рефлексии в процессе фиксации автором равноправия эмоционального и рационального начала велико. Мы видим, что в пейзажных и портретных зарисовках, в описательных и исповедальных моментах происходит переход от простого информативного качества прозы в ее эмоциональное качество, характерное для поэзии. Авторское мышление, выходя за рамки, дает немало образцов подобного рефлексивного состояния в поэзии Лермонтова («Выхожу один я на дорогу», «Дума» и т. д.). Рефлексивная реакция включает в себя и эмоциональную, и рациональную сферу, которые часто сталкиваются в конфликте. А в эстетическом плане подобная конфликтность органично вовлекает в произведение разные родовые принципы, усложняя художественное изображение личности и ее отношений с миром.

Литература

1. Александрова Ю. В. Основы общей психологии. М.: Современный гуманитарный институт, 1999. 805 с.
2. Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 9 томах. Т. 3. Статьи, рецензии и заметки. М.: Художественная литература, 1976. 250 с.
3. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. М.: Советская Россия, 1990. 257 с.
4. Лермонтов М. Ю. Сочинения. Т. 1. М.: Правда, 1988. 720 с.

УДК 81

Н. Н. Дюмон**СТРУКТУРНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕТЕКТИВА Ж.СИМЕНОНА**

Определяющим фактором включения художественного текста в детективный дискурс выступает детективный фрейм. Одним из важнейших элементов языка Ж. Сименона является стилистические фигуры, созданные на

основе детективной лексики, которые довольно широко представлены в прозе писателя.

Ключевые слова: фрейм, диалог, необычный эпитет, оксюморон, метафора, метонимия.

N. N. Djumon**STRUCTURAL AND STYLISTIC CHARACTERISTICS OF DETECTIVE STORIES BY G. SIMENON**

Key factor to include a text into detective discourse is detective frame. The most important characteristics of G. Simenon's language are stylistic figures that are based on detective vocabulary and are frequent in writer's prose.

Key words: frame, dialogue, unusual epithet, oxymoron, metaphor, metonymy.

В 1960–1970-е годы во Франции складывается новый тип детективного романа, в котором находят отражения многие направления современной французской прозы.

каких-то элементов. Эта структура состоит из «узлов» и отношений между ними. Надо заметить, что в структуре фрейма обычно указаны участники ситуации, их типичные действия, называются также предметы, участвующие в ситуации [4, с. 214]. При описании единичного речевого действия участника ситуации во внимание принимаются не только типичные схемы практической и коммуникативной деятельности, но и типичные схемы организации внутреннего мира говорящего, иначе говоря, представленный в его картине мира набор познавательных структур. Коммуникативный подход предполагает переплетение с подходом когнитивным.

Появляется непривычный для жанра психологический анализ. Детектив как бы смыкается с современным психологическим романом, заимствует его стиль, структуру, важное место начинает занимать внутренний монолог героя, сокращаются диалоги, появляется разорванность композиции, чередование формы повествования – то от первого, то от третьего лица, некоторая недосказанность и т. п.

Общение оказывается возможным не только при наличии в сознании каждого говорящего, в его картине мира неких смысловых, информационных «сгущений» (которые часто именуются фреймами, т. е. определенным образом организованных, структурированных, упорядоченных «порций» знания), но и в переработке этих фреймов в языковые путем придания им свойства коммуницируемости. Совокупность языковых, коммуницируемых фреймов образует языковую картину мира.

Всякое коммуникативное действие в рамках спонтанного или организованного дискурса представляет собой реализацию тех или иных коммуникативно-когнитивных структур. Такими когнитивными структурами являются фреймовые модели, содержащие информацию социокультурного характера, или знания о том, что Витгенштейн называл «языковыми играми» [3, с. 63].

Обратим внимание на то, что лексический фонд языка рассматривается авторами «фреймовой гипотезы» как результат членения знаний на структуры. В понятие фрейма вкладывается обычно две основные идеи: во-первых, идея организующего начала и связанная с ней идея иерархии, а во-вторых, идея стереотипа. Первая идея представляет фрейм как структуру, а не множество

В произведениях Ж. Сименона можно выделить следующие фреймы: *дознание, опознание убитого на месте совершенного преступления, отдых*, которые отражают взаимодействие участников коммуникации,

обусловленное социальными отношениями, ролями общающихся, уровнем формальности, степенью знакомства и типом дискурса. Надо отметить, что диалоги в произведениях Ж. Сименона отличаются обыденным типом дискурса, который включает в себя две социальные сферы общения: профессиональную сферу и сферу досуга.

В профессиональной сфере общения смена коммуникативных ролей совершается по типу *вопрос – ответ*, а в сфере досуга, в основном преобладает нулевая смена коммуникативных ролей: один собеседник как бы подхватывает речь другого, что обусловлено высокой степенью знакомства коммуникантов.

Характеристика диалогической речи была дана еще Л. Шпицером. [5, с. 39]. Немецкий лингвист указывает на следующие характерные особенности диалогической речи.

1. Обусловленность ситуаций.

В зависимости от эпохи и социальной принадлежности действующего лица автор использует тот или иной язык или стилистические черты диалога в речи своих персонажей.

Так, герои Ж. Сименона – это в основном или представители криминального мира (убийцы, мошенники, воры) или представители правосудия (комиссар, полицейский, судьи) или обычные люди, подвергшиеся нападению (жертвы), люди, ставшие свидетелями какого-либо преступления. И писатель согласно ситуации, в которую попадает герой, наделяет его речь фамиллярной лексикой или профессиональным арго, просторечными оборотами.

Согласно концепции Э. Руле, наиболее значимыми единицами диалога являются:

– «обмен» (*l'échange*) – наименьшая единица диалога;

– «реплика» (*l'intervention*) – наибольшая единица монолога;

– «акт речи» (*l'acte de langage*) – наименьшая единица монолога.

Между этими единицами существуют определенные иерархические отношения: «обмен» состоит из «реплик», а «реплика» – из «актов речи». Эти же единицы диалога вступают между собой в функциональные отношения и тем самым осуществляется процесс речевого взаимодействия. Самой характерной структурой диалога является трехчастная композиция: инициация – ответ – обратная связь. Есть диалоги, которые сохраняют такую структуру.

Трудно сказать, что произведения Сименона подчиняются какой-либо строгой формуле диалога с ее началом и концом высказывания. Практически невозможно проследить начало и особенно конец диалога, потому что романы этого автора диалогизированны, в них идет постоянный обмен информацией.

Проанализировав диалоги профессиональной сферы общения с фреймом «до-знание», мы сделали следующие выводы: вопросы, которые задает комиссар Мэгре в ходе следствия, можно структурировать следующим образом.

1. Вопросы места (*où? d'où?*): – *D'où venait-il? – Il travail a Paris? – Où l'avez-vous laissé? – Откуда он идет? – Где вы его оставили?*

2. Вопросы времени: – *Il y a longtemps? – A quelle heure a-t-il l'habitude de rentrer de son travail? – Elle attend depuis longtemps? – Souvent? – Quand avez-vous déjeuné ensemble pour la dernière fois? – Давно? – В котором часу он имел обыкновение возвращается со своей работы, – Она долго ждет? – Часто? – Когда вы в последний раз вместе обедали?*

3. Вопросы, касающиеся работы: – *Vous savez ce qu'il a fait ensuite? – Vous savez ce qu'il faisait, les derniers temps. – Вы знаете чем он занимался потом? – Вы знаете чем он занимался последнее время.*

4. Вопросы о близких, друзьях и отношениях с людьми: – *Savez-vous si votre mari a des ennemis? – Vous connaissiez bien votre père? – Il était heureux? – Votre mère le savait? – Des amis? – Vous en avez beaucoup (les tantes, les oncles – У вашего мужа были враги? – Вы хорошо знали вашего отца? – Он был счастлив? – Ваша мама была в курсе? – Друзья? – У вас их много (тетей, дядей).*

5. Уточняющие и общие вопросы: – *Votre mari s'appelle bien Louis Thouret? – C'est son pardessus? – Son costume? – Vous en êtes sûre? – Вашего мужа звали Луи Туре? – Это его плащ? – Это его костюм? – Вы в этом уверены.*

Для привлечения к своей речи внимания персонажи Ж. Сименона не раз прибегают к вопросам с конструкцией ***n'est-ce pas*** (не так ли)?

Elle parlait des Malik, d'Ernest et de Charles. – Vous n'avez pas encore vu Charles? Vous le verrez... Et sa femme, la plus jeune des demoiselles Amorelle, qui était M-elle Aimée. Vous les verrez. Nous sommes un tout petit pays,

n'est-ce pas? – Она говорила о семье Малика, Эрнесте и Шарле.– Вы еще не видели Шарля? Вы его увидите... Его жена, самая молодая из барышень Аморель, бывшая мадемуазель Эмме. Вы их увидите. Мы все как одна маленькая страна, **не так ли?**

Наряду с вопросительными предложениями автор часто использует и восклицательные формы высказывания.

1) *Qu'est-ce que cela veut dire? 2) C'est inouï!...* – Что вы хотите сказать? Невероятно! В данном примере вопросительные и восклицательные предложения несут эмоциональную нагрузку. Первое предложение по своей сути не является вопросительным. Скорее всего, автор с помощью вопроса такой структуры выразил недоумение героини. Стилистические особенности диалогической речи в произведениях Жоржа Сименона имеют место, когда используются интонационно-синтаксические средства выделения слов (членов предложения).

Чаще всего используются выделительные конструкции **c'est... que (qui)** (это..., что (который) – *Vous croyez, Leroy, que c'est le docteur qui a fait ce repas de cochon?* – Вы думаете, Лерой, это доктор был таким неаккуратным за столом?

В данной реплике оборот **c'est... qui** выделяет подлежащее, главный член предложения, выраженное существительным *le docteur*, потому что автор хотел сделать акцент именно на этом слове и таким образом показал насмешливо – ироническое отношение одного героя к другому.

В разговоре Мэгре, жертва, подозреваемый или свидетель настаивают на чем-то, хотят привлечь внимание к тому, что говорят, хотят выразить одобрение или неодобрение. Очень часто они используют формы повелительного наклонения глаголов **voir** (видеть), **tenir** (смотреть), **aller** (идти). Эти формы глагола лишены своего прямого лексического значения.

Часто в диалогах встречаются грамматические явления, отклоняющиеся от норм классического синтаксиса. Так в отрицательной форме возможно опущение частицы **ne** или **pas**. – *Justement! Nous ne l'avons retrouvé!* – Точно! Мы его не нашли. 2) – *Depuis plusieurs mois...* – **Pas un mot?** – **Pas un mot...** – Несколько месяцев... – Ни слова? Ни слова...

В этих примерах в силу того, что у персонажей речь беглая, разговорная, происходит выпадение частиц **ne** или **pas**.

Часто встречается презентатив: **voilà** (вон, там), **voici** (вот, здесь), **c'est que, ce que** (это который, то, что): – *Voilà! Pendant près de quinze ans un homme a vécu ici tout seul... C'était le poste de veille...* – *Voilà! В течение 15 лет какой-то мужчина жил здесь совсем один... Это была дежурная почта...*

Подобные презентативы помогают автору сделать речь героев понятной для читателя, в том смысле, что автор точнее передает, в общем, незначительные нюансы в поведении персонажей и тем самым дает полное представление о происходящих событиях.

В стилистике, помимо косвенных выразительных средств, имеют место прямые. А именно: 1) выразительные слова; 2) словосочетания; 3) образные обороты.

Известно, что существует разница между лексическим и стилистическим значением слова, которая состоит в том, что лексика несет информацию о референте, а стилистическая сторона слова несет информацию о субъекте речи и вообще о пространстве коммуникации.

Так, в произведениях Ж. Сименона к просторечной лексике относятся слова с фамильным оттенком, сохраняющимся и вне контекста, слова, находящиеся под запретом (т. е. те слова, которые не полагается называть прямым словом). Например, серия ругательств со словом *Dieu* (*бог*): **Nom de Dieu! Bon Dieu! Mon Dieu!** или **parbleu!** являются очень экспрессивными, но употребление которых возможно только в фамильной речи. – *Joseph occupait la chambre de gauche... Mon Dieu!* – Жозеф занимал комнату налево... *Боже мой!*

Следует особо отметить и арго, слова, словосочетания, которые определяют принадлежность того или иного героя к определенной социальной или профессиональной группе. Например, в серии рассказов о Мэгре в лексике преобладает терминология, свойственная полицейским.

– *Il aurait pu me tuer tout comme. Son poing est un marteau...* – *Qui est-ce ? questionna Maigret. (Le chien jaune).* – Он бы мог, шута убить меня. Его кулак все равно, что молоток... – Кто это? – спросил Мэгре.

В данном примере слово *tuer* (убить) свойственно терминологии полицейских.

Проанализируем некоторые случаи стилистического использования детективной лексики в произведениях Ж. Сименона.

1. Фигуры, основанные на звучании.

Так, в романе «Время Анаис» («*Le temps d'Anaïs*») в следующем диалоге между следователем и преступником существительное «*confrontation*» употреблено в значении «очная ставка» и в нетерминологическом «противостояние»: – *Vous serez confronté avec elle en temps voulu (Вы будете сталкиваться с ней в установленном порядке).* – *Pardon?* (Извините).

Антанакласис используется для того, чтобы показать, что герой не понимает, что происходит вокруг него. Он не может представить противостояние с женой.

2. Фигуры, созданные на основе синтаксических конструкций. Обратим внимание на две фигуры: необычный эпитет («*caractérisation non pertinente*») и оксюморон.

Под необычным эпитетом будем понимать использование определения, которое обычно не сочетается с характеризующим словом или выражением («*l'incongruité du rapport d'une notation qualifiante à l'égard de l'expression qu'elle caractérise*»). В романах Ж. Сименона часто встречается сочетание прилагательного «*moral*» (моральный) с различными юридическими терминами, например, «*crime*» (преступление), «*preuves*» (доказательства), «*rapport*» (взыскание) («*crime moral*» – моральное преступление, «*preuves morales*» – моральные доказательства, «*rapport moral*» – моральное взыскание»). Эти выражения противопоставлены преступлению в юридическом смысле, вещественным доказательствам и официальному отчету соответственно. посредством использования подобных словосочетаний Ж. Сименон подчеркивает, что его герой не использует каких-либо особых методов для раскрытия преступлений, а старается «понять» как жертву, так и преступника.

Второй из рассматриваемых фигур, созданных на основе синтаксических конструкций, является оксюморон. В прозе Ж. Сименона можно найти один пример употребления данной фигуры в романе «Помолвка мсье Гира» («*Les fiançailles de monsieur Hire*»):

«*Une sale petite escroquerie légale. Le coup des cent francs par jour sans quitter son*

travail et de la boote de couleurs. Vous tentez les petites gens par des annonces et, comme vous leur envoyez quand même quelque chose pour leur argent, on ne peut pas vous poursuivre...?». В данном случае речь идет о господине Гире, который посылал людям по почте коробку красок по цене сто франков, в то время как в действительности она стоила намного дешевле. Это не является мошенничеством, т. к. он не обманывал людей. Однако посредством использования оксюморона «*escroquerie légale*» (правовая афера) полицейский выражает свое отрицательное отношение к этой затее.

3. Тропы: метафора и метонимия.

Метафора и сравнение очень часто используются Ж. Сименоном для создания одних и тех же образов, и различие между ними в основном оказывается формальным и зачастую заключается лишь в наличии или отсутствии союза «*comme*» (как, как будто).

В романах Ж. Сименона встречаются сравнения внешнего вида персонажа с адвокатом, например, в «Ранчо Кобыла потерялась» («*La Jument-Perdue*»): *Andy Spencer arrive en auto quelques heures après que le journal a paru, portant, comme un avocat, une grosse serviette sous le bras. Il n'a déjà plus rien d'un propriétaire de ranch (Энди Спенсер приезжает на машине несколько часов после того, как газета исчезла, однако, как юрист, с большим опытом. Он уже не владелец ранчо).* В данном случае речь идет о чисто внешнем сходстве героя с адвокатом, однако последняя фраза сообщает и о неких внутренних, психологических изменениях. Сравнение, в частности, указывает на то, что Энди Спенсер намерен бороться за ранчо до последнего, подобно тому, как адвокат защищает интересы своего клиента в суде.

В романе «Рука» («*La main*») существительное «*avocat*» (адвокат) употреблено как прилагательное в функции именной части составного сказуемого: *J'étais moi-même, très avocat, parlant avec précision (Я сам был очень хорошим адвокатом, говоря с точностью).* Выражение «*très avocat*» указывает на его желание оправдаться с моральной точки зрения, т. к. фактически он не виновен в смерти своего друга.

Ж. Сименон часто использует такую выразительную метонимию, созданную по принципу «действие результат», как «*les effets de manches*» (части тела или одежды), в частности, в романах «В случае несчастья» («*En*

cas de malheur») и «Письмо следователю» («Lettre a mon juge»). В последнем романе адвокат подсудимого также характеризуется как «la plus fameuse «gueule» du Palais» (самая знаменитая морда суда). Данные метонимии, обозначающие деятельность адвокатов суще-

ствительными со значением «часть тела или одежды», используются для указания на ее показной характер, на стремление воздействовать не столько на разум или совесть присяжных, сколько на их взгляд и слух.

Литература

1. Афинская З. Н. Диалог: лингвистические и методические аспекты. М.: Изд-во МГУ, 1992. 80 с.
2. Банникова И. А. О стилистическом контексте детектива и методах его исследования и приложения. М.: Флинта, 2002. 172 с.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. И. Добронравова и Д. Лахути; под общ. ред. и предисл. В. Ф. Асмуса. М.: Наука, 1958 (2009). 133 с.
4. Макаров М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1998. 200 с.
5. Степанов Ю.С. Доказательство и аксиоматичность в стилистике: Метод Л. Шпицера // Вестник МГУ. Сер. 7. 1962. № 5. С. 43–50.
6. Сухих С. А., Зеленская В. В. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. Краснодар: Изд-во КубГУ, 1998. 160 с.
7. Molinié G. Éléments de stylistique française. Paris: PUF, 2005. 330 с.
8. Tout Simenon T 3. Paris: Editions Omnibus, 2002. 896 с.
9. Tout Simenon T 5. Paris: Editions Omnibus, 2002. 864 с.
10. Tout Simenon T 8. Paris: Editions Omnibus, 2002. 832 с.
11. Tout Simenon T 14. Paris: Editions Omnibus, 2003. 896 с.

УДК 81'272

Т. Н. Ломтева, И. С. Решетова

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В ЯЗЫКЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ АМЕРИКАНСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена рассмотрению основных ценностей американского общества, нашедших свое отражение в публичных выступлениях президентов разных периодов, в частности, Кеннеди, Клинтона, Обамы. Проведенный анализ показал стабильность таких ценностей, как успех, равенство возможно-

стей, личные достижения, упорный труд в истории американского общества.

Ключевые слова: национально-культурная специфика, национальный менталитет, ценностные ориентации, публичные выступления, политическая речь.

T. N. Lomteva, I. S. Reshetova

NATIONAL-CULTURAL VALUES IN LANGUAGE OF AMERICAN PRESIDENTS' PUBLIC SPEECHES

The article considers the basic values of American society, as reflected in public speeches of the presidents of the different periods, in particular, Kennedy, Clinton, Obama. The analysis showed the stability of values such as success, equality of opportunity, personal

achievements, hard work in the history of American society.

Key words: national-cultural specificity, national mentality, values, public speaking, political speech.

Национальные особенности восприятия и языкового представления реалий жизни во всех ее областях определяют сходства и различия между лингвокультурами. Не является исключением политическая сфера употребления языка, особенности которой обусловлены историческими условиями образования политической культуры того или иного общества и национальной ментальностью. При анализе публичных выступлений политических деятелей разных стран можно выделить черты, которые характерны только для определенного национального дискурса.

Изучая феномен национально-культурной специфики языка политических выступлений, Н. В. Сальникова [1] делает вывод о том, что национально-культурное своеобразие коммуникации выражается в определенном этноспецифическом наборе языковых средств, служащим отражением ментальных установок, схем поведения, ценностных доминант, фреймов, всего того, что «делает один этнос, лингвокультуру, отличной от другой. В политическом дискурсе, в свою очередь, обращение к ценностям культуры как

важным составляющим духовной жизни народа происходит неизбежно, поскольку помогает в достижении поставленных политических целей. С одной стороны, речь политического деятеля отражает настроения общества и интересы аудитории» [1, с. 76]. С другой стороны, «выступление политика-ритора с опорой на национально-культурные ценности народа оказывает влияние на формирование общественного мнения, усиливая необходимые для реализации политического курса общественные настроения» [1, с. 78].

Говоря в нашем исследовании о национально-культурных ценностях американского общества, мы опираемся на классификацию первичных ценностей, выделенных Э. Стилом и Ч. Риддингом на основе изучения публичных речей [6].

1. Achievement and success. Исторически обусловленная ценность американского общества. Поскольку люди, приезжавшие на новые земли в поисках лучшей жизни, не имели ни стартового капитала, ни связей, успех в этой стране измеряется властью, статусом, богатством и имуществом. Успех подразуме-

вает постоянную работу, направленную на продвижение вперед. В условиях зарождавшегося государства это была единственная возможность добиться чего-то и преуспеть, поэтому данные ценности закрепились в обществе и, как следствие, в языке.

«We set sail on this new sea because there is new knowledge to be gained, and new rights to be won, and they must be won and used for the progress of all people» [5]. Мы отправляемся в дальнее плавание, потому что есть знания, которые мы приобретем, и права, которые необходимо получить, и мы их получим и направим полученные блага на развитие общества.

«To be successful, this national program will need the broad-based support of all the American people. Parents and children, churches and synagogues, colleges and universities and the potential providers and the beneficiaries of our services. In this vision of national service, everyone is a partner. And that includes, of course, the business community in this country» [4]. Для того, чтобы стать успешной, данная национальная программа нуждается во всеобъемлющей поддержке всего американского народа. Родители и дети, церкви и синагоги, колледжи и университеты – потенциальные поставщики наших услуг. В этом видении национального обслуживания все – компаньоны. Это, конечно, включает и деловые круги нашей страны.

«The shadow of crisis has passed, and the State of the Union is strong. At this moment – with a growing economy, shrinking deficits, bustling industry, and booming energy production – we have risen from recession freer to write our own future than any other nation on Earth. It's now up to us to choose who we want to be over the next fifteen years, and for decades to come» [2]. Тень экономического кризиса прошла, и положение страны крепкое. В этот момент – с растущей экономикой, сокращением дефицита, оживленной промышленностью и увеличением производства энергии – мы поднялись из рецессии свободными, чтобы творить наше общее будущее и делать это лучше, чем любая другая нация на Земле. Теперь мы должны выбрать, кем мы хотим быть в течение ближайших пятнадцати лет и на десятилетия вперед.

Change and progress. Изменения неизбежны, прогресс ведет к успеху. Новое всегда лучше, чем предыдущее. Данные ценности являются логическим результатом предыдущих, т. к. постоянная усердная работа неизбежно

приводит к изменениям, причем изменениям в лучшую сторону.

«I am therefore transmitting to the Congress a new Manpower Development and Training program, to train or retrain several hundred thousand workers, particularly in those areas where we have seen chronic unemployment as a result of technological factors in new occupational skills over a four-year period, in order to replace those skills made obsolete by automation and industrial change with the new skills which the new processes demand» [5]. Поэтому я поручаю Конгрессу новую программу по развитию трудовых ресурсов, направленную на обучение нескольких сотен рабочих (особенно в тех областях, в которых наблюдается постоянная безработица в течение четырехлетнего периода по причине технологических факторов) для того, чтобы заменить устаревшие из-за изменений в промышленности навыки на новые, которые требует прогресс.

«More important, I think we all agree that we have to change the way the government works. Let's make it smaller, less costly, and smarter; leaner, not meaner» [4]. Наиболее важно – и я думаю, что все мы согласимся – то, что мы должны изменить механизм работы Правительства. Давайте уменьшим его, добавим интеллект и сделаем менее дорогостоящим, экономным, но не скупым.

«I believe that as hard as it will be, the change we need is coming. That's the promise we need to keep. That's the change we need right now. So let me spell out exactly what that change would mean if I am President. Change means a tax code that doesn't reward the lobbyists who wrote it, but the American workers and small businesses who deserve it» [3]. Я верю, что как бы тяжело ни было, изменения, которые нам так нужны, уже начались. Это обещание, которое нам нужно сдержать. Это изменения, которые нужны нам прямо сейчас. Итак, позвольте мне сформулировать точно, что эти изменения будут означать, если я буду президентом. Изменения означают тот Налоговый кодекс, который будет выгоден не для лоббистов, писавших его, а для американских рабочих и мелких предприятий, которые этого заслуживают.

Ethical equality. Все люди равны духовно и в возможностях, которыми обладают независимо от пола, расы, возраста, сексуальной ориентации и т. д. – это еще одна

ценность американского общества, зародившаяся во времена освоения новых земель. Как известно, за открытием Америки последовала колонизация этих земель выходцами практически со всего мира, которые вынуждены были мирно сосуществовать на новой территории. Стоит отметить, однако, некоторые «двойные стандарты» функционирования данной ценности.

«*I believe in an America where the separation of church and state is absolute – where no Catholic prelate would tell the President (should he be Catholic) how to act, and no Protestant minister would tell his parishioners for whom to vote – where no church or church school is granted any public funds or political preference – and where no man is denied public office merely because his religion differs from the President who might appoint him or the people who might elect him*» [5]. Я верю в Америку, в которой государство и церковь разделены, где никакой католический священник не будет указывать президенту (даже если он католик), как действовать, где никакой министр-протестант не скажет прихожанам, за кого голосовать, где никакой церкви или церковно-приходской школе не предоставляют государственных фондов или политических предпочтений, где никакое государственное учреждение не откажет человеку, религия которого отличается от веры президента, в праве выбрать его или быть выбранным им.

«*The issue is not whether there should be homosexuals in the military. Everyone concedes that there are. The issue is whether men and women who can and have served with real distinction should be excluded from military service solely on the basis of their status. And I believe they should not*» [4]. Проблема не в том, должны ли быть гомосексуалисты в вооруженных силах. Каждый признает, что они есть. Проблема заключается в том, должны ли мужчины или женщины, которые могут служить и служили, быть исключены из военной службы исключительно по причине их статуса. Я думаю, такого не должно быть.

«*I love this country, and so do you, and so does John McCain. The men and women who serve in our battlefields may be Democrats and Republicans and Independents, but they have fought together and bled together and some died together under the same proud flag. They have not served a Red America or a Blue America – they have served the United States of America.*

But what the people heard instead – people of every creed and color, from every walk of life – is that in America, our destiny is inextricably linked. That together, our dreams can be one» [3]. Я люблю эту страну так же, как и вы, как и Джон Маккейн. Мужчины и женщины, служившие на полях наших сражений, могут быть демократами, республиканцами или могут быть независимыми, но они вместе боролись и вместе проливали кровь, а некоторые умерли вместе под одним гордым флагом. Они не служили Красной Америке или Синей Америке – они служили Соединенным Штатам Америки. То, что люди слышали вместо этого – люди любого вероисповедания и цвета кожи, во всех сферах жизни – это то, что в Америке наши судьбы неразрывно связаны и что вместе наши мечты могут быть одной, общей мечтой.

Effort and optimism. Упорный труд и стремление – ключ к успеху. Только тот, кто усердно работает и никогда не сдастся, может исполнить «американскую мечту».

«*We cannot afford to waste idle hours and empty plants while awaiting the end of the recession. We must show the world what a free economy can do--to reduce unemployment, to put unused capacity to work, to spur new productivity, and to foster higher economic growth within a range of sound fiscal policies and relative price stability*» [5]. Мы не можем позволить себе пустые заводы и потратить впустую часы без работы, ожидая конца рецессии. Мы должны показать миру, что свободная экономика может сделать: уменьшить безработицу, использовать все возможности для работы, поощрить новую производительность и способствовать более высокому экономическому росту в диапазоне разумной налоговой политики и относительной стабильности цен.

«*Beyond that, my fellow citizens, the future is up to us. Our Founders taught us that the preservation of our liberty and our Union depends upon responsible citizenship. And we need a new sense of responsibility for a new century. There is work to do, work that Government alone cannot do: teaching children to read, hiring people off welfare rolls, coming out from behind locked doors and shuttered windows to help reclaim our streets from drugs and gangs and crime, taking time out of our own lives to serve others*» [4]. Кроме того, мои сограждане, будущее в наших руках. Наши основатели учили нас, что сохранение нашей

свободы и нашего единства зависит от нашей ответственности. И это нам необходимо для нашего будущего. Необходимо выполнить огромную работу, которую правительство не может сделать в одиночку: обучение детей чтению, нанять всех безработных, прячущихся за закрытыми дверями, чтобы помочь очистить наши улицы от наркотиков и банд, которые забирают наши жизни, чтобы услужить другим.

«*This is our time to answer the call that so many generations of Americans have answered before – by insisting that by hard work, and by sacrifice, the American Dream will endure*» [3]. Это наше время, чтобы ответить на вызов, на который многие поколения американцев ответили раньше, настаивая на том, что благодаря тяжелому труду и самопожертвованию, американская мечта выстоит.

Value of the individual. У каждого есть права. Успех происходит на уровне личности. В отличие от русской культуры, где традиционно ценилась общинность, а общественное имело приоритет по сравнению с личным, американское общество высоко ценит именно индивидуальность и собственные достижения. При этом важно отметить, что люди не должны бороться за свои права, потому что правительство должно защищать права человека.

«*Nor am I here to present a new military doctrine, bearing any one name or aimed at any one area. I am here to promote the freedom doctrine*» [5]. Я здесь не для того, чтобы представлять новую военную доктрину под любым названием или нацеленную на любую область. Я здесь, чтобы провозгласить доктрину свободы.

«*The preeminent mission of our new Government is to give all Americans*

an opportunity, not a guarantee but a real opportunity, to build better lives» [3]. Выдающаяся миссия нашего нового правительства состоит в том, чтобы дать всем американцам возможность – не гарантию, а реальную возможность – построить лучшую жизнь.

«*I meet them everywhere I go, young people involved in the project of American renewal; not only those who have signed up to fight for our country in distant lands, but those who are fighting for a better America here at home, by teaching in underserved schools, or caring for the sick in understaffed hospitals, or promoting more sustainable energy policies in their local communities*» [3]. Я встречаю их везде, куда иду, молодых людей, которые участвуют в программе обновления Америки; не только тех, кто воюет за нашу страну в дальних странах, но и тех, кто борется за будущее Америки здесь, дома, работая в малобюджетных школах, или заботясь о больных в госпиталях с недостатком рабочих рук, или пропагандируя улучшения в политике, энергетике, в своих общинах.

Как видно из приведенных примеров, национально-культурные ценности американского общества прослеживаются в языке публичных выступлений Дж. Кеннеди, Б. Клинтона и Б. Обамы и являются характерными признаками данного лингвокультурного сообщества. Американские политические риторики акцентируют внимание на необходимости изменений, которые приводят к успеху; поддерживают равенство индивидов и встают на защиту прав человека, что четко прослеживается в текстах их речей.

Литература

1. Сальникова Н. В. Национально-культурная риторика политического дискурса (на материале публичных выступлений Р. Рейгана и М. С. Горбачева): дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь: СГУ, 2011. 224 с.
2. Obama Inaugural Address 20th January 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://obamaspeeches.com/P-Obama-Inaugural-Speech-Inauguration.htm> (Дата обращения: 21.01.2016).
3. The Full Text of President Obama's 2015 State of the Union [Электронный ресурс] // Time Jan. 20, 2015. URL: <http://time.com/3675705/full-text-state-union-2015/> (Дата обращения: 21.01.2016).
4. Clinton B. First Inaugural Address. 1993. January 20 [Электронный ресурс]. URL: <http://millercenter.org/president/speeches/detail/3434> (Дата обращения: 21.01.2016).
5. Kennedy J. Inaugural Address. 1961. January 20 [Электронный ресурс]. URL: <http://millercenter.org/president/speeches/detail/3365>. (Дата обращения: 21.01.2016).
6. Steele E. D. and Redding W.C. The American Value System: Premises for Persuasion, Western Speech [Электронный ресурс]. URL: http://www.changingminds.org/explanations/values/american_values.htm (Дата обращения: 21.01.2016).

УДК 81:39

П. В. Пантюхова, И. С. Решетова

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-ЭТНОНИМЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫКОВОГО КОДА В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются фразеологические единицы английского языка, содержащие этнонимический компонент. Ставится задача выявить, рассмотреть и проанализировать фразеологизмы-этнонимы, обладающие языковым кодом в лексико-семантическом

пространстве английского языка, с целью определения национально-культурной специфики этноса.

Ключевые слова: фразеологизмы-этнонимы, языковой код, английский язык, лексико-семантическое пространство.

P. V. Pantukhova, I. S. Reshetova

EVALUATION FUNCTION OF THE ENGLISH-LANGUAGE BORROWINGS IN THE MODERN LANGUAGE PERIOD

The article deals with phraseological units of the English language with ethnonym component. To determine national and cultural particularity of the English ethnic group we distinguish and analyse phraseological units with ethnonym component which have a

language code in the lexico-semantic sphere of the language.

Key words: phraseological units with ethnonym component, language code, English language, lexico-semantic sphere.

Исследования языковых процессов в свете антропологической парадигмы приобретают в последнее время все большую актуальность. Современная лингвистика уделяет повышенное внимание коммуникативной деятельности с учетом человеческого фактора, включая языковую личность с его сознанием, мышлением и духовным миром в описании языковых механизмов.

Анализ этнонимов в составе фразеологических единиц (ФЕ) дает существенные результаты в выявлении языкового кода в лексико-семантическом пространстве языка и национального образа мира в лингвокультуре в силу того, что наиболее рельефно отражают национально-культурную специфику этносов и представляют собой антропологический код лингвокультуры. С целью выявления элементов языкового кода в лексико-семантическом пространстве английского языка и установления специфики национального образа мира англичан нами проведен анализ английских фразеологизмов-этнонимов, предугирующих определенные качества той или иной нации и народу.

Рассмотрев семантические структуры 106 английских фразеологизмов-этнонимов,

обладающих языковым кодом, мы зафиксировали больше всего ФЕ с этнонимными компонентами «*Dutch*» – голландский, «*Chinese*» – китайский, «*Indian*» – индийский, «*Irish*» – ирландский, «*American*» – американский и «*French*» – французский. Другие этнонимные компоненты также встречаются в составе фразеологизмов, однако они немногочисленны. Это такие компоненты как «*Greek*», «*Jew*», «*Scotch*», «*Spanish*», «*Arab*», «*German*», «*Italian*», «*Ethiopian*», «*Norwegian*», «*Swiss*», «*Tartar*», «*British*». Рассмотрим некоторые из них.

Во фразеологические словари включены 16 ФЕ, отражающие только отрицательные качества этнонима «*Chinese*»:

- 1) *Chinese accounting* – подтасовка цифр, фальшивое счетоводство;
- 2) *Chinese attack* – ложное, демонстративное наступление;
- 3) *Chinese copy* – китайская подделка;
- 4) *Chinese whispers* – «испорченный телефон»;
- 5) *Chinese compliment* – притворное внимание;
- 6) *Chinese puzzle* – неразрешимая загадка;

7) *Chinaman's nightmare* – хаос, буря смешанных чувств;

8) *Chinese landing* – посадка на одно колесо;

9) *Chinese ace* – некомпетентный пилот;

10) *Chinese home run* – baseball slang, a home run gained with little skill, by chance;

11) *Chinese basket* – basketball slang, a shot that enters the basket from the bottom of the cylinder before dropping back through;

12) *Chinese fire drill* – суматоха, полный беспорядок;

13) *Chinese tobacco* – опиум;

14) *China white* – сильный синтетический наркотик;

15) *to play someone for a Chinaman* – обращаться как с дураком;

16) *to have a Chinaman's chance* – очень маленький шанс [1].

Во ФЕ 1–5 внимание акцентируется на таком отрицательном качестве, как ложный, искусственный, поддельный. Во ФЕ 6–7 китайской культуре приписывается запутанность, неразборчивость, парадоксальность. ФЕ 8–12 свидетельствуют о бытующем мнении, согласно которому китайцы не обладают должным профессионализмом. Помимо неодобряемых моральных качеств, иностранцу приписывается склонность к разнообразным человеческим порокам, таким как употребление наркотических средств – ФЕ 13–14. Во ФЕ 15 описываемая нация рассматривается как неуклюжая, несообразительная, обладающая низким уровнем интеллекта. ФЕ 16 свидетельствует о том, что из-за вышеперечисленных качеств чужаки вынуждены жить в бедности и иметь низкий социальный статус, оставаться неудачниками, нежеланными гостями в обществе.

Во фразеологические словари включено 12 ФЕ, 11 из которых отражают отрицательные качества этнонима «*Indian*» и один нейтральный фразеологизм:

1) *to get one's Indian/Irish/Dutch up* – to display extreme anger, rage, to become violent;

2) *Indian gift* – a present for which an equivalent return is expected; a gift that is given and then asked for back;

3) *Indian list (informal, in Canada)* – a list of persons to whom spirits may not be sold;

4) *to see Indians* – to become intoxicated, drunk;

5) *play/do the sober Indian* – to abstain from drinking in a company engaging in drinking liquor;

6) *Indian hay/grass* – slang, marijuana, «weed»;

7) *Indian meal* – simple corn meal;

8) *good Indian* – joc., obs., dead Indian;

9) *Indian sign* – a magic spell designed to place the victim in one's power or bring him bad luck;

10) *to hang an Indian sign on someone* – to get the better of, to leave marks of battle upon;

11) *a wooden Indian* – человек с непроницаемым лицом, молчаливый и замкнутый человек;

12) *Indian Summer* – бабье лето [2].

ФЕ 1 показывает индийцев с негативной стороны как гневливых и раздражительных людей. ФЕ 2–3 свидетельствуют о бытующем мнении, что эта нация делает все только ради своей выгоды. Во ФЕ 4–7 очевидно восприятие индийцев как нации, невоздержанной в принятии алкоголя и наркотических веществ и в целом – отношение к ним как к людям второго сорта. ФЕ 8 также отражает негативное отношение к данному этносу. ФЕ 9–10 акцентирует внимание на том факте, что индийцы известны не только своими знаниями в медицине, но также сведущи в магии и заклинаниях. ФЕ 12 также свидетельствует о существовании стереотипов, касающихся характера индийцев. ФЕ 12 свидетельствует о жарком климате в Индии.

Во фразеологические словари включено 11 ФЕ, отражающих только отрицательные качества этнонима «*Irish*»:

1) *to get one's Irish up* – to display extreme anger, rage, to become violent [3];

2) *to arouse smb's Irish* – разгневать;

3) *to weep Irish* – проливать крокодильевы слезы [1];

4) *Irish button* – slang, syphilis;

5) *Irish spoon* – a synonym for being raped, usually violently from behind by a drunk Irishman;

6) *Irish Lottery* – having sex without a condom or other form of birth control;

7) *Irish hint* – a very broad, obvious hint;

8) *Irish hoist* – coll., obs., an awkward fall;

9) *Irish lemons* – coll., a fake copy;

10) *Irish pendant* – Naut., a piece of rope hanging loose;

11) *Irishman's hurricane* – Naut., dead calm [2].

Во ФЕ 1–3 ирландцы предстают как эмоциональная нация, подверженная вспышкам раздражения, гнева или бурным прояв-

ниям радости. ФЕ 4–6 отражает сексуальную раскованность данной нации и в некоторой степени невоздержанность. ФЕ 7–11 носят характер чего-то неправильного, ложного, в связи с чем, ирландскому народу приписываются такие черты как неловкость, парадоксальность и т. д. ФЕ 3 указывает на неискренность ирландцев.

Во фразеологические словари включены 6 ФЕ, 5 из которых отражают отрицательные качества этнонима «**French**», а 1 имеет положительное значение:

- 1) *French leave* – уйти не попросившись; распорядиться не своими вещами;
- 2) *French furlough* – отсутствие в части без разрешения и ведома; офицерского состава;
- 3) *Excuse my French* – простите мой французский;
- 4) *French postcard* – непристойная открытка;
- 5) *French letter* – slang, а condom;
- 6) *French politeness* – французская вежливость;
- 7) *French pleat/roll* – женская прическа, когда волосы уложены на затылке в пучок цилиндрической формы;
- 8) *French seam* – шов, при котором края материала аккуратно скрыты;
- 9) *French toast* – французский тост [1].

ФЕ 1–4 акцентируют внимание на таких отрицательных качествах, как грубость, невежливость. Такое представление, как правило, связано с незнанием иностранцами принятых правил этикета. ФЕ 5 отражает склонность к разнообразным человеческим порокам, например, сексуальной невоздержанности. ФЕ 6 свидетельствует о природной вежливости и утонченности французов. ФЕ 7–9 не несут в себе отрицательного или положительного значения, так как не отражают отношения к другой культуре, а лишь описывают явления, присущие французской культуре в сфере кухни и моды.

Фразеологизмы с другими этнонимами компонентами не так многочисленны, но мы зафиксировали, что они отражают либо отрицательные качества иностранцев, либо ироничное отношение к их традициям и образу жизни.

Во фразеологических словарях зафиксированы 6 ФЕ, из которых 4 ФЕ отражают отрицательные качества этнонима «**Greek**», а 2 имеют положительную коннотацию:

- 1) *It is a case of Greek meeting Greek* – схватка равных;
- 2) *When Greek meets Greek (then comes the tug of war)* – когда встречаются достойные соперники, большого сражения не миновать;
- 3) *At/on the Greek calends* – «до греческих календ», никогда;
- 4) *Beware of Greeks bearing gifts* – не доверяй врагам;
- 5) *Merry/mad Greek* – весельчак, веселый собутыльник, гуляка;
- 6) *It is a Greek to me* – совершенно непонятно [1].

Данные фразеологизмы показывают отношение к грекам как к воинственной нации, так как история Греции богата рассказами о различных сражениях. Так ФЕ 1–2 отражают отношение к грекам как к достойным воинам. ФЕ 3–4 отсылают нас к легенде о Троянском коне и таким образом греки воспринимаются как люди, способные на обман или хитрость. Также ФЕ 5 свидетельствует о том, что греки воспринимаются как веселые, любящие шумно погулять люди. ФЕ 6 показывает, что для англоговорящих людей греческая культура является чем-то чужим и непонятным.

Из фразеологических словарей нами были отобраны 4 ФЕ, содержащие в себе этнонимный компонент «**Jew**», предвещающие только отрицательные качества данной нации:

- 1) *The wandering Jew* – вечный скиталец;
- 2) *Jew's eye* – скровище; то, чем действительно следует дорожить;
- 3) *Jew-bail* – недостаточное поручительство, недостаточный залог;
- 4) *Tell it to the Jews* – расскажи кому другому [2].

ФЕ 1 показывает историческую традицию евреев совершать паломничества. ФЕ 2 отражает бережливость евреев. ФЕ 3–4 указывает на стереотип о ненадежности и хитрости еврейской нации.

Во фразеологических словарях зафиксированы 4 ФЕ, отражающие только отрицательные качества этнонима «**Scotch**»:

- 1) *Scotch answer* – ответ в форме вопроса;
- 2) *To go Scott* – выйти сухим из воды;
- 3) *A Scotch marriage* – шотландский брак без соблюдения формальностей;
- 4) *Scotty* – сердитый, злой, взбешенный [1].

ФЕ 1–3 отражают такие отрицательные качества, как стремление обойти правила, увильнуть от ответа и всячески схитрить.

ФЕ 4 показывает шотландцев как вспыльчивых, раздражительных людей.

Во фразеологических словарях зафиксированы 4 ФЕ, характеризующие этноним «*Spanish*», 2 из которых имеют положительную коннотацию:

1) *Spanish money* – одни только слова;

2) *To walk Spanish* – вести, взяв за шиворот [1];

3) *Spanish Eyes* – dark, sexy eyes that Hispanic women have.

4) *Spanish lover* – refer to that South-European guys that are quite good with women [3].

ФЕ 1 отражает отношение к испанцам как к несерьезным людям, способным много говорить не по делу. ФЕ 2 показывает, что испанцы очень темпераментны и вспыльчивы. ФЕ 3–4 свидетельствуют о существующих стереотипах, касающихся испанской внешности и испанского поведения по отношению к противоположному полу.

Во фразеологических словарях мы зафиксировали 2 ФЕ, отражающие только отрицательные качества этнонима «*Arab*»:

1) *the Arab of the gutter* – уличный мальчишка, дитя улицы, беспризорник;

2) *Arab crime* – A slang term for marijuana, due to how it always gets you stoned [1].

Данные фразеологизмы показывают, что эта нация, по сложившемуся мнению, склонна к злоупотреблению наркотиками, и это в целом отражает негативное отношение к арабам.

В ходе нашего исследования были зафиксированы 3 ФЕ, отражающие качества этнонима «*Italian*»:

1) *Italian briefcase* – a large paper shopping bag.

2) *Italian doorbell* – when you don't feel like getting out of the car to ring a doorbell because you're Italian and lazy, so you just toot the horn twice and hope for a response.

3) *Italian mother* – a woman of Italian heritage who has 3 or more kids, each with no less than 9 names each (not including the surname). Usually tries to force feed everyone who walks through the door of her house, exclaiming how they don't eat well at home and look too thin [2].

ФЕ 1 показывает, что итальянцы любят ходить за покупками. ФЕ 2 отражает такую негативную черту итальянцев, как лень, а ФЕ 3 указывает на противоположную черту итальянского характера – чрезмерную активность и эмоциональность.

Во фразеологических словарях мы зафиксировали 2 ФЕ, отражающие только отрицательные качества этнонима «*Turk*»:

1) *To turn/become Turk* – стать раздражительным, высокомерным, жестоким;

2) *Little/young Turk* – непослушный ребенок [1].

Во фразеологические словари включен 1 этноним с компонентом «*German*»:

German goiter – joc., slang, a fat belly caused by excessive beer drinking [2].

Данный этноним отражает любовь немцев к пиву, которая известна по всему миру.

Во фразеологические словари включен 1 этноним с компонентом «*Ethiopian*»:

Can the Ethiopian change his skin? – горбатого могила исправит [1];

ФЕ акцентирует внимание на том, темнокорый человек ничего не сможет сделать для изменения цвета кожи.

Во фразеологические словари включен 1 этноним с компонентом «*Norwegian*», отражающий уважительное отношение к скандинавским народам:

Norwegian – completely incredibly person who's mental capacities far beyond that of any other human. A person who is intellectual, funny, pretty, social, but still isn't bragging about it [3].

Во фразеологические словари включен 1 этноним с компонентом «*Tartar*», имеющий отрицательное значение:

To catch a Tartar – найти неожиданные неприятности [1].

Во фразеологические словари включен 1 этноним с компонентом «*Swiss*», имеющий отрицательное значение:

More holes than Swiss cheese [3].

Во фразеологические словари включен 1 этноним с компонентом «*British*»:

British treasure note – одеяло (воен. жаргон) [1].

Здесь прилагательное «британский» носит значение «большой», «грандиозный». Видимо, основанием для возникновения этого фразеологизма послужил большой размер британских банкнот.

Таким образом, анализ фразеологических единиц английского языка, показал, что чужаки (иностранцы) чаще всего воспринимаются как обладатели отрицательных качеств.

Литература

1. Большой англо-русский словарь: в 2 томах / Н. Н. Амосова, Ю.Д. Апресян, И. Р. Гальперин и др.; под ред. И. Р. Гальперина. М.: Рус. яз., 1977. 828 с.
2. The world's leading digital dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.reference.com>. (Дата обращения: 21.01.2016).
3. Переводческий портал WordReference.com. URL: <http://www.wordreference.com>. (Дата обращения: 21.01.2016).

УДК 63.3

Е. К. Русанов

ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС В ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЕ

В статье представлено рассмотрение компьютерного дискурса в рамках глобальной дискурсивной системы, его отличия от других видов дискурса, а также особенностей, обу-

словленных использованием электронного канала общения.

Ключевые слова: дискурс, интернет, коммуникация, общение, виртуальность.

E. K. Rusanov

INTERNET-DISDISCOURSE IN DISDISCOURSE PARADIGM

The article represents the analysis of computer-based discourse within the frame of global discourse system, its differences from other types of discourse and peculiarities

preconditioned by electronic communication channel.

Key words: discourse, internet, communication, contact, virtuality.

Возникновение и стремительное развитие информационных технологий и, в большей степени, появление интернета привели к заметным изменениям в языковой среде. Они столь масштабны и глобальны, что некоторые лингвисты говорят о возникновении сетевого, или электронного языка. Английский лингвист Д. Кристалл в книге «Языковая революция» одним из важнейших факторов, которые привели к революционным преобразованиям в языке, назвал именно возникновение Интернета [10].

в последнее время неразрывно связана со всем сторонами жизни людей. Интернет – это не только массивный и удобный источник информации, но и наиболее популярное средство коммуникации. Изменения в языке под влиянием интернета происходят на различных языковых уровнях.

На современном этапе развития языкознания одной из наиболее актуальных областей лингвистики становится изучение особенностей коммуникации в интернете. Возрастающая роль интернета в социальной интеракции заставляет лингвистов обратить внимание на особенности языкового общения в этой компьютерной сети. Мировая информационная компьютерная сеть, изначально создававшаяся лишь для информационных целей, в связи с глобализацией и экспонентным увеличением числа пользователей стала

Современная лингвистика обращается к любому языковому материалу как части определенного дискурса. Тексты, функционирующие в интернете, не являются исключением, т. е. составляют интернет-дискурс со своими правилами речевого поведения.

В данной статье мы рассматриваем место интернет-дискурса в дискурсивной парадигме, а также его коммуникативно-прагматические особенности.

Под интернет-дискурсом в данной работе мы подразумеваем лингвистическую категорию, сочетающую в себе признаки лично-ориентированного и статусно ориентированного дискурса, т. к. интернет-коммуникация может быть либо лично-ориентированной (переписка по электронной

почте), либо статусно ориентированной (конференции с разнообразным тематическим наполнением: наука, медицина, политика, развлечения и др.). Таким образом, исходя из определения Е. Н. Галичкиной, мы определяем интернет-дискурс как «совокупность текстов, реализованных в искусственно созданном коммуникативном пространстве, предполагающем дистантное интерактивное общение виртуальных коммуникантов» [3, с. 56]. Интернет-дискурс содержит в себе признаки всех видов институционального дискурса, но, по сути, не может в полной мере отождествлен с каким-либо из них: практически все типы институционального дискурса находят отражение в жанрах интернет-коммуникации.

Интернет-коммуникация встраивается в многомерное общение, которое осуществляется средствами массовой информации. Однако там, где массовая информация представляет собой общение социально фиксированного адресанта сообщения и неопределенного адресата, что является основанием причисления масс-медиа к типам институционального дискурса, интернет-дискурс подразумевает также и возможность общения и взаимодействия участников дискурса. Следовательно, контрастирование институционального и личного дискурса в случае с интернет-коммуникациями является нерелевантным [2, с. 33].

Являясь искусственно созданной коммуникативной средой, интернет-дискурс условен и не имеет временных и пространственных границ. Благодаря подобным свойствам, появляется возможность для общения двух и более собеседников в единый момент времени из любых точек мира, что вызывает «размывание» государственных, национальных, экономических, политических и культурных границ. Виртуальное пространство, таким образом, реорганизуется и предстает в виде множества сетевых образований, где «собираются» участники интернет-дискурса – чаты, форумы, социальные сети и т. д.

В интернет-дискурсе языком общения зачастую выступает английский. В этом случае огромное значение, по нашему мнению, имеет интернациональность аудитории. Ведь для одних пользователей английский является родным языком, для других же – вторым языком, языком-посредником. Конечно же, общение в интернете представлено на всех языках,

однако именно на английском «говорит» интегральная часть интернет-пользователей. Таким образом, общепризнанным «фаворитом» интернет-общения, несомненно, является английский язык, в связи с чем пользователи, не владеющие им, по сути, лишены львиной доли огромных массивов информации, представленной в глобальной сети.

Специфической характеристикой интернет-дискурса является использование особого рода сигналов – электронных сигналов коммуникации. Интернет-коммуникация открывает новое измерение в человеческом общении, что обусловливается такими техническими характеристиками современных компьютеров или устройств с доступом к интернету, как возможность хранения и быстрой передачи большого объема информации, использование аудио- и видеоканалов общения, а также общение в режиме «онлайн», а именно в непосредственном линейном контакте с адресатом [3, с. 55].

На основании утверждения системного характера каждого из видов дискурса можно заключить, что интернет-дискурс обладает специфическими системообразующими и конститутивными характеристиками, являясь составным элементом дискурсивной парадигмы.

Следующие характеристики дискурса, в частности интернет-дискурса, являются конститутивными: участники общения, стили, жанры, сферы и формы общения, коммуникативная среда, временные и пространственные условия коммуникации, функции, мотивы, цели, стратегии, канал, режим, тональность, общения; тексты с невербальными включениями и т. д. [5, с. 5].

Участниками интернет-коммуникации выступают не только обычные пользователи, в сфере интересов которых присутствуют сплошь обыденные вопросы и проблемы, зачастую в общение включаются образованные люди с высшим образованием. В связи с этим выбор жанра интернет-коммуникации зависит от образовательного статуса ее участников. Например, дискуссии (аргументированные) по различным вопросам в рамках компьютерной конференции по научной тематике требуют определенного уровня эрудированности, осведомленности в проблематике.

В большинстве жанров интернет-коммуникации (чаты, форумы, Skype, WhatsApp, Viber и др.) можно проследить принципиаль-

ное равенство все коммуникантов, а в компьютерных конференциях все же можно заметить проявления статусного неравноправия.

Адресат коммуникации может быть либо конкретным, либо усредненным или неопределенно-абстрактным. Особенность интернет-дискурса заключается в том, что этот неопределенно-абстрактный адресат, участвующий в коммуникации, имеет возможность в любой момент деанонимизироваться. Помимо этого, в интернет-коммуникации можно выделить дополнительного участника общения (третья сторона), который занимает пассивную позицию, т. е. видит, воспринимает сообщения, но не участвует). Таким образом, специфика интернет-общения сводится, помимо прочего, к высокой степени его прозрачности и проницаемости, под которой понимается то, что адресатом, участником такой коммуникации может оказаться кто угодно.

В своей основе интернет-коммуникация – это виртуальное общение. Поэтому следует остановиться на рассмотрении соотношении актуального и виртуального. Коммуникация может осуществляться как с известными, так и неизвестными людьми. Реальное или актуальное общение – общение с реальными людьми (по телефону, в письмах и т. д.), с другой стороны, виртуальное – это общение с неопределенным человеком или группой лиц, с неизвестными, или воображаемыми, собеседниками. Такой тип коммуникации дополняет действительность и происходит в сознании человека, т. е. пересекается с понятием «субъективный», с точки зрения ощущения индивидуума, так как ощущения всегда субъективны. Но, как ранее упоминалось, в процессе интернет-общения неизвестный собеседник может стать известным отправителю речи, в таком случае виртуальное общение станет актуальным [1, с. 79].

С точки зрения таких характеристик дискурса, как его ситуации и участники, интернет-коммуникация является сложной комбинацией дискурсов: передача личной почты (бытовой дискурс), официальный обмен и запрос информации (деловой дискурс), обсуждение научных вопросов в группах новостей или конференциях (научный дискурс), рекламные баннеры и сайты (рекламный дискурс) и т. д. Интернет-дискурс содержит в себе признаки всех видов институционального дискурса, но полностью не принадлежит ни к какому из

них: практически все типы институционального дискурса находят отражение в жанрах интернет-коммуникации.

В понятие «интернет-дискурс» входят не только тексты об интернете, устройствах, имеющих доступ к глобальной компьютерной сети. Интернет-дискурс – это прежде всего общение, которое затрагивает тематические поля самого разнообразного спектра проблематик, например, философия, спорт, религия, медицина, физика, музыка, мода и т. д.

Интернет-коммуникация отличается многогранностью, сочетая признаки, свойственные другим видам коммуникации. По масштабности интернет-коммуникация имеет в себе черты массовой, даже превосходя ее (общение со всем миром), внутрличностной (общение между пользователем и компьютером) и групповой (общение в группах, чатах, форумах) [6, с. 56].

В отношении временного фактора интернет-коммуникации длительность коммуникативного процесса может быть краткосрочным (проверка электронной почты, получения сообщения), а также длительным и неограниченным по времени (участие в прямых трансляциях, стримах, конференциях).

С точки зрения способа контакта интернет-общение представляет опосредованную коммуникацию, так как осуществляется с помощью технического средства (компьютера, планшета, телефона).

Относительно канала передачи и восприятия информации интернет-коммуникация делится на актуальную (общение с реальными людьми, знакомыми) и виртуальную (анонимное общение с неизвестными, воображаемыми собеседниками).

Жанры в Интернет-дискурсе можно выделить на основании естественно сложившихся форм общения. Наиболее очевидным является разделение жанров на несколько пар: устные (конференции и форумы) и письменные (новостные сайты); диалогические (конференции, чаты и форумы) и монологические (статьи, выпуски новостей и пр.); публичные (ориентированные на массового адресата (новостные сайты, форумы, конференции) и непубличные (электронная почта и чаты).

Основные функции интернет-дискурса, в которых заключается его прагматический потенциал, а также определяющий основные его цели, можно свести к следующим:

информативная, коммуникативная, репрезентативная, воздействующая, аттрактивная, персуазивная, суггестивная, манипулятивная [9, с. 20].

При устном общении наряду с языковыми средствами общения используются и невербальные средства (мимика, жестикуляция, сопровождающие речь действия и молчание (игнорирование) как способ коммуникации). Поскольку интернет-общение в основе своей все же осуществляется в письменном (печатном) виде, в переписках зачастую применяются различные знаки (курсив, шрифтовое, рамочное выделение и др.).

В последнее время отмечается стремительное движение от текстов буквенных к текстам, включающим видео- и аудиоэлементы. Мы также можем говорить и о текстовых вставках, существующих благодаря развитию креолизованных текстов. Креолизованные тексты включают в себя собственно буквенные, образно-зрительные и образно-слуховые компоненты. Креолизованный текст имеет дополнения трех типов: картинки, аудио- и видеовставки [8, с. 166].

Участвуя в компьютерной коммуникации, необходимо знать о том, что здесь, как и в любом общении, действуют определенные этические правила и нормы поведения, без

соблюдения которых невозможны понимание и взаимодействие людей.

Этика в широком смысле слова представляет собой совокупность принципов человеческого поведения. Компьютерная этика – это совокупность принципов и правил поведения людей, общающихся в компьютерной среде [7, с. 9].

В качестве основных коммуникативно-прагматических признаков интернет-дискурса выделяются следующие: наличие электронного канала общения; виртуальность; дистантность; проницаемость; наличие гипертекста; креолизованность; опосредованность, статусное равноправие участников; наличием специфической компьютерной этики.

Указанные характеристики определяют специфичность общения в рамках интернет-дискурса и отличают его от других коммуникационных сред.

Таким образом, мы можем заключить, что характерные особенности интернет-дискурса носят весьма многогранный характер, закрепляя за ним уникальное место в системе дискурсов, в силу не только жанрового, функционального и стилистического разнообразия его текстовых и прочих воплощений, но и целого ряда коммуникативных и технических особенностей электронной среды его существования.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1979. 608 с.
2. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: На материале жанра компьютерных конференций: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань: АГПУ, 2001. 212 с.
3. Галичкина Е. Н. Характеристики компьютерного дискурса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 10. С. 55–59.
4. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
5. Карасик В. И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2000. С. 25–33.
6. Овчарова К. В. Компьютерные чаты в Интернет-коммуникации: содержание и особенности функционирования: дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар: КГУ, 2008. 240 с.
7. Солоницына А. А. Профессиональная этика и этикет. Учебник. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2005. 200 с.
8. Сорокин Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия / Ю. А. Сорокин, Н.А. Безменова, В.П. Белянин, Н.Н. Богомолова и др.: отв. ред. Р. Г. Котов. М.: Наука, 1990. С. 166–188.
9. Стернин И. А. Практическая риторика как предмет исследования // Речевое общение. Специализир. Вестник-Красноярск. 2000. Вып.2 (10). С. 19–27.
10. Горошко Е. И. Электронная коммуникация (гендерный анализ) // Общение, языковое сознание и межкультурная коммуникация. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?ald=42> (Дата обращения: 21.01.2016).

УДК 81-11

Е. В. Яковлева

ДЕСЕМАНТИЗАЦИЯ КАК БАЗОВЫЙ ПРИНЦИП ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОТИВНОГО НАЧАЛА МЕЖДОМЕТНЫХ И РЕЛЯТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

В настоящем исследовании проводится анализ десемантизации как базового принципа пополнения состава междометных и релятивных конструкций в системе языка. В статье описываются также способы появления эмотивных обертонов в значении в результате включения, как полнозначных лексем, так и уже существующих релятивов

в новый неузуальный контекст, базой для подобного включения служит вариативность структуры смысла и широкие сочетаемостные возможности.

Ключевые слова: десемантизация, релятивы и междометия, синтагматическая и парадигматическая сочетаемость, эмотивно-оценочный смысл, функциональный смысл.

E. V. Yakovleva

DESEMANTIZATION AS THE BASIC PRINCIPLE OF VERBALIZING THE EMOTIVE ORIGIN OF INTERJECTION AND RELATIVE CONSTRUCTIONS

The study presents the analysis of desemantization as the basic principle of expanding interjection and relative constructions in the language system. The article highlights the ways for emergence of emotive overtones in meaning resulting from embedding of both meaningful lexemes and the existing relative constructions in a new non-usual context. The

variety of sense structure and wide compatibility recourses serve the base for such kind of embedding.

Key words: desemantization, relative and interjection constructions, syntagmatic and paradigmatic compatibility, emotive-axiological sense, functional sense.

Междометные и релятивные конструкции, вербализующие особую эмотивную составляющую в текстах различных функциональных стилей, представляются комплексными, организованными этноспецифическими, культурологическими структурами. Их глубинная нозматическая и семантическая структура обуславливается не только общечеловеческими универсальными и этноспецифическими аксиологическими установками, социально-историческим опытом, но и личностными мотивами при вербализации эмоционально-ценностной системы автора или же той или иной социальной группы (любого объединения, использующего конкретный культурно-эмотивный код).

Важная семантическая черта междометий – обобщенность вербализуемой ими внутренней эмотивно-аксиологической формы, общий ядерный смысл которой полностью репрезентируется также в окружающем

горизонтальном контексте, а также авторских реминисценциях и невербальных знаках семиозиса. Именно поэтому демаркационная и дефиниционная роль горизонтального и вертикального контекстов становится определяющей, зачастую только данные средства дают возможность делимитации междометных и релятивных конструкций в ряду других лексем, кроме того они позволяют определить ядерное значение и актуализированный смысл, вербализуемый в каждом конкретном речевом акте, ведь большинство как первичных междометий, так и десемантизированных релятивных конструкций имеет сложный многомерный смысл. Именно актуализация и вербализация одного из оттенков имманентно присущего смысла в структуре генерализованного значения выступает на первый план в контексте, а значит и сама структура многомерного смысла подвергается трансформации, «...в первую очередь это трансформации,

строящиеся на ноэматической рефлексии, интуитивном восприятии имманентного многогранного смысла, для восприятия текста, и феноменологической рефлексии для повторного распределения и создания ментальных конструкций» [5, с. 28].

Достаточно давно идет спор о междометных и релятивных конструкциях – являются ли они языковыми знаками, или же отнесение данных конструкций к знакам языка достаточно условно, и следует причислить их скорее к знакам речевым. Прежде всего, это подтверждается различиями в смысловом содержании, глубинной смысловой структуре, внешне подобных, сопоставимых по своей фонетической структуре междометных образований в различающихся лингвокультурах. Например, подобие как этимологическое, так и фонетическое с характерологическими системными фонетическими различиями английских и русских первичных междометий английского *oh* – дифтонга по фонетическому составу и русского *о* – монофтонга среднего ряда, или английского *ah* заднеязычного глубокого в артикуляционном плане от русского *а!* – среднеязычного, хотя в основе того и другого лежат одни эмотивные рефлекторные выкрики. Рефлекторные выкрики подвергаются мутации смысла на первом этапе на луче ноэматической рефлексии, в отличие от релятивных конструкций, в которых наблюдается другие трансформации смысла уже на луче феноменологической рефлексии, «ноэматическая и феноменологическая рефлексии, осуществляемые в рамках филологической феноменологической герменевтики, направлены на максимальную экспликацию квантовых мутаций смысла неязыкового характера, аккумулярованных как в обшемыслительном, лингвокультурном, так и в личностном пространстве» [5, с. 29].

Невозможно отрицать прямую генетическую связь всех вторичных междометий с полнозначными лексемами различных частей (*boy, Jesus, come, dear, God, my, there, why* и др.), которые, подвергаясь различным трансформациям суперструктуры смысла, постепенно приобрели функцию вербализаторов эмотивно-апеллятивно-волеутивных импульсов продуцента высказывания. Однако по причине совместного параллельного употребления в речевой практике, как полнозначных лексем, так и десемантизированных релятив-

ных конструкций и вторичных междометий, главным условием их делимитации могут выступать лишь совокупность их характерологических семантико-грамматических признаков и ноэматический компонентный состав.

Зачастую в диахронии можно проследить процесс расширения состава вторичных междометий и релятивов за счет процесса десемантизации не только полнозначных лексем, но и речевых единиц более высокого уровня, ставших единичными высказываниями или семантическими группами, которые, подвергаясь в основном трансформации модификации и переосмысления по механизмам десемантизации и генерализации, стали использоваться для вербализации эмоций (*for God's sake; dog blame it; I'll be dashed* и т. д.). В большинстве случаев подобные конструкции не являются застывшими в своем формальном составе и, сохраняя внутреннее семантическое единство, могут изменять компонентные лексемы, например, *God help us (heaven help me), dog blast it (dog it), I'll be dinged (I'll be dished)* и т. д., что происходит благодаря сохранению живых синтаксических связей. Такой процесс своеобразной «частеречной транспозиции» в широком смысле этого слова свидетельствует о постоянном употреблении как словосочетаний, так и целых предложений в междометной функции. Безусловно, расширение словарного состава этого разряда происходит в рамках процессов трансформации структуры смысла и переосмысления функционального компонента в угоду эмотивной сфере на базе механизмов десемантизации знаменательных частей речи, потерявших денотативное и номинативное значение и вошедших в сферу эмотивного. Теряя свое номинативное значение и генерализуя психоэмоциональное состояние в структуре своего значения благодаря частотному употреблению в качестве маркеров эмотивности, данные речевые единицы утратили непосредственную денотативную связь с ранее именуемыми объектами объективной и рефлексивной реальности и сохранили чисто пропозиционно-референциальную связь с внутренним состоянием продуцента к речевой ситуации. «Эмотивное переосмысление, утрата собственной денотации и приобретение способности указывать на новые элементы действительности, переход смысловой функции от одного денотата к другому, эмоциональное изменение слов или

форм, относящихся к знаменательным частям речи, а также перенос семантически значимой информации – вот несколько объяснений, предлагаемых исследователями» [1, с. 41].

Релятивы – это особый пласт со входящими в него видами междометий, звукоподражаний, междометных звукоподражательных глаголов и полнозначных слов, которые являются осознанными условно языковыми знаками и, безусловно, речевыми знаками (маркерами эмотивности), воспринимаемыми на уровне нозматической рефлексии (интуитивно) всеми членами одного лингвокультурного сообщества. Данные знаки речи обуславливаются эмотивной ситуацией семиозиса, с дальнейшей операцией генерализации вербализуемого ими глубинного семантического содержания эмотивно-аксиологических, апеллятивно-волюнтативных и интеллективно-хезитативных обертонов смысла. В эмотивно-организованной речи особого типа текста фонетические сочетания, происходящие из рефлекторных выкриков или же десемантизированных полнозначных лексем, выполняют метасемиотические функции для реализации обертонов эмотивно-эмоционально-эстетически-аксиологических смыслов. Однако необходимо отметить, что «в данном случае при интерпретации невозможно довольствоваться лишь горизонтальным контекстом и нозматической рефлексией» [3, с. 169], так как эмотивно-оценочное значение «конкретного элемента существует лишь при наличии других элементов системы (общего структурированного ряда)» [3, с. 167], парадигматические связи в системе релятивных конструкций каждой конкретной лингвокультуры являются определяющими для возможностей десемантизации как базовой трансформации смысла в пополнении общего состава эмотивного поля междометной лексики.

Релятивные конструкции и междометия различных типов как с собственным эмотивным значением, так и с другими превалирующими компонентами значения (апеллятивным) являются по своей природе десемантизированными конструкциями или лексемами, общими именами с очень широким определенно-указательным значением, репрезентирующим чаще всего эмоциональное состояние коммуникантов или оценочно-валерные смыслы продуцента в отношении к ситуации семиозиса. В них заключено мак-

симальное, предельное эмоционально-оценочное, часто интуитивно воспроизводимое (на уровне нозматической рефлексии) суждение о фактах и феноменах как объективной, так и рефлексивной реальности, высшая эмотивность, что обуславливает их вхождение в состав языковых средств, репрезентирующих категорию эмотивности текста, и наделяет их универсальной способностью эксплицитно и имплицитно именовать отношение продуцента высказывания как к разнообразным явлениям и фактам окружающего мира, так и к постигаемым умом сущностям, не имеющим непосредственных связей с реалиями материального мира – «...ведь объективная реальность всегда дана нам только в преломлении через рефлексивную реальность, а потому рефлексивная деятельность – как нозматическая так и феноменологическая – являются наиважнейшими способами действия в производстве и интерпретации внутреннего содержания вербализованных» [4, с. 54].

Наличие как сигнификативного, так и денотативного компонентов в значении данных конструкций или отдельных лексем позволяет исследуемым нами речевым единицам быть весьма вариабельными и с успехом приспосабливаться к различным коммуникативным условиям, выступать некими своеобразными вербализаторами-оболочками, способными вмешать в себя самое разнообразное эмоциональное, апеллятивное и оценочное содержание в зависимости от иллокутивной цели и желаемого перлокутивного эффекта контркоммуникатов.

Очевидно, подобное разнообразие семантических обертонов в структуре значения может обуславливаться характерологическими признаками самих релятивных конструкций, формируемых различными лексическими и фразеологическими единицами: весьма обширные сочетаемостные возможности данной группы лексем, органично синтезирующих в структуре своих значений лексико-семантические признаки класса существительных и класса междометий; десемантизированный характер этих лексических единиц. Эти характеристики в процессе их функционирования в текстах и возможно большей встречаемости дают возможность создания все новых обертонов значения – эмотивного, апеллятивного, хезитативного, интеллективно-эмоционального, волюнтативно-итогового и т. д., при этом

«возможны два варианта закрепления отрефлектированного обертона смысла в сознании: предметно-денотативное и пропозиционально-референциальное. Именно второй путь запечатления смысла выстраивает рефлексивную реальность согласно актам интендирования» [4, с. 57], а значит, именно в пропозиционально-референциальном направлении и будет разворачиваться порождение новых вербализаторов в парадигме эмотивно-оценочного генерализованного образа.

В плане синтагматической организации данную группу эмотивно-оценочных и апеллятивных вербализаторов характеризуют широкие сочетаемостные возможности, обусловленные их десемантизированным характером. Широкий круг денотатов, могущий быть обозначенными рассматриваемыми конструкциями, обуславливает возможность их лексической сочетаемости:

- с различными разрядами местоимений (указательные, неопределенные, определительные);

- прилагательными (характеризуют отношение к определенной ситуации семантики, различные внутренние свойства, производимое впечатление, степень важности ин-

формации или объекта высказывания, общую положительную или отрицательную оценку, характеристики эмоционально оцениваемого феномена и др.);

- глаголами разнообразных лексико-тематических групп (выражают значение мысли, интеллектуального, эмоционального, физиологического состояния, речевого сообщения, бытия, восприятия, действия, нахождения или перемещения и др.).

Использование методики изучения релятивных и междометных конструкций с различными оттенками контекстуального значения, предложенное в данном исследовании, может быть применено к иным десемантизированным группам слов, обладающих ослабленной номинативной функцией и широким значением собственно указания на эмотивную и апеллятивную составляющую. Такого рода исследования помогут глубже понять специфику и развитие системы междометий и релятивов в различающихся лингвокультурах. Перспективы прикладного применения результатов исследования видятся в описании возможностей синтагматической сочетаемости данных конструкций и трансформационных изменений в структуре их смысла.

Литература

1. Андреева С. В. Просодическое варьирование английского междометия в разных функциональных стилях: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1999. 159 с.
2. Беляева Н. В. Психолингвистическое исследование понимания гипертекста // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Вып. № 44. Т.18. С. 83–87.
3. Бредихин С. Н. Трансляционные возможности символа и языковой игры: интерпретативное смыслопорождение // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. № 6. С. 167–170.
4. Бредихин С. Н. Константы интенциональности, субъективности и модальности в герменевтическом понимании смысла // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3 (44). С. 54–58.
5. Бредихин С. Н. Декодирование смысла в философском дискурсе: основные типы трансформаций суперструктуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9–1(27). С. 28–32.
6. Серебрякова С. В. Семантические параметры лексических единиц в языке и речи. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. 132 с.
7. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 208 с.
8. Andersen G. Pragmatic Markers and Sociolinguistic Variation: A Relevance-Theoretic Approach to the Language of Adolescents (Pragmatics and Beyond New Series). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. 356 p.

РЕЦЕНЗИИ

Колосовская Т. А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв. / под ред. А. А. Кудрявцева. М.: Изд-во Каллиграф, 2015. 240 с.

Проблемы строительства империй в настоящее время занимают видное место в отечественной и зарубежной историографии. Не является исключением в этом отношении история создания многонациональной и многоконфессиональной Российской империи, одним из ключевых звеньев бескрайней периферии которой стал Кавказ.

Процесс утверждения России на Кавказе, особенно в северной его части, отличался противоречивостью. К тому же события тех лет предельно политизированы и вызывают споры не только среди научного сообщества, но и у обычных читателей. Вместе с тем объективное освещение истории включения Северного Кавказа в общегосударственное российское пространство показывает, что русским властям пришлось серьезно поработать над формированием взаимоприемлемых механизмов интеграции. Не последнюю роль в этом сыграла русская армия как один из основных имперских институтов и инструмент российской политики в регионе.

В настоящее время, когда в некоторых изданиях русская армия на Северном Кавказе предстает исключительно в качестве инструмента разрушения и устрашения, обращение к позитивным примерам участия российских военных в установлении взаимопонимания с местными народами представляется весьма актуальным и востребованным. В этом отношении заслуживает внимания вышедшая в 2015 г. в свет научная монография кандидата исторических наук, доцента кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета Т. А. Колосовской.

Это научное издание стало итогом выполнения научного проекта РГНФ № 14-01-00251. Монография посвящена анализу вопросов участия военного ведомства Российской империи в культурном освоении Северного Кавказа как одной из вновь присоединенных территорий. Во главу угла повествования автор поставила человека: конкретных российских генералов и офицеров

Kolosovskaya T. A. The Russian military in the socio-cultural environment of the North Caucasus in XVIII–XIX centuries / edited by A. A. Kudryavtsev. M.: Kalligraf-print, 2015. 240 p.

среднего звена, на плечи которых было возложено изучение новой окраины России с целью понимания ее местной специфики и выработки гибкой политики в регионе, главным итогом которой стало, как известно, превращение Северного Кавказа в органичную часть Российской империи. Проблема раскрывается в широких хронологических рамках XVIII–XIX вв., что позволило автору проследить эволюцию направлений и форм социокультурной деятельности российских военных на Северном Кавказе: от первых описаний, через военно-разведывательное изучение к становлению научного кавказоведения и сохранению исторической памяти.

Книга хорошо структурирована. Ее главы последовательно знакомят читателя с формированием первых представлений о Северном Кавказе в XVIII – начале XIX вв. и ролью в этом процессе российских военных; с формами военно-разведывательного изучения Северного Кавказа в период Кавказской войны на примере организации военно-научных экспедиций, «скрытных обзрений» и военно-топографических исследований; с историей создания военно-статистических обзрений Кавказа офицерами Генерального штаба. При этом автор характеризует организационные основы военно-разведывательного исследования региона, выясняет, для каких целей и каким образом собирались военно-топографические и военно-статистические материалы, какое влияние это оказывало на мероприятия российского командования в регионе.

Несомненной заслугой автора является то, что она постаралась воссоздать комплексную историческую картину участия военного ведомства во всестороннем и планомерном изучении Северного Кавказа периода его интеграции в общегосударственное пространство Российской империи. Характеризуя военно-разведывательную и научно-исследовательскую деятельность отдельных российских военных, автор тем самым показывает,

что она осуществлялась не сама по себе, а в рамках разрабатываемых Военным министерством и Генеральным штабом программ. Не случайно большинство представленных в книге российских военных являлись офицерами Генерального штаба, одной из основных задач которых на Кавказе, помимо участия в боевой практике, являлось ознакомление с краем.

Отдельная глава монографии посвящена анализу влияния военно-разведывательного изучения на становление исторического кавказоведения и развитие мирных альтернатив завершения Кавказской войны. Не отрицая того факта, что армия прежде всего была инструментом силовой политики, автор показывает участие российского командования в формировании переговорного пространства в период Кавказской войны. Тем самым в книге акцентируется внимание на участии российских военных в создании условий для мирного сближения с народами региона. В этой связи хотелось бы пожелать Т. А. Колосовской продолжить разработку затронутой проблемы и на конкретных исторических примерах показать, как изучение Кавказа российскими военными «на месте», позволяло исправлять ошибки Петербурга. Богатый материал для этого, на наш взгляд, представляет творческое наследие по кавказской тематике военного министра Д. А. Милютин.

Большой интерес представляет заключительная глава книги, посвященная вопросам сохранения исторической памяти военного прошлого по материалам Военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа – тема, пока еще недостаточно изученная в современной исторической науке. Работа Военно-исторического отдела представлена в монографии на примере таких направлений его деятельности, как развитие полковой историографии истории кавказских частей, сохранение документального наследия военных архивов и создание Кавказского военно-исторического музея.

Рецензируемая работа отличается основательной источниковой базой. Финансовая поддержка РГНФ позволила ее автору детально исследовать фонды четырех федеральных (РГВИА, РГИА, РГАДА, ГАРФ) и трех региональных (ГАСК, ГАКК, ЦГА РСО-А) архивов, изучить письменные источники по теме, хранящиеся в отделах рукописей Российской государственной библиотеки и Российской

национальной библиотеки. В ходе создания монографии было использовано и достаточно большое число источников, еще не введенных в научный оборот. Особый интерес в этом отношении представляют официальные документы об инициированном военным ведомством в начале 30-х гг. XIX в. составлении истории горских народов и проект программы описания горских народов полковника В. Е. Галямина (считавшийся до настоящего времени утраченным); материалы об организации научно-исследовательской деятельности по проблемам военно-политической истории Кавказа капитана Д. Х. Бушена; рукописи по кавказской тематике полковника Д. А. Милютин.

Не менее интересные источники по теме были обнаружены автором в региональных архивах Северного Кавказа. Среди них следует отметить рукопись штабс-капитана Г. К. Калмберга, документы об обследовании военных архивов Северного Кавказа по заданию начальника Военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа И. С. Чернявского и многие другие.

Кроме того, в книге использован внушительный пласт опубликованных источников, включающий публикации официальных документов (в том числе приказы по Кавказской армии и Кавказскому военному округу), материалы периодических изданий (в первую очередь, газеты «Кавказ»), источники личного происхождения (дневники, мемуары, переписка). Значительное внимание в монографии уделено литературному наследию, оставленному «старыми кавказцами» – офицерами Отдельного Кавказского корпуса.

На наш взгляд, монография Т. А. Колосовской, изданная в рамках выполнения проекта РГНФ № 14-01-00251 и отражающая его основные результаты, обладает высоким научным потенциалом и вносит определенный вклад в отечественное кавказоведение. Следует пожелать ее автору продолжить разработку столь актуальной в настоящее время темы, теоретические и практические аспекты которой могут найти свое отражение в обобщающих трудах по истории Северного Кавказа.

Т. Е. Покотилова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агаджанян Артем Арайикович – аспирант кафедры словесности и педагогических технологий филологического образования Пятигорского государственного лингвистического университета / zagorakissu@mail.ru.

Амвросова Ольга Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета / ui@urinst.ru.

Апольский Евгений Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории и теории государства и права Ставропольского университета / apolski@mail.ru.

Ахметова Гульнара Мураткуловна – аспирант кафедры истории и теории государства и права Северо-Кавказского социального института, начальник штаба отдела МВД России по Туркменскому району, подполковник внутренней службы / aminaa2000@yandex.ru.

Багдасарян Артем Олегович – кандидат исторических наук, начальник отдела ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» МЧС России / minikorobka2000@mail.ru.

Беликов Александр Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / abelikov@rambler.ru.

Бехтерева Людмила Николаевна – доктор исторических наук, заведующая отделом Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук / behterevalN@yandex.ru.

Бублик Евгения Викторовна – аспирант кафедры отечественной и мировой литературы гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / Shpak-ev@rambler.ru.

Булыгина Тамара Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / bul.tamara2011@yandex.ru.

Гладкова Анастасия Сергеевна – аспирант кафедры отечественной и мировой литературы гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / shoki26@rambler.ru.

Головко Вячеслав Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / vmgolovko@mail.ru.

Джамирзе Бела Юнусовна – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин Майкопского государственного технологического университета / bella901@mail.ru.

Дмитриев Владимир Александрович – доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории отдела Кавказа и Средней Азии Российского этнографического музея, доцент кафедры этнографии Института истории (г. Санкт-Петербург) / Dmitriev_home@mail.ru.

Дударев Дмитрий Сергеевич – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета / dudarev324@gmail.com.

Дюльденко Александр Александрович – ассистент кафедры истории и права Ставропольского государственного педагогического института / duldenko89@mail.ru.

Дюмон Наталья Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / Djumon18@mail.ru.

Захарова Марина Анатольевна – начальник Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Ставропольскому краю / zacharovama@yandex.ru.

Касевич Екатерина Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета / ket19732007@rambler.ru.

Ким Игорь Константинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Волгоградского государственного социально-педагогического университета / kokes@mail.ru.

Клычников Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного лингвистического университета / klichnikov@mail.ru.

Колосовская Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / kolosowskay@yandex.ru.

Кондрашева Алла Станиславовна – доцент кафедры истории государства и права Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (филиал в г. Пятигорске) / ctgr@pbrea.ru.

Крючков Игорь Владимирович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / igory5@yandex.ru.

Ломтева Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / rgya-mk@yandex.ru.

Марулина Анна Хачатуровна – аспирант Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права / leshanya@list.ru.

Медвенский Николай Игоревич – младший научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа / nick_medvenski@mail.ru.

Невская Татьяна Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / istoriirossii@yandex.ru.

Пантюхина Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / pantyukhina@rambler.ru.

Пантюхова Полина Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / paulina981@yandex.ru.

Петрова Людмила Викторовна – старший преподаватель кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета / getra07@mail.ru.

Печалова Лариса Викторовна – кандидат исторических наук, преподаватель Ставропольского строительного техникума / 254896@mail.ru.

Покотилова Татьяна Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / t.pokotilova@gmail.com.

Польская Светлана Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / polskaya-sa@yandex.ru.

Пonomарев Евгений Георгиевич – доктор юридических наук, заведующий кафедрой истории и права Ставропольского государственного педагогического института / PonomarevE@yandex.ru.

Птицын Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / ptiandr@gmail.com.

Решетова Инна Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / inna-reshetova@rambler.ru.

Романова Нина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / history_d03@mail.ru.

Русанов Евгений Константинович – кандидат социологических наук, заместитель директора Центра международного развития Управления международного сотрудничества Северо-Кавказского федерального университета / rusanov.ek@yandex.ru.

Смирнов Дмитрий Анатольевич – доктор юридических наук, директор Юридического института Северо-Кавказского федерального университета / dmi197526@yandex.ru

Станкевич Галина Викторовна – доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса Пятигорского государственного лингвистического университета (г. Пятигорск) / stankevichg@rambler.ru.

Судацов Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / istoriirossii@yandex.ru.

Танцеева Анастасия Владимировна – аспирант Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ / Kolesnikova_av@list.ru.

Тельменко Елена Павловна – кандидат исторических наук, доцент зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / teilman@mail.ru.

Ткаченко Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / tksmg@rambler.ru.

Хошафян Елена Александровна – старший преподаватель кафедры теории организации и управления персоналом Ростовского государственного университета путей сообщения / ehoshaphyan@gmail.com.

Шевцова Оксана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры речевой коммуникации и издательского дела институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета / oksana_shevtsova@bk.ru.

Яковлева Евгения Викторовна – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / evgeniyaviktorovnast@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Agajanyan A. – Post Graduate student of department of literature and pedagogical technologies of philological education of Pyatigorsk State Linguistic University / zagorakissu@mail.ru.

Amvrosova O. – PhD in Legal Sciences, Associate Professor of Chair of Administrative and Financial Law of North Caucasus Federal University / ui@urinst.ru.

Apolski E. – PhD in Legal Sciences, Associate Professor of History and Theory of State and Law of Stavropol University / apolski@mail.ru.

Akhmetova G. – Graduate student of Department of History and Theory of State and Law of North Caucasus Social Institute / aminaa2000@yandex.ru.

Bagdasaryan A. – PhD in Historical Sciences, Head of Federal Treasury Institution «National Center for Crisis Situations» Russian Emergency Situations Ministry / minikorobka2000@mail.ru.

Belikov A. – Dr. of Historical Sciences, Professor of Chair of Foreign History, Political Science and Foreign Affairs of North Caucasus Federal University / abelikov@rambler.ru.

Behtereva L. – Dr. of Historical Sciences, Head of Department of Historical Researches of Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural branch of Russian Academy of Sciences / behterevaLN@yandex.ru.

Bublik E. – Post Graduate of Chair of National and World Literature of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University / Shpak-ev@rambler.ru.

Bulygina T. – Dr. of Historical sciences, Professor of Chair of Russian History of North Caucasus Federal University / bul.tamara2011@yandex.ru.

Gladkova A. – Post Graduate of Chair of National and World Literature of North Caucasus Federal University / shoki26@rambler.ru.

Golovko V. – Dr. of Philology Sciences, Professor of Chair of National and World Literature of North Caucasus Federal University / vmgolovko@mail.ru.

Dzhamirze B. – Senior Lecturer of Chair of Civil Law And Criminal Law of Maikop State Technological University / bella901@mail.ru.

Dmitriev V. – Dr. of Historical Sciences, Chief Researcher of Department of the Caucasus and Central Asia (the Russian Ethnographic Museum), Associate Professor of Chair of Ethnography, Institute of History of St. Petersburg State University / Dmitriev_home@mail.ru.

Dudarev D. – Post Graduate of Chair of General and Russian History of Armavir State Pedagogical University / dudarev324@gmail.com

Diuldenko A. – Assistant of Chair of History and Law Department of Stavropol State Pedagogical Institute / duldenko89@mail.ru.

Djumon N. – PhD in Psychological Sciences, Associate Professor of Chair of Romano-Germanic Linguistics and Cross-cultural Communication of North-Caucasus Federal University / Djumon18@mail.ru.

Zakharova M. – Head of the Main Directorate of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Stavropol Territory / zaxarovama@yandex.ru.

Kasevich E. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Administrative and Financial Law of North Caucasus Federal University / ket19732007@rambler.ru.

Kim I. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of General History of Volgograd State Pedagogical University (Volgograd) / kokes@mail.ru.

Klychnikov Y. – Dr. of Historical Sciences, Professor of Chair of Historical, SocioPhilosophical Disciplines, Oriental Studies And Theology of Pyatigorsk State Linguistic University / klichnikov@mail.ru.

Kolosovskaya T. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Russian History of North Caucasus Federal University / kolosowskay@yandex.ru.

Kondrashova A. – Associate Professor of Chair of History of State and Law of Russian Economic University. GV Plekhanov (branch in Pyatigorsk) / ctgr@pbrea.ru.

Kryuchkov I. – Dr. of Historical Sciences, Head of Chair of Foreign History, Political Science and International Relations of North Caucasus Federal University / igory5@yandex.ru.

Lomteva T. – Dr. of Pedagogical Sciences, Head of Chair Romano-Germanic Linguistics and Cross-cultural Communication of North-Caucasus Federal University / rgya-mk@yandex.ru.

Marulina A. – Post Graduate Student of the Tyumen State Academy of Economy, Management and Law / leshanya@list.ru.

Medvenskiy N. – Junior Researcher of D.I. Gulia Abkhaz Institute of Humanitarian Studies / nick_medvenski@mail.ru.

Nevskaya T. – Dr. of Historical sciences, Professor of Chair of Russian History of North Caucasus Federal University / istorirossii@yandex.ru.

Pantyukhina T. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Foreign History, Political Science and International Relations of North Caucasus Federal University / pantyukhina@rambler.ru.

Pantukhova P. – PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor of Chair of Romano-Germanic Linguistics and Cross-cultural Communication of North-Caucasus Federal University / paulina981@yandex.ru.

Petrova L. – Senior Lecturer of Chair of Administrative and Financial Law of North Caucasus Federal University / getra07@mail.ru.

Pechalova L. – PhD in Historical Sciences, teacher Stavropol Construction College / 254896@mail.ru.

Pokotilova T. – Dr. of Historical sciences, Professor of Chair of Russian History of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University / t.pokotilova@gmail.com

Polskaya S. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Foreign History, Political Science and International Relations of North Caucasus Federal University / polskaya-sa@yandex.ru.

Ponomarev E. – Dr. of Legal sciences, of Chair of History and Law Department of Stavropol State Pedagogical Institute / PonomarevE@yandex.ru.

Plitsin A. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Foreign History, Political Science and International Relations of North Caucasus Federal University / ptiandr@gmail.com

Reshetova I. – PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor of Chair of Romano-Germanic Linguistics and Cross-cultural Communication of North-Caucasus Federal University / inna-reshetova@rambler.ru.

Romanova N. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Russian History of North Caucasus Federal University / history_d03@mail.ru.

Rusanov E. – PhD in Sociological Sciences Deputy director of the International Development Centre in International Cooperation Department of North-Caucasus Federal University / ru.sanov.ek@yandex.ru.

Smirnov D. – Dr. of Legal Science, Director of the Law Institute of North Caucasus Federal University / dmi197526@yandex.ru.

Stankevich G. – Dr. of Political Sciences, PhD in Jurisprudence, Professor of Chair of Civil Law and Civil Procedure of Pyatigorsk State Linguistic University / stankevichg@rambler.ru.

Sudavtsov N. – Dr. of Historical sciences, Professor of Chair of Russian History of North Caucasus Federal University / istorirossii@yandex.ru.

Tancevova A. – Post Graduate of Russian presidential Academy of national economy and state service under the RF President / Kolesnikova_av@list.ru.

Telmenko E. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Foreign History, Political Science and International Relations of North Caucasus Federal University / teilman@mail.ru.

Tkachenko D. – Dr. of Historical sciences, Professor of Chair of Russian History of North Caucasus Federal University / tksmsg@rambler.ru.

Hoshafyan E. – Senior Lecturer of Chair the theory of organization and human resources management of Rostov State University of Railway Engineering / ehoshafyan@gmail.com

Shevtsova O. – PhD in Philological Sciences, Associate Professor of Chair of Speech Communication and Publishing Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication of South Federal University / oksana_shevtsova@bk.ru.

Yakovleva E. – Senior Lecturer of Chair of the theory and practice of translation of North Caucasus Federal University / evgeniyaviktorovnst@yandex.ru.

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2016. № 1

Редактор, технический редактор Л. Г. Ерищян
Компьютерная верстка Н. П. Чивиджева
Дизайн обложки С. Ю. Томицкая

Подписано к печати 13.04.2016

Формат 60x84 1/8

Усл. п. л. 13,31

Уч.-изд. л. 12,76

Бумага офсетная

Заказ 52

Тираж 100 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2.